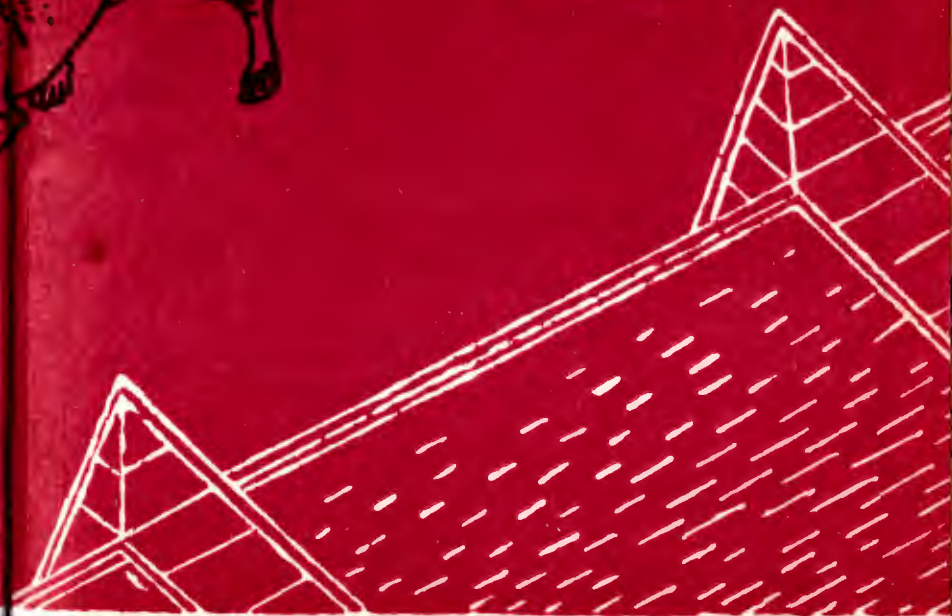

ЯПОНСКИЕ
НАРОДНЫЕ
СВЯЗКИ

ЯПОНСКИЕ
НАРОДНЫЕ
СВЯЗКИ

**Японские
народные
сказки**

**ЯПОНСКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ**

ББК 82.33(52)
Я70

Составление и перевод с японского

В. Н. МАРКОВОЙ

Предисловие и примечания

В. Н. МАРКОВОЙ и А. Р. САДОВОЙ

Художник-оформитель

С. С. ВЕРХОВСКИЙ

Я $\frac{4703000000-001}{013(02)-91}$ Без объявления

ББК 82.33(52)

ISBN 5-02-016794-0

- © В. Н. Маркова, составление, перевод, 1991
- © В. Н. Маркова, А. Р. Садова, предисловие, примечания, 1991
- © С. С. Верховский, художественное оформление, 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тихо падает снег. Большие белые хлопья неслышно опускаются на землю. Вот уже не виден горбатый мостик через горную речку, под тяжестью снега склонились ветви старой сосны. Кажется, мир замер. Он объят тишиной и холодом... Но нет. В жаровне весело мигают угольки, и можно еще ближе придвинуться к очагу, ощутить тепло жаркого новогоднего огня и, затаив дыхание, слушать и слушать сказки... Голос сказителя все дальше, он призывно зовет за собой. И вот вы уже там, где на горной тропинке караулит путника проказник-барсук, где в пучине вод ждет прекрасного юношу дочь Морского царя, там, где глупец Сабуро наказан за свою неповоротливость, а две несмышленные лягушки из Осака и Киото вновь и вновь отправляются в дальний путь...

Смешные и грустные, лукавые и назидательные, японские сказки—душа и совесть народа, источник его вдохновения и мерило его культурных достижений.

Издавна в Японии сказки передавались из уст в уста как бесценное наследие предков, как важнейшая сакральная реликвия. Ведь недаром сказки рассказывались в Японии и в кругу семьи, и при большом стечении народа в дни праздников, и при исполнении наиболее значимых ритуалов, связанных с магией плодородия.

Время вносило свои коррективы в старинные традиции. И японский фольклор переживал непрерывный процесс обновления и трансформации. В быт японской сказки прочно входили реалии нового времени, а исконные понятия нередко отходили на второй план. Можно сказать, что сказки, известные по современным записям, запечатлели быт и нравы Японии периода позднего феодализма, но сохранили при этом черты и более ранних эпох. В новейшее время естественно и прочно вторглись в обиход японской сказки приметы современности. И уже никого не удивляет то, что лисица морочит машиниста, обернувшись встречным поездом, а лукавый барсук болтает по телефону.

Географическое положение Японии как островного государства, ее история как страны, почти закрытой для внешнего мира на протяжении XVII—XIX вв., способствовали созданию

на Японских островах уникального культурного заповедника. Однако сегодня можно с сожалением говорить о том, что обрядовой культуре, песенному и повествовательному фольклору, исстари питавшим традиционную жизнь японцев, грозит опасность забвения. Засилье массовой культуры, урбанизация общества, быстрая смена школ и направлений в искусстве поставили не только Японию, но и многие другие страны мира перед необходимостью защиты и сохранения бесценного культурного достояния — народного искусства.

Фольклорное наследие японцев огромно. Особенно многочисленны разнообразные по форме и содержанию произведения повествовательного фольклора. Характерной чертой японских сказок и легенд является их различие и по исторически сложившейся форме бытования, и по степени современного восприятия; они как бы подразделяются на три большие группы. Наиболее живучи и устойчивы так называемые «великие сказки». Они известны всем. Без этих сказок немыслимо детство ни одного ребенка, на их морали воспитано не одно поколение японцев. Для этих сказок в японской фольклористике существует даже своеобразный термин — дарэ дэ мо ситтэ иру ханаси («сказки, которые знают все»). А такие из них, как «Момотаро», «Воробей Резанный Язычок», «Гора Катикати», «Дед Ханасака» (в данном сборнике под названием «Пепел, лети, лети!») и «Ури-химэ и Аманодзяку» по праву вошли в мировую сокровищницу сказок.

Замечательной особенностью бытования японских сказок можно считать то, что на протяжении веков в каждой области, городе, местечке или деревне формировалось свое собственное представление о сказке, о ее сюжете и персонажах. Сказки каждой префектуры Японии — это своеобразный фольклорный мир со своими законами и канонами. И потому сказки Осака, брызжущие задором и лукавством, никогда не спутать с утонченно-романтическими сказками Киото, а простодушные сказки южных островов Рюкю — с суровыми и строгими сказками северного острова Хоккайдо.

И наконец, среди японских сказок выделяется значительная группа локальных сказок, которые условно можно было бы назвать храмовыми, так как зачастую они известны лишь в небольшой деревне или храме. Их особенность заключается в том, что, несмотря на сохранение внешней сказочной формы (т.е. признание того, что действие происходит в некоем неизвестном месте с достаточно абстрактными героями), эти сказки глубоко привязаны к породившей их местности. Повествование о барсуке-оборотне обязательно ассоциируется у слушателя с тем барсуком, который, как считают, обитает в храмовой роще, а старик со старухой — те самые, которые когда-то жили у подножия близлежащей горы.

По такому же принципу подразделяются и остальные

жанры японского повествовательного фольклора: легенды, предания, былички и т.д.

Японские сказки разнообразны не только по форме бытования и восприятия, но и по жанрам. Современное жанровое деление сказок, принятое в японской фольклористике, носит черты древних дифференциаций повествовательных произведений. В его основе лежит содержательное осмысление текста. Сказки о глупцах, недотепах, хитрецах и обманщиках объединяются, как правило, в жанр варай-банаси («смешные сказки»). К жанру о-бакэ-банаси («рассказы об оборотнях») относятся все страшные сказки: о привидениях, таинственных исчезновениях, о ночных происшествиях на горной дороге или в заброшенном храме. Жанр фусаги-банаси («о том, что необычно») включает повествования о различных чудесах — добрых и не очень, но всегда поражающих своей оригинальностью и эмоциональной глубиной. Ряд сказок объединен и в жанр тиэ-но ару ханаси («о том, что умно»). Это своего рода дидактические сказки-притчи, нередко с прозрачно выраженной моралью. По своему содержанию они очень близки сказкам, относящимся к жанру добуцу-но ханаси («рассказы о животных»). В дидактических японских сказках наиболее часто многочисленные перипетии происходят именно с животными. Таким образом, в японском фольклоре и сказки о животных, и дидактические сказки наиболее ярко выражают общечеловеческую мораль: не будь жадным, не будь завистливым, не будь злым.

Можно выделить популярные тонари-но дзисан-но ханаси («рассказы о соседях»). Разнообразные по сюжету и социальной направленности, сказки о соседях представляют собой комплекс бытовых повествований, порой перерастающих в народные новеллы.

Популярны в Японии и всевозможные сказки-шутки, известные под названием кэйсики-банаси (досл. «сказки только по виду»), например так называемые нагай ханаси («длинные рассказы»), в которых монотонно могут пересчитываться падающие с дерева каштаны или прыгающие в воду лягушки до тех пор, пока слушатель не закричит: «Довольно!» К сказкам-шуткам относятся и мидзикай ханаси («короткие рассказы»), по сути — документные сказки, которыми подчас охлаждали пыл надоедливых слушателей, бесконечно требующих новых и новых историй. В префектуре Нагасаки, к примеру, бытовала такая форма самозащиты сказителя: «В старину это было. А-аи. На озере плавало множество уток. Тут пришел охотник. А-аи. Прицелился он из ружья. А-аи. Рассказывать дальше или не рассказывать?» — «Расскажи!» — «Пон! Выстрелил, все утки улетели. Сказке конец».

В японской фольклористической традиции все перечисленные разновидности сказок объединяются единым термином — «мукаси-банаси», что дословно означает «рассказы старины».

Судя по всему, определение сказок как мукаси-банаси — явление истинно народное и достаточно древнее в отличие от других терминов, обозначающих жанры японского фольклора, так как он сохранил исконно японское фонетическое звучание (в отличие, к примеру, от термина «легенда» — «дэнсэцу», происхождение которого связано с китайским термином «чуаньшо», имеющим аналогичное значение).

Широко распространен также термин «минва» («народные повествования»). Это необыкновенно емкое и глубокое понятие. Под минва сегодня понимаются абсолютно все жанры японского повествовательного фольклора. Универсальность термина подчеркивается и тем, что, например, при составлении фольклорных сборников исследователи включают в него самые разные жанры повествовательного фольклора, вынося на титул лишь слово «минва». Нередко минва означает и сказки, и былички, и даже легенды как самостоятельные жанры. Учитывая многофункциональность термина, правомерно, однако, понимать слово «минва» как обобщение, включающее такие понятия, как сказки, легенды, предания и т. д.

Широкое распространение в японской традиции получил термин «дэнсэцу» — легенда, а также понятие «мукаси моногатари», понимаемое как «сказания старины». К дэнсэцу относят чаще всего исторические и топонимические легенды, преимущественно общепонской или префектуральной степени бытования. Термин мукаси моногатари можно переводить и как предание. Однако надо помнить, что на практике он нередко используется для обозначения совокупности легенд и преданий.

В японской фольклористике нет специального термина для такого жанра, как былички. Однако они в большом количестве представлены в японской народной повествовательной традиции. В этом читатель сможет убедиться при знакомстве с предлагаемым сборником. Известно, что чаще всего быличками называют народные произведения об оборотнях и привидениях, домовых, леших и всякого рода неведомых превращениях. Рассказы об оборотнях — это основа японского повествовательного фольклора. Однако в японской традиции не было принято отделять их от мукаси-банаси или минва вообще. И потому былички всегда воспринимались как сказки.

В предлагаемом издании читатель сможет познакомиться со всеми жанрами японского повествовательного фольклора. При этом наибольшее внимание уделялось составителем сказкам мукасибанаси и легендам дэнсэцу не только потому, что это самые широко распространенные жанры, но и потому, что именно сказки и легенды представляют собой пример единства вымысла и реальности, духовного и эстетического начала, энциклопедию народного мировоззрения и устоявшийся веками нравственный канон.

Несмотря на генетическую близость сказок и легенд, оба жанра в Японии исконно развивались самостоятельно, и потому различия между японской сказкой и легендой ощущались с первых же слов повествования. Так, сказка имела традиционный зачин, без которого не обходилось ни одно повествование: «В старину» («мукаси») или «Давным-давно» («мукаси-о-мукаси»). Далее обязательно повествовалось о месте происходящего. Однако и форма указания места в японской сказке была строго канонизирована. В большинстве случаев это было неопределенное «в одном месте» («ару токоро ни...») или чуть более обстоятельное «в некоей деревне...» («ару мура ни...»). После традиционного зачина нередко следовало короткое пояснение, содержащее необходимые сведения о месте происходящего: говорилось о том, что эта «некая деревня» находится у подножия горы или на берегу моря. Такая на первый взгляд незначительная поясняющая деталь оказывалась очень важной, так как именно она сразу настраивала слушателя на определенный сказочный лад: если действие происходит на берегу моря, то приключения героев будут обязательно связаны с морскими духами, подводными царствами, добрыми или коварными обитателями морской стихии; если же деревня где-то в горах, то речь наверняка пойдет о происшествии на рисовом поле, на горной тропинке или в бамбуковой роще. Таким образом поясняющая деталь с дивным пор четко ориентировала слушателя на восприятие «горно-равнинной», а значит, «земледельческой» или «морской», т. е. «рыболовной», сказки. Такой подход к сказочным повествованиям был обусловлен исторически сложившимися в Японии типами хозяйствования, основу которых составляли земледелие (суходольное и заливное) и рыболовство.

Японские легенды в отличие от сказок никогда не имели канонизированного зачина. Им, за небольшим исключением, вообще не было свойственно вступление в сюжет. Японская легенда начиналась непосредственно с повествования, в первые строки которого были мастерски вплетены сведения о месте происходящего. Сведения эти были детальны и реалистичны, что полностью исключало мысль о неправдоподобности повествования.

Большое место в японском фольклоре отводилось историческим легендам. В них жила память народа, они повествовали о подлинных событиях, преображая их по законам поэтической фольклорной правды. Призраки убитых в страшных междоусобицах XII в. призывали сказителя петь о беспощадной битве, и тогда в легенде звучал отголосок древних эпических сказаний («Певец с оторванными ушами»).

Разнообразными по форме и содержанию были топонимические легенды. Именно в них в наибольшей степени проявилась способность японских народных повествований локализовать

ваться, строго закрепляться за определенным топонимическим или — шире — ономастическим понятием. Преобладание топонимических легенд над всеми другими разновидностями этого жанра является, пожалуй, одной из наиболее существенных особенностей японского повествовательного фольклора. Легендами о происхождении храмов, деревьев, парков и мостов и их названий изобилует устное творчество каждой префектуры Японии. Это и легенды с отголоском исторических событий, и фантастические происшествия, и повествования, полные драматизма и лиричности («Шепчущий мост»).

Однако надо учитывать и то, что границы между разновидностями легенд подвижны, и потому в фольклоре всегда существует большое количество переходных форм. Разновидности легенд синтезируются и нередко образуют сложные фольклорные комплексы. Так, например, во многих районах Японии бытует легенда о том, как призрак матери кормил своего посмертно рожденного ребенка сладостями на деньги, положенные по обычаю, в могилу («Чудо материнской любви»). Причем в каждой префектуре легенда была привязана к определенному месту, назывались город и кладбище в каждом случае другие. Легенда рассказывалась как уникальный случай, происшедший в строго определенном месте. Так, по сути, локальная легенда (в некоторых вариантах близкая к топонимической) оказалась наделенной фантастическим мотивом. И наличие этого мотива заставляло слушателя по-другому оценивать достоверность повествования. В японских легендах с фантастическим мотивом достоверность изначально оказывалась мнимой. Однако законы фольклорной этики требовали признания слушателем достоверности происходящего, и он был увлечен игрой вымысла. В основе восприятия повествования лежало стремление слушателя внимать и верить, подчиняясь негласному закону фольклорной игры. Сказитель из префектуры Кагосима говорил, начиная повествование: «Я расскажу вам о делах старины. Было это или не было — не знаю, но слушать надо так, будто это и вправду было».

Японская сказка и легенда различались и по своей концовке. У сказки, как правило, был счастливый конец: добро побеждает зло, добродетель вознаграждена, жадность и глупость беспощадно наказаны. Легенда тоже вершила справедливый суд, она была проникнута сочувствием к своему герою, но гибель его нередко лежала уже в самой основе сюжета.

Легендарные и сказочные мотивы в японском фольклоре были тесно переплетены между собой. Так, например, в японском повествовательном фольклоре нашел отражение известный как в Японии, так и в других странах древний обычай человеческого жертвоприношения. В своем исконном виде он лежит в основе легенды «Если бы не крикнул фазан». А вот в сказке «Лягушачья шапка» этот древний обычай переосмыслен.

Отец ненароком посулил свою дочь змею—Хозяину озера, чтобы тот оросил поле во время засухи, и вынужден отправить ее к страшному жениху—древний обычай, столь явный в легенде, в сказке узнать нелегко.

Генезис японских сказок и легенд был сложен. Некоторые устные предания кочевали по всем странам дальневосточного историко-культурного региона. Потому в японской традиции так часто можно встретить мотивы и сюжеты китайских и корейских повествований. В разное время и в разных формах проникали на Японские острова сказки и легенды Индокитая, Индии, южных островов Малайского архипелага. Прослеживаются в японском фольклоре и черты древней античной мифологии. Однако важно то, что, попадая на японскую почву, эти мотивы и сюжеты быстро приобретали чисто японскую специфику, обрастали исконно японскими реалиями и становились шедеврами поистине японского искусства. И такие прочные усвоения элементов иноземных культур и традиций были свойственны Японии на протяжении всей ее истории.

Обогащение японского фольклорного материала происходило и за счет взаимного влияния японской традиции и устного творчества других народов Японии. Речь идет о сказаниях народа айну, ныне живущего на северном острове Хоккайдо, и о фольклоре рюкюсцев—исконных жителей южной части страны—архипелага Рюкю.

Так, известный исследователь и собиратель айнского и рюкюского фольклора Н. А. Невский писал о цикле айнских сказок, известных под названием «Рассказы о Пенамбе («Некто с верховьев реки») и Панамбе («Некто с нижнего течения»)). «Это сказки типа русских «о правде и кривде»,—писал Н. А. Невский.—В них добрый и честный Панамбе всегда вознаграждается за свои хорошие качества, а злой и завистливый Пенамбе, старающийся делать то же, что и его сосед, только в корыстных целях, получает возмездие за свое зло»¹.

Совершенно очевидно, что в основе этой айнской сказки лежит главная заповедь, присущая сказочному фольклору многих народов мира: добрый и честный по законам сказочного бытия всегда оказывается счастливее злого и жестокого. Среди японских сказок можно найти такие (например, «Пепел, лети, лети!»), в которых эту айнскую сказку будут напоминать и мысль: делай добро, и тебе отплатят добром,—и сама структура сказки, и последовательность происшествий, и сказочные атрибуты и даже имена главных героев. Вместе с тем, хотя японская сказка оказывается теснейшим образом связана с древним айнским сказанием, колорит в ней чисто японский. Именно так воспринимается чудо сказки—буйное цветение деревьев в зимнюю пору!

¹ Невский Н. А. Айнский фольклор. М., 1972, с. 18.

Однако, каково бы ни было происхождение отдельных сюжетов и мотивов, сказки каждого народа — это единственный и неповторимый мир, в котором уживается рядом и то, что свойственно сказкам всех народов, и то национально-специфическое, что отличает их от всех других. Японский фольклор не исключение. Как и всему народному искусству Японии, сказке присущи причудливая игра воображения и острота эмоций, теплота сердечного чувства и тонкая нюансировка душевных состояний.

Японская сказка глубоко поэтична. Не только потому, что стихи нередко умело вплетаются в ткань повествования, но и потому, что и поэзия и сказка всегда почитались в Японии как орудие добра и справедливости, способное укрощать сердца людей и ярость стихий. Ведь недаром, как гласит легенда, поэт Соги (XV в.) усмирил свирепого разбойника силой своего искусства («Разбойник — любитель поэзии»).

Те герои сказок, которые наделены великим даром стихотворца, всегда вызывают уважение, любовь и сострадание. Тот, кто творит, не может быть источником зла — таков поэтический закон японской сказки. И потому невеста, умеющая к месту сложить красивое стихотворение, берет верх над своими завистливыми соперницами. Барсук украдкой таскает из чужого дома свитки со стихами и самозабвенно декламирует их на поляне, освещенной лунным блеском («Барсук — любитель стихов»). А разбойник по кличке Красный Осьминог всходит на эшафот, отдавая людям свой последний дар — простой и величавый — поэзию («Предсмертное стихотворение Красного Осьминога»).

Японская сказка реализует метафору: искусство живет. Статуя богини становится женой бедняка. Черный ворон, гордо взмахнув крыльями, навсегда покидает кусок холста. И в этом тоже заключена глубина поэтичности сказочного фольклора.

Всеобъемлющая лиричность японских сказок достигается еще и благодаря тому подчас неуловимому музыкальному ритму, который так свойствен японскому фольклору. Часто вплетаются в повествования широко распространенные в японском языке ономаопоэтические наречия, имитирующие раскаты грома и шуриание осенней листвы, шум весеннего дождя и потрескивание стебельков бамбука в новогоднем огне, а также многочисленные звукоподражания — отрывистый собачий лай, ворчание старого краба или уютное мурлыканье кошки. Каждая сказка имеет свой мелодический рисунок. В ней как бы звучит то трудовая песня, то плясовой наигрыш, то тихая, грустная мелодия.

«Что же из всего живого на земле не поет своей собственной песни?!» — восклицал великий поэт Японии Ки-но Цураюки (IX в.). В японской сказке поет все. Поют даже барсуки,

опьяненные лунным светом и «осознанием» красоты жизни («Барсуки-музыканты»). В японской сказке поет природа — вечный источник мудрости и вдохновения.

Чувство единства с природой, свойственное японцам и нашедшее свое отражение в разных формах и направлениях японского искусства, стало основой и всего повествовательного фольклора. Звери и птицы, цветы и деревья — все в японской сказке надделено душой, все живет. И, наверное, поэтому в ранг сказочного канона возводит фольклор буддийское учение о нравственном запрете убивать. В повествованиях звучит жалость к зверю и птице и сознание того, что они имеют равное право с человеком на жизнь и счастье («Жалобы уточки»). Японская сказка проверяет человека на доброту, в качестве основного критерия ставя его чуткое отношение к природе.

Замечательной чертой японских сказок можно считать также и то, что значительная их часть непосредственно связана с различными праздниками и обрядами, приуроченными к определенным временам года. И сегодня праздников в Японии великое множество. Большая их часть восходит к древним магическим ритуалам, связанным с хозяйственной деятельностью японского крестьянства.

В сказочные сюжеты вплетались и целые описания праздника, и упоминание его реалий. Календарные атрибуты выполняли в сказках ту же функцию, что и в обряде, — были носителями символики счастья и благополучия, предвестниками света и добра. Ведь недаром в одной из сказок («Портрет красавицы») именно новогоднее украшение — «кадомацу» — спасает крестьянина и его жену от козней жестокого князя.

Если собрать воедино все японские сказки, то взору откроется чудесная картина праздников года — каждый из них по-своему нашел отражение в японском повествовательном фольклоре. Пусть иногда лишь намеком, деталью, но всегда ярко и колоритно. Будет здесь и описание новогодней игры в мяч, и любование распускившимися цветами сакуры; в синем небе поплывут пестрые матерчатые карпы; под звуки долго звенящей над рисовым полем песни заколышутся зеленые ростки; снова в седьмой день седьмого месяца соединятся две звезды — Ткачиха и Пастух, вечно влюбленные и вечно тоскующие на разных берегах Небесной реки (Млечного Пути); и опять взойдет над землей большая осенняя луна и горы вспыхнут алым заревом кленовой листвы...

На протяжении истории в японской культуре сформировалось целое направление — календарная поэзия. Блестящие образцы ее находим мы и в народной традиции, и в литературной. Веками воспевалась в Японии красота родной природы, ее новизна в любое время года. Сказки по праву стали одним из важных элементов этой календарной культуры. Некоторые из

них можно назвать даже календарной песней в прозе — настолько ярко и необычно отразился в них дух японского календарного обряда.

Японская сказка любит остроумную игру слов, загадки как пробу ума, смешную игру созвучий, к месту приведенную поговорку. Сказка изобретательна по части шарад: решил попросить крестьянин Дзинсиро у волшебной колотушки кладовые, полные риса (комэ-кура), да запнулся, вот и посыпались из мешка слепые карлики (ко-мэкура) («Волшебная колотушка»).

Сказка в Японии — это своего рода синкретика разных жанров фольклора, вместилище души всего устного творчества японцев.

В древние времена сказка вычленилась из сложного мифологического наследия, и потому до сих пор она так тесно связана с мифом. Грандиозные мифологические образы, хтонические божества и древние мистерии трансформировались, подчиняясь законам сказочной поэтики.

В древних мифах повествуется о войне богов. Борьбой титанов предстает в мифе извечное сражение горных духов. Стоят на двух соседних горах храмы. Каждый год в один и тот же день из храма, построенного на вулкане Никкосан, мечут стрелы в сторону горы Акагияма. В тот же день в храме Акагияма совершают магический ритуал и обезвреживают вражеские стрелы.

Мифическая борьба богов в сказке переосмысливается, и тогда в противоборство вступают статуи одного и того же божества. В сказке «Деревянный будда и золотой будда» статуя из дерева, принадлежавшая бедному слуге, победила золотого истукана, который был собственностью скаредного господина. Конечная трансформация мифа наполнялась социальным пафосом — война богов стала враждой между бедным и богатым.

Как и миф, сказка всегда пыталась объяснить мир. Откуда впервые появился снег? Почему у медузы нет костей? Почему сова не летает днем? — извечные вопросы японской сказки. Сказок с этиологическим мотивом в Японии довольно много. Часть из них, безусловно, носит орнаментальный характер — ведь недаром объяснения так часто бывают неожиданными и забавными. Однако и за этой орнаментальностью угадывалось стремление людей познать мир, вникнуть в законы земного бытия и найти свое место в круговороте жизни.

Герои японских сказок ищут ответы на вечные вопросы, пытаясь открыть мир вокруг себя. Странники переходят одну за другой множество гор, удивляясь их количеству. Дождевые черви в рюкюской сказке горько плачут, решив, что во всей вселенной они одни на своем маленьком островке. А в широко известном анекдоте маленький мальчик, взобравшись на верши-

ну соседней горы, с изумлением восклицает: «Еще горы?! Как велика Япония!»

Сказочным законам подчинилась и вся система изображения пантеона японских богов. Центральные божества японских мифов, как правило, в сказках не появляются. В основе сказок лежит синтоизм в своей народной форме — признание существования множества богов «ками», имеющих локальное значение. В сказках упоминаются божества деревьев и гор, островов и рисовых полей (хотя поименно названы немногие) — именно они по законам религии синто наиболее значимы для жителей данной деревни или местечка. В японских сказках наблюдается определенная «опрошенность» синтоистского пантеона: вместо богини Солнца — Аматаэрасу, главного божества японской мифологии, в сказке появляется некое божество солнца (отэнтю-сама), простое и доступное настолько, что, не стесняясь своего статуса, может ссориться с жаворонком.

На протяжении многих веков для Японии был характерен синкретизм верований. В VI в. при поддержке верховной власти в стране начал распространяться буддизм, заимствованный из древнекорейского государства Пэкче (яп. Кудара), вскоре разветвившийся на разные секты. Пришли из Китая конфуцианство и даосизм. Как и в китайской традиции, даосизм проник в японский фольклор в виде сказаний о даосах — отшельниках, владеющих эликсиром бессмертия и обладающих даром летать по небу. Как гласит китайская легенда, заимствованная японцами, дровосек, заглядевшийся на игру бессмертных даосов в шахматы, выпал из времени и очнулся лишь тогда, когда истлела рукоять его топора.

Общеизвестно, что влияние буддизма на японскую культуру было огромно. Благодаря буддизму сформировался и новый пантеон богов в японской сказке. Правда, надо отметить, что многие из них в скором времени приобрели черты и функции японских синтоистских божеств. Буддийские божества в сказках существовали в двух ипостасях. Это были широко известные божества, которым поклонялись повсеместно, и вместе с тем некоторые из них продолжали бытовать на локальном уровне, постепенно становясь в восприятии японцев чисто местными божествами. Так было, например, с богом Дзидзо (санскр. Кситигарбха). Известный в Китае как бодхисаттва, избавляющий от страданий и опасностей, в Японии Дзидзо приобрел особую популярность как покровитель детей и путников.

По поверьям, Дзидзо творит много добрых дел: спасает от пожара (Хикэси Дзидзо), помогает в полевых работах (Тауэ Дзидзо), гарантирует долголетие (Эммэй Дзидзо). Герои сказки придумывают для своего «местного» Дзидзо различные прозвища, отражая в них народные черты своего покровителя, — так родилось прозвище «Дзидзо с грязными ногами», вызывающее в

памяти образы крестьян, работающих на залитом водой рисовом поле.

Сказочная трансформация произошла и с некогда грозными хтоническими божествами — постепенно они просто превратились в «нечисть». Здесь народная фантазия была изобретательна: в японской сказке стали появляться оборотни и ведьмы, черти и демоны. Были среди них и страшные и смешные, но всегда глуповатые и потому неизменно попадающие впросак.

«Нечисть» японских сказок была строго дифференцирована по среде обитания и властвования: часть ее относилась к горной, лесной «нечисти», а другая — к водной стихии.

Самый распространенный демон лесов и гор — тэнгу. По поверьям, он обитает в глухих чащах и живет на самых высоких деревьях. С давних пор относят тэнгу ко всякого рода «ёкай» — привидениям и призракам. И вид у него для этого подходящий: не человек он, не птица, да и не зверь — лицо красное, нос длинный, на спине крылья. Как гласит легенда, тэнгу может, если захочет, насрать на человека безумие, сила его страшна, и, если нет у путника смекалки и ума, обязательно обморочит его горный тэнгу. Но, пожалуй, самым замечательным богатством демона является волшебный веер. Красочный, новый или выцветший от времени, волшебный веер тэнгу в японских сказках поистине творит чудеса. Ведь он обладает особой силой: шлепнешь по носу правой стороной веера — станет нос расти, пока не достигнет облаков; шлепнешь левой — вновь нос маленьким сделается.

Интересно то, что с течением времени волшебный веер тэнгу стал в японском фольклоре своеобразным критерием нравственности сказочных героев: добрые с помощью веера обязательно становятся счастливыми, злые будут им наказаны. Бедный крестьянин случайно, от страха выигравший это сокровище лесного тэнгу в кости, женится на княжеской дочери. А бездельника барсука веер проучил: утащили его за длинный выросший нос небесные божества в заоблачную высь. И что с тем барсуком стало — неизвестно.

Живет в сказочной горной чаще и лесная колдунья — ямамба (ямауба). Сохранила народная молва о ней двойное представление. В более древних произведениях ямамба еще не имела уродливого облика, а была щедрой и доброй лесной владычицей. На острове Хатидзёсима рассказывали, что являлась ямамба в виде юной девы, красивой и нарядной. Веселила она людей, пела, шутила, а потом нагружала корзины грибами и ягодами. В дождливую погоду приходила ямамба в деревню. Тихо, неслышно проникала в дом, садилась у изголовья спящего и ласково дула ему в лицо: фу-у, фу-у! Проснется тот, протянет к ней руки, а она захохочет да скроется в темноте, будто и не приходила вовсе.

Хорошо жилось людям с ямамбой. Да вот стали они чаще просить у нее лесные дары, все настойчивее, все требовательнее. Рассердилась ямамба и перестала людям помогать. И узнали тогда люди другую ямамбу—страшную и жестокую, хитрую и коварную.

Особое место занимали в японском фольклоре оборотни. Способностью перевоплощаться обладали в сказках птицы, звери и разные предметы—кошелки и чайники, ношенная обувь и метлы. Но самыми непревзойденными мастерами превращений издревле считались лисы (кицунэ) и барсуки (тануки). Важно отметить, что образ лисицы-оборотня был широко распространен в фольклоре всех стран Восточной Азии. Барсук же в сказках и легендах других дальневосточных стран практически не встречался и может рассматриваться как японское специфическое фольклорное явление.

Проделки лисы и барсука были зачастую лукавы и безобидны, но подчас за внешне милым зверьком скрывался настоящий коварный демон. Лисица чаще всего принимала облик юной девушки и являлась на горной тропинке перед запоздалым путником. Горе тому, кто не распознает сразу проделок хитрой лисы.

Барсук превращался во всякую домашнюю утварь, например в котелок для кипячения воды. Такой барсук был своего рода домовым, иногда капризным, и тогда от него в доме житья не было, а иногда хозяйственным и бережливым. Случалось, что превращались барсуки в букеты хризантем и в маленьких девочек, а один, говорят, обернулся даже настоятелем синтоистского храма.

Немало в японском повествовательном фольклоре сказок и о том, как лисы и барсуки помогали людям, о том, что, женившись на лисице, можно обрести счастье, а подружившись с барсуком—стать богатым.

К «нечисти» водных стихий относился прежде всего Хозяин омутов, мутных и непроточных вод—Нуси, или о-Нуси-сама. Считалось, что о-Нуси-сама может принимать вид многоглавой змеи или большого паука, а нередко представлять перед людьми в человеческом облике. О-Нуси-сама был жесток и кровожаден. Нередко требовал он, чтобы посылали ему на съедение самую красивую девушку деревни. Не одна японская сказка строится на такой коллизии.

У рыбаков и мореходов были свои поверья. Каждый корабль имел своего духа-хранителя, именуемого в большинстве случаев «фунадама» («сокровище корабля»), «фунэ-но ками» («божество корабля») или «фунэ-но тамасий» («душа корабля»). Именно фунадама, согласно японским поверьям, оберегал от штормов и тайфунов, помогал терпящим кораблекрушение, направлял косяки рыбы к рыбацкой лодке. Но обитали в морской пучине и злые духи. Часто, как гласят легенды, можно вдруг увидеть на

морской глади чертика — «монашка». Подплывет тот да попросит черпачок воды набрать. Горе тому, кто внемлет просьбам «монашка». Начнет он воду черпачком в лодку лить, пока совсем ее не утопит.

Вбрав в себя отдельные элементы мифопоэтических систем, японская сказка сконструировала свой собственный волшебный мир. Архитектоника волшебного мира японского фольклора тесно связана и с представлениями о его строении соседних народов — китайцев и корейцев, но при этом имеет и ряд специфических особенностей.

Как и у многих других народов, фантастический, сказочный мир японцев имел три яруса: небо, подлунный мир и подземное царство. Небо, по представлениям японцев, многослойно. Ближе к земле — пушистые облака. По ним бродят черти-громовики. Именно в их ведении находятся громы и молнии, грозы и дожди. Время от времени громовики садятся на облака, начинают бить в барабан, и тогда на землю обрушивается ливень. Согласно японской мифологии, облик громовиков зооморфен. Из обитателей волшебного мира громовики теснее всех связаны с людьми. Не только потому, что обитают они на самом близком к земле ярусе, но и потому, что зачастую жизнь громовика зависит от человека. Все знают, что, упавши громовик с облака, не вернуться ему на небо без помощи людей.

Над облаками — небесная твердь, рассеченная Небесной рекой (Млечным Путем). Это обитель мифологических героев и сказочных богов. По обе стороны Небесной реки тоскуют разлученные возлюбленные — Ткачиха и Пастух-Волопас (Вега и Альтаир). Осенью эти две звезды, находящиеся по разные стороны Млечного Пути, сближаются в северной части небосклона, поэтому в древности в Китае была создана красивая легенда о несчастных супругах, видящихся лишь раз в году — в седьмой день седьмого месяца, которую позднее заимствовали соседние народы, в том числе и японцы. В многочисленных японских фольклорных вариантах этой легенды звездное небо представало в виде огромного пастбища, где пасется коровье стадо (звезды), или как роскошное узорчатое полотно, что соткано из лунного света и сияния звезд.

На этом же ярусе в лунном царстве обитают феи. Образы лунных дев японских сказок генетически были связаны с образом китайской богини луны, известной также как Лунная госпожа, или фея Лунного Блеска. Согласно восточноазиатским мифологическим представлениям, каждый месяц умирающая и вновь рождающаяся Луна была символом бессмертия. Потому и лунные феи японского повествовательного фольклора почитались как хранительницы секрета вечной жизни, неувядающей красоты и молодости.

В представлениях древних японцев, небесное царство было

очень похоже на земное. Там возводили храмы и мосты, выращивали рис, горевали и веселились, любили и ненавидели. Но жизнь текла там по законам сказочного времени, была полна тайны и скрытого смысла, и потому никому из рожденных на земле не дано было понять жизнь неба до конца.

Второй ярус—это подлунный мир. К его составным относились суша, прежде всего горы, водная поверхность и подводное царство. Островное расположение Японии, существование множества больших и маленьких островов сформировало в японской сказке не только постоянное «чувство цепи», т. е. движение от острова к острову и, таким образом, восприятие земной тверди как последовательной смены суши и моря, но и чувство нерасторжимого их единства. Именно поэтому так просто в японской сказке с земли попасть в Морское царство и возвратиться из него, если никто этому не препятствует.

Подлунный мир в сказках не знает границ, он огромен и не ограничен кругом горизонта. И не случайно даже сказка «Где свету конец» не дает ответа на свой главный вопрос—быстрые птицы, ловкие звери и отважные морские существа так и не достигают вселенской границы.

Земная твердь подлунного мира—это множество маленьких «государств». Некоторые из них—порождение мечты и надежды, другие—продукт страха и незнания. В лесной чаще стоит прекрасный терем—Воробьиный дом, а чуть дальше—полное неожиданных чудес Соловьиное селение. В этих птичьих владениях множество самых удивительных богатств, надо только уметь ими воспользоваться. Где-то в океане затерялся страшный остров демонов—Онидзима, где чинят беззаконие красные и синие, черные и желтые черти.

Жизнь подводного царства сосредоточена, как считают японские сказки, у южного острова Японии—Якусима. Там же находится и Рюгу—дворец дракона, Морского правителя, повелителя водных стихий. Есть у дракона дочь Ото-химэ и внучка Вака-химэ. Последняя появляется в сказках достаточно редко, зато Ото-химэ является перед героями японских сказок в самом разном облике—то высунет из воды голову большая змея, то выбросит морская волна на сушу черепашку, а то появится на берегу невиданная по красоте девушка с черными волосами до пят.

Третий ярус волшебного мира—подземное царство. И оно построено на вечной борьбе добро и зло. Есть под землей и «мышинный рай»—столь же прекрасный, как и земной Воробьиный дом. Есть там и логово сказочных чертей, пышущих огнем и ненавистью. Обитатели подземного мира очень разные: целомудренные и кровожадные, уродливые и романтически возвышенные («Огневой Таро»).

По-разному складываются отношения героев японских сказок с волшебным миром. Этот мир живет в другом исчислении

времени и измерении пространства, по строгим законам чуда. Соблюдения этих законов он требует и от своих обитателей, и тем более от тех, кто вторгся в его владения случайно.

Герой сказки «Небесная дева» Микэран разрезает небесную тыкву недозволенным в магии способом — не вдоль, а поперек — и тем самым нарушает закон сказочного бытия. Герой наказан: его смывает водный поток, мгновенно вырвавшийся из чаши плода, — небесная хлябь была замкнута в тыкве.

Встреча с волшебной страной всегда неожиданна, будь то появление чудесной супруги или приобретение сказочного предмета. Однако согласно фольклорным законам эта встреча уже лежит в основе сюжета — именно навстречу этой, пока не познанной сказочной неизвестности отправляются герои повествований в далекие странствия. Чудесное вторгается в обыденную жизнь.

Законы бытия волшебной страны при всей своей таинственности оказываются во многом схожими с законами жизненной правды, потому внезапно полученное счастье не будет длиться вечно. Как часто в финале сказки исчезает чудесный супруг (супруга), улетает дева-птица, возвращается в озеро змея, скрывается в лесной чаще лисица. Каким земным и жизненным воспринимается минорный аккорд сказки: встреча с чудом влечет печаль разлуки.

Путь в волшебный мир, как правило, необычайно прост: на небо можно подняться по стволу бамбука или по лозе вьюнка (характерный прием для сказок всего дальневосточного региона), в подземное царство дорога начинается у мышиной норы, маленькой ямки или зажатой скалами пещеры. А чтобы опуститься в морское царство, иногда достаточно лишь войти в воду. Попасть в волшебный мир герою подчас легче и безопаснее, чем выбраться из него. Поэтому нередко приходится применять немалую смекалку или просить помощи у обитателей волшебного мира, чтобы спастись.

Жизнь в волшебном мире — это непрерывная борьба светлого и темного, доброго и злого. Это постоянный выбор, поиск пути для героя, постоянная проверка его нравственной сути и истинности стремления. Волшебный мир японской сказки формирует извечное противостояние героя мнимого и героя истинного. Убожество и глупость обязательно обнаружат себя. Именно так и было с лисицами, которые забыли, что приняли образ знатных вельмож, и жадно набросились на жареных мышей. Истинный герой скрыт до поры до времени. Апофеоз должен быть удивительным. И потому никто не задумывается над тем, что под внешностью уродливой старухи скрывается красивая девушка, а вымазанный сажей пасынок однажды окажется прекрасным юношей («Пепельник»).

Уже говорилось о том, что волшебный мир японских сказок был огромен и величествен. Однако эта бескрайность не

отрицала и существования других миров — может быть, и не очень понятных, но других. И в этом проявлялась определенная зрелость этнического самосознания японцев. Волшебная страна, согласно японским сказкам, находилась на Японских островах.

Существовал также и Китай. Он был реален. С китайскими мастерами, например, герои японских сказок состязались в искусстве. Упоминалась и Индия, но она больше походила на некое таинственное царство со своими измерениями времени и пространства. Чтобы попасть в Индию, как в иной мир, надо было переправиться через бурную реку, отделяющую сказочную «реальность» от сказочной «нереальности» («Дух горы и мальчик»).

Сформировавшееся на протяжении столетий представление японцев о возвышенном и низком, прекрасном и безобразном отразилось и на системе персонажей японских народных сказок. Безусловно, как и у всех других народов мира, персонажи этих сказок были чрезвычайно разнообразны: и по своему историческому происхождению, и по социальной принадлежности, и по отношению к категориям добра и зла. Вместе с тем, как и каждый народ, японцы создавали самобытные, неповторимые образы героев фольклора, исходя из эстетической сути и мироощущения своей культуры.

Показательны в этом плане образы романтических героев японских сказок — Флейтиста и Ткачихи. Эти образы вобрали в себя два основных понятия японской фольклорно-философской мысли — труд и искусство, поднятые на уровень «высокого искусства труда». Флейтист Канэкичи, к примеру, мастер в любом деле. Но более всего он искусен в игре на флейте: звери внимают его чарующим звукам, Морской царь покорен его талантом. Трудолюбием и душевной добротой наделены и те герои японских сказок, которые заняты ткачеством. Да и не могут быть другими те, которым, согласно японским поверьям, дано в руки это великое искусство. В Японии поклонение ткачеству как ремеслу имело многовековые традиции. Не случайно так ярко отразилось оно в народных верованиях и фольклоре.

Стоят в уезде Итати префектуры Фукусима синтоистские храмы — там издавна поклоняются божествам ткачества. В одном из них, Кокая-мия («храм Выкармливания Шелкопрядов»), рассказывают такую легенду. Была у индийского царя Риньи дочь — Златовласая царевна. Разгневалась как-то злая мачеха на свою падчерицу и пустила девушку по морю в маленьком челноке-однодеревке. Много дней носился челнок по волнам и наконец приплыл в залив Тоёура старинного края Хибати. Бросились жители тех мест на помощь прекрасной девушке, да поздно. Умерла Златовласая царевна. А после смерти превратилась девушка в шелкопряда. С тех пор, говорят, и появилось

это искусство в том краю. А Златовласую царевну стали почитать как богиню — покровительницу шелководства.

Грустная и красивая легенда о несчастной царевне вышла далеко за пределы Японии. Была она известна и в России — в чудесном переложении Льва Толстого.

Значительное место в японском повествовательном фольклоре занимают сказки и легенды о девах-птицах: журавле, соловье, лебеде. Эти героини были наделены милосердием и добротой, были способны прийти на помощь и пожертвовать собой. Девы-птицы в японском фольклоре — это не только неизменные красавицы, но и носители самых высоких добродетелей. История развития этих образов была длительна и сложна. Безусловное влияние оказала индийская и китайская мифологическая традиция, сложившееся в ней представление о Небе и небожителях. Однако можно предположить и то, что эти персонажи сформировались под заметным воздействием и чисто народного, аграрного понимания образа птиц. Исстари птицы играли важную роль в жизни японских крестьян: их ожидали как предвестников весны, по их прилету определяли сроки полевых работ. На протяжении истории в Японии сложился определенный аграрный культ птиц, нашедший яркое отражение в песенном творчестве и, видимо, оказавший заметное воздействие на повествовательные жанры.

Таковыми же сложными и неоднозначными предстают и образы тех героев, рождение которых связано с растениями: из персика рождается отважный Момотаро, из дыни — пленительная Ури-химэ. Как очевидна здесь связь сказочного фольклора с мифологической восточноазиатской традицией, так очевидна и связь с исконными народными представлениями: природа есть источник жизни, рожденное природой — бессмертно. Сказка вновь и вновь проигрывает великие мистерии: рождение, смерть и воскрешение.

Из дыни рождается Ури-химэ. Она гибнет, вступив в неравное противоборство с чертом Аманодзюку. Но чудо сказки заключается в том, что на могиле Ури-химэ вновь прорастает тыква, только не с одним, а с двумя листиками.

Во многих сказках действуют животные. Однако набор их ограничен. Кроме уже упомянутых зверей-оборотней — барсука и лисицы — в сказках встречаются обезьяны и кошки, мыши и змеи — типичные для Японии животные. Но сказки обращаются и к диковинным зверям: так, например, появляются в сказках лев и тигр, крокодил и белая змея, настолько не свойственные японской фауне, что приобретают в фольклоре статус таинственного и неизведанного.

Японские народные сказки, как и большинство сказок народов мира, строятся на противоборстве персонажей. И хотя значительная часть этих антагонизмов общесюжетна: богач — бедняк, мачеха — падчерица, старшие братья —

младший брат и т. д., как общефольклорна и форма противостояния: спор и состязание, борьба с вредоносным началом и социальной несправедливостью, в фольклоре каждого народа эти хорошо известные образы приобретают свои самобытные черты, получают неповторимый колорит породившей их культуры.

Так, например, ярким проявлением этой самобытности является то, что в японской сказке в противоборство вступают не только классические сказочные антагонисты, сформированные социальными и определенными семейно-бытовыми отношениями, но и герои, наделенные великой силой искусства: ваятели и поэты, художники и певцы. И тогда противоборство становится не просто борьбой антагонистов, а вырастает до уровня борьбы духовного и бездуховного, таланта и бездарности.

В японской сказке также сильна идея общности. Взаимопомощь в крестьянской общине была необходима для того, чтобы выжить в борьбе с прекрасной, но суровой природой Японских островов: ведь только сообща можно было распахать землю на отрогах гор и оросить рисовые поля. Именно поэтому в сказках так сильна роль деревни или родовой общины. Здесь своя иерархия: старейшина живет в главном доме селения, другие дома вырастают вокруг, как ветви одного дерева («Зять-флейтист»). Здесь свои обычаи и поверья, свои неукоснительно соблюдаемые законы. Верность общине, способность пожертвовать собой ради других — долг и предел мечты. И в отношениях героя с общиной сильнее, чем где-либо, проявляются принципы воздаяния за добро и возмездия за дурной поступок. Те, кто долгие годы пробивают тоннель в горных скалах, чтобы дать людям воду, становятся народными героями (не всегда, правда, получающими должное социальное вознаграждение). Тех же, кто забывает друзей во имя своих интересов, ожидают гнев и кара богов: женщина, не поделившаяся плодами со своими подругами, как гласит легенда, была превращена в отвратительную змею.

В сказках позднего средневековья, однако, японская община уже не едина: она расколота на бедных и богатых, даже в пределах одной семьи. И, таким образом, общинное самосознание приобретает черты антагонистического противоборства. Именно благодаря этому противоборству ярко проявляются в сказке основные постулаты крестьянского мировосприятия, единые для всей общины. Эти постулаты, безусловно, имеют заметную фольклорную окраску, но по сути они глубоко социально обусловлены и жизненны и потому так горьки. Нищета ужасна: бедняк идет в горы просить волка, чтобы тот его съел.

Труд в сказке почитается, но никто не ждет от него богатства. В народе жила мечта о невиданном обогащении. Но

никогда сказка не отождествляет его с честным трудом. Богатство приходит как награда богов за добродетель, его можно добыть волшебным способом. Оно или невероятный случай, или предопределение судьбы.

Сказка проповедует главную мысль мироздания — добрые, честные, обделенные должны наконец обрести счастье и достаток. И потому и сказки, и легенды, и былички японского народа в своем широчайшем эмоциональном диапазоне — от возвышенно-трагедийного до комического гротеска — как стержнем проникнуты этой мыслью: деревенский паренек, старик крестьянин или храмовый служака обретут покой и радость, посрамив или одурачив богача, помещика или настоятеля храма.

Говоря о японских народных сказках, нельзя обойти вниманием и такую важную проблему, как взаимодействие литературной и фольклорной традиций. Сколько истинно фольклорных сюжетов легло в основу литературных произведений и как сильно авторская литература трансформировала поздние народные повествования!

Фольклор и литература — это своего рода сообщающиеся сосуды. Уже в VIII в. мифы и предания Японии были собраны в двух исторических сводах: «Кодзики» («Записи древних деяний») и «Нихонги» («Анналы Японии»). В сводах велось повествование о богах и мироздании, а затем и об императорах: мифы сменялись историческими летописями.

К IX в. относится создание в Японии такого памятника, как свод буддийских легенд «Нихон рюики» («Японские записи о чудесах и удивительных происшествиях»), в котором прослеживается заметное влияние китайской традиции. Легенды, собранные в «Нихон рюики», получили название «сэцува», что значит «назидательные рассказы». И среди них было немало таких, которые основывались на фольклорных мотивах. Наблюдалась здесь и обратная связь — сюжеты некоторых сэцува со временем прочно вошли в японский повествовательный фольклор.

В IX — начале X в. увидела свет и замечательная классическая повесть «Такэтори-моногатари» («Повесть о старике Такэтори»), основанная на фольклорных сюжетах.

Огромную ценность для японской фольклористики и литературоведения имеют старинные записи народного сказа. Так, в начале XI в. был создан свод японских, китайских и индийских сказаний, получивший название «Кондзяку-моногатари» («Стародавние повести»). В жанровом отношении этот памятник разнообразен и пестр: здесь и буддийские легенды, и волшебные сказки, и бытовые новеллы, анекдоты, былички и т. д. И хотя в некоторых текстах заметно влияние церковной дидактики или куртуазного романа хэйанского периода (IX — XII вв.), «Кондзяку-моногатари» донес до наших дней бесценные сведения

о традиционной культуре японцев, о мировосприятии эпохи. Много веков повествования, зафиксированные в этом памятнике, вдохновляли японских литераторов; именно из этого свода заимствовал Акутагава Рюноскэ (1892—1927) сюжет для своего всемирно известного рассказа «Ворота Расёмон».

Сборники сэцува создавались в Японии и в более позднее время. Так, в XIII в. появился еще один свод фольклорных сюжетов — «Удзисюи-моногатари» («Рассказы, подслушанные в Удзи»). В основу сборника были положены рассказы из разных собраний сэцува. Заметный отпечаток наложила на «Удзисюи моногатари» буддийская мораль, но, несмотря на это, в сборнике сохранилась атмосфера волшебной сказки и даже запечатлелись элементы народного говора.

Эти и другие сборники такого рода имели большой читательский успех и потому дошли до наших дней. С течением времени в городах распространялась грамотность. Повылся спрос на дешевые книги. Литераторы нового времени, чьи имена затерялись в круговороте истории, охотно откликались на читательский спрос. В начале XVIII в. вышел в свет сборник коротких повестей «Отогидзоси» («Рассказы отоги»²), получивший огромную популярность. Хотя сборник появился в XVIII в., часть повестей была создана в XV—XVI вв. Кроме новелл, дидактических притч и героических преданий в сборнике были помещены волшебные сказки, в частности «Иссумбоси» («Мальчик-с-пальчик»), сказка о лентяе, который на поверку оказался самым мудрым и удачливым, красивая сказка о девушке с волшебной чашей на голове, напоминающая по сюжету «Золушку», сказка о войне с чертями, авантурная повесть о скитаниях героя по далеким островам с фантастическими обитателями.

В конце прошлого столетия в Японии оживился интерес к сбору и исследованию произведений народного творчества, в том числе и сказкам. Так, например, известный писатель Ивaya Садзанами задался целью создать книгу народных японских сказок для детей на разговорном языке, что для того времени было неслыханным. В 1893 г. появилась его знаменитая книга «Нихон мукасибанаси» («Японские сказки») с превосходными иллюстрациями художника Кэссю.

В своем литературном пересказе Садзанами сохранил поэтический строй японских сказок, их душевную теплоту и тонкий юмор, но придал некоторым из них черты официальной идеологии, столь чуждой фольклору. В последующие годы он неустанно работал над сбором и пересказом для детей мифов, легенд и сказок как японских, так и европейских. Книга

² Отоги — придворная должность вроде спальника при верховном правителе — сёгуне. Во время ночного дежурства он услаждал господина рассказами.

Садзанами «Японские сказки» имела международный успех и была переведена на многие европейские языки, в том числе и на русский.

В XX в. в Японии стали формироваться системные и научно обоснованные методы записи и изучения сказок. В предвоенные годы была проведена огромная работа по теоретическому осмыслению фольклорного наследства. И в этом видную роль сыграли работы выдающегося исследователя японской традиционной культуры Янагида Кунио (1875—1962).

Японские ученые ставили во главу угла проблему генезиса японских народных сказок, стремясь выделить в них то «истинно японское», что дошло из глубины веков, и те культурные наслоения, которые возникли в результате исторических контактов с другими странами Восточной Азии и влияния фольклорного творчества этих народов.

Новая волна интереса к устному творчеству захлестнула Японию после окончания второй мировой войны. История современной фольклористики знает немало примеров, когда в условиях политического или экономического кризиса этнос обращался к изучению своих истоков, исторических и культурных. Так возникали «фольклорные бумы». Один из них наблюдался в Японии после войны и капитуляции страны. Духовная нестабильность общества, ощущение культурного дефицита послужили толчком для сбора и публикации фольклорных текстов, в том числе и сказочных. Именно в этот период было собрано наибольшее количество сказок, мало известных широкому кругу японских читателей.

Так, в 1956 г. Мацутани Миёко начала сбор сказок префектуры Нагано. В своей книге «Мир народных сказаний» (Минва но сэкай. Токио, 1974) она пишет: «В каждой деревне любая старуха могла рассказать сказок сто, а то и двести. На основе репертуара одного сказителя можно было составить целый сборник сказок».

Перу Мацутани Миёко принадлежит и замечательная детская сказка «Таро — сын Дракона» (русский перевод Г. Ронской), созданная по мотивам волшебных японских сказок. Именно за эту книгу писательница была удостоена Международной премии имени Г.-Х. Андерсена.

Собиратели сказочного фольклора Номура Дзюньитиро и Номура Кэйко записали в 1965 г. на севере острова Хонсю в префектуре Иватэ репертуар местной сказительницы Ясукура Фудзи и ее дочери Нобуко. Так был создан сборник «Месть воробья» (Судзумэ но адаути. Цуруока, 1976), в который вошло более ста сказок и легенд.

Читатели настоящего издания смогут познакомиться с некоторыми сказками знаменитой сказительницы, чье творчество, как отмечают собиратели сказок, было глубоко традиционно и эмоционально. Это сказки «Дед Кобутори», «Счастли-

вый чайник», «Мышиный рай», «Сова-красильщица» и некоторые другие.

Наряду с профессиональными исследователями большую роль в сборе и пропаганде сказочного наследия играли местные культурные организации, объединявшие энтузиастов и страстных почитателей японского фольклора. Такие организации ставили своей целью изучение сказок определенной деревни или храма, а иногда и изучение одного-единственного сказочного мотива и истории его бытования. Благодаря усилиям японских местных организаций нашли своего читателя многие локальные сказки и легенды. Поиски и публикация сказочных текстов продолжаются в Японии и в наши дни.

Первое знакомство российского читателя с японским фольклором состоялось в 1773 г., когда в Москве вышла книга профессора Ивана Рейхеля «Краткая история о японском государстве, из достоверных известий собранная». В ней упоминалась знаменитая легенда о рыбаке Урасима

Однако еще долгое время представления о народном творчестве японцев были обрывочными и смутными. Лишь с конца XIX—начала XX в. знакомство с японской литературой и фольклором приобрело черты системности. Японский повествовательный фольклор входил в быт российского читателя.

Особый успех выпал на долю сказочной повести «Такэтори-моногатари». Пересказы ее стали появляться во многих популярных журналах начиная с 1899 г. (например, в «Ниве») под разными названиями: «Принцесса Лучезарная», «Лунная девушка», «Дочь Луны» и др. В середине 30-х годов известный советский японист А. А. Холодович перевел «Такэтори-моногатари» с языка оригинала и озаглавил ее «Дед Такэтори». Он точно передал смысловое содержание текста, но в то же время попытался стилизовать перевод в духе старинной русской сказки.

В 1914 г. увидел свет и перевод сказок Ивая Садзанами, выполненный В. М. Мендриным³. Эта нарядно изданная книга была предназначена в основном для детского чтения. Однако приложенные к изданию комментарии были настолько глубоки и содержательны, что можно говорить о несомненном научном значении книги.

История изучения японских сказок в советское время связана прежде всего с именем замечательного японоведа Н. А. Невского. Его перу принадлежат интереснейшие материалы по фольклору айнов и рюкюсцев, им собран уникальный полевой материал, благодаря которому советские читатели смогли ближе познакомиться с традиционной культурой Японских

³ Садзанами Ивая. Нихон мукаси банаси (Японские сказки). Пер. с яп. с примеч. В. М. Мендрин. СПб., 1914.

островов⁴. Наследие Н. А. Невского — ценнейший вклад в советское востоковедение, в мировую японоведческую науку.

В 1956 г. издательство «Художественная литература» выпустило сборник «Японские сказки» в переводе В. Марковой и Б. Бейко, а в 1965 г. вышел сборник «Десять вечеров. Японские народные сказки» в переводе В. Марковой. В том же году советские читатели познакомились с книгой переводов Н. Фельдман «Японские народные сказки».

Предлагаемый сборник представляет собой наиболее полное собрание переводов произведений японского повествовательного фольклора. В нем читатель найдет сказки, уже известные по предыдущим изданиям, и познакомится с некоторыми их фольклорными вариантами, а также с произведениями устного творчества японцев, ранее на русский язык не переводившимися.

Для перевода были выбраны хорошо известные в Японии издания. Это прежде всего трехтомное собрание японских сказок, составленное одним из наиболее известных японских фольклористов — Сэки Кэйго⁵. Именно в его переложении воспроизведены в сборнике «великие» сказки Японии: «Момотаро», «Дед Кобутори» и др. Значительная часть переводов была сделана из сборника Янагида Кунио⁶. Особенностью этого издания можно считать глубокий анализ сюжетного и тематического разнообразия текстов, которым руководствовался составитель при подборе сказок и легенд, а также строгий системный научный подход к жанровой дифференциации произведений.

Особого внимания при переводе заслуживало фундаментальное многотомное издание издательства «Мирайся» «Нихон-но минва»⁷. Это одно из наиболее полных собраний произведений японского повествовательного фольклора. Издание было построено по географическому принципу, включало сказки и легенды разных префектур, районов, городов и деревень Японии и потому стало важным источником при отборе произведений префектуральной и локальной степени аутентичности. Издание «Нихон-но минва» в значительной степени показательно и в плане сопоставления сюжетных, тематических и языковых различий произведений устного творчества разных районов Японии. И это составитель и переводчик данного сборника пытался донести до советского читателя.

Кроме того, для перевода широко привлекалась уже упомя-

⁴ Невский Н. А. Айнский фольклор. М., 1972; он же. Фольклор острова Мияко. М., 1978.

⁵ Сэки Кэйго. Нихон мукасибанаси (Японские сказки) в 3-х томах. Токио, 1957.

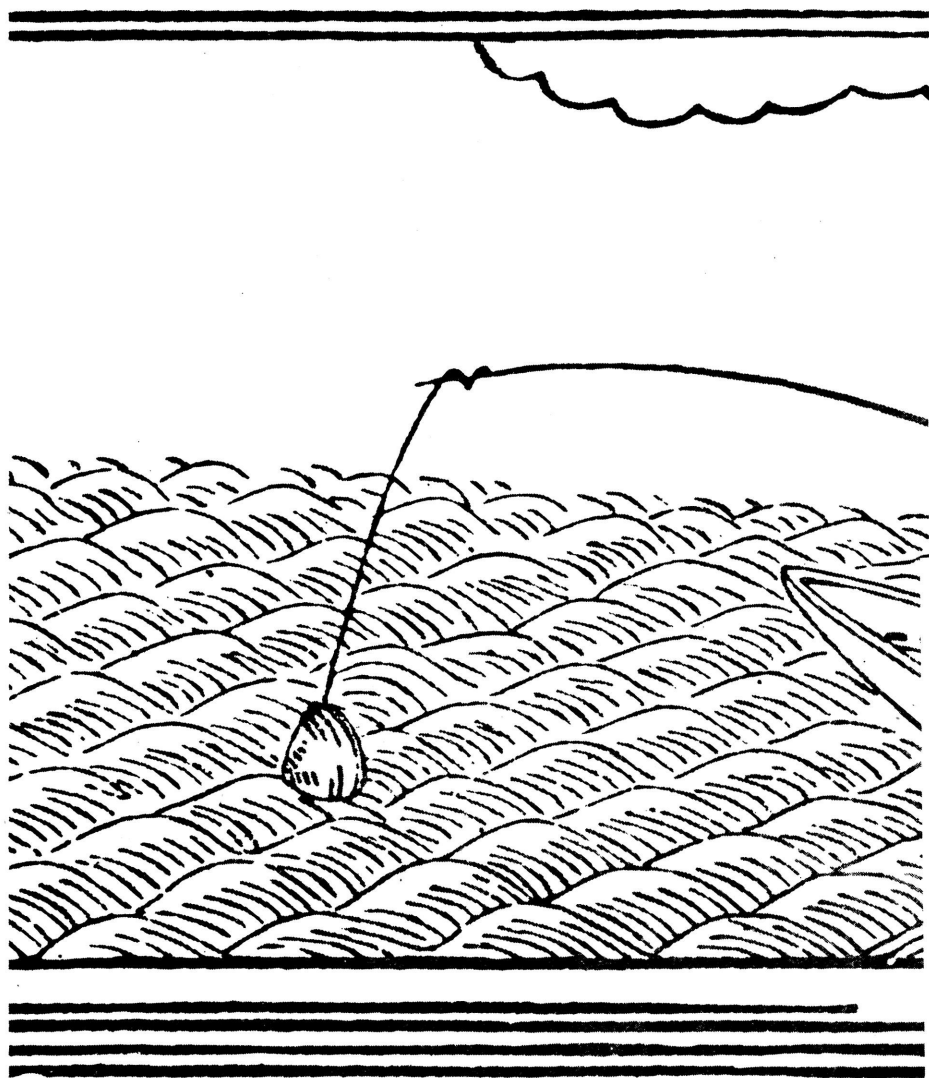
⁶ Янагида Кунио. Нихон-но мукасибанаси (Японские сказки). Токио, 1954.

⁷ Нихон-но минва (Японский повествовательный фольклор). Т. I. Токио, 1958.

нутая работа Номура Дзюнъитиро и Номура Кэйко «Судзумэ-но адаути» — «Месть воробья».

Настоящий сборник ставит своей целью познакомить советских читателей с ярким и самобытным устным повествовательным творчеством японцев, помочь ощутить и бойкий ум народа-творца, и глубину народной мудрости, почувствовать то общее, что испокон веков объединяет фольклор всех народов, — стремление к миру, доброте и свету.

В. Н. Маркова,
А. Р. Садокова

**ЯПОНСКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ**

1.

Урасима-
Таро

В старину жил на берегу Китамаэ¹ в селении Оура молодой рыбак по имени Урасима-Таро со своей старухой-матерью.

Однажды говорит ему матушка:

— Урасима, Урасима, возьми себе жену, пока я жива-здорова.

— Уж очень мал у меня заработок, нечем жену прокормить. Пока ты жива, матушка, буду каждый день рыбу ловить, и пусть все будет по-старому,— ответил Урасима.

Так шли годы. Как-то осенью подул северный ветер, и Урасима не смог выйти в море на ловлю. Нет рыбы, значит, денег нет. В доме нечего есть. Лег спать Урасима с такой думой: «Хоть бы завтра затишье настало!»

Поглядел утром—небо ясное. Живо вскочил он с постели, сел в свой дощатый челнок и вышел в море. Уже на востоке забелело, а он все еще не поймал ни единой рыбешки. «Вот незадача!»— печалился Урасима.

Вдруг клюнула большая рыба. Вытащил Урасима леску из воды, смотрит—а на леске висит громадная черепаха. Позволил

он ей ухватиться за корму, но черепаха почему-то не торопилась скрыться.

— Думал я, что поймал рыбу-тай²,— говорит Урасима,— а это ты, черепаха. Выходит, это ты всю рыбу распугала. Отпущу тебя, возвращайся в море.

Выкинул Урасима трубочку и снова начал удить. Нет, не клюет! Был уже полдень, когда леска вдруг сильно натянулась—будто большая рыбина попалась.

Смотрит Урасима—а это опять та же самая черепаха!

«Говорил же я ей по-хорошему: плыви прочь. Не ловится рыба, а привязалась какая-то черепаха... Несчастье, право!»— подумал он и в сердцах бросил черепаху в море. Но как вернуться домой без улова? Чем накормить матушку?

Набрался Урасима терпения. Удил он, удил еще битых два часа, как вдруг почувствовал: клюет.

— Уж на этот раз, наверное, рыба!

Выгасил леску, смотрит—опять, как назло, черепаха! И опять Урасима бросил ее в море. Той порой солнце на закат пошло, а улова все нет.

«Уже темнеет. Что я скажу моей матушке, как вернусь домой с пустыми руками?»—опечалился он и стал грести к берегу.

Вдруг перед ним, откуда ни возьмись, появился большой корабль. И поплыл он прямо к челноку Урасима. Повернет свой челнок Урасима направо—корабль туда же, повернет налево—и корабль налево. Наконец догнал корабль челнок Урасима, поплыл рядом с ним.

Кормчий говорит рыбаку:

— Урасима-сан, сделай милость, пересядь на мой корабль. Я послан тебе навстречу госпожой Отохимэ, а она, да будет тебе ведомо, дочь Дракона—Повелителя морей. Должен я проводить тебя к ней во дворец Рюгу.

— Нет, это невозможно. Если я отправлюсь в царство Дракона, матушка моя останется без всякой помощи.

— Об этом не думай! Матушка твоя ни в чем не будет знать нужды. Садись на мой корабль,—ответил кормчий.

Урасима, сам не зная как, пересел на чужой корабль. А тот вдруг погрузился в глубины моря и поплыл к дворцу Дракона. Дворец этот был великолепен—на земле не увидишь такой красоты!

Отохимэ-сама, прекрасная дочь Повелителя морей приветливо встретила молодого рыбака, спросила, не голоден ли он. В честь Урасима устроили роскошный пир.

Во дворце Дракона было множество красавиц. Облачили они гостя в богатые одежды, просят погостить хоть несколько дней.

И так ему понравилось в подводном дворце, что три года пролетели, как один день.

Но наконец стосковался он по родному дому. Стал прощаться с прекрасной Отохимэ, а она подарила ему яшмовый ларец³ с тремя ящичками:

— Если не будешь знать, как избыть беду, открой ларец.

Посадили Урасима на корабль. Выплыл этот корабль на белый свет и причалил к берегу возле родных гор.

Вернулся Урасима в свою деревню. Но почему все кругом изменилось? Нет знакомых примет. Даже окрестные горы выглядят совсем по-иному, а холмы облысели, деревья на них засохли.

Пошел он домой, раздумывая по дороге: «Всего три года прогостил я во дворце Дракона! Что же случилось здесь за это время?»

Видит: старик в хижине, крытой соломой, мастерит поделки из соломы. Вошел Урасима к нему в дом, вежливо поздоровался и стал спрашивать, что о нем самом, Урасима, слышно в родных местах:

— Знал ли ты рыбака по имени Урасима, дедушка?

— Когда еще жил на свете мой дед, в ту пору рассказывали, будто в стародавние времена молодой рыбак Урасима-Таро попал во дворец Дракона—Повелителя морей и живет там. Долго ждали его, да он не вернулся...

— Что же случилось с его старухой-матерью?— встревожился Урасима.

— А ее давным-давно на свете нет. Ведь сколько времени с тех пор уткло!

Пошел Урасима посмотреть на развалины родного дома. Немного же от него осталось: только каменная чаша для мытья рук да каменные плиты во дворе.

Призадумался Урасима: как же ему теперь быть? Вспомнил он о подарке Отохимэ. Снял крышку с ларца и вынул первый ящичек. Смотрит—в нем журавлиные перья. Открыл второй ящичек—и вылетело оттуда облачко белого дыма. Окутало это облачко Урасима, и в единый миг превратился он в древнего старца. Открыл Урасима третий ящичек, а там зеркальце. Погляделся он в зеркальце и увидел морщинистое лицо и белые волосы.

«Что за чудеса?!»—изумился Урасима. А журавлиные перья вдруг прилипли к его спине. Взлетел он на воздух и стал кружить над материнской могилой.

А Отохимэ превратилась в черепаху и вылезла на берег, чтобы встретиться с Урасима.

Говорят, тогда и появился танец журавля и черепахи⁴.

2.

Два брата

Говорят, что морской бог Нира назначает людям срок жизни и наделяет рангом.

В старину жили два брата. Младший был искусный охотник, а старший — искусный рыболов.

Пойдет младший на охоту — принесет много дичи. Пойдет старший ловить рыбу — столько наловит, сколько может унести.

Однажды стали братья толковать между собой:

— Давай поменяем сегодня удочку на ружье и посмотрим, кто больше добычи принесет. Побьемся об заклад.

Старший взял ружье младшего брата и пошел в горы. Младший взял удочку старшего брата и пошел к морю.

Выстрелил старший брат из ружья, но не попал в голубя, а угодил в дерево.

Младший поймал большую рыбину, а вытащить не сумел.

Заглотала рыба крючок, но сорвалась с удочки и уплыла вместе с крючком.

Рассердился старший брат:

— Правда, я птицу не подстрелил, но пулю достал из дерева. Вот она. А у тебя крючок рыба утащила. Выходит, ты проиграл заклад. — И потребовал он много денег.

А у младшего брата столько денег не было. Подумал он, что надо непременно найти крючок. Пошел к морскому берегу и бродил там три дня с утра до ночи напролет.

К концу третьего дня встретил юноша беловласого старца.

— Сынок, сынок, — спросил старец, — ты три дня бродишь по берегу, что-то ищешь. Поведай мне, в чем тому причина?

Младший брат все рассказал и попросил старца:

— Помоги мне в моей беде!

— Так садись ко мне на закорки, — сказал старик.

Младший брат сел ему на закорки, и оба в мгновение ока очутились в царстве морского бога Нира!

Там гремят барабаны — дон-дон! — тут гремят барабаны — дон-дон! — всюду юношу провожают в увеселительные места. Три дня пировал младший брат. Но три дня в морском царстве равны тремстам годам в мире людей.

Вспомнилась юноше его родина, и потянуло вернуться домой. Стал он прощаться, а старец дал ему маленький ящичек, в котором было заключено дыхание бессмертной юности.

— Не открывай этот ящичек, — сказал старец. — Если откроешь, беда случится.

Младший брат сел на спину старика и возвратился в родное селение.

Глядит: все изменилось кругом, не узнать. В доме живут незнакомые люди. В саду выросли огромные деревья.

Увидел младший брат, что возле деревни рвет траву какой-то дед лет семидесяти, и стал его расспрашивать.

— Говорят, в старину один юноша уплыл в море и не вернулся,— поведал дед.— С тех пор сменилось пять поколений.

В смущении и горе закурил младший брат трубку и, покуривая, открыл концом чубука ящичек.

Тут с шумом вырвалось из ящичка облако и унесло младшего брата на небо.

3

**Юривака-
дайдзин**

Если Юривака-дайдзин ложился спать, то почивал семь дней подряд. А очнувшись от сна, семь дней бодрствовал, глаз не смыкая. Уж такой он был человек!

Однажды, когда он плыл на корабле в Эдо, море сильно разбушевалось. Волны понесли корабль на восток и прибили к необитаемому острову Акарэмуна.

Первым сошел на землю старший кэрай. Осмотрел он остров и говорит многочисленной свите:

— Высаживайтесь на берег, отдыхайте и развлекайтесь. А я постерегу сон нашего господина.

Перевез он на берег спящего Юривака-дайдзина. А через некоторое время сказал:

— Какой шум вы подняли! Не даете господину поживать спокойно. Ступайте же обратно на корабль и там веселитесь волю.

Все телохранители и слуги вернулись на корабль, а дайдзин все еще почивал. Тогда старший кэрай взял его пояс и меч, взошел на борт и приказал отчалить.

Вернувшись он во дворец своего господина и объявил его супруге:

— Дайдзин скончался в пути. Перед смертью он сказал мне: «Поручаю тебе мою жену. Отныне ты ее законный муж». Я спешил сюда, чтоб совершить похоронный обряд по моему господину и выполнить его предсмертную волю.

Но супруга дайдзина ответила:

— Не может такой человек исчезнуть бесследно с лица земли. Пусть он умер, но душа его осталась. Не могу я стать вашей женой.

Другие кэраи поддержали ее:

— Надо, по обычаю, три года соблюдать траур.

Но старший кэрай прикрикнул на них:

— Молчать! Ни слова!— и принудил супругу своего господина согласиться.

У Юривака-дайдзина был великолепный конь. Старший кэрай вздумал сесть на него, но конь заартачился и никого не

подпускал к себе. Построили железную конюшню и заперли в ней строптивного коня.

Семь дней спал Юривака-дайдзин на пустынном острове и наконец пробудился. Смотрит вокруг — ни души человеческой, нигде огня не видно. Понял он тогда, что спутники покинули его.

Каждый день собирал Юривака-дайдзин раковины на морском берегу и кинжалом вынимал из них мякоть. Так жил он долгое время в полном одиночестве.

Но однажды мимо острова проплывал большой корабль. Дайдзин стал махать руками, призывая на помощь, и с корабля его заметили.

Один из мореходов усомнился:

— Это ведь безлюдный остров. Уж не черт ли приманивает нас?

Но другой мореход, человек бывалый и сведущий, возразил ему:

— Нет, нет, смотри, он склоняет голову в мольбе. Надо причалить и на конце весла подать ему три сухих рисовых зернышка. Человек возьмет зерна в рот и станет жевать их, а черт разом проглотит.

Вот причалил корабль к берегу. Смотрят мореходы — перед ними какое-то диковинное существо, на человека не похоже. Космы во все стороны торчат лицо волосами заросло. Но все же подали они ему на конце весла три сухих рисовых зернышка.

Положил он их в рот и начал не спеша жевать.

Тогда с корабля спустили челнок и приняли дайджина на борт.

Воротившись на свой родной остров, дайджин первым делом пошел в дом к одному из своих соседей и сказал его слугам:

— Я — косарь. Наймите меня косить траву на корм для коней.

Слуги давай потешаться над ним — уж очень страхолюден, но наконец позволили ему один разок, куда ни шло, испробовать свои силы. Мигом выкосил он целый луг, так что все диву дались.

На другой день дайджин отправился на работу с семью другими косарями. И говорит он им:

— Зря вы полдня теряете, чтобы скосить траву, где только приметите, и там и сям. Я все травяные заросли вместе сволоку, чтобы подручной было. Пусть каждый накосит одну корзину для себя и одну для меня.

И все травяные заросли мигом в одно место сволок с землей и корнями. Обрадовались косари. Быстро скосили траву, и каждый дал Юривака-дайджину одну корзину. Стал он носить хозяину три раза в день по семь полных корзин скошенной травы.

Хозяин дома рассказал об этом своим соседям. А среди них был тот самый кэрай, что покинул своего господина на необитаемом острове, женился на его супруге и велел величать себя дайдзином

— Одолжите мне этого силача на один день,— стал просить самозванный дайдзин.

— Не могу,— говорит хозяин косарей.

— Прошу вас, одолжите, на один день всего.

— Хорошо, но спросим раньше косаря, согласен ли он.

Косарь охотно согласился:

— Что ж, пойду.

Идет Юривака-дайдзин не куда-нибудь— в свой собственный дом, а по дороге свернул к железной конюшне.

— Берегись,— кричат ему,— не входи туда! Там бешеный конь, он тебя загрызет!

Но Юривака-дайдзин смело распахнул двери, вошел в конюшню и сказал на ухо коню:

— Неужели ты забыл своего прежнего хозяина?

У коня грива дыбом стояла, а тут сразу опустилась. Вывел Юривака-дайдзин коня во двор.

— Дайте мне седло,— попросил он.— Прокачусь-ка на этом коне.

Четыре человека еле-еле принесли седло, а он его одной левой рукой положил на спину коня.

— Теперь принесите мне бич.

Два человека еле-еле приволокли бич, а он его поднял одним мизинцем, вскочил на коня и три раза проскакал по двору взад и вперед.

Потом Юривака снял седло и забросил между павильонами дворца, а коня отвел назад в его стойло.

— Теперь дайте мне лук вашего прежнего хозяина. Пущу для потехи одну стрелу.

Принесли ему огромный лук. Взял он его, легко натянул и говорит:

— На блюде перед вашим хозяином сидит птица. Уточка, в сторону, селезень, сюда!

Вышел вперед самозванный дайдзин:

— Что такое, где ты птицу увидел?

Но тут засвистела стрела и пронзила обманщика, а Юривака-дайдзин вошел в свой дом.

При виде его молодая супруга так зарыдала, что дыхания не перевести. Повела она Юривака-дайдзину все, что с ней случилось.

— Не могла ты, слабая женщина, устоять против грубой силы,— ласково сказал он.— Будем же мужем и женой по-прежнему.

И стали они снова жить счастливо, в добром согласии.

4.

Странствия
молодого
Юривака

В старину, в далекую старину это случилось, лет тысячу тому назад.

У левого министра¹ Сидзэ, верховного правителя Девяти провинций², был сын по имени Юривака. С юных лет отличался он умом и мужеством, а в искусстве владеть луком не знал себе соперников. Кто в Девяти провинциях не слышал о подвигах Юривака? Во всем улыбалось ему счастье: молодая жена его Касуга-химэ была добра и красива.

Но вот в соседней стране Сираги³ разгорелась великая смута; случались набеги и на побережье Девяти провинций.

По приказу из столицы должен был Юривака отплыть за море с большим войском, чтобы навести порядок в стране Сираги. Пришлось ему надолго разлучиться с любимой женой:

— Прощай, Касуга-химэ, жди меня в добром здравии. Я непременно вернусь к тебе.

— Прощай, супруг мой Юривака, береги и ты себя в дальнем пути. А я буду ждать тебя и хранить тебе верность.

Прошло три года.

После долгих и трудных боев усмирил Юривака непокорную страну Сираги и на многих кораблях отплыл вместе со своими воинами обратно к берегам Японии. Захотелось воинам отдохнуть по пути, и вот решили они пристать к маленькому острову в открытом море.

Юривака и все его спутники вышли на берег. Вечером устроен был пир в честь победы. Давно Юривака не брал в рот ни капли вина и с непривычки сильно захмелел. Уснул он крепким сном.

Среди верного войска Юривака были два брата — Каранака и Мотомаса. Втайне они ненавидели молодого Юривака. Хотелось им присвоить славу победы. Великое предательство задумали братья. Обманули они ловко сплетенной небылицей всех других воинов и отплыли на кораблях, покинув Юривака одного на пустынном берегу. А прибыв в Японию, братья объявили:

— Предводитель наш Юривака убит в бою.

Все почести достались братьям. В столице пожаловали им звание военачальников. Скоро Каранака и Мотомаса вошли в такую силу, что стали править всеми Девятью провинциями.

Но велико было горе Касуга-химэ. Вспоминая прощальные слова Юривака, она заливалась горькими слезами. Дни и ночи тосковала Касуга-химэ.

Но вот однажды явился к ней посол от Каранака и стал уговаривать ее выйти замуж за своего господина.

А для Касуга-химэ это было хуже смерти. Не стала она и слушать посланного:

— Я жена молодого Юривака. Не пойду за другого.

Много раз засылал к ней сватов Каранака. Никак он не хотел оставить ее в покое. Наконец пришел он в страшный гнев и заточил непокорную Касуга-химэ в темницу.

Между тем молодой Юривака, крепко захмелев, всю ночь проспал, а наутро видит: покинули его. Пустынно море, не белеет в нем ни одного паруса. Пусто на острове, нет на нем ни души.

Но остались у Юривака его могучий лук и верный сокол. Звали этого сокола Футимару. Всюду он следовал за своим господином, не покинул его и теперь.

— Футимару! Ты — мой единственный друг. Я — прославленный стрелок Юривака — упал духом и не надеюсь больше на спасение. Придется мне, видно, погибнуть одному на безлюдном острове.

Словно понял сокол слова своего господина. Взмыл он вверх и начал с громким криком кружить над головой Юривака — как будто хотел ободрить его.

К счастью, на острове росли плодовые деревья и не было недостатка ни в рыбе, ни в птице. Стал Юривака добывать себе пропитание охотой, стрелы его не знали промаха.

А жена его Касуга-химэ вздыхала в дальней темнице. Не раз она думала: «Хоть бы умереть скорее... Наложить на себя руки — и конец!»

Но каждый раз отгоняла эту мысль: «Рано отчаиваться! А вдруг Юривака жив!»

Однажды услышала Касуга-химэ шум птичьих крыльев. Поглядела она сквозь решетку окна и увидела, что с неба кружась, спускается сокол.

— Ах, неужели это Футимару? Футимару... Значит, жив еще Юривака!

Стала Касуга-химэ гладить сокола, а сердце у нее в груди так и бьется, так и трепещет.

Написала она стихотворение на листке и привязала листок к ноге сокола.

— Лети, Футимару, отнеси эту весточку твоему господину!

Прочитал Юривака письмо своей жены и в лице переменялся. Даже ее не пожалели враги! Захотел он написать ей стихотворение в ответ⁴, да нечем было. Тут надрезал он палец и написал письмо кровью на обрывке полотна. Снова полетел верный сокол к Касуга-химэ с письмом от своего господина.

Прочла Касуга-химэ стихотворение, написанное кровью, и полились у нее слезы. Взяла она кисть и тушечницу с тушью, завернула в платок и привязала к ноге Футимару. С трудом взлетел сокол и медленно-медленно полетел вдаль. Но слишком тяжело было ему лететь, и упал он в морские волны.

Прошло несколько дней, и волны прибили труп верного сокола к берегу. Увидел его Юривака и похоронил на вершине горы. Теперь он остался совсем один.

Каждый день поднимался Юривака на гору и зорко вглядывался в даль моря: не покажется ли парус? И вот однажды в самом деле приплыл к острову рыбачий челнок. «Уж не сон ли это?» — подумал Юривака.

— Эй, рыбаки! — закричал он громким голосом. — Возьмите меня в ваш челнок. Зовут меня Юривака, родом я из страны Бунго...

Но что это? Рыбаки наверняка увидели и услышали его, а между тем челнок вдруг поспешно повернул назад и стал удаляться.

— Эй, эй, люди на челне! Я Юривака, в самом деле Юривака... Постойте, возьмите меня! Не чудище я, а живой человек.

Но напрасно кричал Юривака. Он оброс бородой до самых глаз, волосы у него висели длинными лохмами, платье изорвалось... Даже за человека не признали его рыбаки! Понял это Юривака и горько рассмеялся.

Так пробыл он на острове два долгих года. Но наконец все же приняли его на какой-то корабль и доставили на родной берег.

А в этот самый день было там по случаю большого праздника устроено состязание по стрельбе из лука.

— А ну, кто из вас сумеет выстрелить из этого лука? Если есть такой силач, выходи! — громко потешался Каранака, показывая пальцем на огромный железный лук.

Думал он, что никто не откликнется на его зов, но вдруг выходит из толпы неторопливым шагом молодой Юривака. Никто не признал его — так он изменился.

— Ну что ж, незнакомец, попытай свое счастье! — усмехнулся Каранака. — Мы позабавимся!

Наложил Юривака на тетиву длинную-длинную стрелу и легко натянул лук. Громко завизжала в воздухе стрела, полетела так быстро, что глазом не уследишь, и вонзилась в самую середину меты. А за ней вторая, третья... Одна стрела вонзается в другую.

— О, да ведь это сам Юривака!

— Смотрите, Юривака!

— Юривака вернулся! — зашумели люди. Тут уж и братья-предатели поняли, что перед ними сам Юривака, но было поздно! Четвертая стрела пробила грудь Каранака. Хотел было Мотомаса спастись бегством, но пятая стрела догнала его и пронзила насквозь.

Так пали от руки Юривака братья-предатели, а сам он поспешил туда, где сидела в темнице жена его Касуга-химэ. Растворились перед ней двери, и вышла она, радостная, на свободу.

И с тех пор в Девяти провинциях воцарились спокойствие и мир.

В старину жил в стране Суруга¹ один старик. Рубил он в горах бамбук и готовил из него разные поделки—тем и добывал себе пропитание. Люди прозвали его дед Такэтори, что значит Добывающий Бамбук, а еще называли его Мицукури, что значит Мастерящий Веялки.

Так сказано в старинных книгах.

Однажды этот дед Мицукури пошел в бамбуковые заросли и вдруг увидел: лежит в соловьином гнездышке маленькое яичко и светится ярким светом. Он бережно принес его домой.

Скорлупка раскололась сама собой, и появилась оттуда крошечная прекрасная девочка. Родилась она из соловьиного яичка и потому нарекли ее Угуйсу-химэ—Дева-Соловей².

Старик растил ее и лелеял, словно родную дочь, а она становилась все краше. Когда же выросла, то никто на земле не мог сравниться с ней красотой. Излучала она сияние, и дали ей второе имя—Кагуя-химэ—Лучезарная Дева.

Старик Мицукури стал с тех пор находить в коленах бамбука золотые монеты. Был он нищим, а за короткое время сделался богачом.

Повадились к нему в дом женихи свататься, но старик с дочерью каждому задавали трудные задачи. Ни один жених не мог решить их и возвращался ни с чем в большом смущении.

Прослышал о лучезарной красавице правивший в то время Сын Неба³. Отправился он в страну Суруга будто бы охотиться и увидел там Кагуя-химэ. Попросил он ее поехать с ним в столицу и стать его царственной супругой. Но и самому Сыну Неба отказала дева. Лежала у нее на сердце другая забота.

Осенью того же года в пятнадцатую ночь восьмой луны небеса стали ясными и переполнило их лунное сияние⁴.

И вот спустилось вниз белое облако, и Кагуя-химэ с вершины горы Фудзи поднялась на небо. Но перед тем как улететь, сложила она стихи и послала их государю вместе с эликсиром бессмертия.

Вот что написала она:

*Навеки прощай!
Я одежду из перьев
Надену сейчас,
Но сердце мое томит
Печаль разлуки с тобой.*

Когда государь прочел эту танку⁵, его охватила великая горечь.

— Не надо мне эликсира бессмертия,— молвил он и повелел отнести этот эликсир на вершину горы Фудзи—она ближе всего к небу—и там зажечь.

С той поры поднимается над горой Фудзи вечный дым⁶, оттого что горит на ее вершине эликсир бессмертия,—так говорят древние сказания.

6

Небесная
дева

Жил в одной деревне молодой крестьянин по имени Микэран. Каждый день он трудился в поле да рубил дрова в горах на продажу.

Однажды пошел Микэран в горы вместе со своими односельчанами. Его спутники притомились, стали пить воду из горной речки и смывать с себя пот.

Но Микэран решил искупаться где-нибудь поодаль. Пошел он к верховью реки, куда обычно люди не заходят. Была там широкая чистая заводь.

Сбросил Микэран пропитанные потом лохмотья и уже собирался нырнуть в воду, как вдруг видит: на ветке прибрежной сосны висит прекрасная одежда из птичьих перьев¹. «Вот диво!»—подумал Микэран и снял одежду с ветки.

Вдруг из глубины заводи у самых его ног выплыла нагая девушка и, умоляюще сложив руки, стала просить жалобным голосом:

— Верни мне мою одежду из перьев. Ведь для человека она бесполезна.

Но Микэран, ни слова не ответив, только молча глядел на нее.

— Микэран, разве не понял ты моей просьбы? Если я не надену этой одежды, то не смогу вернуться на небо. Тебе, человеку земного мира, летающая одежда не нужна. Отдай же ее мне!—молила девушка.

Но Микэран только спросил:

— Зачем ты здесь?

Он не хотел отдавать одежду из перьев, но девушка думала: «Должно быть, он не в силах поверить, что есть на свете такая диковина—одежда, в которой можно летать. А если б поверил, то отдал бы мне».

И она, проливая слезы, стала рассказывать:

— Я—небесная фея и лишь изредка спускаюсь на землю, чтобы искупаться в этой заводи. Ты сомневаешься в моих словах? Верни мне одежду из перьев и увидишь.

— А для чего тебе она?—ответил Микэран.—Лучше давай будем жить на здешнем острове в любви и дружбе. Тогда не надо будет тебе прилетать с неба всякий раз, когда захочешь купаться. Только скажи, и я провожу тебя сюда. Купайся здесь, сколько душа твоя хочет.

— О, не говори таких жестоких слов, Микэран! Я, небесная дева, не могу жить на земле. Прошу тебя, верни мне одежду из перьев.

— Ну нет, если я верну ее, ты улетишь на небо. Оставайся со мной на нашем острове.— Так и не отдал Микэран одежды из перьев.

Небесная дева сильно опечалилась. Но не могла она вернуться на небо, раз отняли у нее чудесную одежду, и поневоле пошла с Микэраном в его селение.

Прошло семь лет, и у них родилось трое детей. Но жена Микэрана все время стремилась вернуться на небо. Она искала во всех углах дома свою одежду из перьев и не могла найти. Где только муж запрятал ее?

Однажды Микэран ушел на рыбную ловлю, а небесная фея собралась идти по воду к речке на самом краю деревни. Привязала она своему семилетнему сыну на спину недавно родившегося ребенка, а пятилетнему сыну велела убаюкивать младенца колыбельной песней, легонько похлопывая его по спинке.

Идет небесная фея назад к своим воротам и вдруг слышит: поет ее сынок колыбельную, убаюкивая маленького брата:

*Эй-хора, эй-хора, не плачь, усни.
Отец идет, подарок несет.
Один, два, три, четыре столба.
Четыре столба, шесть высоких столбов,
Внизу столбы, сверху снопы.
Отпрет он двери, распахнет он двери,
Найдет он одежду из перьев,
Подарит тебе одежду из перьев.
Эй-хора, эй-хора, не плачь, усни.*

Слушает небесная фея колыбельную песню. Так, значит, семь лет назад спрятал Микэран одежду из перьев в высоком амбаре на четырех и шести столбах! Скорей, скорей, пока не вернулся муж, приставила она лестницу к высокому амбару, открыла дверь, стала шарить посреди снопов риса и проса... Отыскалась наконец одежда из перьев!

Не дожидаясь возвращения Микэрана, надела на себя небесная фея одежду из перьев, семилетнего сына привязала к спине, пятилетнего положила за пазуху, а младенца прижала к груди правой рукой. Первый раз вспорхнула она к небу, поднялась на вершину высокой сосны. Второй раз вспорхнула, скрылась между облаками. Третий раз вспорхнула — и достигла неба. Но, на печаль и горе, пролетая меж облаками, уронила она младенца, и он упал на землю.

Вернулся Микэран с рыбной ловли. Видит, двери настежь, в доме пусто. Распахнута дверь и в высоком амбаре. Стоит Микэран как потерянный и думает: «Отыскала она одежду из перьев и покинула меня».

Настало время ужинать. Поплелся Микэран к очагу. Огонь в нем еле тлеет. Взял Микэран бамбуковую дудку для разжигания огня и подул. Не проходит воздух. «Отчего бы это?» — удивился

он и заглянул внутрь. Видит, в бамбуковой дудке спрятан лист бумаги.

Вытащил он его, расправил и читает письмо:

«Собери тысячу деревянных сандалий и тысячу соломенных сандалий, закопай их в землю поглубже, а сверху посади бамбук. Через два-три года дорастет он до самого неба, и ты сможешь взобраться по нему ко мне».

Микэран, не мешкая ни минуты, стал собирать повсюду сандалии. Но почему-то ему удалось собрать только девяносто девяносто девять деревянных сандалий и девяносто девяносто девять соломенных. Закопал он их в землю и посадил над ними молодой побег бамбука. Быстро начал расти бамбук.

Прошло три года. Поглядел как-то раз Микэран в вышину, и показалось ему, что бамбук уже до самого неба дотянулся.

Обрадовался Микэран и стал взбираться вверх по стволу. Лез он, лез, поглядел вниз — облака под ногами, земли не видно. Вот он и подумал, что уже на небе. Но ветви на вершине бамбука самую малость до неба не дотянулись. Качается Микэран на ветру, за верхнюю ветку держится.

Небесная фея вернулась в свой родной дом и снова, как прежде, стала ткать одежды, но все же нет-нет да и вспомнит о земле. Ждет не дождется, когда же бамбук вырастет до самого неба и Микэран сможет к ней подняться.

Однажды, сидя за кроснами, поглядела она из окошка вниз. Бамбук уже вырос высоко-высоко. Колышутся-качаются ветви на ветру, а за самую верхнюю ветку уцепился какой-то человечек. С высоты поглядеть — он не больше макового зернышка.

Небесная фея схватила ткацкий челнок и стала тихо-тихо спускать его к Микэрану. Вот уж челнок над самой его головой. Ухватился Микэран за этот челнок, и жена втащила его на небо².

Богиня, мать небесной феи, приняла Микэрана ласково и сердечно, но отец ее, Небесный правитель³, встретил нежеланного зятя со злобой и начал задавать ему трудные задачи.

Как раз в это время на небесах расчищали поля под пахоту. Тесть повелел Микэрану за один день расчистить от деревьев тысячу тёбу.

Не на шутку встревожился Микэран. Разве ему под силу такая работа? Но пришла жена и стала его успокаивать:

— Не печалься, это дело легкое. Сруби три больших дерева, ляг на пенек головой и почивай до вечера.

На другой день Микэран по повелению своего тестя отправился в лес. Срубил он три дерева и лег подремать, как жена научила.

Проснулся уже под вечер, глядит: все деревья срублены. Обрадованный, пошел он к тестю:

— Расчистил я от леса, как ты повелел, за один день тысячу тёбу.

Но не умиловился тесть:

— Завтра вскопай за один день все, что ты расчистил.

Вконец упал духом Микэран. Где же ему вскопать за один день такое огромное поле? Но тут снова пришла небесная фея и говорит:

— Это работа нетрудная. Копни мотыгой три раза и почивай до вечера. Все само собой делается.

Так и случилось. Проснулся Микэран к вечеру, смотрит: все поле, сколько хватает глаз, вскопано мотыгой. Радостный, поспешил он домой к тестю, но тот задал новую задачу не легче первой:

— Завтра за один день посади на всем вспаханном поле от края до края семена тыквы горлянки.

Легко сказать, трудно сделать. Поле-то величиной в тысячу тѣбу. Не по силам такая работа для Микэрана.

Пошел он за советом к своей жене.

— Только-то? Дело простое. Посади три тыквенных семечка в трех разных местах и ляг почивать, все само собой сладится,— научила жена.

Последовал он ее совету, и к вечеру опять все было готово.

Подумал Микэран, что теперь конец его трудам, и пошел к тестю с веселой душой.

Но тесть—Небесный правитель повелел ему:

— Сними завтра утром пораньше урожай с поля, весь до последней тыквы.

«Вот когда я пропал!—подумал Микэран.—Разве так бывает, чтобы за одну только ночь семена тыквы взошли, дали цвет и зрелые плоды?»

Пошел он к жене со своим горем. Небесная фея стала его утешать:

— Не отчаивайся, тыквы уже зреют. Сорви пораньше утром три самые спелые и ложись подремать, все само собой делается.

Не слишком поверил Микэран словам жены: как может случиться такое чудо? Рано-рано утром поспешил он на поле и видит: в самом деле тыквы созрели. Сорвал он три самые спелые и заснул.

Через некоторое время очнулся он от дремоты, глядит—весь урожай собран еще до полудня. Тыквы горлянки горами лежат, ни одной на поле не осталось.

Выполнил зять все трудные задачи. И тесть как будто подобрел. Стал готовиться к празднику урожая. Микэрану доверил тыквы резать. До этого он говорил со своим зятем злобно, но тут сказал ласковым голосом:

— Разрежь три тыквы, но, смотри, вдоль, а не поперек, положи под голову и спи спокойно.

Но сидевшая там небесная фея подмигнула мужу: «Не слушайся, дескать, моего отца, режь не вдоль, а поперек».

На беду, Микэран подумал: как можно послушаться, когда тещь дает добрый совет? Взял он тыкву одну, другую, третью и разрезал вдоль. И тут все наваленные горой тыквы развалились на две половинки, воды хлынули рекой и унесли с собой Микэрана.

Еще и теперь можно осенью ясно увидеть Небесную реку, и разделенные этой серебряной рекой сияют на ее берегах две звезды: Пастух и Ткачиха⁴. Плачут муж с женой в разлуке. Люди говорят, что две звездочки возле Небесной Ткачихи — это двое ее старших детей.

Лишь один раз в году дозволено Микэрану встретиться со своей женой: когда наступает седьмая ночь седьмого месяца.

7

Дед
Кобутори

В старину это было, в далекую старину. Жили где-то старик со старухой.

Старик был работающий, и все звали его честным дедом.

Однажды утром встал он спозаранок и пол в кухне подметает. А на земле лежит горошинка. «Хорошая горошинка, сладкая», — подумал он, но только руку протянул, как она покатилась и катится, катится.

Наклонится поймать, а она покатится — коконкорон-коконкорон — и закатилась наконец — коконкорон — в мышиную норку.

Но дед все гнался за ней и, не долго думая, полез в мышиную норку. Открылась перед ним дорога. Дед побежал по ней все прямо-прямо, и вот стало совсем темно. Вдруг видит — стоит храм, он в него и вошел. А уж там такая темь — ничего не видать! Спрятался он под досками пола и уснул.

В середине ночи послышался шум и все ближе: дзудон-дзудон.

— Ох, кто это, кто сюда идет? — задрожал от страха дед. — Пропал я, съедят меня...

И вот с восточной стороны явились тэнгу¹, с западной тоже пожаловали тэнгу. Слышен шум и топот: доэн-доэн.

— Смотри-ка, что они нынче ночью затевают?! — удивляется старик. — Сколько их явилось!

А той порой с южной стороны донесся шум: доэн-досун-дзудон. Еще тэнгу идут. С северной стороны тоже слышится такой громкий шум, что страх берет: доэн-досун-дзудон.

Собрались тэнгу со всех четырех сторон.

Надо сказать, что у старика была большая-пребольшая шишка на щеке. Стал он из-под пола выглядывать со своей шишкой, присыпанной песком. А тэнгу дружно пустились в пляс и так весело поют:

*Тэнгу, тэнгу, восемь тэнгу,
А со мною девять тэнгу.
Если тигр не придет,
Будем до утра плясать.
Суттон-суттон, сорэ-сорэ.*

*Тэнгу, тэнгу, восемь тэнгу,
А со мною девять тэнгу.
Если тигр не придет,
Будем до утра плясать.
Суттон-суттон.*

Загляделся старик и совсем забыл, что он под полом прячется, выскочил оттуда и сам пустился в пляс, трясая своей шишкой. Такой это был зажигательный напев:

*Тэнгу, тэнгу, восемь тэнгу,
А со мною девять тэнгу.
Если тигр не придет,
Будем до утра плясать.
Суттон-суттон, сорэ-сорэ.*

*Тэнгу-тэнгу, восемь тэнгу,
А со мною девять тэнгу,
Если тигр не придет,
Будем до утра плясать.
Суттон-суттон.*

До того разошелся старик, забыл свой страх, обо всем на свете позабыл. Пляшет-скачет. Глядят на него тэнгу, удивляясь:

— Нынче ночью пожаловал к нам забавный старик. Здорово он пляшет, потешил нас. Откуда только взялся такой? Дедушка, ты горазд плясать, приходи к нам опять завтра ночью.

— Ладно, приду.

Но тут вдруг старик опомнился и опять задрожал от страха.

— А вдруг обманешь, не придешь?—усомнился один тэнгу.— Вот что, возьми в залог твою шишку.

Ухватил тэнгу его шишку, давай тянуть изо всех сил, она и отвалилась. Дед, не помня себя от радости, отправился домой. С тех пор и прозвали его дед Кобутори².

А у старика-соседа по прозвищу Непутевый Дед тоже была огромная шишка на щеке.

— Послушай, сосед, как ты от своей шишки избавился? Без шишки ты вон какой приглядный!—пристал Непутевый Дед с неотвязными расспросами.

Рассказал ему честный дед все, что с ним приключилось прошлой ночью:

— Стал я утром подметать кухню, вижу, лежит горошинка. Хотел я ее поднять а она покатила-покатила и закатилась в мышиную норку. Я за ней, а там темно как ночью. Что будешь

делать? Спрятался я под полом в храме, а тут, откуда ни возьмишь, тэнгу пожаловали, целая толпа тэнгу — и давай плясать. Такой был веселый танец, что я тоже пустился в пляс. И велели они мне строго-настрого прийти к ним опять. В залог шишку взяли.

— Вот оно что! Давай пойдем вместе со мной.

— Ну нет. Иди туда один.

Встал Непутевый Дед на другое утро спозаранок и начал подметать кухню. Смотрит — горошинка покатилась и закатилась в мышиную норку.

— Ну и я тоже залезу в мышиную норку.

Полез Непутевый Дед ползком в мышиную норку. Глядь — стоит храм, а кругом темь такая, глаз выколи. Спрятался он под полом. Вдруг послышался шум и топот: досун-досун. Отовсюду, с запада и востока, с юга и севера собрались тэнгу. Стали они толпой плясать, припевая:

*Тэнгу, тэнгу, восемь тэнгу,
А со мною девять тэнгу...
Если тигр не придет,
Будем до утра плясать.
Суттон-суттон сорэ-сорэ.*

*Тэнгу, тэнгу, восемь тэнгу,
А со мною девять тэнгу,
Если тигр не придет,
Будем до утра плясать.
Суттон-суттон.*

Вылез Непутевый Дед из-под пола и ну плясать и распевать вместе с тэнгу. Только он и плясать-то не умел вовсе. Пляшет — спотыкается, с ладу сбивается, слушать и глядеть противно.

Закричали тэнгу:

— Нет, старик, не умеешь ты плясать! Только мешаешь!

— Надо ему вернуть залог! — И с размаху прилепили ему шишку на другую щеку.

Побрел старик домой. Голосит с горя:

— Ай-ай, бабушка! Была одна шишка, стало две! Была шишка, стало две!

Услышала старуха, как дед причитает, обрадовалась:

— У моего деда шишку сняли, от большой радости он во весь голос поет.

Но не смог Непутевый Дед вылезти из мышиной норки, застрял там и еще пуще кричит.

— Что это сегодня мыши так расшумелись? — дивится старуха. Взяла и завалила большой ступкой мышиную норку.

Не надо по-глупому людям подражать, не то как раз в беду попадешь.

Тут и сказке конец.

В старину жили дружные супруги. Не было у них детей. А уж как им хотелось ребеночка — хоть с ноготок!

Вот пошли они в храм бога Сумиёси¹ и стали усердно молиться:

— Сумиёси-сама, даруй нам ребенка, хоть маленького-маленького, ростом с ноготок!

Через девять месяцев родился у жены пригожий мальчик, но маленький-маленький, не больше ноготка. Дали ему родители имя Иссумбоси². Стали его холить и лелеять. Но время шло, а мальчик все оставался таким же крохотным. Отчаялись родители. Дали ему вместо меча швейную иглу и прогнали из дома на все четыре стороны.

Что будешь делать? Иссумбоси взял у своей матери деревянную чашку и две палочки для еды. Чашка служила ему корабликом, а палочки — веслами. Много дней плыл он по реке и приплыл наконец в столицу Японии, где обитал сам Сын Неба.

Стал Иссумбоси бродить по городу и увидел роскошный дом.

Вошел он в гэнкан и закричал во весь голос:

— Дозвольте войти! Дозвольте войти!

Люди в доме удивились: кто это там пищит? Вышли в гэнкан, смотрят — возле сандалий у входа стоит крохотный человечек. Спрашивают:

— Мальчишечка, это ты нас звал?

— Да, я. Меня зовут Иссумбоси, я изгнан из родительского дома. Возьмите меня в услужение.

— Что ж, будет нам забава, — решили в доме и приняли его в услужение.

Иссумбоси был ростом мал, но на диво смысленный. Молви слово, сразу поймет. Всем он пришелся по душе. Только и слышно: «Иссумбоси, Иссумбоси»! Сама княжеская дочь полюбила его.

Однажды княжеская дочь вместе с Иссумбоси отправилась в храм Каннон на поклонение³. На обратном пути попались им навстречу два черта. Черти хотели схватить девушку, но Иссумбоси выхватил из-за пояса иглу и давай махать ею, как мечом.

— Да знаете ли вы, кто я?! Я — Иссумбоси, сопровождаю юную госпожу в ее паломничестве к храму Каннон!

Тут один из чертей взял и проглотил Иссумбоси. Но крохотный Иссумбоси стал свободно бегать в желудке у черта и колотить его иглой. Черт невзвидел света — такие взяли его колотики — и выплюнул Иссумбоси.

Тогда второй черт поймал Иссумбоси и хотел было раздавить его между ногтями, но мальчик вовремя догадался и прыгнул черту прямо в глаз. Черт взвыл от боли и убежал.

Девушка стоит в сторонке и дрожит от страха. Иссумбоси собрался было повести ее домой, как вдруг смотрит: лежит на дороге маленькая колотушка. Девушка ее подняла.

— Что это?—спросил Иссумбоси.

— Это волшебная колотушка⁴. Что ни пожелаешь, все даст по первому слову.

— Сделай милость, попроси тогда, чтобы она мне росту прибавила.

Постучала девушка колотушкой и крикнула:

— Прибавь росту Иссумбоси, прибавь росту!

И вдруг Иссумбоси начал расти, расти и превратился в статного, красивого юношу. Отдали ему княжескую дочь в жены, и зажил он с ней счастливо.

9

**Воробей
Резаный
Язычок**

Давно-давно жили старик со старухой. И был у них ручной воробушек.

Вот как-то раз в погожий день отправился старик в горы дрова рубить, а старуха задумала устроить постирушку. Приготовила она крахмал и отправилась к соседке, чтобы одолжить шест для просушки одежды. Воробей остался дома один.

Увидел он крахмал и склонул крошку. Ах, вкусно! Еще крошку склонул, а там еще и сам не заметил, как доел все без остатка.

Вернулась старуха с шестом, глядь—а крахмала-то и нет.

В страшный гнев пришла она:

— Это ты слопал, негодный! А ну-ка, высунь язычок!

Отрезала язычок ножницами и прогнала воробья со двора.

А старик весь день трудился в лесу. Пришел домой усталый, зовет воробья—не откликается воробей, нет его нигде.

Спрашивает старик:

— Послушай, бабушка, что случилось с воробушком?

А старуха отвечает как ни в чем не бывало:

— Отрезала я ему язычок и прогнала на все четыре стороны.

Всполошился старик:

— Что ты наделала! Пойду искать моего воробушка,—и отправился в путь.

Далеко зашел он в горы и видит: какой-то человек обмывает речной водой ноги своей лошади.

— Не знаешь ли ты, где воробьиный дом?

— А ты выпей три глотка воды, какой обмывал я лошадиные копыта, тогда скажу.

Делать нечего, выпил старик три глотка мутной воды. И сказал ему тот человек:

— Иди вверх по течению реки. Увидишь, человек моет быка, тогда и спрашивай, где воробьиный дом.

Пошел старик по берегу реки. Вскоре и вправду увидел он: какой-то человек моет быка.

— Эй, послушай, не знаешь ли ты, где воробьиный дом?

— А ты выпей три глотка воды, какой обмывал я ноги моего быка, тогда скажу.

Что прикажешь делать? Выпил старик три глотка мутной воды. И тогда сказал тот человек:

— Где воробьиный дом? Иди дальше вверх по течению реки, там найдешь его в бамбуковой чаще.

Вновь побрел старик по берегу реки. И верно: перед ним заросли бамбука, а в самой гуще щебечет множество воробьев:

*Если дедушка придет,
Листья зашуршат бамбука.
Тот-он пай-пай.*

*Если бабушка придет,
Листья зашумят деревьев.
Тот-он пай-пай.*

Хором распевая песни, ткут воробьи на кроснах.

Обрадовался старик:

— А где здесь мой воробушек?

Заглянул он в чашу, и выпорхнула ему навстречу стая воробьев:

— А-а, дедушка пожаловал! Сюда, сюда, просим сюда. Снимайте сандалии, пожалуйста в дом¹.

За руку провели его в дом, а там уж другие воробьи несут деревянный тазик и золотой тазик:

— Помойте ноги в любом, какой приглянется.

— По мне и деревянный хорош,— ответил старик. Помыл он ноги и вошел в покои для гостей.

Тут явились новые воробьи:

— Верно, вы проголодались, дедушка? Подать вам кушанья на деревянном столике или на золотом?

— С меня и деревянного хватит.

Подали старику разные вкусные яства на деревянном столике.

Целый вечер старик не спеша беседовал с воробьями и остался ночевать у них в доме.

На другое утро захотели воробьи поднести старику подарок на память. Стал он было отнекиваться: не нужно мне ничего! Но воробьи неотступно упрашивали. Побоялся старик их обидеть и согласился.

— Скажите, что вам хочется?— спрашивают воробьи.

— По мне все хорошо,— отвечает старик.

— Хотите деревянный сундучок или золотой сундучок?

— Стар я уже годами. Куда мне тяжелый золотой сундук?

Деревянный будет в самый раз.

Получил старик подарок и стал собираться домой. Простился с Резаным Язычком и со всей воробьиной стаей. А воробьи ему говорят:

— Только, дедушка, по дороге в сундучок не заглядывайте. Откроете дома.

— Хорошо, хорошо, не открою. Дома погляжу,— обещал старик.

Пошел он назад прежним путем по берегу реки. Не терпится заглянуть в сундучок, так и подмывает! Но стерпел старик, сдержал свое обещание.

Пришел он домой, позвал старуху и вдвоем с ней открыл сундучок. Посыпались оттуда большие и малые золотые монеты. Целая груда золота.

Завидки взяли старуху.

— А я чем хуже?— говорит.— Пойду одна, без тебя, еще больше богатства добуду.

И сразу же пустилась в дорогу. Идет и спрашивает у всех, как старик делал:

— Где здесь воробьиный дом?

Видит, какой-то человек моет в реке лошадь. Стала старуха спрашивать, где воробьиный дом, а он попросил ее выпить сначала три глотка мутной воды. Скривилась старуха, но выпила.

— Теперь иди дальше по берегу. Увидишь, человек моет быка, и тогда спрашивай, что тебе надобно.

Пошла старуха и вправду увидела: моет быка какой-то человек. Спросила старуха, где воробьиный дом.

— Выпей сначала три глотка воды, какой я мыл ноги своего быка, тогда скажу.

Делать нечего, выпила старуха три глотка мутной воды.

— А теперь, бабушка, иди все вверх и вверх по течению. Там и найдешь воробьиный дом.

Заковыляла старуха дальше, опираясь на посох. Все, как старик сказывал. Вот и густая-прегустая чаща бамбука, в глубине воробьи щебечут:

*Если дедушка придет,
Листья зашуршат бамбука.
Тот-он пай-пай.*

*Если бабушка придет,
Листья зашумят деревьев.
Тот-он пай-пай.*

Распевая хором, ткут воробьи на кроснах.

Увидели старуху и вылетели стаей навстречу:

— Бабушка пришла!

Принесли два тазика и спрашивают:

— Вот деревянный тазик, вот золотой, в каком угодно ноги помыть?

— Да вы что?! Буду мыть ноги только в золотом тазу.

Провели старуху в комнату для гостей и снова спрашивают:

— Подавать кушанья на деревянном столике или на золотом?

— Да вы что?! Буду есть только на золотом столике.

Вот поела старуха на золотом столике, переночевала в воробьином доме и утром стала собираться домой.

Воробьи спрашивают:

— Бабушка, какой сундучок хотите в подарок, деревянный или золотой?

Жадная старуха крикнула в ответ:

— Давайте золотой, другого не возьму!

— Бабушка, маленький сундучок подарить вам или большой сундук?

— Тащите самый большой сундук, какой только у вас найдется!

Подарили ей воробьи большой-пребольшой сундучище. Ох и до чего же тяжел!

Стали воробьи прощаться со старухой:

— Бабушка, по дороге не заглядывайте в сундук. Дома откроете.

С трудом, пыхтя и задыхаясь, взвалила старуха сундук на спину и побрела домой. Немного прошла и присела на пенек. Так и подмывает ее взглянуть, что там внутри. Не выдержала старуха, свалила сундук на обочину и откинула крышку.

Вдруг высунулся оттуда длинный-длинный воробьиный язычок. А потом посыпались змеи, тысячножки, всякие страшные гады. Битком был набит сундук всякой мерзостью!

Ужас взял старуху, ноги у нее подкосились, перестали служить.

С той самой поры, говорят, и начали в Японии сказывать такие страшные сказки, что ноги подкашиваются.

10

Гора Катикаги

В старину жили где-то старик и старуха. У старика было поле на склоне горы. Каждый день ходил он туда работать, но вот беда — что ни посеет, хоть горох, хоть просо, придет барсук и все поле опустошит!

Но дед не опускал руки. Вот однажды пошел он сеять. Разбрасывает семена и поет песенку:

*Посажу одно зерно,
Уродится тысяча.
Посажу два зерна,
Уродится десять тысяч!*

Вдруг чей-то голос тоже затянул песню:

*Уродит одно зерно,
Много-много лишь одно.
Дотемна трудись впустую,
Суккаракан.*

Вот тебе на! Смотрит дед вокруг и видит: уселся барсук на корневище дерева и насмешничает.

Рассердился старик. Так вот, значит, кто опустошает поле?! Дрянной барсук! Стал он думать, как изловить негодника.

На другое утро спозаранок пошел старик работать на свое поле, а корневище дерева густо обмазал сосновой смолой.

Начал дед сеять зерна с песней:

*Посажу одно зерно,
Уродится тысяча,
Посажу два зерна,
Уродится десять тысяч.*

Тут опять появился, как вчера, барсук и давай передразнивать старика:

*Уродит одно зерно,
Много-много лишь одно.
Дотемна трудись впустую.
Суккаракан.*

Сделал старик вид, будто не слышит, и работает себе дальше. И вдруг неожиданно как набросится на барсука с криком:

— А, попался, барсучишка!

Барсук хотел было удрать, да прилип, не может пошевелиться. Попался-таки.

Старик крепко связал барсука лозами вистерии, принес домой и подвесил под застрехой.

— Старуха, я поймал проказливого барсука. Он мое поле разорял. Вечером сварим из него похлебку,— сказал дед и снова пошел работать в горы.

Осталась старуха одна и начала на дворе толочь рис в ступке. Но тут барсук окликнул ее:

— Бабушка, бабушка, много ли рису ты собралась натолочь?

— Да три полные ступки.

— Ой-ой, жаль мне тебя! Тяжело в твои годы рис толочь. Я тебе помогу. Развяжи меня ненадолго,— попросил барсук вкрадчивым голосом.

— Что ты, разве можно! Меня старик забранит,— отмахнулась бабушка.

— Не бойся, ничего тебе не будет. Кончу толочь рис, опять меня свяжешь, никто и не узнает.

Обманул хитрый барсук доверчивую старуху.

— Ну что ж, отпущу ненадолго, на малый срок,— и развязала барсука.

— Спасибо! Дай мне пестик, бабушка, я тебе помогу.

Старуха послушалась, а он пришиб ее пестиком до смерти и запел:

*Ты не сваришь, дедушка,
Суп из барсука.
Свари взамен бабушку
И покушай всласть.*

И удрал со всех ног в горы.

Пришел старик под вечер домой, глядь—барсука нет, а старуха лежит мертвая. Заплакал дед в голос:

— Убил он, видать, мою старуху. О горе, горе!

Тут—прыг-скок—прибежал заяц:

— О чем ты, дедушка, плачешь?

— Как это о чем? Ты, заяц, только послушай!

Все ему старик рассказал. Разорял барсук его поле и, мало того, старуху до смерти убил.

Стал заяц его утешать:

— Не плачь, я накажу злого барсука.

На другой день заяц отправился в горы. Стал резать тростник, распевая песенку:

*Стебель, стебель тростника,
Дай мне листьев тысячу.
Завтра крышу богача
Покрывают заново.*

Откуда ни возьмись, бежит барсук, шею от любопытства вытянул:

— Говоришь, завтра крышу у богача будут наново перестилать?

— Ага! Отнесу ему тростник, денежек заработаю.

— Да ну! Возьми меня в товарищи.

«Попался на удочку»,— подумал заяц, но виду не подал:

— Ладно. Нарезь тростника побольше.

Много они тростника нарезали. Барсук очень обрадовался и, поторапливая зайца, стал быстро спускаться под гору. Навьючил он на себя целую гору тростника, а заяц—только маленькую охапку.

Но вскоре заяц жалобно закричал:

— Ух, тяжело, мочи нет! Не надо мне денег, брошу тростник на дороге.

— Как можно? Столько трудился! Отдай лучше мне свою охапку тростника.

Барсук взвалил на себя ношу зайца, а заяц радостно запрыгал сзади:

— Вот славно, дух перевел!—А сам незаметно стал выбивать огонь кресалом.

— Заяц, а заяц, что это я слышу, словно бы что-то постукивает: кати-кати, кати-кати²?—спрашивает тут барсук зайца.

— А это на горе Катикати так кричит птица-катикати,—говорит заяц, как ни в чем не бывало.

Но вот загорелся тростник на спине барсука: пых-пых.

— Заяц, а заяц, что это мне слышится, словно бы пых-пых?

— Это на горе Пыхпых кричит птица-пыхпых,—ответил заяц, а сам скорей наутек.

На другой день заяц на горе Перцовых Стручков готовил мисо с красным перцем.

Тут, охая, весь обожженный, притащился барсук.

— Ага, нашел я тебя, заяц. Это ты мне вчера нарочно всю спину опалил!—ощерился барсук.

Страх взял зайца, но он прикинулся, будто не знает, о чем речь:

— Что ты говоришь, господин барсук! При чем тут я? На горе Катикати живет заяц горы Катикати, а здесь, на горе Перцовых Стручков, живу я, заяц горы Перцовых Стручков. Откуда мне знать, кто тебя опалил?

— Господин заяц, не знаешь ли ты хорошего лекарства? Обожженная спина сильно болит,—слезно попросил барсук.

— К счастью, у меня под рукой лучшее снадобье от ожогов—мисо с красным перцем. Где надо помазать?

Помазал заяц большие места перцовой приправой и опять припустился наутек.

Незвиздел света барсук, завопил:

— Ай, больно! Ой, жжет!

Бегал, бегал он кругами, но наконец бросился в реку и смыл с себя перцовую приправу.

— Ну погоди же у меня, заяц! На этот раз сожру тебя, начиная с головы.

Стеная и охая, погнался он за зайцем.

Глядь-поглядь, заяц рубит дерево: тук-тук.

Барсук гневно завопил:

— Мерзкий, коварный зайчишка! Намазал меня приправой с красным перцем, у меня все тело распухло!

Заяц спокойно молвил в ответ:

— Вот тебе на! Что такое ты говоришь? На горе Перцовых Стручков живет заяц горы Перцовых Стручков. А я ведь заяц горы Криптомерий. Знать ничего не знаю.

Поверил барсук.

— Значит, ты заяц горы Криптомерий? Тогда нечего делать. Но скажи мне, заяц горы Криптомерий, для чего ты срубил это дерево? Что будешь мастерить из него?—с жадным любопытством спросил барсук.

— А-а, из этого дерева? Обдери с него кору, потом распилю на доски и смастерю лодку.

— А для чего тебе лодка?

— Спущу ее в реку и буду рыбу удить. Много-много рыбы наловлю.

Не утерпел барсук, подобрался поближе:

— Что, что, будешь ловить рыбу? Возьми меня в товарищи.

— Ладно, ладно. У меня шерстка белая, я смастерил себе деревянную лодку, а ты, барсук, вон какой черный. Изготовь для себя глиняную лодку.

Барсук, очень довольный, начал месить глину и лепить лодку.

Но вот лодки готовы. Сели барсук и заяц каждый в свою, и выгребли они на середину реки.

Запел заяц звонким голосом, ударяя по бортам лодки:

*Лодка деревянная,
Бунгура,
Лодка глиняная,
Дзяккура.*

Барсук не захотел отстать от него. Подхватил песню:

*Лодка деревянная,
Бунгура,
Лодка глиняная,
Дзяккура.*

И давай стучать по бортам лодки. Разломилась глиняная лодка пополам и пошла ко дну: буль-буль. И барсук вместе с ней утонул.

На том и сказке конец.

11

Момогато

В старину это было, в старину.

Жили в одной деревне старик со старухой. Дед пошел в горы за хворостом, а старуха на речку—стирать. Вот стирает она и вдруг видит: плывет-бултыхается большой персик—цумбура-цумбура.

Поймала старуха персик и стала есть. Ах, до чего вкусно! «Надо бы деда угостить»,—подумала она и стала громко приговаривать:

— Сладкий персик, плыви к ближнему берегу! Горький персик, плыви к дальнему берегу!

И вот показался вдали большой-пребольшой персик, плывет по реке прямо к ней.

— А этот персик, поди-ка, еще вкуснее!—обрадовалась старуха, выловила его из реки, понесла домой и положила в кладовую.

Вечером возвращается старик с ношей хвороста на спине:

— Бабушка, бабушка, я вернулся домой.

— Дедушка, дедушка, а я поймала в реке вкусный-превкусный персик. Отведай-ка,— сказала старуха и принесла большой румяный персик. Положила она его на деревянную дощечку и только было собралась разрезать ножом, как персик сам распался на две половинки, и появился из него красивый мальчик. Закричал ребенок: «уа-уа!»

Старик со старухой всполошились:

— Ах, что за диво!

На радостях дали они ребенку имя Момотаро, оттого что родился он из персика-момо.

Стали они кормить мальчика рисовой кашницей и рыбой. Поел Момотаро один раз—вырос в два раза, второй раз поел—еще в два раза вырос. Понемногу набрался он силы и таким стал разумным, что старик со старухой на него не нарадуются. Только и слышно: «Момотаро, наш Момотаро».

Но вот однажды пришел Момотаро к дедушке с бабушкой, чинно сел перед ними и склонился в низком поклоне до самой земли.

— Дедушка, бабушка! Ва-а, какой я стал большой! Хочу я отправиться на Чертов остров усмирять чертей. Изготовьте для меня в дорогу самые лучшие в Японии просяные колобки,— попросил он.

Стали старик со старухой его отговаривать:

— Ты же еще мал годами! Поймают тебя черти, и погибнешь ты понапрасну.

Но Момотаро не послушался:

— Не бойтесь, я одержу победу!

Что будешь делать! Пришлось дедушке с бабушкой согласиться:

— Поезжай, сынок, и возвращайся с победой.

Снарядили старики Момотаро в путь.

Изготовили самые лучшие в Японии просяные колобки. Надели на него новую головную повязку, новые хакама, дали меч и знамя. На знамени было написано: «Самый могучий в Японии богатырь Момотаро». Мешочек с просяными колобками подвесили ему к поясу и напутствуют его:

— Смотри же, береги себя, а мы будем ждать твоего возвращения.

Стоят старик со старухой в воротах, смотрят ему вслед.

Дошел он до конца деревни и видит: бежит к нему навстречу собака, лает.

— Момотаро, Момотаро, куда путь держишь?— говорит она.

— Иду чертей усмирять на Чертовом острове.

— Коли так, и я с тобой. Но дай мне просяной колобок, самый лучший в Японии.

Достал Момотаро из мешочка на поясе просяной колобок:

— С этой поры ты мой верный дружинник. Съешь этот колобок и станешь таким сильным, как десять воинов.

Вот идут они вместе по горной дороге. Вдруг навстречу выпорхнул фазан: «кэн-кэн!» Он тоже получил просяной колобок и стал дружинником Момотаро.

Идет Момотаро в глубину гор, а с ним уже два верных воина. Вдруг с криком «кья-кья» выскочила обезьяна и получила в свой черед просяной колобок.

Так Момотаро стал полководцем. Идет с ним его храбрая дружина сражаться с чертями на Чертовом острове.

Вот прибыли они на Чертов остров. Стоят там высокие черные ворота.

Обезьяна постучала в ворота: дон-дон!

Изнутри откликнулись:

— Кто там?

Вышел навстречу красный черт.

Момотаро воскликнул:

— Я— Момотаро, самый могучий воин в Японии! Прибыл на Чертов остров усмирять вас, чертей!— и выхватил меч из ножен.

Обезьяна вонзила в черта копые, собака и фазан тоже мечи обнажили и давай рубиться с чертом.

Был там маленький чертенок, он поднял крик и убежал в замок. Той порой черти в замке пировали.

— Момотаро пришел!— визжит чертенок.

— Какой еще Момотаро?— подняли черти его на смех и выбежали всей оравой.

Но ведь Момотаро и его три верных дружинника съели каждый по просяному колобку и стали так сильны, как многотысячное войско.

Разбили они чертей в пух и прах.

Огромный черный черт, полководец на Чертовом острове, склонился перед Момотаро в земном поклоне, из его глазниц слезы покатились.

— Мы, черти, готовы покориться, только оставь нам жизнь! Больше мы злых дел творить не будем,— смиренно взмолились черти.

Момотаро в ответ:

— Коли вы, черти, клянетесь отныне оставить свои злые дела, я, так и быть, пощажу вас.

— Я отдам тебе все наши сокровища,— обещал черт.

Момотаро нагрузил сокровища на повозку. Собака, обезьяна и фазан потащили ее, покрикивая: «Тяни, тяни!» Привезли они дедушке с бабушкой богатые подарки.

Обрадовались старик со старухой, похвалили храброго Момотаро. Сын Неба тоже услышал про его подвиги и прислал богатый подарок.

Старик со старухой прожили всю свою жизнь в довольстве и радости.

Воробей
Перебитая
Спинка

В старину жила в одном горном селении добрая старуха. Как-то раз услышала она: у нее во дворе жалобно пищит воробей с перебитой спинкой. Пожалела его старуха, посадила в клетку, кормит самым его любимым кормом. Очень старуха заботилась о воробье и выходила его. Стала спинка у него заживать, и начал он свободно порхать в клетке.

Обрадовалась старуха, лелеет и холит воробья. Но вот однажды он выпорхнул из клетки и не вернулся. Сильно встревожилась старуха и всюду ищет своего любимца: куда же залетел воробушек Перебитая Спинка?

Назавтра прилетел воробей на застреху и начал звонко-радостно чиркать. Подивилась старуха, открыла дверь, глядит: на дворе рассыпаны семена тыквы.

Собрала старуха семена и посадила в огороде на задворках дома. Появились из земли побеги, на них расцвели красивые цветы, а потом поспели большие-пребольшие тыквы.

Собрала старуха тыквы и подвесила к застрехе на солнцепеке. Дней десять висели тыквы, и вдруг из одной посыпались белые зерна риса¹. Сняла старуха тыкву, а она полна отборным рисом. В каждой тыкве гора белого риса.

Старуха, себя не помня от радости, сварила обед. Ах, до чего вкусно!

Положила она рис в дзюбако и всех соседей угостила. Все хвалили рис, объединение просто!

Но вот что самое приятное: сколько ни бери этого риса, а он не убавляется! Пришло богатство в дом доброй старухи.

По соседству с ней жила жадная старуха. Взяла ее зависть, и решила она изловить воробья. Поймала, нарочно подшибла ему спинку и засадила в клетку.

Но не дает она ему корма, и воробей, пища от голода и боли, мечется в клетке.

Вдруг жадная старуха отперла клетку. Воробей с жалобным криком вырвался на свободу и куда-то улетел.

Жадная старуха себя не помнит от любопытства: какие подарки завтра воробей принесет?

На другое утро сел воробей на край окна и зачирикал.

Отворила старуха ставни впопыхах. Видит, воробей принес семена тыквы и рассыпал их во дворе.

Обрадовалась жадная старуха и посеяла их в огороде. Взошли побеги, расцвели цветы, созрели плоды. Подвесила старуха тыквы к застрехе, на самом солнцепеке.

Каждый день на тыквы любуется: «Хоть бы скорее рис созрел!»

Но только ни из одной тыквы рис так и не посыпался.

Разозлилась старуха, сняла тыквы и все расколола. Тут выползли из них змеи и сороконожки, осы вылетели, и все напали на старуху, стали кусать ее и жалить. Не было ей спасения, закусали они злую жадину до смерти.

Вот что в старину было.

13

Пепел,
лети, лети!

Случилось это в старину. Жили на речном берегу два старика. Дедушка Уэда¹ устроил в верховьях реки запруду для ловли рыбы, а дедушка Симода² — в низовьях реки.

Но в вершу дедушки Уэда попадались только коряги, а верши дедушки Симода, смотришь, всегда полны рыбешки. Дедушка Уэда раззавидовался и начал спускать коряги в запруду своего соседа.

А дедушка Симода, бывало, корягу вытащит, домой принесет и наколет полешков для очага.

Вот однажды разрубил он корягу топором, и вдруг оттуда появился на свет беленький щенок. Начал старик советоваться со старухой:

— Бабушка, а бабушка, беленький щенок в коряге народился. Что будем с ним делать?

— Дедушка, дедушка, песик-то уж больно хорошенький. Возьмем его к себе домой и вырастим,—говорит старуха.

Начнут песика кормить, а он с одной плошки вдвое вырастет, а с двух плошек вчетверо. Много времени не прошло, стал песик большим и сильным.

Как-то раз сказал он старику:

— Дедушка, а дедушка! Пойдем в горы охотиться на оленей.

— Ну что ж, на охоту так на охоту. Бабушка, а бабушка! Приготовь нам с собой еды на дорогу.

Старуха приготовила колобки-нигиримэси да соленых овощей.

Надел старик Симода дорожные сандалии. Положил в дорожную суму топор с молотком и взвалил себе на спину.

Вот пошли они в горы, песик и говорит:

— Дедушка, тебе тяжело, дай я понесу.

— Что ты? Так негоже.

— Дедушка, дедушка, ты не смущайся. Дай я понесу ношу на своей спине.

И старик взвалил суму песику на спину.

Идут дальше, старик за песиком не поспекает.

— Дедушка, а ты садись ко мне на спину,—говорит песик.

— Ну что ты, можно ли?

— Можно, можно. Садись скорее.

— Да ведь тяжело тебе придется.

— Нет, дедушка, нисколько не тяжело, я сильный.

Посадил песик старика к себе на спину и побежал дальше, в горы.

В горах положили они суму на землю и сели обедать.

А потом песик начал звать:

— Олени с дальних гор, бегите сюда! Олени с ближних гор, спешите сюда!

И вот поскакали к ним олени с дальних гор: бунгури-бунгури-бунгури, и поспешили к ним олени с ближних гор: бунгури-бунгури-бунгури.

Вернулись старик Симода с песиком домой, каждый тащит на спине богатую добычу.

— Бабушка, бабушка, вот сколько мы вдвоем оленей добыли! Приготовь-ка нам похлебку из оленьего мяса,—говорит старик.

Вдоволь поели они вкусной оленины.

Но вдруг зашла к ним злая старуха-соседка и просит:

— Нельзя ли у вас огонька призанять?

— Входи, будь гостьей, угольков нагреем да еще угостим похлебкой из оленьего мяса.

— Ладно, ладно,—отвечает злая бабка,—поем чуток за компанию. Но как ты, дедушка, добыл оленя?

— А я с нашей собакой в горах охотился.

Злая старуха поела похлебки с олениной, потом поворошила палочками на дне чашки:

— А этот кусочек я домой отнесу, угощу своего старика.

— Ешь все. В подарок домой дадим особо,—уговаривают ее. Положили хорошие куски мяса в соломенную плетенку и дали гостье с собой.

А она пошла домой и, спрятавшись позади конюшни, выбрала и съела все самое лакомое, оставила только жалкие объедки.

Но старик Уэда все равно ел да похваливал:

— Ах, как вкусна оленина, до чего вкусна!

Старуха стала злобно издеваться над ним:

— От тебя, старик, много ли дожدهшься проку?. День-деньской знай себе греешься возле очага...

— А ты попроси у соседа одолжить мне собаку. Я тоже завтра пойду в горы охотиться на оленей.

Пошла злая старуха к соседу:

— Мой старик на охоту собрался. Пожалуйста, разрешьте ему взять с собой вашу собаку.

— Хорошо, пусть возьмет.

Вот старик Уэда и злая старуха нагрузили на собаку много всякой снеди, колобки-нигиримэси, соленые овощи да еще топор с молотком. Старик сам взгромоздился верхом на собаку, не спросясь, и давай погонять ее без всякой жалости:

— А ну живей! Быстрее беги!

Пришло время обеда. Старик сам наелся досыта, а собаке ничего не дал.

Песик рассердился и залаял:

— Эй, пчелы с дальних гор, пчелы с ближних гор, слетайтесь сюда, жальте старика!

И вот пчелы с дальних гор, пчелы с ближних гор слетелись густым роем и давай жалить старика! Так и жгут, так и жгут его огнем!

Тут старик Уэда озлился, схватил молоток и убил песика. А потом вырыл яму под рисовым деревом, закопал мертвую собаку, а рисовое дерево поставил на могиле вроде памятного знака.

Старик Симода со своей старухой дивятся— что-то долго не возвращают им собаку.

Наконец пришли к соседям просить:

— Верните нам нашего песика.

А злая старуха в ответ:

— Из-за вашего скверного пса моего старика пчелы искусали. За это убил старик вашего пса и под рисовым деревом схоронил. Хотите разыскать могилу, так идите в горы.

Жестоко покарали бедного песика— да ведь сделанного не веротишь!

Решил старик Симода искать могилу. Пошел в горы, глядь— стоит рисовое дерево, а на нем прекрасные цветы распустились. Срубил он дерево и понес домой. Поставил его в доме, и вдруг посыпались с веток— звяк-звяк-звяк— серебро, золото и рисовые зерна...

Обрадовались старик со старухой, поели вареного риса с рыбной приправой.

Вдруг опять идет злая старуха-соседка:

— Нельзя ли у вас огонька признаться?

— Входи, будь гостьей, угольков дадим для растопки и вкусным рисом угостим.

— Ладно, ладно, поем чуток за компанию. Но откуда добыли вы такой вкусный-вкусный рис?— спрашивает злая старуха.

— Сегодня пошел мой дед в горы, срубил рисовое дерево на могиле нашего бедного песика, принес домой, и вдруг посыпались с дерева— звяк-звяк-звяк— серебро, золото, рисовые зерна... Только тряхнешь дерево, так и сыплются. На радостях устроили мы пир.

Вернулась злая старуха домой и говорит:

— У соседей наших вот что случилось. Посыпались с рисового дерева деньги и рисовые зерна, целые горы добра. А у меня старик никудышный...

— Поди, старуха, попроси у них в долг рисовое дерево.

Пошла злая старуха к соседям:

— Одолжите нам на недолгое время чудесное дерево!

Согласились соседи, а злая старуха спрашивает:

— Когда вы трясли это дерево, то какие слова приговаривали?

— Стоит только назвать, что тебе надобно, да потряхнуть немножко дерево, и все исполнится по твоему желанию.

Взяла злая старуха дерево и отнесла домой. Одолела ее жадность, хочется сразу большое богатство получить. Трясет дерево что есть силы и кричит:

— А ну, насыпь горы добра, да повыше! А ну, насыпь горы добра, да повыше!

И посыпались с веток конский навоз, коровьи лепешки да собачий помет — целые горы насыпались! Вонь такая поднялась, в доме ступить негде, не продохнуть. Пуще озлились старики. Изрубил дед Уэда дерево в щепки и спалил огнем.

А старик Симода со своей старухой удивляются:

— Что так долго не отдают нам чудесное дерево?

Пошли к соседям. А те со злобой говорят:

— Вот еще что выдумали: дерево им верни! А нам из-за него пришлось выкинуть новехонькие циновки. Весь наш дом ваше скверное дерево испоганило! Мы его изрубили и сожгли.

— Ну, коли так, делать нечего. Верните нам хоть пепел на память.

Выгребли пепел из очага и отнесли домой.

Вот однажды посмотрел старик Симода на небо и видит: летит стая диких гусей.

Насыпал он того пепла, что от злых соседей принес, в бамбуковую корзину и вылез на крышу:

— Лети, пепел, лети, диким гусям глаза замети! Пепел, замети глаза диким гусям, лети, лети! — кричит старик и сыплет пепел горстями. Полетел пепел по ветру и засыпал глаза диким гусям. Упали гуси на землю.

Обрадовались старик со старухой, сварили гусиную похлебку, едят и похваляют.

Вдруг опять злая старуха наведалься:

— Нельзя ли у вас огонька призанять?

— Дадим тебе горящих угольков да еще угостим похлебкой с гусятиной.

— Ладно, ладно, съем чуток, только для компании, — говорит злая старуха, а сама чашку протягивает. Наелась вволю и спрашивает у старухи:

— Как же твой старик добыл столько диких гусей?

— А вот как. Взял он корзину пепла, что остался нам на память от рисового дерева, влез на крышу и закричал: «Лети, лети, пепел, диким гусям глаза замети!» Полетел пепел по ветру, засыпал гусям глаза, и упали они на землю. Вот и сготовила я похлебку с гусятиной.

Злая старуха-соседка оставила на дне чашки маленький кусочек мяса и говорит:

— Это я домой унесу, своего деда угощу.

А ей в ответ:

— Доедай все, мы тебе домой еще дадим.

Положили лучшие куски гусятины в соломенную плетенку и дали злой старухе с собой.

А она опять, как пришла домой, так во дворе позади конюшни повыбрала все самое лакомое и съела. А взамен съеденного сунула старуха катшки конского навоза и отнесла своему муженьку:

— Угостили меня соседи гусятинкой. А я сама не ела, для тебя оставила. Вот, кушай, пожалуйста.

— Что-то навозом пахнет, а все же вкусно, вкусно,— приговаривает старик Уэда. И съел все без остатка.

— Старик-сосед меня гусятинкой угостил. А мой-то дед никудышный,— ворчит злая старуха.

— Ты сходи к соседу, попроси пепла от рисового дерева, сколько осталось. Я тоже гусей наловлю.

— Хорошо, я схожу попрошу.

Вот идет злая старуха к соседу и просит:

— Дайте хоть пригоршню пепла для охоты на диких гусей, коли остался еще.

— А-а, остался, остался, сейчас насыплю в корзинку.

— Спасибо. Научите, как на диких гусей охотиться.

— Пусть твой старик в ясный день взберется на кровлю. Как полетят гуси, надо сыпать пепел по ветру и кричать: «Пепел, лети, лети! Гусям глаза замети!» Вот и вся наука.

Настал погожий денек. Старик Уэда влез на кровлю, а злая старуха стоит под застрехой, держит в руке ухват.

Вот летит стая гусей, все ближе и ближе, вот пролетает над самой кровлей.

Тут старик стал сыпать горстями пепел. Должен он был кричать: «Пепел, лети, лети! Гусям глаза замети!», да ошибся. Как закричит: «Пепел, лети, лети, деду глаза замети! Пепел, лети, лети, деду глаза замети!»

Засыпал пепел старику глаза, он и скатился с крыши вниз головой.

А старуха подумала, что большой гусь упал.

Сколько ни кричал старик: «Это я! Это я!», старуха давай бить его ухватом и зашибла до смерти. Захотелось ей отведать гусятинки, сварила она похлебку и начала есть. Только попался ей такой кусочек, что не прожевать. Зацепила палочками, выгатила, глядит— а это ухо!

«Вот беда!— подумала старуха.— Ведь это я своего старика сварила».

Не надо людям подражать по-глупому, не надо жадничать и завидовать.

Тут и сказке конец.

Давно-давно, много лет тому назад, жили старик со старухой. Как-то раз отправился старик в горы собирать хворост. Стало дело к полудню подходить. Проголодался он и сел позавтракать на берегу горной речки. Вода в ней прозрачная, чистая. Вдруг видит старик: по дну ползет что-то. Пригляделся он: «Э, да это краб! Смотри ты, пожалуйста, здесь крабы водятся!»

Бросил дед в воду несколько рисинок. Обрадовался краб, стал их ловить и поймал все до одной. А старик смотрит и смеется. С тех пор, бывало, как ни пойдет в горы, все чем-нибудь да покормит краба. Полюбился он старику. «Возьму его домой,—думает.—Пусть живет у меня». Принес его старик домой и говорит:

— Старуха, а старуха, смотри, какого я краба принес!

— И правда, хорош!—отвечает старуха.—Ох, верно, и вкусный же он! Откормим его да сварим.

— Скажешь тоже, старая! Я его знаешь как полюбил!

Спрятал дед потихоньку краба в колодец, чтобы старуха о том не проведала. Вернется из лесу и зовет:

— Краб, эй, краб, косо-косо! Плыви сюда, это я, старый дед!

Каждый раз, как слышит краб голос старика, так и выплывает со дна колодца, клешнями шевеля. А старик угощает его каким-нибудь лакомством и приговаривает:

— Краб, дружочек мой, у тебя ведь тоже есть сердце! Слушай же хорошенько, что я тебе велю. Станет тебя звать моя старуха, ты смотри, не показывайся ей на глаза! Если выплывешь со дна, съест тебя непременно, так и знай. Только тогда и плыви, как услышишь: «Краб, эй, краб, косо-косо! Это я, старый дед!»

А старуха все не могла успокоиться:

— Где только мой старик такого жирного краба спрятал?

Искала она, искала, не может найти.

Вот как-то раз старик, воротившись домой, пошел, как всегда, к колодцу ноги помыть. Заприметила старуха, что он словно сам с собой разговаривает. «Что бы это могло значить?»—подумала она, подкралась незаметно и слушает. А старик своего краба зовет:

— Краб, эй, краб, косо-косо! Это я, старый дед, пришел!

Взяла старуху досада:

— Так вот куда дед его запрятал! Ну хорошо же, пусть только уйдет завтра в горы, полакомлюсь на славу!

Не успел на другое утро старик уйти в лес, как старуха побежала к колодцу и кричит:

— Краб, эй, краб, косо-косо. Это я, старый дед, пришел!

Услышал краб знакомые слова и поднялся со дна колодца. Видит старуха: отъелся он и вырос, стал большим-большим. Схватила его и кинула прямо в кипящую, бурлящую воду — шлеп! Сварился краб, стал красным, как огонь. Полакомилась старуха нежным мясом, а скорлупку бросила на помойку под водосток.

Вернулся старик из лесу и зовет, как обычно, своего любимца краба:

— Краб, эй, краб, косо-косо! Это я, старый дед, пришел!

Звал он, звал, но краб из воды так и не появился.

— Отчего бы это? Убежал он, что ли?

Стал дед повсюду искать краба, нет его нигде, да и только! Огорчился старик. Вдруг, откуда ни возьмись — порх! — прилетела красивая птичка, села на дерево перед стариком, защелкала:

— Дедушка, дедушка! Вернулся наконец. Мясо краба у старухи в животе, а скорлупку на помойке поищи, пин-яра, пин-яра, сян!

«Каких только чудес на свете не бывает!» — подумал старик. Заглянул на помойку под водосток. В самом деле, валяются там скорлупки да клешни. Огорчился старик. Заливаясь слезами, собрал он их и закопал в самом дальнем углу двора, а над могилкой посадил деревце азалии.

Как проснулся на другое утро, так первым делом подумал: «Надо полить саженец водой, не то засохнет». Пошел к деревцу, а оно все усыпано золотыми цветами — так и горит на солнце, так и сверкает! Обрадовался старик:

— Эй, старуха, поди-ка сюда! Съела ты моего краба, не пожалела. А я скорлупку его в землю закопал, деревце на могилке посадил, и расцвело оно золотыми цветами. Надо беречь его, хорошенько поливать.

Но не успел старик уйти в горы, как старуха бегом к деревцу.

— Ладно же, погоди ты у меня! Все цветы оборву, по ветру размечу!

Смотрит — а на азалии уже не золотые цветы, а простые.

— Ты что морочишь меня, надо мной насмеяешься, дрянная хворостина! — рассердилась старуха. — Срублю я тебя под самый корень и сожгу.

Срубила она азалию и сожгла.

Вернулся из леса старик и первым делом спешит на золотые цветы полюбоваться. Смотрит — нет деревца. Удивился он:

— Старуха, а старуха, куда моя азалия пропала?

— А ты зачем такую дрянь на дворе посадил?! Только бесила она меня. Не золотые на ней цветы росли, а простые. Вот я ее и спалила, сердце отвела.

Что будешь делать! Спрашивает сквозь слезы старик:

— Скажи хоть, куда пепел дела?

— А где ему быть? В очаге.

Выгреб старик пепел из очага, все-таки, думает, хоть какая-нибудь память осталась. Начал он сыпать пепел на поле. Подул тут ветер, полетел пепел облачком и осыпал ветки деревьев. Стали вдруг распускаться на ветках золотые цветы, засверкали, засияли на солнце.

Прилетела опять птичка и щебечет:

— Дедушка, дедушка, не сыпь здесь, сыпь на дороге, пин-яра, пин-яра, сян!

Послушался старик. Смотрит: все деревья по обе стороны проезжей дороги золотыми цветами расцвели. Так сверкают, что глазам больно!

Тут как раз едет князь со своей свитой. Увидал он золотые цветы, остановил коня, любитесь, глаз не сводит.

— Никогда,— говорит,— не видел я такой красоты!

Одарил князь старика великими дарами. Услышала про это старуха, загорелась от жадности:

— Ладно же, я еще лучше сделаю. Еще больше подарков получу.

Нагребла полное ведро пепла и ждет на обочине дороги, когда князь снова проедет мимо.

Вот показалась длинная вереница людей. Выждала старуха, чтоб сам князь с ней поравнялся, и давай сыпать пепел полными пригоршнями. Но не распустились на деревьях золотые цветы. Полетел пепел по ветру, засыпал князю глаза, набился ему в ноздри, в рот, перепачкал всего с головы до ног. Разгневался князь так, что смотреть страшно было.

Испугалась старуха княжеского гнева, попятилась. Пятилась, пятилась назад—и оборотилась маленьким крабом. Побежал краб и зарылся глубоко в песок на берегу горного ручья.

Вот отчего крабы так пугливы, сразу в песке прячутся.

15

Счастливый
чайник

Жили в одном селении старик и старуха. Старик ходил в горы за хворостом, продавал его в городе, тем и кормились.

Однажды пошел старик, как обычно, в горы и увидел, что трое деревенских ребят поймали лису, тащат на веревке и чуть до смерти не замучили. Пожалел ее дед.

— Эй, дети, что вы делаете? Разве можно так жестоко мучить живую тварь? Лучше продайте мне эту лису,—сказал старик и дал детям сто медяков.

Обрадовались дети:

— Бери, бери лису!—и отдали старику поводок.

— Бедняжка ты, бедняжка,—сказал дед и повел лису в горы.— Не знаю, на какой горе ты живешь, лисонька, но беги

домой и больше никогда днем к селению не подходи. Берегись, чтобы дети второй раз тебя не поймали. Беги-ка скорей в свою нору!—И отпустил старик лису в лесные заросли.

На другой день старик опять пошел хворост собирать. Вдруг, откуда ни возьмись, прибежала лисица и говорит:

— Дедушка, дедушка, ты вчера спас мне жизнь. Чем мне отблагодарить тебя?

— Хо-хо, так ты давешняя лисица?! А я ведь спас тебя не ради благодарности. Просто пожалел. Мне ничего не надо. Ведь ты—тварь лесная, довольно и того, что так сильно чувствуешь благодарность. Смотри, больше не попадайся деревенским ребятишкам.

Лисица, проливая слезы, подошла к старику поближе:

— Дедушка, дедушка, вот что я придумала. В храме Нижней деревни нет чайника, а очень нужен. Я превращусь в чайник. Тяжеловат он будет, но ты уж потрудишься, отнеси его к настоятелю и продай подороже. Хорошо, дедушка?

Тут лиса покрутила хвостом и давай вертеться на месте. Три раза повернулась и стала великолепным бронзовым чайником. Постучал дед по чайнику, послышался звон металла: го-он.

Подумал дед: «Уж если так, негоже чайник бросить в лесу»—и понес его в храм. Говорит настоятелю:

— Этот чайник достался мне в наследство от моих предков. Хочу его продать.

У настоятеля глаза разгорелись:

— Дороговато просишь, уступи чуть-чуть,—сказал он и купил чайник за три рё. Никогда в жизни не видел старик столько денег! Счастливым, положил он монеты за пазуху и воротился домой.

Настоятель был очень рад покупке.

— Служка, служка, хорошенько почишь этот чайник песком. Я на завтра пригласил печников, они очаг обновят,—сказал он службе.

Мальчик покатил чайник через заднюю калитку к реке и начал усердно тереть его песком. Вдруг чайник как заверещит:

— Ай, служка, больно!

Перепуганный мальчик побежал в келью настоятеля:

— Васё-сама, васё-сама¹, чайник-то говорит человеческим голосом!

— Выдумашешь тоже! Чайник просто звенит,—усомнился настоятель.—Тебе послышалось. У хорошего чайника даже звон особый. Вот что: поставь-ка его у меня в келье.

Служка боязливо прикатил чайник с берега реки в келью, но в ту же ночь чайник бесследно исчез.

«Он был слишком хорош, и ночью его украли воры»,—решил настоятель. Жалко, да делать нечего.

Старику все это и во сне не снилось. Утром он, как всегда, отправился в горы за хворостом.

Вдруг опять к нему выбежала из чащи знакомая лисица:

— С добрым утром, дедушка. Вчера в храме служка меня песком тер. Худо мне пришлось. А сегодня я прикинусь твоей дочкой. Ты ступай, дедушка, в город. Купи мне гребешок и нарядные шпильки, пояс и полотенце, передник и носки. Я обернусь юной красоткой, а ты, дедушка, отведи меня в веселый дом в городе и продай подороже². Ну же, ну же, скорей, скорей!

Старик поспешил в город, все купил, что лисица велела, и вернулся в горы.

— Спасибо, дедушка! Ты все купил мне по вкусу. Смотри же, как я в красотку превращусь.

Три раза повернулась лисица и стала юной красавицей. Старик повел ее в веселый дом продавать.

— Это моя дочь, не купите ли? — говорит.

Хозяину веселого дома очень понравилась эта красивая девушка, и он отвалил за нее сотню рё. Дед вернулся домой с деньгами.

А красавица имела большой успех у посетителей, и хозяин хорошо заработал.

На следующий год в день праздника красавица пошла к своему хозяину:

— Я еще ни разу дома не побывала с тех пор, как я здесь. Уж очень хочется повидать своих родителей. Отпусти меня на денек, — попросила она.

Хозяин поверил, дал ей гостинцы для родителей и отпустил домой. А девушка в веселый дом так и не возвратилась.

Хозяин подумал: «Я нажил благодаря этой красавице кучу денег. Если ей опротивел веселый дом, спорить не буду». — И не послал за ней слуг.

Однажды пошел старик в горы, и вдруг перед ним опять появилась лисица:

— Дедушка, дедушка, давно мы не виделись. Здоров ли ты? А я в веселом доме так устала! Теперь уж немного отдохнула и снова хочу отдать тебе долг благодарности. На этот раз я превращусь в коня. Отведи меня куда-нибудь подальше и продай одному из местных богачей. Но эту службу, дедушка, я буду служить первый раз в жизни. Если оплошаю, мы больше не увидимся. Пусть же этот день станет для меня поминальным! Вспоминай меня каждый месяц. А теперь я превращусь в коня.

Старик стал ее отговаривать:

— Брось эту затею. Ты уже столько сделала для меня добра. Зажил я без забот. Больше я ничего от тебя не приму.

Но лисица, не слушая его, превратилась в красавца коня сивой масти.

Делать нечего, повел старик этого коня в дальние края, продал одному богачу за сотню рё и побрел домой.

Как раз в то время понадобилась почтовая лошадь. Нагрузили на коня-оборотня две тяжелые корзины, посадили вдобавок

какого-то знатного путешественника и погнали коня по длинной-длинной, трудной горной дороге.

А как ни говори, лисица отроду небольшой зверек, силы маловато. Полил с нее пот ручьями, шагу ступить не может.

Увидев это, люди решили:

— Конь-то непривычный, запрямился,—и давай подгонять.

Тут конь-оборотень рухнул на землю.

— Ну, эта кляча никуда не годна.

Погонщики бросили ослабевшего коня возле болота, пересадили путешественника на другую лошадь, поклажу перегрузили и пошли себе дальше через горы.

Когда все скрылись вдаль, конь-оборотень вдруг исчез. Может, убежала лисица куда-то...

Дедушка благодаря ее заботам стал первым богачом в селении.

Не забыл он прощальную просьбу лисицы и построил у себя в новом доме великолепную кумирню. В девятнадцатый день каждой луны шли дедушка с бабушкой в эту кумирню и молились о том, чтобы лисица обрела счастье в будущей жизни.

16

**Мышиный
рай**

В старину, в глубокую старину жили одиноко старик и старуха. Выращивали они огурцы, продавали их и покупали рис. Только тем и кормились.

Однажды выросли отличные огурцы. Дед отправился в город. Ходит по улицам и выкрикивает:

— Огурцы, огурцы! Кому нужны огурцы?

Но ничего продать не удалось. Усталый, присел он отдохнуть и положил наземь свою тяжелую ношу. Вдруг видит: мышка грызет огурец: кари-кари, кари-кари!

— Мышка, мышка! Бери самый большой огурец. Дарю его тебе. Тащи огурец к себе домой и полакомься там вместе с твоей матушкой.

Старик выбрал самый большой, сочный огурец и подарил его мышке. Обрадовалась она и утащила его в норку. Говорит своей матушке:

— Пи-пи-пи, пи-пи-пи! Смотри, один добрый старик подарил нам огурец, во-он какой большой! Велел мне угостить тебя.

Старая мышь очень обрадовалась, и начали они вдвоем грызть огурец: кари-кари, кари-кари.

Старик наконец распродал огурцы и побрел домой. Шел-шел, притомился, сложил ношу на землю и присел отдохнуть. Вдруг, откуда ни возьмись, появилась перед ним пригожая женщина:

Спасибо тебе, дедушка, за то, что одарил ты мою дочку.

Пожалуйста, навести наш дом. У нас хоть небогато, но мы гостю рады, выпьешь немножко.

Старик диву дается:

— Госпожа мышь, госпожа мышь, что ж, погощу у тебя немножко. И выпью с радостью.

— Вот здесь наш дом. Я пойду вперед, буду путь показывать, а ты иди за мной.

Смотрит старик: под сосной вход в мышиную норку.

— Да как же я, такой большой, пролезу в такую маленькую норку?!

— Не заботься об этом, дедушка. Накинь на голову подол моего платья и зажмурься покрепче.

— Ладно, ладно, сделаю, как ты велишь.—И с этими словами старик обмотал себе голову полой длинного платья.

И что же? Легко проскользнул в мышиную норку!

То-то удивился дед, когда поглядел кругом! Попал он в большой, просторный дом. Слышно, как пестики стучат: это отбивают рис для моти.

— Эй, послушайте! К нам пожаловал тот самый дедушка, что огурец подарил. побыстрее готовьте угощение.

— Как, это для меня готовят моти?!

— Да, да, для тебя. Я сказала, что приглашу доброго старика, который огурец подарил, и велела побыстрее приготовить моти.

Сбежались со всех сторон мыши, хлопочут вокруг дедушки:

— Милый дедушка, полезай в чан, мы помоем тебя.

— Дедушка, дедушка, горячая вода готова, погрейся в свое удовольствие. А потом отведаешь моти.

Полез старик в чан, да только не вода это, а сакэ.

— Ха-ха, смотрите-ка! Они в чан сакэ наливают вместо воды! А ну-ка выпью чуток!

Залез он в чан и отведал сакэ.

— А-а, хорошо, до чего хорошо! Какое вкусное сакэ!

Сидит дедушка по горло в чудесном горячем напитке и пьет в свое удовольствие... И так у него стало весело на душе!

Стучат мыши пестиками и поют:

*О, если бы никогда
Не было кошек на свете,
Жить бы нам тысячу лет,
Десять тысячелетий!
Суттокотон, ярэ-тон-ярэ!*

— Мыши кошек терпеть не могут,—говорят мыши старику.

Поел старик вкусных моти, выпил сакэ и получил в подарок много денег.

А потом накинул на голову подол платья старой мыши, вылез из норки на свет и пошел домой.

Старуха его заждалась. Начал он ей рассказывать:

— Бабушка, бабушка, сегодня мне счастье выпало! Вот послушай! Бродил я, бродил по городу, выкликая свой товар, ничего не продал и присел отдохнуть возле того самого места, где на краю дороги стоит каменный Дзидзо¹. Вдруг прибежала мышка и стала грызть огурец. А я вдобавок подарил ей самый большой огурец. Пошел я домой и вижу: на дороге ждет меня мышь. Оборотилась она пригожей женщиной. И говорит так ласково: «Дедушка, дедушка, приходи в мой дом. Вот набрось полу моего платья на голову». Я послушался и легко пролез в мышиную норку. Попал я в большой богатый дом. Мыши приготовили моти и славно меня угостили. Ты только посмотри, сколько денег! Это меня на прощание одарили.

Высыпал старик деньги, зазвенели они, покатались, а мимо шла завистливая старуха-соседка. Заглянула она в щелку:

— В этом доме раздобыли откуда-то уймю деньжищ, вон по всей циновке рассыпали,— дивится соседка.

А дед ссыпал деньги в ящичек, чтобы сделать приношение в храм Дайдзингу².

Услышала бабушка, что соседка громко ахнула от удивления, и стала ей рассказывать без утайки:

— Мой-то старик пошел нынче утром в город продавать огурцы. Присел он там, где стоит Дзидзо-сама, и прибежала вдруг мышка погрызть огурец, полакомиться. Он ее угостил и вот что получил в подарок...

— Правда, правда! Вернулся я домой, не помня себя от радости...— вторит дед.

— Вот оно что! Тогда я тоже пошлю туда своего старика,— решила завистливая старуха и со всех ног припустилась домой. Начала она рвать всякие огурцы на огороде, и неспелые, и переспелые, желтые и кривые и невесть какие...

Пошел старик-сосед в город огурцы продавать, уселся нарочно перед каменным Дзидзо, будто устал, и бросил на землю возле себя самый маленький, плохонький огурчик.

Прибежала мышка.

Старик ей и говорит:

— Мышка, мышка, погрызла ты, испортила мой товар, надо заплатить. Веди меня к себе домой.

И даже не поглядел, что мышка не успела погрызть огурец.

Нехотя потащился старик-сосед огурцы продавать, немного побродил по городу и скорее назад. Опять уселся перед каменным Дзидзо и ждет.

Вдруг появилась перед ним красивая девушка:

— Спасибо тебе! Когда я принесла домой огурец, все обрадовались. Зайди к нам, дедушка, выпить сакэ.

— Хо-хо, угостишь меня, значит, на славу. Но как я пролезу в мышиную норку?

— Это не твоя забота. Набрось подол моего платья себе на голову и следуй за мной.

Вот залез дедушка в мышиную норку под корнями дерева. Смотрит: перед ним просторные хоромы, мыши пестиками стучат, угощение готовят. Проводили его с почетом в дом.

Старая мышь подумала, что он тот самый старик, который и вчера еще ее дочку так щедро огурцом угостил.

— Здравствуй, дедушка, спасибо тебе за твои заботы. Каждый раз ты мою дочку балуешь. Сперва выкупайся в чане, а потом отведай нашего угощения.

Полез старик-сосед в чан и видит: наполнен чан не водой, а горячим сакэ. Никогда он такого вкусного не пробовал! Стал дед пить без устали. Охмелел вконец. И тут донеслась до него мышинная песня:

*О, если бы никогда
Не было кошек на свете,
Жить бы нам тысячу лет,
Десять тысячелетий!
Суттокотон, ярэ-тон-ярэ!*

А старик-сосед, муж завистливой старухи, был до того жаден, что на чужое добро у него всегда глаза горели. Стал он думать, как бы ему мышей напугать и все деньги у них отобрать. И замыкал он по-кошачьи, громко-громко:

— Мяу, мяу, мя-ау!

Послышался испуганный писк и топот, все мыши разбежались кто куда и попрятались. Старик-сосед остался один под землей.

Куда девались мышинные хоромы? Кругом темно и тесно, а как выбраться, старик не ведает! Стал он громко плакать, а завистливая старуха обрадовалась:

— О радость! Мой-то дед кучу денег загреб, сейчас будет меркой мерить. Вон как громко поет! Но что-то долго он из-под земли выбирается, пора бы ему уж вернуться.

Ждала-ждала завистливая старуха, но жадный старик так и не вернулся. Остался под землей. Жадность до добра не доводит. На этом и сказке конец.

17

**Золотая
цепь
небесного
бога**

В старину, далекую старину жили мать с отцом и трое маленьких детей.

Но умер отец. На седьмой день после его кончины собралась матушка посетить мужнину могилу и приказала детям стеречь дом:

— В глубине гор живет страшная ведьма.

Если кто без меня постучится в дверь, не отпирайте.

И вправду, скоро пришла ведьма и закричала:

— Это я, ваша матушка, вернулась домой! Отоприте!

— Покажи твою руку,—говорят дети.

Показала она волосатую руку.

— У нашей матушки рука гладкая. Ты — горная ведьма.

Пошла ведьма, раздобыла где-то бритву, обрила руки и натерла их гречишной мукой.

Снова стучит в дверь:

— Это я, ваша матушка, вернулась домой!

— Покажи твою руку.

Показала ведьма руку, дети погладили ее: рука гладкая-гладкая.

Но дыхание у ведьмы хриплое, а голос такой, будто с горы медный чайник катится.

Дети и говорят:

— У нашей матушки голос нежный. Не откроем дверь.

Пошла ведьма, выпила бобового отвара и опять стучит в дверь:

— Это я, ваша матушка. Запоздала я, отворите поскорее!

Услышали дети нежный голос и подумали: «Вот теперь это и вправду наша матушка».

Отперли они двери, и ведьма пробралась в дом.

Старшие мальчики всегда ложились спать в другой комнате, а третий сын, еще совсем младенец, спал под боком у своей матери.

Слышат старшие братья, будто мать грызет что-то. Спрашивают они:

— Матушка, что ты грызешь?

А ведьма в ответ:

— Сладкие корешки.

— Дай нам один.

Бросила она им корешок. Смотрят мальчики — а это ручка ребенка! Тут только они поняли: да ведь это ведьма!

Взяли они потихоньку кувшин с маслом, вышли из дома, залезли на высокое дерево у самых ворот и полили маслом его ствол до самого основания. А возле дерева был пруд.

Спохватилась ведьма, что мальчики убежали, и бросилась в погоню. Добежала до ворот и увидела в пруду лица мальчиков. Принесла она сеть и попробовала было выловить детей из воды, но сколько раз ни забросит сеть, она возвращается пустой.

Тут наконец подняла ведьма голову и увидела, что мальчики сидят на дереве. Пробует ведьма залезть на дерево и не может. Лезет, лезет и соскользнет, лезет, лезет и снова соскользнет.

— Почему я не могу влезть на дерево?! — завопила ведьма вне себя от злобы.

Испугались дети и отвечают:

— Влезешь, если сделаешь зарубки.

Принесла ведьма серп, сделала зарубки на стволе и полезла вверх. Не знают дети, как спастись.

— Небесный бог, спусти к нам веревку либо цепь!—
взмолились они.

Вдруг с неба начала спускаться золотая цепь. Мальчики
ухватились за нее и полезли вверх.

Ведьма тоже стала просить:

— Небесный бог, спусти и мне тоже цепь либо веревку!

Тут с неба спустилась старая, прогнившая соломенная
веревка.

Ухватила ведьма за гнилую веревку и начала карабкаться
вверх. Веревка порвалась, и ведьма полетела на землю вверх
тормашками. Брызнула кровь и окрасила гречиху на поле¹. Вот
почему у гречихи корни красные.

А дети поднялись на небо. Старший брат стал месяцем, а
младший— звездой.

18

Колпак
«Чуткие
Уши»

Жил в одной деревне старик. Пошел он как-то
в лес и нашел там красный колпак. Обрадовал-
ся старик находке: хоть и дырявый колпак, да
ведь у него и такого не было.

«Впору ли он мне?»—подумал старик и
нахлобучил его на голову. И что же? Слышал
он до того только щебет и крики птиц, а тут
вдруг весь лес наполнился спорами и разговорами. Где мать
детей кличет, где муж с женой спорят, а там слышны нежные
любовные речи.

Старик даже в сторону шарахнулся от испуга! Сбила ветка
колпак у него с головы—и сразу стихли речи, снова зазвенел
непонятный птичий щебет. Поднял старик колпак с земли, надел
на голову, и опять послышались разговоры и вверху, на ветках,
и внизу, в кустах. Снял колпак—снова птичий щебет да шорох
листьев. Надел колпак—опять разумные речи.

«Вот оно что!—догадался старик.— Не простую вещь я
нашел, а сокровище, колпак «Чуткие Уши»¹. Кто его наденет,
станет понимать язык всего живого на земле: птиц, зверей и
растений. Слышал я про чудесный колпак и раньше, да только не
верил, что есть такой!»

Пошел старик дальше в лес, присел отдохнуть под большим
деревом и задремал. Проснулся он от вороньего карканья.

— Что это я, соснул, кажется,—встрепенулся старик. Под-
нял голову и видит: прилетел откуда-то ворон и опустился на
ветку того самого дерева, под которым он спал. Вскоре с другой
стороны прилетел еще один ворон и сел на ветку рядом с
первым. Надел старик поскорее свой красный колпак и стал
слушать.

Повели два ворона разговор странными, хрипылыми голосами.

— Давно мы с тобой не встречались, брат,—сказал один ворон.—Ты откуда путь держишь?

— Был я на морском берегу, но пропала там рыба, нечем стало кормиться, вот я и прилетел сюда,—ответил другой ворон.—А ты где летал, брат?

— Прилетел я из Атами². Право, и там не легче. Всюду одно и то же! Лучше скажи, что на свете нового, небывалого?

— Особых новостей нет. Разве вот что: расскажу тебе, что случилось в моей стороне, на морском берегу. Лет шесть назад строил один богач кладовую. Стали настилать над ней крышу из дранки. И случилось так, что заползла в ту пору на крышу змея, ее и прибили гвоздем. Лежит змея, томится, полуживая, и все эти годы ее верная подруга носит ей пищу. Терзает их тяжкое горе. Копится их обида на людей год от года, и поразила змея дочку богача неизлечимой болезнью³. Если никто не догадается приподнять доску и освободить змею, то умрут и она и девушка. Много раз летал я над крышей и каркал об этом во все горло, да что проку! Никто не внял моим речам.

Другой ворон отвечал ему:

— Правда твоя, непонятливы люди! Как громко ни каркай, все им невдомек.

Наговорились вороны и разлетелись: один—на восток, другой—на запад.

Услышал это старик и подумал: «Хорошо, что на мне был чудесный колпак! Надо скорее идти к богачу и спасти девушку. Но раньше наряжусь-ка я почудней, пусть думают, что я не простой человек».

Отыскал старик в куче мусора брошенный старый улей, обклеил его бумагой и напялил на голову. Вот приходит старик к дому богача и кричит у ворот:

— Гадатель пришел, гадатель!

Богач как раз сидел, голову ломал: как ему больную дочь вылечить? Позвал он старика:

— Эй, гадатель, не стой у ворот, зайди ко мне в дом, погадай!

Зашел старик в дом, спросил:

— О чем погадать нужно?

— Дочь моя уж много лет болеет, вот-вот умрет. Погадай, с чего на нее болезнь напала и как ее вылечить.

— Ведите меня к больной,—говорит старик.

Сел он у изголовья больной девушки и невнятно забормотал:

*Плющ, плющ, ползучий плющ,
По горам ползет, ползет,
Стелется на двадцать ри.
Плющ, плющ,
Ползучий плющ...*

Пробормотал он так, а потом и говорит:

— Выстроил ты шесть лет назад новую кладовую, а к крыше нечаянно прибил гвоздем змею. От нее-то и вся беда приключилась.

— Правду говорит прорицатель!—воскликнул богач.—Как раз шесть лет назад строил я кладовую. Тогда, видно, и случилось такое дело. Надо скорее освободить змею.

Тут же позвали плотника, что жил по соседству, и велели ему поднять дранку. А под ней и в самом деле змея, вся белая, высохшая, словно сброшенная кожа, еле живая.

— Вот она, причина болезни!—сказал старик.

Осторожно положили змею в корзинку, снесли с крыши вниз, поставили корзинку на берегу ручья и стали поить и кормить змею. А когда она оправилась, отпустили ее на волю.

И стала болезнь девушки понемногу проходить. Вскоре она совсем поправилась.

Богач, не помня себя от счастья, подарил старику триста рё.

Вернулся старик домой, купил себе новую одежду и на радостях отправился странствовать.

Однажды сел он отдохнуть под раскидистым деревом возле дороги. Глядь, снова прилетают два ворона—один с запада, другой с востока. Уселись они на дереве и повели между собой разговор.

— Тоскливо жить все в одном и том же городе, мало слышишь нового,—жалуется первый ворон,—поневоле улетишь в другие края.

— Это правда,—отвечает второй ворон,—но вот в городе, где я жил, случилось небывалое дело. Тяжело заболел один богач, не сегодня завтра умрет. А все отчего? Лет шесть назад пристроил он к своему дому парадные покои и, чтобы расчистить для них место, велел срубить старое камфарное дерево. Пень этого дерева остался стоять под застрехой, и течет на него дождевая вода с крыши. Не погибли корни дерева, и, пока держится в них жизнь, дают они новые побеги. Да только их тут же обрезают. И жить дерево не живет, и умирать не умирает. Думает оно горькие думы, и от этих дум напала на богача тяжелая болезнь. Каждую ночь из горных лесов приходит множество деревьев навещать своего несчастного друга. Жалуются им камфарное дерево, а что они могут поделывать?! Уж дали бы ему жить на свободе или выкопали бы, чтоб сразу засохло и не мучилось дольше.

Услышал старик рассказ ворона и отправился в дальний край к больному богачу. Пришел и кричит у ворот:

— Гадатель пришел, гадатель!

Выбежали люди из покоев богача:

— Гадатель, зайди сюда, хозяин тебя приглашает.

Ввели старика в такие роскошные покои, каких он в жизни не видел. Огляделся он по сторонам и спрашивает:

— О чем же вам погадать?

— Много лет уже болеет хозяин этого дома,— отвечают ему.— Сколько мы ни призывали врачей и заклинателей, пользы от них никакой!

— Не беспокойтесь!— важно говорит им старик.— Я узнаю причину болезни и вмиг вылечу вашего хозяина. Для меня это проще простого.

Забормотал старик свои заклинания:

*Плющ, плющ ползучий плющ,
По горам ползет, ползет,
Стелется на двадцать ри.
Плющ, плющ,
Ползучий плющ...*

А потом и сказал:

— Шесть лет назад построили вы парадные покои возле дома...

— Ах, прорицатель, откуда ты знаешь, что мы строили покои шесть лет назад?— спрашивают его домашние.

— Это мне открыло мое гадание. Поселите меня в тех покоях, и за три дня и три ночи я открою причину болезни вашего хозяина и вылечу его.

Отвели старика в парадные покои. Первым делом он приказал:

— Не входите ко мне, пока не позову!

Настала ночь, но старик не лег спать. Надел он свой колпак и слушает, что дальше будет.

В полночь что-то зашелестело, зашуршало под окном и послышался голос:

— Эй, камфарное дерево, откликнись! Как нынче твое здоровье?

В ответ послышался тихий-тихий голос, точно из-под земли:

— Кто это говорит? Верно, криптомерия с горы Криптомерий? Ты посещаешь меня каждую ночь. Как мне благодарить тебя за твою заботу?! Об одном только теперь я думаю: как бы мне поскорее умереть! Но не приходит ко мне смерть, и нет конца моим мучениям.

Стала криптомерия утешать друга:

— Что ты, что ты, нельзя падать духом! Мужайся!

Так побеседовали они и расстались. Но не прошло и часа, как снова послышался шорох и чей-то голос спросил:

— Эй, камфарное дерево, каково тебе сегодня?

— Кто это говорит со мной? Уж не сосна ли с Сосновой горы?

— Да, это я.

— Ты пришла издалека! Спасибо тебе.

— Полно, полно! Просто я собралась погулять и зашла к тебе по дороге. Настанет весна, и ты непременно поправишься! Не теряй надежды!

И снова послышалось: «Шурх-шурх!» Это уходила сосна.

Старик в своем колпаке «Чуткие Уши» слышал все их речи и думал: «Поскорее бы рассвело!»

Едва наступило утро, старик поспешил к больному, сел у его изголовья и опять забормотал свои заклинания: «Плющ, плющ, ползучий плющ...» А потом рассказал о том, что слышал ночью. Чужое горе — вот причина болезни. Ведь не только камфарное дерево страдает — все деревья на высоких горах вокруг горюют о своем друге.

— Надо поскорее вырыть пень камфарного дерева, тогда и больной поправится! — сказал старик.

Тотчас же вырыли пень камфарного дерева, поставили в саду, разукрасили, словно божество. И хозяин дома поправился. Покинула его болезнь так легко, как сухой листок падает с дерева.

Все в доме не знали, как благодарить старика. Снова получил он триста рё и вернулся к себе домой.

С той поры бросил старик гадание. Развел у себя хороший сад. Поселились там из благодарности к старику самые красивые деревья со всей округи и цвели каждую весну небывалым цветом. И все звери и птицы тоже дружили со стариком, потому что он их понимал и любил.

19

Жена-лисица

В старину, в глубокую старину были у одного микадо охотничьи угодья на горах, богатые зверем и птицей. Как-то раз устроили для него кэрай облаву на лисиц.

Вдруг выскочила из кустов тысячетлетняя белая лисица, притаилась у самых ног одного кэрая, по имени Ясунари, и просит-молит его со слезами:

— Смилуйся, пощади меня! Сохрани мне жизнь хоть до того дня, когда я от бремени разрешусь.

Пощадил Ясунари белую лисицу, отпустил ее на свободу. Узнал про это микадо и сослал виновного в далекий, пустынный край. Была у Ясунари молодая жена по имени Кудзуноха — Листок Плюща. Не поехала она вслед за мужем в изгнание, осталась в столице. А Ясунари так по ней тосковал, что тяжело занемог. Десять верных слуг, не покинувших его в беде, заботливо за ним ухаживали, но помочь ничем не могли. Ясунари словно таял. Видно было, что уж немного дней осталось ему жить на свете, но жена все не приезжала.

Узнала про это белая лисица, приняла образ красавицы Кудзуноха и отправилась к больному. Но только хотела она войти в дом, как замерла у порога. Амулет, наклеенный на двери, преградил ей путь¹.

Стала она просить слуг: «Сорвите амулет!» Сняли амулет, и только тогда смогла лисица-оборотень войти в дом.

Обрадовался Ясунари, что жена наконец к нему приехала, и с того часу начал быстро поправляться. Через год родился у белой лисицы сынок, и назвали его Досимару.

Прошло немало времени с тех пор, как сослан был Ясунари, и вот наконец микадо даровал ему долгожданное прощение. Только тогда приехала Кудзуноха навестить своего мужа. И что же? Видит: место ее занято. Живет в доме другая Кудзуноха, похожая на нее, как одна капля воды похожа на другую. И сынок у мужа от той женщины родился: Досимару.

Глядя на них обоих, никто—даже сам Ясунари—не мог понять, которая же из двух настоящая Кудзуноха.

Тогда велел им Ясунари считаться годами. Сосчитали обе жены свои годы, и вышло, что лисице Кудзуноха исполнилось тысячу три года, а настоящей Кудзуноха всего тридцать четыре года.

Пришлось белой лисице уходить. Написала она со слезами прощальное письмо:

*Кому я еще дорога,
Тот в дальнем лесу Синода²
Пушкой навестит меня³.*

Досимару любил белую лисицу: ведь она была его родной матерью. Он пошел навестить ее в лесу Синода. Радостно выбежала к мальчику белая лисица:

— Добро пожаловать, сынок!—и подарила ему камышовую палку. С тех пор Досимару с этой палкой не расставался.

Получив прощение микадо, Ясунари с семьей воротился в столицу и зажил прежней жизнью.

Как-то раз отправился он на поклонение в храм морского бога Сумиёси и взял с собой маленького сына. Получил Досимару от своего отца сто монов и, заглядевшись на разные диковины, не заметил, как потерялся в толпе паломников.

Блуждал он, блуждал, да и вышел на морской берег. Вдруг видит: поймал какой-то мальчишка черепаху и мучает ее немилосердно. Пожалел ее Досимару, выкупил за сто монов и отпустил на свободу.

Вскоре начался прилив. Поплыл озорной мальчишка в море, и, на беду, попалась ему та самая черепаха. Поймал он ее снова и давай мучить пуще прежнего. Но у Досимару больше не осталось ни одной монетки. Стал он просить мальчика:

— Отпусти черепаху. За это я обменяюсь с тобой одеждой.

Досимару был сыном придворного, а тот мальчик—сыном рыбака. Досимару ходил в богатом платье, а сын рыбака—в лохмотьях. Обрадовался он и отдал черепаху. Досимару отнес ее к самому морю и крикнул на прощание:

— Плыви, черепаха, уплывай скорее, да смотри, больше не попадайся, не то худо тебе будет!

Нырнула в воду черепаха и пропала из виду.

Стал Досимару бродить по берегу. Все кругом ему незнакомо. Где ему своего отца искать? Вдруг видит он: плывет к нему по волнам красивая ладья. Вышел из нее сам Рюгу-сама⁴ и говорит:

— Приехал я звать тебя в гости к себе. Спас ты от смерти не черепахе, а дочь мою любимую, принцессу Ото-химэ.

Сел Досимару в ладью и поплыл в подводное царство.

Радостно встретила своего спасителя прекрасная Ото-химэ. В честь Досимару был устроен веселый праздник. Все рыбы на нем танцевали. Тридцать дней пролетели незаметно, пятьдесят дней промелькнули как один час. Начал Досимару тревожиться о своих родителях. Потянуло его вернуться на родную землю. Поведал он о своем желании Повелителю моря, и тот вручил ему три прощальных дара.

Первый дар — жемчужина прилива. Поднять ее высоко над головой — хлынет море на землю, затопит все вокруг, а опустить — так снова уйдет в свои берега.

Второй дар — жемчужина сытости. Кто ее лизнет — пятнадцать дней будет сыт да еще исцелится от всяких недугов.

Третий дар — жемчужина «Чуткие Уши». Кто поднесет ее к уху — станет понимать язык птиц и зверей.

В придачу к чудесным жемчужинам подарил Рюгу-сама мальчику наряд из золотой парчи и проводил его в ладье до самого берега Сумиёси⁵.

Вышел на берег Досимару, поглядел вокруг. Когда отплывал он в море, на полях только-только начали зеленеть побеги риса, а сейчас спелые колосья отливают золотом.

Был он еще мал годами и не знал, что же ему делать теперь, куда идти.

Вдруг прилетела к нему белая лебедь.

Досимару быстро поднес к уху жемчужину «Чуткие Уши» и услышал, как лебедь стонет:

— Досимару, Досимару, спешి скорее домой! Твоя приемная мать с горя умерла, твой отец тяжело болен!

Опечалился Досимару. А лебедь кричит:

— Ты, верно, не знаешь дороги! Иди за мной, я полечу вперед, стану путь показывать.

Пошел Досимару вслед за лебедью, и вскоре привела она его к родному дому. Правду сказала лебедь: Кудзуноха, его приемная мать, умерла от горя, а Ясунари был при смерти. Едва теплилось в нем дыхание. Досимару потер отца чудесной жемчужиной, полученной в дар от Повелителя моря, и Ясунари опять стал здоров. Болезни как не бывало!

Как-то раз видит Досимару: опустился на кровлю его дома голубок и воркует. Быстро поднес мальчик жемчужину к уху.

Воркует голубок:

— Досимару, Досимару, скорее ступай в столицу! Не пойдешь — упустишь свое счастье.

Отпросился мальчик у отца и пошел в столицу. Не взял он с собой никакой еды — ведь с ним была жемчужина сытости: лизнешь — пятнадцать дней есть не захочется.

Пришел он в столицу в самый разгар дня, притомился на солнцепеке и лег возле дороги отдохнуть в тени.

Вдруг прилетели два ворона — один с запада, другой с востока. Опустились они на соседнее дерево и повели между собой беседу.

— Ты, друг, откуда? — спрашивает восточный ворон.

— Я из Кумано⁶, — отвечает западный. У нас в этом году плохой урожай, с голоду умираем. А у вас как?

— У нас в столице все бы хорошо, — отвечает западный ворон. — Вот только люди — страшные существа! Волшебник Доман напустил на государя злые чары. Зарыл он под северо-западным углом дворца⁷ змею, источающую три смертельных яда. Люди этого не знают. Им и невдомек, отчего государь тяжело заболел. Созвали они знахарей и заклинателей, но ничего не помогает. Не будет государю легче, пока не выкопают змею.

«Важную весть я услышал», — подумал Досимару и поспешил в столицу. Там остановился он в доме одного друга своего отца, по имени Цунэмото. На следующее утро пошел Досимару по городу с камышовой палкой в руках. Идет он и кричит громким голосом:

— Достоин жалости тот, кто не ведает, почему его постигла неожиданная беда!

Как раз тогда по улице проходили слуги чародея Домана. Услышали они возгласы Досимару.

«Неспроста этот мальчик говорит такие слова», — подумали слуги и набросились было на Досимару, но он их всех крепко побил и разогнал своей камышовой палкой.

Узнал об этом Цунэмото и подивился силе мальчика. А тот говорит ему:

— Я могу исцелить нашего государя.

Поверил ему Цунэмото, явился к государю и доложил, что пришел в столицу мальчик по имени Досимару. Наделен он большой чудесной силой и берется исцелить страшный недуг государя.

Чародей Доман находился в это время в опочивальне больного.

— Я сам лечу государя! — воскликнул он. — Мне это дело поручено, и я не отступлюсь от него из-за глупых росказней какого-то мальчишки.

Цунэмото вспыхнул от гнева.

— Если так, — говорит он, — то надо устроить состязание

между Доманом и Досимару. Пусть каждый покажет свое умение. Кто победит, тот пусть и пользует государя.

На том и порешили. Микадо захотел сам посмотреть, как будут состязаться чародеи.

Призвали Досимару. Вот уселись оба, мальчик и чародей Доман, друг против друга. Сначала Досимару взял листок бумаги и положил в цветочный горшок. Потом прикоснулся камышовой палкой к листку — и тот вдруг обратился в дерево сливы. Стали распускаться на ветках алые цветы. Весь дворец наполнился ароматом.

Взял Досимару другой листок бумаги, изрезал его на мелкие кусочки, коснулся их камышовой палкой, и обратились они в соловьев. Вспорхнули соловьи на ветки сливы и запели. Потом Досимару три раза хлопнул в ладоши — и тут все сразу исчезло.

Тут пришлось Доману призадуматься. Непростой оказался у него соперник! Взял Доман два листка бумаги и сделал из них змею. Поползла змея к Досимару, вот-вот ужалит. Но Досимару даже не пошевелился, только взглянул на нее — и змеи как не бывало.

«В самом деле, он хоть с виду и мал, но могучий волшебник», — решил Доман. Незаметно положил он в дзюбако двенадцать лимонов и апельсинов и спрашивает мальчика:

— Отгадай, что я положил в ларец? И сколько?

Не мог отгадать Досимару и спросил потихоньку у своей камышовой палки.

— Двенадцать мышей, — шепнула ему камышковая палка.

— Двенадцать мышей, — повторил Досимару.

Обрадовался чародей: «Моя победа!» С торжеством раскрыл он ларец — и что же! Из всех ящичков дзюбако стали мыши выскакивать, и было их ровным счетом двенадцать.

Увидел Доман, что побежден, и бросился бежать. Но поднял Досимару над головой жемчужину прилива, и в то же мгновение нахлынула откуда ни возьмись высокая волна и накрыла Домана с головой. Тут и пришел конец чародею.

Тогда опустил Досимару жемчужину низко-низко:

— Волна, воротись, воротись! — И волна поспешно отхлынула.

— Вели копать под северо-западным углом дворца, — сказал мальчик государю. — Там зарыл чародей змею, источающую три страшных яда. В этом причина твоего недуга.

Бросились государевы слуги копать землю там, где указано. И правда! Появилась из земли смертоносная змея. Только змею убили, как прошел недуг микадо!

Получил Досимару богатую награду и вернулся в дом своего отца, опираясь на камышовую палку.

Журавлиные
перья

Жил в глубине гор угольщик по имени Кароку вместе со своей старой матерью. Он рубил деревья и пережигал на уголь в печи. Невелик был его заработок.

Однажды зимой отправился Кароку в город купить теплый футон и увидел по дороге, что в силках бьется журавль. Пожалел он птицу и пришел ей на помощь. Стал освобождать из петли. Но тут явился человек, поставивший силки, и начал укорять его:

— Ты зачем отнимаешь у меня мою добычу?

— Пожалел я журавля, хотел спасти от гибели. Не продашь ли птицу? На эти деньги думал я купить теплый футон, возьми их.

Выкупил Кароку журавля и отпустил на свободу.

— Что же, придется зябнуть,— сказал он сам себе и вернулся с полпути домой.

— Где же футон?— спрашивает мать.

— Матушка, журавль попался в силки. Пожалел я его и выкупил на все деньги.

— Хорошо сделал, милый сынок,— ответила мать.

Назавтра, уже к самой ночи, кто-то постучал в дверь. Смотрит Кароку—перед ним девушка невиданной красоты.

— Сделай милость, пусти меня на ночлег!

— Можно ли, у меня убогая лачужка,— начал он было отнекиваться.

— Нет, пожалуйста; дозвожь мне провести ночь в твоём доме,— неотступно просила красавица, и Кароку поневоле согласился.

Вдруг она говорит:

— Хочу у тебя попросить совета.

— О чем же ты хочешь совет держать?

— Хорошо ли одной жить на свете? Возьми меня в жены.

— Я первый раз в жизни вижу такую красавицу. Ровня ли я тебе? Ведь я еле могу прокормиться, вон до чего беден: сегодня поел, завтра, может, буду помирать с голоду.

— Не говори так. Прошу тебя, возьми меня в жены!

Вконец смутился угольщик:

— Вот тебе на! Ума не приложу, что делать...

Эти слова Кароку услышала его матушка.

— Если гостя так молит, исполни ее желание,— и приняла красавицу в невестки.

Прошло некоторое время, и жена говорит:

— Запри меня на три дня в чулан. Но не вздумай открыть дверь и заглянуть туда хоть одним глазком.

На четвертый день вышла она из чулана.

— Верно, тяжело тебе пришлось. Я извелся от тревоги.

Поешь скорее.

— Спасибо,— ответила жена и утолила голод, а потом сказала:

— Кароку-дон, Кароку-дон, смотри, что я соткала в чулане.

И достает из чулана сверток ткани дивной красоты.

— Продай это за две тысячи рё.

Кароку понес работу жены во дворец к самому князю.

— Какая великолепная работа!—восхитился князь.— Не жалко заплатить две тысячи рё, даже три тысячи. Но нельзя ли изготовить еще один тан этой ткани?

— Я спрошу у своей жены.

— Какая нужда ее спрашивать? Довольно и твоего согласия. Деньги получишь вперед.

Вернувшись домой, Кароку рассказал обо всем жене.

— Дай мне время, я сотку еще один тан. Но уже теперь я проведу в чулане целую неделю, а ты поостерегись туда хоть на мгновение заглянуть.—И с этими словами скрылась в чулане.

За неделю Кароку извелся тоской и тревогой. Не выдержал он, приоткрыл дверь, заглянул—и что же видит? Гольй журавль выщипывает у себя на груди остатки пуха, прядет нити и вплетает в узорную ткань на кроснах.

Говорит тогда птица-журавль:

— Узорная ткань как раз готова. Отнеси ее князю, как уговорился. Но ты видел меня в настоящем моем облике—и конец нашей любви! Я должна тебя покинуть. Ведь я спасенная тобой птица-журавль.—С этими словами она поднялась в воздух и полетела на запад.

А навстречу летит стая в тысячу журавлей; окружили они голого журавля со всех сторон и полетели вдаль.

Кароку получил много денег, но не мог утешиться: такая тоска одолела! Стал он искать улетевшую птицу по всей Японии. Так долго искал, что из сил выбился. Однажды сидит он, усталый и полный печали, на морском берегу. Вдруг плывет старик на челноке, прямо к нему правит.

«Откуда он плывет?—удивился Кароку.—Вдали не видать ни одного острова».

Причалил челнок к берегу.

— Дедушка, дедушка, ты откуда пожаловал?

— Я с острова Суру-но хагоромо— «Одежда из журавлиных перьев».

— Прошу тебя, свези меня на этот остров.

— Садись в челнок.

Побежал челнок по волнам и в одно мгновение пристал к побережью, устланному белым песком.

Вышел Кароку на берег, а старик с челноком сразу куда-то пропал.

Поднялся Кароку вверх по высокому склону, и открылось его глазам прекрасное озеро. Посреди озера песчаный холм, на

холме стая журавлей, а в кругу этой стаи птица-журавль с выщипанными перьями—повелительница журавлей. Угостила она Кароку на славу, простилась с ним навеки и повелела старику отвезти Кароку обратно к тому берегу, откуда он приплыл.

21

Гора
Обасутэ

Был в старину обычай: как только старикам исполнилось шестьдесят лет, покидали их на погибель в дальних горах¹. Так приказал князь: незачем лишние рты кормить.

Старики при встрече приветствовали друг друга:

— Как время-то бежит! Уж пора мне в этом году отправляться на гору Обасутэ².

— Вот как? Значит, вместе пойдем, и мне пора.

Но вот что случилось однажды на рассвете.

Двое братьев несли по очереди своего старого родителя по крутой горной тропе. Тащит старший брат тяжелую ношу на спине и слышит по временам какой-то треск за собой.

Оглянулся он и спросил:

— Что делает наш отец?

— Да так, пустым делом балуется,— ответил младший брат.— Ломает ветки и бросает на дороге.

— Отец, ты зачем ветки ломаешь? Верно, для заметок? Хочешь убежать, когда мы уйдем домой?

Старик ответил так:

*В далеких горах
Ветками путь отмечу.
Зачем, для кого?
Ради любимых детей,
Что покидают меня.*

И после в молчании продолжал ломать ветки и бросать на тропинку.

Обасутэ прячется в самой глубине гор. Братья добрили туда к вечеру, сказать по правде, с легким сердцем, только спинам их пришлось тяжело.

Посадили они отца под большим деревом и начали совещаться, какую дорогу выбрать.

— Идти назад тем же путем скучновато.

— Правда твоя, ничего нового не увидим.

— А зачем долго думать? Пошли вниз с горы куда глаза глядят. Все равно выйдем к деревне.

Так и сделали. Но незнакомая тропинка давай петлять, шла-шла вниз и вдруг начала подниматься вверх. А уже наступила ночь. Кругом слышался волчий вой, уханье сов... Братья сперва храбрились, а потом испугались вконец:

— Вернемся поскорей туда, где мы покинули нашего отца, и найдем верную дорогу. Он ведь оставлял заметы по пути,— взмолился младший брат.

Вот когда братья впервые поняли, как сильно любил их отец, как заботился о них.

— Батюшка! Батюшка!— стали кричать они во весь голос и бегом припустились назад.

Взошла луна и осветила темную чащу. Видят—старик неподвижно сидит под деревом. Братья опустились возле него на землю и перевели дух.

— Что с вами случилось, дети мои?

— Да вот, захотелось нам пойти назад по другой дороге. Но мы заблудились. Просим тебя, вернись с нами и укажи правильный путь.

Отец показал пальцем на тропинку:

— Вот идите по ней, я бросал ветки по дороге. А я останусь здесь.

— Нет, нет, не говори так. Позволь нам отнести тебя домой. Будь что будет, мы больше никогда не покинем тебя!— стали умолять братья.

— Неразумные слова! Хотите вы или нет, а должны оставить меня в горах: на то есть строгий княжеский указ. Ослушников ждет суровая кара.

Но братья поняли, как любит родительское сердце, и твердо стояли на своем. Они понесли отца против его воли.

Дома братья поспешили вырыть под полом глубокий подвал и спрятали там своего отца. Каждый день они приносили еду своему отцу и беседовали с ним.

Так прошло больше года. Вдруг от имени князя объявили указ: «Приказываю свить веревку из пепла, коли найдется такой умелец».

Люди в княжеских владениях вконец измучились, пробовали и так и этак, но все без толку: никто не смог свить веревку из пепла.

Братья рассказали об этом своему старику-отцу.

— А ведь дело-то нехитрое. Вымочите солому в соленой воде и свейте жгутом, а как высохнет, сожгите на огне,— посоветовал старик.

Сделали братья, как он сказал, и правда, получилась у них веревка из пепла.

Князь похвалил братьев, но задал им новую задачу:

— Коли вы такие хитрые, продерните нить сквозь большую морскую раковину, да так, чтобы прошла внутри по всем завиткам.

Опечалились братья и поспешили к отцу за советом.

— Вот оно как,— призадумался отец, а поразмыслив, сказал сыновьям:

— Принеси-ка ты муравья, а ты — длинную нитку и горсточку рисинок.

Принесли сыновья, что велено. Старик привязал нитку к муравью и впустил его в глубь витой раковины, просверлив отверстие на верхушке. Потом повернул раковину открытой стороной к свету и насыпал рисинок. Муравей скоро выполз к приманке, а по дороге продернул нить сквозь все завитки³.

Князь остался очень доволен:

— Хотел я узнать, сколь умны люди в моих владениях. Теперь душа моя спокойна. Но скажите мне, сами ли вы догадались или кто другой научил вас?

Братья поведали обо всем без утайки.

— Поистине старые люди — кладезь премудрости! — воскликнул князь и немедля отдал указ, чтобы стариков отныне не оставляли в горах на погибель. А братьев богато одарил.

Радостные, вернулись братья домой. С тех пор они, не таясь, без всякой боязни содержали своего отца в доме и заботились о нем.

22

**Вака-химэ
из дворца
дракона**

В старину, в далекую старину жил в одном селении мальчик двенадцати лет по имени Кинскэ, круглый сирота. Построил он возле морского берега маленькую хижину и ходил в горы собирать хворост на продажу. Тем и кормился.

Так вот, наступил канун Нового года. Кинскэ понес большую вязанку хвороста в город. Хотелось ему выручить немного денег к празднику. Устал мальчик нести тяжелую ношу. Присел отдохнуть на прибрежный камень и загляделся на спокойное море.

Вдруг прямо у его ног морская гладь вспенилась, забурилась. Посреди круговерти воду втянуло вниз воронкой, и показалось в ней горло кувшина.

Глядел-глядел Кинскэ во все глаза, а потом взял охапку ветвей и бросил в самый водоворот. Ветки завертелись, закружились и исчезли в кувшине. Тут Кинскэ раззадорился и давай бросать охапки ветвей одну за другой... Все, что у него было.

«Эх, беда!» — опомнился мальчик, да поздно. Сиди теперь голодным, не с чем встречать Новый год.

Но вдруг смотрит, откуда ни возьмись, стоит перед ним морская дева небывалой красоты.

— Кинскэ-сан, Кинскэ-сан, отчего ты запечалился, поведай мне, — спросила она ласковым голосом.

«Уж не пригрезилось ли мне?» — подумал Кинскэ и ответил:

— Ни о чем я не печалюсь. Только вот что случилось со мной. Понес я хворост на продажу: ведь Новый год наступает,

надо его встретить. Вдруг вижу— море вспенилось, забурлило. Стал я бросать туда охапки ветвей. Уж очень здорово их крутило в водовороте. Да все и побросал. Выходит, остался я без праздничного ужина.

— Ах, вот оно что! Есть о чем горевать! Знай, зовут меня Вака-химэ, я дочка Ото-химэ. Мы с матушкой обитаем во дворце дракона— Повелителя моря. Сегодня ты преподнес нам щедрый дар: много топлива для очага. Я послана, чтобы отблагодарить тебя. Отныне ни о чем не печалься, я буду о тебе заботиться,— сказала с улыбкой Вака-химэ.

С тех пор чего только Кинскэ ни пожелает, все сразу перед ним появляется— и еда и одежда. Зажил он в довольстве и счастье.

Но нет опаснее досужих языков. По всей стране пошла молва: дескать, Кинскэ еще совсем мальчик, а взял себе в жены такую красавицу, словно она вышла к нему из картины. Был он нищий сирота, а теперь живет в роскоши.

Ну, само собой, дошел этот слух до ушей князя. Князь немедленно позвал к себе своего кэрая.

— В народе теперь только и разговору, что о каком-то отроке по имени Кинскэ. Будто женился он на красавице и стал богачом. Дыма без огня не бывает. Ступай погляди, в самом ли деле его жена так хороша, как ее расписали,— повелел князь.

— Повинуюсь. Только, думается мне, лучше бы вашей милости поглядеть собственными глазами,— посоветовал кэрай.

— Хм, пожалуй, оно и так. Ступай же и приведи сюда их обоих!— повелел князь, очень довольный советом кэрая.

Услышав повеление князя, Кинскэ онемел от испуга. Тогда Вака-химэ вышла к посланцу.

— Князь хочет хоть раз посмотреть на тебя собственными глазами. Скорей собирайся в дорогу!— строго приказал воин и повел Кинскэ вместе с Вака-химэ в княжеский дворец.

Увидел князь девушку и уставился на нее, не моргая. «В мире нет второй такой красавицы. Не этому жалкому мальчишке владеть девушкой. Я сам возьму ее в супруги»,— подумал он.

— Сегодня вы поспешили явиться ко мне по моему приказу. Похвальное усердие. На сей раз довольно, идите домой.— С такими словами князь отпустил их.

Но на другой день он позвал одного Кинскэ.

— Эй, Кинскэ, говорят, тебе всего двенадцать лет от роду, а ты уже взял себе жену. Правда ли это?— спросил князь.

— Нет, не жена она мне,— в страхе ответил Кинскэ,— неправду люди сказали.

— О, если так,— сурово сказал князь,— чего же тебе держать эту девушку в своем доме?! Вот если ты нагромозишь горой перед моим дворцом тысячу мешков риса, я, так и быть, позволю тебе оставить ее у себя. А не сможешь выполнить мое повеление— прогони девушку.

— Повинуюсь,— ответил Кинскэ и побрел домой, опечаленный. Рассказал он Вака-химэ, какую задачу задал ему князь.

— Только и всего? Какая малость! Есть о чем горевать,— засмеялась Вака-химэ.

На рассвете вышла она на берег моря и хлопнула в ладоши. И тут— о чудо!— вышли из морской пучины длинной чередой пятьсот коней. Каждый несет на спине два мешка риса.

Кинскэ, радостный, явился к князю.

— Как вы повелели, перед вашим дворцом нагромоздил я горой тысячу мешков риса. Соизвольте принять.

— Что ж, прекрасно. Принимаю твой дар. Но откуда эта девушка могла добыть столько риса? Надо с ней быть настороже,— покачал головой князь. И, немного подумав, сказал:

— Теперь, Кинскэ, выполни другую работу. Достань мне три диковины: одна зовется «пии-пии», другая «дон-дон», а третья «эй-са». А не достанешь, простишь со своей красавицей.

Бедный Кинскэ пришел домой, убитый горем. Услышала Вака-химэ, какую задачу задал князь, и улыбнулась:

— Не тревожься, дело легкое.

Вышла она на берег моря и хлопнула в ладоши. Поднялась на зов дочери из пучины моря сама Ото-химэ и вручила девушке три маленьких ларчика.

— Вот слушай,— молвила Вака-химэ мальчику.— Это ларчик «пии-пии», а вон тот ларчик «дон-дон», третий ларчик— «эй-са». Иди же к князю и не бойся ничего.

Кинскэ побежал к князю, не помня себя от радости.

— Ваша милость, я принес три диковины,— распростерся он в земном поклоне.

— О, так давай же сюда «пии-пии»!— поторопил его князь.

— Прошу взглянуть,— отворил Кинскэ первый ларчик.

И вдруг из него стали вереницей выходить карлики. Сотни, тысячи карликов, и все дуют в маленькие флейты: пии-пии.

— Хм. Великолепно! А теперь покажи «дон-дон».

Кинскэ открыл второй ларчик. И оттуда тоже вышли сотни, тысячи карликов. Бьют в маленькие барабаны: дон-дон дон-дон, дон-дон!

Все карлики, и флейтисты и барабанщики, построились в одну шеренгу, идут вокруг княжеского дворца: пии-пии, дон-дон.

— Хм. Вот это диво так диво! Зрелище на редкость. Ну, а теперь покажи третью диковину «эй-са»!

— Повинуюсь.

Кинскэ открыл третий ларчик.

И вдруг оттуда выскочили карлики-самураи в доспехах и шлемах, с копьями и мечами. С воинственными криками «эй-са! эй-са!» бросились они на князя и его кэраев.

Князь обомлел от страха.

— Нет, нет, пусть опять спрячутся в ларчик! Послушай, Кинскэ. Ты не сам добыл три диковины, девушка помогала тебе.

Она разгадала мои уловки. Страшной силой одарена эта красавица. Чтобы искупить свою вину, я щедро одарю вас. Завтра явитесь ко мне вдвоем.

Наутро Кинскэ с Вака-химэ предстали перед князем.

— Добро пожаловать,—молвил князь.—Мне стыдно, что я прибежал к хитрости. Но, девушка я хочу задать тебе один вопрос.

— Что же ты хочешь узнать, князь?—спросила Вака-химэ.

— Поведай мне, кто ты такая? Откуда пришла? Сдается мне, ты не нашей человеческой породы.

— Хорошо, открою всю правду. Но раньше дозвожь и мне обратиться к тебе с просьбой,—ответила Вака-химэ.

— Согласен, говори.

— Князь, я слышала, что нет у тебя сына. Назначь своим наследником Кинскэ. Тогда будешь спокойно править княжеством.

Князя не надо было просить второй раз.

— Я и сам об этом подумывал. Не надо меня уговаривать, я сердечно рад.

— Благодарю тебя. Узнай же, кто я. Я из дворца дракона, матушка моя Ото-химэ. Это по ее приказу помогала я Кинскэ: жаль нам стало добросердечного мальчика. Тысячу мешков риса, ларчики «пии-пии», «дон-дон», «эй-са» прислала моя матушка. Морские сокровища не в пример драгоценнее земных. Прощайте, я возвращаюсь во дворец дракона, а вам препоручаю заботу о Кинскэ. Если нужно, всегда помогу.

Князь несколько раз склонил голову в знак согласия, и успокоенная Вака-химэ покинула княжеский замок.

С тех пор, только возникали в княжестве смущение и тревога, Кинскэ обращался за добрым советом к Вака-химэ. Смотришь, все и уладится.

В свое время Кинскэ стал мудрым князем и успешно правил страной.

23

Чудесный
кувшинчик

Некогда на острове Мияко жил один молодой рыбак по имени Масария. Было ему лет двадцать, не больше.

Однажды в ясный лунный вечер пошел он на берег моря рыбу ловить. Вдруг удочка в его руках изогнулась дугой, словно лук:

— А-а, клюет!

Вытащил Масария из воды огромную рыбину. От глаз до хвоста была она длиной в добрых три саяку. Только хотел обрадованный Масария снять ее с крючка, как вдруг его руки онемели, словно их отшибло. Свалился он на землю без памяти.

А как пришел в себя, видит: рыба исчезла и стоит перед ним, откуда ни возьмись, девушка дивной красоты.

— Застала меня темнота в дороге,—говорит она голосом чистым, как серебряный колокольчик.—Позволь мне провести одну ночь в твоей хижине.

— Да ведь живу я в тесном шалаше, там и лечь-то как следует негде.

— Мне все равно, лишь бы укрыться от дождя и ночной росы. Прошу тебя, дай мне приют на одну ночь.

Впустил Масария девушку в свой шалаш, а у самого сердце так и стучит в груди! В жизни не видал он такой красавицы.

Провели они вместе ночь, а на другое утро, только открыл молодой рыбак глаза, красавица исчезла, словно ветром ее унесло.

Долго не мог рыбак забыть красавицу. Каждый вечер ходил он на берег моря, но она все не появлялась.

Как-то раз в безветренный, тихий день закинул Масария сети в море и стал поджидать улова. Вдруг видит: на волнах покачивается челнок-однодеревка, а в нем сидят двое маленьких каппа¹. Тело у них чешуей покрыто, а глаза навывкате, как у больших рыб.

— Отец! Здравствуй, наш отец!—закричали они.

Сильно удивился Масария:

— Почему вы меня так зовете? Какой я вам отец! Вы же каппа, дети воды!

— Что ты отпираешься! Разве не было у тебя любовной встречи с нашей матушкой года два-три назад?—не по возрасту смело спрашивают дети.—После этого и родились мы на свет, двое братьев-близнецов.

— Ну, если так, то вы и вправду мои дети. Но где же ваша матушка?

— На дне моря, во дворце Повелителя драконов.

— Да неужто?

— Она послала нас за тобой, отец.

Как услышал это Масария, не стал долго раздумывать, обнял своих детей за плечи и нырнул на дно моря. В то же мгновение очутился он перед воротами подводного дворца.

— Матушка, матушка, мы отца привели!—крикнули мальчики.

Громко заскрипели подводные ворота из алого коралла и распахнулись настезь.

Окруженная толпой прекрасных прислужниц, под звуки тихой музыки вышла ему навстречу в ослепительном наряде сама принцесса Ото-химэ, дочь Повелителя драконов.

— Добро пожаловать! Долго я тебя ждала.

Взяла Ото-химэ своей рукой, похожей на белую рыбку, Масария за руку и повела во дворец. Вся утварь в покоях кораллом изукрашена, алым, черным, белым и лазоревым. В зеркалах пестрые рыбы проплывают, морские чудища глаза плят.

— Давно я хотела с тобой свидеться. Ведь родилось у нас двое сыновей. Останься же с нами навек в этом дворце! Будем с тобой жить неразлучно,—говорит Ото-химэ.

Масария только смотрит во все глаза и слова вымолвить не может.

Привела его Ото-химэ в парадную залу. А там уже веселый пир наготове, столы яствами уставлены, прислужники-рыбы вино наливают.

Заиграли лютни, цитры, скрипицы, флейты, барабаны. Начались веселые пляски. То краб ходит боком, то осьминог выкидывает коленца. До слез хохотал Масария.

Так прошло пять дней. Но не в радость молодому рыбаку вечный праздник. Потянуло его на землю, к людям. Видят дети, что у отца лицо затуманилось, ходит он нерадостный, и спрашивают:

— Невесело тебе у нас, отец? Верно, хочешь на землю вернуться?

Удивился Масария:

— Вот правду говорят, что дети приметливы! Тяжко мне стало на морском дне. Помогите же мне вернуться на вольный воздух.

— А наша матушка что говорит?

— Я попрошу ее отпустить меня.

— Да, расскажи ей все, что у тебя на сердце. Но когда будешь с ней прощаться, то, уж верно, она подарит тебе что-нибудь на память. Попроси тогда маленький голубой кувшинчик. Это лучшее сокровище нашего дворца,—посоветовал отцу один из мальчиков и повел его в покои Ото-химэ.

— Я уже все знаю от наших детей. Так ты непременно хочешь вернуться на землю?

— Что поделаешь! Привык я каждый день трудиться. От безделья не по себе мне стало, тоска грызет. Я—создание земли и должен вернуться на землю.

— Если так, то и говорить не о чем. Но хочу я дать тебе подарок на память. Выбери сам что приглянется.

— Что ж, дай мне тогда этот лазоревый кувшинчик.

Опечалилась было Ото-химэ, но потом улыбнулась:

— Этот кувшинчик—бесценное сокровище. Но для тебя, мой любимый Масария, мне ничего не жаль. Возьми его! Только всегда помни обо мне.—И с этими словами Ото-химэ отдала Масария лазоревый кувшинчик.

Простился с женой молодой рыбаком, обнял своих сыновей за плечи и в тот же миг очутился на берегу острова Мияко.

Пошел Масария назад в свою деревню. Но что это? Как она изменилась! Все в ней выглядит чужим. Если б не горы да не река, он и места того не признал бы. Ищет рыбаком свой дом, но от него и следа не осталось. Там, где он стоял, поднялась высокая роща.

Глазам своим не верит Масария. Уж не сон ли? Вдруг увидел он, что по дороге бредет, опираясь на палку, седой старичок лет семидесяти. Сказал ему Масария:

— Я рыбак из здешних мест, зовут меня Масария. Пять дней пробыл я во дворце Повелителя драконов, и вот—не узнаю родной деревни. Все здесь так изменилось!

— Масария, говоришь ты? Верно, был такой среди нас, рыбаков. Да только добрых пятьдесят лет прошло, как уплыл он в море и не вернулся. Уж не призрак ли ты? Скройся с моих глаз! Пропади!— И старик замахнулся посохом.

«Дивное, непонятное дело!»— И Масария, спотыкаясь, неверным шагом побрел к старому пруду на краю деревни.

Наклонился Масария над прудом. Но в воде он увидел не юношу двадцати лет. Нет, на него глядел седой, морщинистый старик, похожий на того, с каким он повстречался.

— О я несчастный! Пять дней провел я во дворце Повелителя драконов, а за это время на земле прошло пятьдесят лет! Потерял я свою молодость!

И в отчаянии Масария встряхнул свой лазоревый кувшинчик. Что-то в нем заплескалось. Он открыл крышку, и оттуда потянуло крепким духом старого вина.

— Так, значит, там драгоценное ароматное вино. Что ж, хоть напиться с горя, что ли!

И, опрокинув вверх дном кувшинчик, Масария осушил его одним духом.

Побежало вино по его жилам горячей струей. Поднес он руки к лицу—лицо стало гладким, как прежде.

Поглядел Масария в пруд и подскочил от радости:

— Мне снова двадцать лет! Так вот для чего этот кувшинчик—бесценное сокровище! Эх, как жалко, что я все вино сразу выпил.

Потряс он кувшинчик, а в нем опять вино булькает.

— Эге, чудо за чудом!

Выходит, пей сколько хочешь из того кувшинчика, а вино никогда в нем не иссякнет, как струя в роднике! Масария не помнил себя от счастья:

— Теперь я смогу помогать людям. Вина на всех хватит.

Начал он ходить по всему острову и всюду рассказывать людям про свои приключения. Выпьют чудесного вина старики—станут молодыми, выпьют большие—и станут здоровыми.

Пронесся об этих чудесах слух по всем окрестным островам. Люди толпами пошли к дому Масария. Кто сам идет, кого ведут, а кого и несут.

Но верно говорят: между радостью и горем тонкая стена.

Как-то раз пришло к Масария людей втрое больше обычного. Лег он спать еле живой от усталости, но только заснул первым сном, как в ворота так сильно застучали, словно хотели разнести их вдребезги.

— Эй, Масария, отворяй! С дальнего острова привезли на лодке больного. Он чуть дышит. Дай ему выпить целебного вина. Скорей, а не то помрет. Отворяй ворота, живо! Не откроешь подобру-поздорову, вышибем.

Масария встал с постели, протирая заспанные глаза:

— Это что еще! Что за наглость такая! Я даром пою каждого, кто ни попросит, чудесным вином из дворца Повелителя драконов. Могли бы, кажется, быть мне благодарны, а вы ломитесь в мой дом посреди ночи, покоя не даете. Хороша награда за мою доброту! Что я нажил, кроме хлопот и беспокойства?! Из-за этого проклятого кувшина мне и ночью отдыха нет. Да пропади он пропадом!

И только он это вымолвил, как кувшинчик с треском разломился пополам. Обратились его осколки в двух белых лебедей и полетели в сторону моря. С криком бросился Масария за ними в погоню.

Но лебеди, сверкая в лунном свете белыми крыльями, скрылись из виду. В ту же минуту Масария вновь превратился в дряхлого старика. И все люди, кому чудесное вино вернуло молодость, снова стали стариками. А больные, исцеленные вином, сразу умерли.

Вот что случилось в далекую старину.

24

Ури-Химэ и Аманодзюку

В старину, старину, далекую старину жили не ведаю где дедушка с бабушкой. Однажды дедушка пошел в горы дрова рубить, а бабушка на реку стирать.

Площет она плата и видит: плывут по течению две большущие дыни—плюх-плюх-плюх.

Бабушка и говорит:

— Сладкая дыня, плыви ко мне в руки. Горькая дыня, плыви себе дальше.

Одна дыня и подплыла к бабушке. Поймала бабушка дыню и понесла домой. А когда дедушка вернулся из леса, бабушка все ему рассказала. Решили они разрезать дыню и полакомиться.

Принесла бабушка кухонный нож и спрашивает:

— Дедушка, как дыню резать, вдоль или поперек?

— Как хочешь, хоть вдоль, хоть поперек,—ответил дедушка. Стала бабушка резать дыню поперек, и вдруг из нее появилась девочка сияющей красоты.

Обрадовались дедушка с бабушкой:

— Уж раз родилась она из дыни, назовем ее Ури-химэ¹.

Дали они девочке имя Ури-химэ. Лелеяли дедушка с бабушкой девочку, а она росла и все больше хорошела.

Как-то раз говорят ей старики:

— Должны мы ненадолго из дома отлучиться. Смотри, не открывай без нас дверь никому! Вдруг придет Аманодзяку²?!

Ушли дедушка с бабушкой.

Осталась Ури-химэ в одиночестве дом сторожить и запела звонким голосом, работая на ткацком стане:

*Нет у дедушки трубки,
Нет у бабушки ножниц.
Кинкотан, баттарисё.*

Вдруг кто-то постучал в дверь с черного хода.

Перестала петь Ури-химэ, прислушалась.

— Ури-химэ-са, Ури-химэ-са, отопрй дверь!

— Не отопру. Бабушка с дедушкой наказали мне никому не открывать дверей, пока их дома нет.

— А ты приоткрой дверь хоть чуточку, чтобы я палец мог просунуть,— не отступаете гость.

Уступила наконец Ури-химэ просьбам и приоткрыла дверь на палец шириной.

— Ури-химэ-са Ури-химэ-са, приоткрой дверь, чтобы я руку мог просунуть!— кричит требовательный гость.

Ури-химэ приоткрыла дверь пошире. Просунул гость руку и просит еще неотвязней:

— Ури-химэ-са, Ури-химэ-са, открой дверь так, чтобы я голову мог просунуть!

— Хорошо, просунь голову, только не кричи.

Открыла Ури-химэ дверь еще шире. Тут Аманодзяку одним прыжком ворвался в дом и говорит:

— Ури-химэ-са, Ури-химэ-са, пойдем рвать хурму.

— Нет, не пойду я рвать хурму,— отвечает Ури-химэ. — Я не должна покидать дом, пока бабушка с дедушкой в отлучке.

— Так ведь ненадолго пойдем. Сразу вернемся. Что за беда?— стал ее уговаривать Аманодзяку. — Хурма такая сладкая, я нарву для тебя много-много плодов.

Послушалась его наконец Ури-химэ, и пошли они на гору в лес. Аманодзяку быстро-быстро влез на дерево. Срывает и ест вволю сладкую хурму, а вниз швыряет только кожуру и косточки.

Ждала-ждала Ури-химэ под деревом, но Аманодзяку так и не бросил ей ни одного плода.

Каждый раз Ури-химэ жаловалась:

— Да ведь это косточки хурмы! Да ведь это кожура!

Рассердился Аманодзяку:

— Раз так, сама полезай на дерево и ешь сколько хочешь!

Привязал Аманодзяку Ури-химэ к дереву, а сам пошел в дом. Принял он ее образ и начал ткать, громко распевая:

*Нет у дедушки трубки,
Нет у бабушки ножниц,
Кикотан, баттарисё.*

Тем временем вернулись дедушка с бабушкой. Не поняли они, что за ткацким станом сидит вместо Ури-химэ злой оборотень.

Стали старики беседовать друг с другом и порешили выдать Ури-химэ замуж за богача из соседней деревни.

Вот посадили дедушка с бабушкой Аманодзяку в паланкин и понесли. Спрашивает дедушка по дороге:

— Эй, послушай, бабушка! Пойдем через рощу хурмовых деревьев или через рощу сливовых деревьев?

Услышал это Аманодзяку в паланкине и подумал: «Пойдут они через рощу хурмовых деревьев, а там Ури-химэ привязана. Откроется обман. Пусть идут через сливовую рощу».

Аманодзяку всегда поступал людям назло. Он думал, люди тоже всегда во всем перечат, и крикнул:

— Идите через рощу хурмовых деревьев!

А старики-то послушались. Не знали они, что в паланкине вместо Ури-химэ сидит Аманодзяку.

Идут через рощу и вдруг видят: Ури-химэ привязана к дереву и плачет-разливается. Развязали они веревки, сняли с дерева Ури-химэ, а она все им рассказала. Рассердились дедушка с бабушкой:

— Так это Аманодзяку! Ах он злодей!

Вытащили они его из паланкина и рассекли на части. Голову забросили на поле гречихи, а ноги—в заросли мисканта. Пролилась кровь Аманодзяку, вот почему у гречихи и мисканта корни красные.

Ури-химэ благополучно выдали замуж, и стали все жить счастливо.

25

Горные груши

Жили в одном селении мать с тремя сыновьями. Занемогла мать, и захотелось ей поесть горных груш.

Старший сын Таро говорит:

— Раз так, пойду нарву груш,—и отправился в горы. Шел он, шел и зашел далеко в горы.

Сидит на большой скале старуха и спрашивает его:

— Куда идешь, сынок?

— Иду груши собирать.

— Тогда послушай. Разветвится дорога на три тропинки. В начале каждой тропинки растет бамбук. Станут листья шелестеть: «Иди, иди, ш-шу», «Не ходи, ш-шу». Ты иди по той тропинке, где бамбук шелестит: «Иди, иди, ш-шу».

Пошел Таро дальше. И в самом деле: разветвилась дорога на три тропинки. В начале каждой растет бамбук. Шелестят бамбуки: «Иди, иди, ш-шу», «Не ходи, ш-шу».

Но забыл Таро добрый совет старухи, не прислушался к шелесту бамбука, и пошел как раз по той тропинке, где бамбук остерегал его: «Не ходи, ш-шу».

Идет он, а на ветке ворон гнездо вьет. Закричал ворон: «Не ходи, тон-тон!»

Но юноша, не слушая, пошел себе дальше.

Видит—на ветке большого дерева висит пустая тыква горлянка. Загремела она, застучала: «Не ходи, гара-гара!»

А он идет себе дальше, в толк не берет. Возле омута груши на дереве звенят: дзаран-дзаран! Влез он на дерево и начал их собирать. Но упала тень юноши на воду, и нуси¹, хозяин омута, проглотил его одним глотком.

Сколько ни ждали дома, Таро не вернулся.

Отправился собирать горные груши второй сын—Дзиро. Он тоже не послушался доброго совета старухи, и хозяин омута проглотил его.

Третий сын, Сабуро, был отроду разумней всех. Увидел он старуху на скале и рассказал ей, как братья пошли горные груши собирать, да не вернулись, и как матушка тревожится.

— Не послушались они меня,—сказала старуха. — А ты иди спокойно.

Дала она Сабуро острый меч, разящий с первого удара. Сабуро принял меч с благодарностью. Шел он, шел и пришел к тому месту, где на три тропинки разветвилась дорога. Три бамбука зашелестели:

«Не ходи, ш-шу», «Иди, иди, ш-шу».

Прислушался Сабуро. Бамбук на средней тропинке шелестит: «Иди, иди, ш-шу».

Пошел он по средней тропинке. Ворон на ветке гнездо вьет. Закричал ворон: «Иди, иди, тон-тон! Иди, иди, тон-тон!»

Идет Сабуро дальше. На ветке большого дерева висит тыква горлянка. Загремела она, застучала: «Иди, иди, гара-гара!»

Шел Сабуро, шел, видит горный поток. Плышет по нему красная щербатая чашка: цумбуку-камбуку. Выловил он ее и идет дальше.

Возле омута горные груши на дереве звенят: дзаран-дзаран! Каждый раз, как ветер подует, поют они:

*На восточной стороне,
Берегись, опасность ждет,
И на западной, страшись,
Темный омут ждет тебя.
И на северной как раз
Тень на воду упадет.
Ты на южной стороне
Смело груши собирай.
Дзаран-дзаран!*

«Ха-ха, значит, надо собирать груши на южной стороне дерева»,—думает Сабуро. Влез он на грушу и стал срывать самые спелые, сочные плоды.

Но когда он начал слезать с дерева, то оплошал. Схватился за ветку как раз над омутом, и тень его упала на воду.

Увидел тень на воде хозяин омота и только собрался было проглотить юношу, как Сабуро выхватил из ножен меч, подаренный ему старухой, и нанес мощный удар. Зарубил он чудовище.

Вдруг из чрева нуси послышались тихие голоса:

— Эй, Сабуро, эй!

Рассек Сабуро чрево, а в нем Таро и Дзиро, бледные-бледные, но живые. Зачерпнул он тогда воды красной щербатой чашкой и дал попить братьям. И стали они опять здоровы и невредимы.

Пришли братья домой и угостили свою матушку спелыми грушами.

С тех пор стали они всей семьей жить в благополучии и радости.

26

Земляника под снегом

Жила в одной деревне женщина. И было у нее две дочери: старшая о-Тиё — неродная, а младшая о-Хана — собственное детище.

Мачеха одевала родную дочку в нарядные платья, а падчерицу — в лохмотья. На долю дочери доставались ласки да баловство, а на долю падчерицы — колотушки и трудная работа. Она и воду носила, она и стирала, и обед варила.

Но мачеха все равно ненавидела о-Тиё лютой ненавистью, только и мечтала, как бы сжить ее со свету.

Вот однажды в холодный зимний день мачеха и о-Хана грелись у очага. Разомлела о-Хана от жары и говорит:

— Ох, как мне жарко стало! Сейчас бы съела чего-нибудь холоденького.

— Хочешь немного снежку?

— Снег ведь невкусный, а я хочу чего-нибудь холодного да вкусного.

Задумалась о-Хана и вдруг как хлопнет в ладоши:

— Земляники, хочу земляники! Красных спелых ягодок хочу.

О-Хана была упряма. Уж если что ей в голову взбредет, никогда не отступится.

Подняла она громкий плач:

— Мама, дай земляники! Мама, дай земляники!

Не смогла ее мать утихомирить и вот что придумала.

— О-Тиё, о-Тиё, поди-ка сюда, — позвала она падчерицу.

О-Тиё как раз стирала белье на заднем дворе. Бежит она на зов мачехи, на ходу мокрые руки вытирает.

— Эй ты, ступай-ка в горы и набери вот в эту корзинку спелой земляники. Слышишь? А пока не наберешь полной корзинки, не смей домой и глаз казать. Поняла?

— Но, матушка, разве растет земляника в середине зимы?

— Растет не растет, а ты одно помни: придешь с пустыми руками—домой не пушу!

Вытолкнула мачеха о-Тиё из дома и дверь за ней крепко-накрепко заперла.

Обула о-Тиё соломенные сандалии на босу ногу, а куда идти, не знает. Зимой в горах земляника не растет. Но и с мачехой не поспоришь. Постояла-постояла о-Тиё на дворе, взяла корзинку и пошла в горы.

В горах тихо-тихо. Снег валит хлопьями. Высокие деревья под снегом кажутся еще выше.

Ищет о-Тиё землянику в глубоком снегу, а сама думает: «Верно, мачехе надоело, что я на свете живу, оттого и послала меня сюда на погибель. Лучше мне здесь замерзнуть. Может, тогда я свижусь со своей родной матушкой».

Полились у девочки слезы, бредет она, сама не зная куда, не разбирая дороги. То взберется, спотыкаясь и падая, на гору, то скатится в долину. Наконец от усталости да холода упала она и не встала.

А снег все шел, все шел и скоро намел над ней пушистый белый холмик.

Вдруг кто-то окликнул о-Тиё по имени. Приоткрыла она глаза. Видит: наклонился над ней старый дед с белой бородой.

— Скажи, о-Тиё, зачем ты пришла сюда в такой холод?

— Матушка наказала мне набрать спелой земляники,—ответила девочка, еле шевеля ледяными губами.— А не то велела и домой не приходить.

— Да разве не знает она, что зимой земляника не растет? Но не печалься, идем со мной.

Поднялась о-Тиё с земли. И стало ей вдруг тепло, и усталости как не бывало.

Шагает старик по снегу легко-легко, о-Тиё за ним бежит, и— вот диво!— стелется перед ней снег, словно крепкая хорошая дорога.

— Вон там спелая земляника,—говорит старик.— Собери сколько надо и ступай домой.

Поглядела о-Тиё туда, куда он указывал, и глазам своим не верит. Растет в снегу крупная красная земляника! Вся поляна годами усыпана.

— Ой, земляника!—только и могла сказать о-Тиё.

Вдруг смотрит она: старик куда-то пропал, стоят кругом одни деревья.

— Так вот он кто! Бог-хранитель этой горы!¹ Вот кто спас меня!

Сложила о-Тиё молитвенно руки и низко поклонилась. Потом набрала полную корзину земляники и побежала домой.

— Как, ты и впрямь нашла землянику?!—ахнула мачеха. Думала она, что ненавистной падчерицы уже в живых нет.

Обрадовалась о-Хана, села у самого очага и давай класть ягоду за ягодой в рот, приговаривая:

— Ах, вкусно! Во рту тает!

— Ну-ка, ну-ка, и мне дай!

Попробовала мачеха и языком причмокнула. А падчерице ни одной ягодки не дали.

О-Тиё и не подумала обижаться: не привыкла она к лакомствам. Сморил ее сон. Прикорнула она у очага и дремлет.

Вдруг мачеха подбежала к ней, громко топая ногами, и закричала в самое ухо:

— О-Тиё, о-Тиё!

Встряхнула она девочку за плечо:

— Эй ты, слушай! О-Хана не хочет больше красных ягод, хочет лиловых. Ступай живо в горы, собери лиловой земляники.

Испугалась о-Тиё:

— Но, матушка, ведь уже ночь на дворе, а лиловой земляники, поди, и на свете нет. Не гони меня в горы, матушка!

— Что ты говоришь такое? Ты ведь старшая сестра! Должна все давать своей младшей сестренке, что та ни попросит. Нашла же ты красные ягоды, найдешь и лиловые. А не то и домой не приходи!

Вытолкнула она падчерицу из дома без всякой жалости и дверь за ней со стуком захлопнула.

Побрела о-Тиё в горы. Сделает один шаг, остановится, сделает другой, остановится и плачет, плачет. А в горах выпало много свежего снега. Уж не во сне ли собирала она здесь свежую землянику?

А кругом все темней становится. Вдруг где-то волки завыли. Задрожала всем телом о-Тиё, ухватилась за дерево.

— О-Тиё! — послышался вдруг тихий зов, и, откуда ни возьмись, появился перед ней знакомый дед с белой бородой.

— Ну что, о-Тиё, понравилась твоей матушке красная земляника? Вкусная была? — ласково спросил ее старик.

Поглядела ему в лицо о-Тиё и вдруг заплакала в голос, так ей горько стало:

— Матушка велела на этот раз принести лиловой земляники!

Покраснел старик от гнева, глаза у него сверкнули страшным блеском:

— Пожалел я тебя, оттого и послал ей красных ягод, а она, злодейка, вон что придумала! Ну хорошо же, я проучу ее! Ступай за мной!

Старик пошел вперед большими шагами. Быстро как ветер спустился он на дно глубокой долины, а девочка за ним бежит, еле поспевает.

— Смотри, о-Тиё, вот лиловая земляника!

Взглянула о-Тиё и глазам не верит! Весь снег вокруг светится лиловыми огоньками. Повсюду рассыпана крупная, красивая, налитая соком лиловая земляника.

Боязливо сорвала о-Тиё одну-две ягодки. Даже на дне корзины светились ягоды лиловым блеском.

Набрала о-Тиё полную корзину и пустилась со всех ног домой. Тут горы сами собой раздвинулись и в одно мгновение оказались далеко позади, а перед ней, словно из-под земли, родной дом вырос.

Держит о-Тиё перед собой корзинку обеими руками, будто что-то страшное, и громко зовет:

— Отвори, матушка, я нашла лиловую землянику!

— Как лиловую землянику?!— ахнула мачеха.

Думала она, падчерицу волки съели. И что же! О-Тиё не только вернулась живая-здоровая, но и земляники принесла, какой на свете не бывает. Нехотя отперла мачеха дверь, взглянула, и даже голос у нее перехватило! Насилу-то вымолвила:

— Ах, лиловая земляника!

О-Хана давай совать ягоды в рот:

— Ах, вкусно! Язык можно проглотить. Попробуй, мама, скорее, таких вкусных ягод, верно, даже боги не едят!— И давай набивать себе рот.

О-Тиё начала было отговаривать сестру с мачехой:

— Матушка, сестрица, уж слишком эти ягоды красивы. Так и светятся! Не ешьте их...

Но о-Хана злобно крикнула:

— Наелась, верно, потихоньку в горах до отвала, да мало тебе, хочешь сама все доесть! Нашла дурочек!

Послушала мачеха свою дочку, выгнала падчерицу из комнаты и ни одной ягодки попробовать ей не дала.

Но не успели мачеха и о-Хана доесть ягоды, как сами стали лиловыми-лиловыми и к утру обе умерли.

Со временем вышла о-Тиё замуж, и родились у нее дети. Много собирали они в горах красных, спелых ягод, но в зимнюю пору земляники под снегом никто больше не находил.

27

Безрукая девушка

В старину жили, не ведаю где, муж с женой. Родилась у них пригожая дочь, но было девочке всего четыре года от роду, как умерла ее матушка. Вскоре отец привел в дом новую жену.

Возненавидела мачеха падчерицу лютой ненавистью и замыслила выгнать из дома. Но девочка была разумная, послушная. Рада была мачеха найти повод, да не к чему придаться. А годы шли, исполнилось падчерице пятнадцать лет.

Каждый день мачеха кляла ее в сердце, только и думала: «У, ненавистная! Терпения моего нет! Когда же я сбуду ее с рук?!»

Вот однажды, всплакнув для виду, сказала мачеха отцу девушки:

— Не могу я больше жить в одном доме с твоей дочкой-умницей. Отпусти меня домой.

— Что ты, потерпи, не огорчайся так! Дочь моя скоро уж непременно в чем-нибудь да провинится перед тобой.

Подождал, не дождался и решил выгнать из дома безвинную девушку.

Как-то раз говорит отец:

— Пойдем, дочка, поглядим на праздник.

Подарил он девушке новое, еще не надеванное платье. День выдался погожий. Нарядилась девушка и отправилась в дорогу, радостная. Первый раз отец взял ее с собой! Но почему-то ведет ее в лесную глушь, куда-то через гору. Девушке показалось это странным:

— Батюшка, батюшка! Где же будут справлять праздник?

— Перейдем через одну гору, дочка, перевалим через другую, увидишь высокий замок. Там, у его подножия, соберутся люди поглядеть на праздник.

Повел он девушку в самую глубь гор, все дальше и дальше. Миновали они вторую гору и пришли в долину.

— Давай, дочка, поедим,— сказал отец, вынул припасенный на дорогу нигиримэси, и принялись они за еду. Девушка притомилась от усталости и незаметно задремала.

Увидел это отец и подумал: «Теперь самое время!» У него за поясом был заткнут топор. Выхватил он его и без всякой жалости одним ударом отрубил у девушки правую руку, а вторым ударом левую, покинул плачущую девушку одну и поспешил домой.

Девушка, вся в крови, спотыкаясь и падая, побежала было за ним, но жестокий отец даже не оглянулся ни разу. И след его пропал.

— О, какое горе! Родной отец так жестоко со мной поступил! За что?!— сетовала она.

Нет у нее больше отчего дома. Осталась девушка одна в долине, обмыла речной водой кровавые раны. Потянется к ветке, съест дикий плод, припадет к земле, съест ягоду. Так и стала жить.

Однажды проезжал той долиной прекрасный юноша на коне во главе целой свиты. Прочел он девушку в глубине чащи:

— Смотрите! Что за диковинное существо? С лица человек, а без рук.

— Обрубил у меня руки родной отец и покинул здесь одну,— ответила девушка, заливаясь горькими слезами.

Стал юноша расспрашивать ее и от души пожалел:

— Что бы там ни было, поедем со мной!

Посадил он девушку на коня, привез к себе домой и сказал своей матери:

— Матушка, сегодня на охоте не затравил я зверя, а нашел в горах безрукую девушку. Жаль мне несчастную, прими ее в наш дом.

У его матери было доброе сердце. Она умыла девушку, расчесала ее длинные волосы и уложила в прическу, набелила ей лицо. И стала безрукая девушка красавицей хоть куда. Мать юноши обрадовалась и полюбила ее, как родную дочь. Немного времени прошло, юноша взмолился:

— Матушка, матушка, прошу тебя от всего сердца, дай мне жениться на этой девушке!

Мать дала согласие:

— О, я охотно возьму ее в невестки! По правде сказать, я и сама уже об этом подумывала.

Не откладывая долго, отпраздновали свадьбу.

Вскоре молодая понесла дитя под сердцем. Невестка со свекровью жили душа в душу. Но случилось так, что юноше надо было поехать в Эдо, а срок родин уже приближался.

— Позаботься о моем будущем ребенке, дорогая матушка,— попросил юноша.

— Не тревожься. Как только дитя родится на свет, я пошлю к тебе гонца-сорохода,— обещала матушка.

Уехал юноша в Эдо, а у безрукой жены родился красивый мальчик. Свекровь говорит невестке:

— Дочка, я, не теряя часа, пошлю гонца в Эдо со счастливой вестью.

Рассказала она в письме, какой пригожий сыночек родился, и отдала письмо местному гонцу-сороходу, чтобы отнес поскорее.

Побежал гонец через поля, через горы... День стоял жаркий. Приметил гонец возле дороги большой дом и попросил воды испить. А это был родной дом безрукой девушки.

Мачеха спросила гонца:

— Куда ты идешь?

Гонец, ничего не подозревая, ответил:

— У соседнего богача безрукая жена сына родила, а богач теперь гостит в Эдо. Вот и послали меня к нему с радостной вестью.

Так, значит, падчерица жива?! Мачеха вдруг начала жалеть гонца:

— Ах, бедный, тяжело в такой знойный день спешить бегом до самого Эдо. Отдохни здесь хоть немножко.

И она поднесла ему сакэ, угостила рыбной закуской. Гонец напился допьяна. Тогда мачеха достала письмо из дорожного ящичка для грамот, а в том письме сказано: «Родился у нас мальчик. Так хорош, краше не бывает».

Помертвела мачеха от злобы и написала взамен другое письмо: «Родился у нас оборотень, не поймешь: чертенок или змееньш»—и вложила подложное послание в дорожный ящичек.

С пьяных глаз гонец долго не просыпался, а протрезвев, стал виниться:

— Скверно я повел себя, простите!

Но мачеха только улыбнулась и ласково сказала:

— На обратном пути непременно загляни сюда, послушаю рассказы об Эдо.

Прочел юноша письма и был как громом поражен, но все же написал в ответ: «Хоть чертенок, хоть змееныш, а родное дитя. Берегите его в мое отсутствие» — и отдал письмо гонцу.

А гонец не забыл, как хорошо потчевала его хозяйка в том доме, где он заночевал по дороге. «Может статься, опять поднесет сакэ», — подумал он и завернул на обратном пути к радушной хозяйке.

— Ах, это ты! — приветливо встретила его мачеха. — Снова пришлось тебе бежать изо всех сил по такой жаре! Зайди же отдохнуть, — и провела гонца в покой для гостей.

— Выпей да закуси, — и допьяна напоила гостя. А когда он заснул, вынула письмо из ящичка и подменила его другим: «Не желаю я видеть этого пащенка. Опротивела мне безрукая жена. Выгоните ее из дома вместе с ребенком. Если же не послушаетесь меня, никогда больше не возвращусь домой. Останусь жить в Эдо».

Проспался гонец и, поблагодарив мачеху, поспешил в путь через поля, через горы. Наконец пришел он в дом молодого богача.

Спросила мать юноши:

— Это письмо от моего сына?

Развернула, прочла и глазам своим не поверила.

— Какой ужас! Да не заходил ли ты куда по дороге? — спросила она гонца.

— Что вы, нигде не останавливался! Бежал вперед быстро, словно конь, и сразу же в обратную дорогу, — солгал гонец.

Но мать все равно решила обождать, пока сын вернется из Эдо — может, сегодня, может, завтра, — а невестке покамест ничего не говорить. Но шло время, а от сына вестей не было.

Делать нечего. Однажды матушка призвала к себе невестку и рассказала, какое письмо прислал юноша из Эдо. Очень опечалилась невестка и, подумав, сказала:

— Матушка, нечем мне отблагодарить вас за вашу доброту ко мне, несчастной калеке... Грустно мне уходить отсюда, но приходится, если таково желание молодого господина. Я ухожу.

Попросила она привязать себе на спину ребенка, попрощалась со свекровью и, заливаясь слезами, покинула мужнин дом. Но нет у нее родного дома. Пошла куда ноги понесли. Устала она, горло пересохло. Видит, струится чистый поток. «Вот здесь утолю свою жажду», — подумала она и стала пить, припав устами к воде, а ребенок-то начал сползать со спины, еще миг — и упадет в стремнину.

— Помогите! Спасите!— закричала она и попробовала в испуге схватить ребенка руками. Забыла, что нет у нее рук. Но чудо! Выросли обе руки—целые, здоровые, и она успела на лету подхватить ребенка:

— Какое счастье! Выросли у меня руки!

А в это время юноша вернулся из Эдо. Не терпелось ему увидеть сына, жену и матушку. Поведали юноше, что жена его с ребенком ушла странствовать по свету. Начал он расспрашивать свою мать и понял, что посылный гонец неправду сказал. Учинил юноша строгий допрос гонцу и дознался, что того опоили в пути.

— Жалость какая! Спешу поскорей разыскать свою жену,— принялась торопить матушка юношу и отправила его на поиски.

Стал юноша бродить по свету и пришел наконец к горному храму на берегу потока. Какая-то нищенка с ребенком на руках от всего сердца молит бога о помощи. Поглядел на нее юноша со спины и подумал: «Пожалуй, принял бы я ее за свою жену, да только у этой нищенки обе руки целы».

Обернулась нищенка. И в самом деле—это пропавшая жена! Обрадовались они друг другу несказанно, и полились у них из глаз ручьем счастливые слезы.

Там, где падали слезы, распускались прекрасные цветы. Идут муж с женой в обратный путь, несут ребенка, и всюду на их пути цветы зацветают, на земле и на деревьях.

Прослышал об этом чуде верховный правитель того края и сурово покарал злую мачеху с безжалостным отцом за то, что они так жестоко мучили ни в чем не повинную девушку.

28

О-Цуки
и о-Хоси

В старину, не ведаю где, жила мачеха. Падчерицу ее звали о-Цуки, а родную дочь—о-Хоси¹. Мачеха ненавидела падчерицу, но о-Хоси была доброй девочкой и любила свою старшую сестру. Однажды отец уехал в дальний путь.

«Теперь самое время убить о-Цуки»,— подумала мачеха. Растолкла она ядовитые плоды, замесила яд в тесто и испекла сладкий пирожок. Дала она его падчерице, а свою дочку остерегла:

— О-Хоси, о-Хоси, у твоей сестры пирожок ядовитый, не вздумай его отведать.

Ужаснулась о-Хоси, но виду не подала. А после незаметно шепнула:

— Сестрица, сестрица, я тебе дам половину своего пирожка, а свой ты не ешь, в нем отравка,—и посоветовала забросить пирожок подальше, в бамбуковую чашу позади дома.

Тут — прыг-прыг — прискакал воробей, поклевал пирожок, закрутился-закрутился на месте — и дух вон. Сестры в лице переменились: «Ах, страшное дело!»

Наступил вечер. Мачеха думает: «Уж теперь, наверно, о-Цуки лежит где-нибудь мертвая». И тут о-Цуки и о-Хоси возвращаются домой! Не помогла отравя. А почему, мачехе невдомек.

Замыслила тогда мачеха подвесить каменную ступку² к потолочной балке над постелью о-Цуки.

— О-Хоси, о-Хоси, нынче ночью с потолка свалится каменная ступка и пришибет твою сестру до смерти. Смотри, никому ни слова, — наказала она дочери.

О-Хоси в ответ:

— Да-да, матушка, не беспокойся, никому не скажу, — а сама отозвала о-Цуки в уголок и шепчет:

— Сестрица, сестрица! Матушка замыслила недоброе дело, убить тебя хочет. Нынешней ночью обязательно ложись спать со мной.

Уложила она о-Цуки на свою постель. Сама же тайком наполнила тыкву горлянку алой краской для румян, положила вместо о-Цуки, сверху накинула футон. Со стороны кажется — о-Цуки спит крепким сном на постели.

В середине ночи мачеха перерезала веревку. На той веревке была привешена к потолку тяжелая каменная ступка. Грохнулась ступка вниз — шмяк! — словно кого-то в лепешку раздавило. Алая краска брызнула мачехе в лицо.

— А-а, разделалась наконец с этой негодяйкой, на душе легче стало! — одурела мачеха от радости. На другое утро встала она ни свет ни заря, приготовила завтрак и стала будить девочек:

— О-Цуки, о-Хоси, завтрак готов, вставайте, есть пора.

Сестры дружно отозвались, как всегда, и обе вскочили с постели.

«Ая-я! Почему так случилось?! — снова стала теряться в догадках мачеха. — Непросто, значит, с падчерицей покончить. Одно осталось: покину ее на погибель в глубине гор».

Мачеха щедро заплатила каменотесу, чтобы вытесал он из камня большой ларь с тяжелой крышкой.

— О-Хоси, о-Хоси, не могу я больше терпеть о-Цуки в своем доме, вот и решила я запрятать ее в каменный ларь и бросить посреди гор. Смотри же, ничего не говори про это отцу, когда он вернется! — строго-настрого приказала она дочери.

— Да-да, матушка, ни словечка не скажу, — обещала о-Хоси и сделала вид, будто идет на улицу поиграть, а на самом деле побежала к каменотесу.

— Просверли, пожалуйста, дыру на дне того каменного ларя, куда сестру упрячут, — попросила она.

— А, хорошо! — с радостью согласился каменотес и просверлил небольшую дыру на самом дне, чтобы мачеха не заметила.

Вот собралась мачеха в горы. О-Хоси и говорит сестре:

— Я положу в ларь семена репы, а ты по дороге сыпь их понемногу через дырку на дне. Зацветут цветы репы и укажут мне путь. Я приду и спасу тебя.

О-Хоси положила в ларь мешочек с семенами репы, мешочек с жареным рисом и кувшин с водой.

Ничего не заметила мачеха. Затолкала она падчерицу в каменный ларь, взвалила его себе на спину и потащила далеко-далеко, через горы и доли. Шла она, шла, зашла в глубь гор, выкопала там глубокую яму и схоронила ларь в земле.

Настала весна, запели птицы, расцвели в горах цветы. Пора идти к сестре на помощь.

— Матушка, матушка!— говорит о-Хоси. — Пойду-ка я в горы собирать трилистник. Испеки мне на дорогу нигиримэси— большой-пребольшой, я ведь охотница поесть.

Взяла она у торговца лесом длинный шест, каким деревья меряют, и отправилась в дорогу. Пришла к горному склону и видит: распустились цветы репы там, где о-Цуки сыпала на дорогу семена. Цветы, словно проводник, путь указывают, все дальше и дальше ведут в самую глубь гор. Идет о-Хоси через горы и доли по цветочной тропинке и зовет:

— Сестрица, ау-ау!

Идет, идет и видит: растут на лужайке цветы репы кольцом, а дальше ни одного цветка не увидишь.

— Так, значит, тут сестрица закопана!— догадалась о-Хоси и давай втыкать в землю длинный шест. Вдруг он со стуком ударился обо что-то твердое. Раскопала о-Хоси в этом месте землю, и увидела каменный ларь. Обрадовалась девочка:

— Сестрица, эй, сестрица, я пришла спасти тебя!

А из ларя еле слышно доносится голос:

— О-Хоси, это ты?

— Да, это я! Ты жива, сестрица?

Принялась о-Хоси копать землю еще усердней и видит: из одного уголка каменного ларя торчит конец красного пояса. Сунула она руку в щель, потянула что было силы и отвалила каменную крышку.

— Ах ты моя любимая! Здорова ли ты, сестрица?

Вытащила о-Хоси сестру из каменного ларя. Жива о-Цуки, но ослепла от долгих слез, выплакала она свои очи.

О-Цуки с плачем крепко обняла сестру:

— Ты ли это, о-Хоси?

Тут выкатилась слеза из левого глаза о-Хоси и вкатилась в правый глаз о-Цуки. Выкатилась слеза из правого глаза о-Хоси и вкатилась в левый глаз о-Цуки. И— о чудо!— раскрылись глаза старшей сестры, и стала она видеть лучше прежнего.

— Ая-я, прозрела сестрица!— радуется о-Хоси. Положила она нигиримэси на широкий лист и подала сестре, зачерпнула воды из горного ручья и напоила ее.

Вернулись к старшей сестре силы, но говорит она с печалью:

— Нельзя мне домой идти. Куда деваться, как быть? — заплакала девочка в тоске и тревоге.

Как раз в это время ехал на оленью охоту владетельный князь с большой свитой. Видит: лежат две девочки ничком и слезы льют.

— Отчего вы так горюете? — спросил он.

И заставил их рассказать обо всем, что с ними приключилось. Пожалел князь сестер и увез с собой во дворец.

С той поры прошли долгие дни и месяцы. Как-то раз смотрели сестры из окна дворца на дорогу. Видят, идет по дороге слепой старик, бьет в гонг колотушкой и во весь голос призывно поет:

*Не возьму в обмен ни землю, ни небо.
О-Цуки, о-Хоси, где вы, где вы?
Были бы со мной о-Цуки, о-Хоси,
Зачем тогда в этот гонг стучал бы?
Канкан-канкан!*

— Смотри, будто это наш родной отец? С виду такой жалкий, неприглядный, а голос-то нашего батюшки.

Подбежали с двух сторон, обняли слепого отца. Выплакал он глаза от тоски по дочерям.

Долго не было отца дома, а вернулся, смотрит — нет дочерей. Подумал он: «Может, как знать, живут где-то мои о-Цуки и о-Хоси?» — и пошел их разыскивать. Так с тех пор и бродит, исходил всю страну вдоль и поперек.

Обнимаются все трое и плачут. Выкатилась слеза из правого глаза о-Цуки и попала отцу в левый глаз, а слеза о-Хоси попала ему в правый глаз. Раскрылись у старика глаза, прозрел он.

Радостные, пошли дочери с отцом в княжеский дворец. Там и остались жить в почете и довольстве.

29

Комэбукуро и Авабукуро

В старину, далекую старину жили в какой-то деревне две сестры. Старшую звали Комэбукуро, что значит Мешок риса. Мать у нее умерла. А младшую, от второй жены, звали Авабукуро, что значит Мешок проса.

Мачеха жестоко притесняла свою падчерицу Комэбукуро. Трудно жилось сироте.

Вот однажды собрались сестры вместе с девушками из своей деревни пойти в горы за каштанами. Мачеха дала падчерице старый, дырявый мешок, а своей родной дочери новый, крепкий.

Настал вечер. Все девушки уже набрали полные мешки каштанов, пора домой, а Комэбукуро все не может насыпать мешок доверху — дно-то у мешка ведь дырявое! Ушли подружки, оставили ее одну в горах.

Голод и жажда девушку донимают. Спустилась она в долину и пьет воду из ручья.

Вдруг прилетела красивая белая птица.

— Милая девушка,—говорит птица,—я ведь в прежней жизни была твоей матерью. Нрава ты кроткого, вот твоя новая матушка и помыкает тобой. Возьми в подарок это платье. Спрячь его хорошенько, наденешь, когда настанет время принарядиться. А еще дарю тебе дудочку из стебля мальвы и мешок,—и бросила девушке подарки.

Комэбукуро быстро наполнила каштанами новый мешок, взвалила его на плечи и к ночи воротилась домой.

Прошло несколько дней, и в соседней деревне устроили праздник. Мачеха принарядила свою дочку Авабукуро и взяла ее с собой полюбоваться на праздник. Стала падчерица проситься, чтобы и ее взяли с собой, а мачеха в ответ:

— Напряди три мотка ниток из конопли, тогда можешь идти.

Села падчерица прядь. Прядет, торопится, а тут подруги пришли толпой, зовут идти с ними на праздник.

— Мне матушка работу задала, не могу я идти с вами.

Пожалели ее подруги, стали помогать и быстро напряли, сколько велено. Комэбукуро надела нарядное платье, что подарила ей белая птица, и стала красавицей.

Пошли все на праздник. По дороге заиграла Комэбукуро на дудочке из мальвы, и дудочка запела:

*Если на дудочке заиграть,
Крылья птиц станут тише махать,
Ножки жуков станут тише бежать.*

Пришли девушки в храм соседней деревни и видят: мачеха вместе со своей дочкой Авабукуро смотрят танцы кукол. Комэбукуро бросила в свою младшую сестру обертку от пирожка и попала ей в щеку.

Та и говорит своей матери:

— Смотри-ка, сестра тут! Она бросила в меня обертку от пирожка.

Но матушка ей не поверила:

— Нет, нет, Комэбукуро дома занята! Как она могла сюда прийти?

Вот прошло немного времени, и старшая сестра бросила в младшую листок бамбука—завертку для сладостей. Авабукуро опять сказала об этом своей матери, но та снова не поверила:

— Если в тебя бросают чем-нибудь, отвернись, только и всего.

Вернулись домой мачеха и младшая сестра, а Комэбукуро поспешила прийти раньше них, сняла свой наряд и сидит, как ни в чем не бывало.

Назавтра пришел сват из соседней деревни и объявил, что сыскался для Комэбукуро завидный жених.

— Лучше сосватайте за него младшую дочь,—просит мачеха.

— Что ж, приведите обеих, погляжу, кто приглядней на вид,—ответил сват.

Надо девушек набелить, волосы причесать. Сняла мачеха с полки кувшин с маслом и помазала волосы своей дочки, а падчерице велела смочить прическу грязной водой из кухонного водостока. У Авабукуро волосы-то лохматились. Стали их чесать, зубья у гребня закрипели: пимпира-пимпира! А мать говорит, что это звенят струны сямисэна или кото.

Волосы у Комэбукуро густые, шелковистые. Стала она их чесать—гребень зашелестел, будто змея в нору скользнула. Уложила она волосы в прическу. Тут уж каждый увидел, что Комэбукуро несравненно красивей! Ее и сосватали.

Младшую сестру зависть взяла.

— Я тоже хочу, чтоб меня понесли в нарядном паланкине¹, хочу, чтоб меня замуж взяли!—пристала она к своей матери.

Нечего делать, посадила та свою дочку на тележку для поклажи и повезла, выкрикивая громким голосом:

— А вот кому нужно невесту! А вот кому нужно невесту!

Повозка опрокинулась, упала Авабукуро на рисовое поле и стала водяной улиткой, упала злая мачеха на межу и стала земляной улиткой.

Так рассказывают.

30

Сестра —
белая
лебедушка

Жил в стране Сасю князь Сасю. Родились у него сын и дочка, но на беду, жена его умерла. Девочку звали Тама-но Тю, а мальчика—Канихару.

Десять лет не брал князь другой жены, терпеливо сносил свое вдовство. Однажды стал он держать совет со своими детьми:

— Послушайте, Тама-но Тю и Канихару. Хочу я взять себе жену. Ведь когда посещают меня другие князья, я, вдовый, словно бываю перед ними унижен.

— Непременно женись, отец,—сказали дети.

— Ну, если вы согласны, отлучусь я на три дня. Поеду искать невесту.—И с этими словами князь покинул свой дом.

Три дня искал он невесту. Кажется, много их на свете, но ни одна ему не приглянулась.

Вот приехал он в местность Ямадамути-нуяси и видит: красивая женщина ткёт полотно.

Попросил он позволения войти в дом. Женщина встретила его ласково:

— Откуда вы изволили пожаловать? Не угодно ли табачку?

— Я— князь Сасю страны Сасю. Овдовел я и вот ищю себе жену. Не пойдешь ли ты за меня замуж?

— Что же, охотно пойду. Муж мой был князь Ямадамути, но умер он, а сына у меня нет, только дочка. Княжеский дворец со всеми владениями перешел в чужие руки. Вот и приходится мне ткать полотно, чтобы прокормиться. Если возьмешь меня вместе с дочерью, чего же мне желать лучшего?!

Князь вернулся домой вместе с этой женщиной и ее дочерью.

— Тама-но Тю, я привел тебе новую мать. Выйди и приветствуй ее,— приказал князь.

Тама-но Тю вышла на голос отца.

— Погляжу на волосы— это словно бы волосы моей родной матери. Погляжу на платье— это словно бы платье моей матушки. Будьте же мне вместо матери,— сказала девочка.

Новая жена хорошо заботилась о детях князя. Но вот просватали Тама-но Тю за князя страны Сага. Настало время отвезти невесту в дом к жениху.

Позвала мачеха девушку и приказала ей:

— Пойди на гору Криптомерий и набери там пеньки. Надо сплести циновку для котла.

Принесла Тама-но Тю пеньки, и сплели из нее циновку.

Нагрела мачеха воду в котле, да так, что получился крутой кипяток. Сверху положила циновку.

— Ну, Тама-но Тю, полезай в котел, искупайся.

— Нет, нет, матушка. В котле крутой кипяток, я обварюсь до смерти.

— Как?! Ты идешь замуж за такого знатного князя и не хочешь искупаться в горячей воде?! Ах ты неряха!

Схватила мачеха девушку и бросила в котел. Тама-но Тю обварилась и умерла. Увидел это Канихару и заплакал в голос.

Мачеха повинилась перед князем:

— Негодную ты выбрал себе жену. Собралась я приготовить мисо и нагрела в котле воду. А дочь твоя захотела искупаться, прыгнула, не спросясь, в крутой кипяток и обварилась до смерти. Мой недосмотр, моя вина!

— Страшное несчастье!— опечалился отец.— Ведь она— сговоренная невеста. Какой ответ пошлем мы завтра ее жениху, князю страны Сага?

— Пусть это тебя не тревожит! Есть у меня дочь Кана, нарядим ее, как невесту, и отправим жениху. Никто не заметит подмены,— стала успокаивать мачеха своего мужа. Но у того заньло сердце, и он слег.

На следующий день прибыл от князя Сага свадебный поезд. Отец так расхворался, что поехать не мог. Отправились втроем— мачеха с дочкой Кана и мальчиком Канихару.

Радостно встретили невесту в доме жениха. После свадебного пира собралась мачеха в обратный путь и говорит молодому князю:

— Этот мальчик Канихару — слуга Тама-но Тю. Посылайте его каждый день собирать хворост, а вечером пусть он разминает вам поясницы, спины трет.

Вернулась домой мачеха и рассказывает:

— Я назвала мою Кана именем Тю и отдала ее в жены князю Сага. Никто ничего не заподозрил.

— А как же Канихару? — спросил отец.

— Молодая жена с непривычки стала тосковать в чужом доме, и я оставила там Канихару погостить с неделю, — ответила мачеха.

На другое же утро Кана, носившая теперь имя Тю, приказала:

— Эй, Канихару, живо перекуси, да и ступай в горы собирать хворост.

Канихару не знал, куда идти и как собирать хворост. Но делать нечего, пошел на гору Криптомерий, где была похоронена его сестра. Начал он звать:

— Эй, погребенная на горе Криптомерий! Отзовись!

И вдруг из могилы сестры вылетела белая лебедь.

Стала птица ломать клювом и сбрасывать на землю сухие ветки, потом собрала их в большую вязанку и говорит:

— Я — твоя старшая сестра. Как тебе живется на свете?

— Заставляют меня собирать хворост, топить очаг, поясницы разминать. Тяжело мне приходится.

— Ах ты бедняжка! Неужели у тебя только эта одна одежонка?

— Да, только эта одна и есть.

— А ты поищи возле окна в ткацкой комнате. Там лежат кучей обрывки нитей и обрезки полотна. Собери и принеси мне. Я изготовлю для тебя хорошую одежду, — молвила лебедь.

Расстался Канихару со своей сестрой, белой лебедушкой, и пошел назад в дом молодого князя. Рано поутру поспешил он к ткацкой комнате и видит: возле окна куча лоскутков и спутанных нитей. Все собрал он и побежал к горе Криптомерий.

— Эй, погребенная на горе Криптомерий! Отзовись, повянь! — закричал он.

Прилетела белая лебедушка и спросила:

— Нашел ли ты нитки и обрезки?

— Вот, собрал целую кучу.

— А ты сегодня вот как сделай. Принесешь вязанку хвороста и пожалуйся, что у тебя голову, дескать, ломит. Да смотри, ничего не ешь на ужин. На завтрак пей только чашку рисового отвара и на обед тоже. Если дадут тебе риса, отведай немного, словно нехотя. Три дня лежи в постели, а на четвертый день утром скажи, что тебе наконец полегчало. Тогда поешь досыта и приходи сюда в горы, — наказала ему лебедь и опять наломала вязанку хвороста.

Канихару положил эту вязанку на голову и отнес в дом к

молодому князю. А потом, как научила сестра — белая лебедушка, стал жаловаться: мочи нет, как голова болит,—и лег в постель.

Утром на четвертый день встал он на ноги и говорит:

— Теперь мне полегчало, пойду в горы за хворостом.

Пришел он к горе Криптомерий и стал звать:

— Эй, схороненная на горе Криптомерий, отзовись!

И вот летит белая лебедь, в клюве у нее узел. Развязал мальчик платок и увидел великолепный наряд.

— Я дарю тебе эту одежду. Как вернешься в дом молодого князя, смотри, не оставляй ее на виду, а спрячь под самой грязной циновкой возле очага. Ночью проберет тебя холод, очнешься от сна и надень тогда эту одежду, согреешься. Но только начнет светать, спрячь снова. А теперь я соберу хворост.

Собрала она большую вязанку и говорит на прощание:

— Завтра наступит седьмой день после моей гибели, должна я буду явиться к повелителю загробного мира. Больше не зови меня.

Простилась с братом и исчезла.

Горько плача, побрел мальчик обратно и спрятал дареную одежду под грязную циновку возле очага.

Задремал он было с вечера, но в середине ночи разбудил его холод, и тогда надел мальчик прекрасную одежду — сестрин подарок.

Но случилось так, что этой ночью на молодого князя напала бессонница. Кликнул он своих кэраев, чтобы зажгли ему трубку, но никто не отозвался. Позвал он жену — и та не пришла.

Что будешь делать? Встал князь и пошел разжечь трубку. И вдруг видит: что-то светится перед очагом. Думал он — это тлеющие угли, ухватил щипцами и потянул. Вытащил что-то большое. Поглядел и видит: не угли горят — сверкает прекрасная одежда.

— Послушай, мальчик, где ты взял такую чудесную одежду? — спросил молодой князь.

А мальчик от слез не может слова вымолвить.

— Успокойся, я же не браню тебя, не бью. Все честно расскажи мне, без утайки! — говорит князь.

Достал тогда мальчик из-за пазухи подарки, что дала ему сестра на прощание, и вложил их князю в левую руку.

— Выйдем отсюда потихоньку, я все расскажу.

Вышли они из дома на дорогу. Мальчик поведал, как было дело.

— Что же ты раньше не сказал мне? Завтра с утра пораньше приготовь нам еды на дорогу, и мы отправимся искать твою сестру.

— Но ведь завтра седьмой день после ее смерти. Она сказала, что больше не придет ко мне, а отбудет в загробное царство.

— Нет, нам надо идти непременно, иначе мне не искупить вины перед ней! Приготовь скорее нигиримэси.

И отправились они вдвоем в путь еще до рассвета. Вот пришли они к горе Криптомерий.

— Если твоя сестра меня увидит, то, может статься, не выйдет к тебе. Я лягу под деревом, а ты меня прикрой ветками,—сказал молодой князь и спрятался.

Канихару начал звать:

— Эй, схороненная на горе Криптомерий! Отзовись, появись!

Вдруг летит сестра—белая лебедушка.

— Зачем ты зовешь меня? Я же просила тебя, не зови меня больше! Уже была я на полдороге к преисподней, как ты своим зовом воротил меня на белый свет.

Тут вдруг появился перед ней молодой князь Сага и стал умолять:

— Прими свой прежний человеческий образ!

— До нынешнего дня я могла бы исполнить твою просьбу, но сегодня седьмой день поминовения¹. Владыка загробного царства прислал мне путевую грамоту. Ничего не могу поделывать. Но все же я попробую упросить владыку загробного царства. Вернешься домой, наполни водой две глиняные чаши и поставь их на ворота. Как прилетит белая птица да окунется в эти чаши, поищи на насыпной горке в саду, там найдешь меня. Но коли не поставишь чаши с водой, не смогу я снова стать человеком.

Слушал-слушал князь и вдруг попробовал поймать белую лебедушку.

— Не прикасайся ко мне!

— Но если я не увижу тебя, как мне дальше жить?!—взмолился князь. Схватил он птицу, но тут она исчезла, а в руке у него остались только три мухи.

Молодой князь вернулся домой.

— Батюшка, матушка! Посетила нас радость, да была она напрасной. Сделайте милость, поставьте на воротах две глиняные чаши с водой,—попросил он своих родителей.

— Тебе принадлежит все наше достояние. Что бы ты ни пожелал, будет исполнено,—отвечали они.

По повелению молодого господина поставили на воротах две большие глиняные чаши, до краев наполненные водой.

Вскоре прилетела белая лебедушка, окунулась в одну чашу, в другую и улетела.

Молодой князь поспешил к насыпной горке в саду. И видит он: стоит девушка такой красоты, что солнце в небе затмила!

Зарубил молодой князь обманщицу-жену. Призвали мачеху, ничего про то не ведавшую, а как стала она собираться домой, вручили ей узел с подарком. На обратном пути разболелась у мачехи голова. Присела она отдохнуть на обочине и развязала узел—а в нем голова дочери! От испуга обомлела мачеха и жизни лишилась.

Князь Сага вновь отпраздновал свадьбу со своей настоящей невестой Тама-но Тю. Втроем с Канихару отправились молодые навестить князя Сасю. Обрадовался старый отец, увидев своих детей живыми и здоровыми. Недуг его как рукой сняло!

Канихару вскоре счастливо женился и стал беречь и покоить своего отца. Брат с сестрой во всем помогали друг другу. Говорят, и сейчас они живут в благополучии и радости.

31

Старушечья
кожа

В старину, в далекую старину жил один крестьянин. Каждое утро он ходил смотреть, много ли воды на рисовых полях.

Но случился засушливый год. Зной стоял немилосердный, иссохшая земля пошла трещинами. Вот и говорит крестьянин себе:

— Три у меня дочери. Кто мои поля водой напоит, тому отдам в жены одну из них.

На другое утро смотрит: воды на рисовых полях полным-полно, откуда только взялась!

«Хорошо-то оно хорошо,—думает он,—но выходит, я обещал отдать одну из своих дочек змею—владыке озерных вод¹».

Всю ночь он не мог сомкнуть глаз от тревоги, а наутро не было у него сил подняться с постели.

Старшая дочь пришла будить отца:

— Батюшка, что ты долго не встаешь? Подымайся, есть пора.

— Одолела меня тревога, кусок в горло не пойдет,—отвечал отец.

— Что же тебя так сильно заботит?

— Каждый день хожу я смотреть, много ли воды на полях, и печалюсь. Стоит такая засуха, что земля трещинами пошла. Вчера бродил я, бродил вокруг озера и сказал сам себе: «Есть у меня три дочери. Кто мои поля водой напоит, тому отдам одну из них». А нынче гляжу—на полях воды полным-полно. Надо выполнить обещание. Согласна ли ты стать женой владыки озерных вод?

— Второго такого глупца, как ты, отец, на всем свете, поди, не сыщешь! Я в твоём сговоре не участница!—наотрез отказалась девушка.

Следом наведалась средняя дочь. Она отца и слушать не стала: знать ничего не хочу!

Пришла в свой черед младшая дочь. Отец и ее попросил:

— Не пойдешь ли в жены к владыке озерных вод?

— Я тебе, батюшка, во всем покорна. Но и ты в ответ исполни мою просьбу. Купи жемчужину «Выпей Воду», тысячу иголок и жемчужину «Разожги Огонь»². Я возьму их с собой, когда поеду к моему мужу.

Успокоился отец, встал с постели и принялся за еду. Пришла пора младшей дочери отправляться в мужнин дом. Взяла девушка с собой жемчужину «Вышей Воду», тысячу иголок, жемчужину «Разожги Огонь», села на коня и поехала к озеру. А на берегу слезла с коня и бросила в озеро жемчужину «Выпей Воду». И вот вся вода отхлынула! Выпила жемчужина воду до самого дна. И тогда девушка бросила в озеро тысячу иголок.

Впились острые иглы в змея. Стал он с громким ревом корчиться и метаться от боли. Бросила девушка жемчужину «Разожги Огонь» — и занялось озеро огнем. Все в нем сгорело, только пепел остался.

Стоит девушка одна на берегу. Вдруг прямо к ее ногам — прыг-прыг — прискакала лягушка:

— Сестрица, ты что здесь стоишь в одиночестве?

Рассказала девушка обо всем, что с ней случилось, и спрашивает:

— Не знаешь ли такого дома, где бы меня взяли в услужение?

Лягушка ей в ответ:

— Слишком ты красива для простой служанки. Я дам тебе старушечью кожу. Надень ее и иди вон туда, в дальнюю деревню, попытай там счастья.

Пошла девушка в дальнюю деревню и увидела большой дом. «Может, здесь меня наймут на работу?»

Попросила она:

— Дайте мне хоть какую-нибудь работенку. Стара я годами, а все гожусь двор подметать.

Домашние отвели ее к хозяину.

— Старуха сгорбилась, носом в землю смотрит. Как раз годится, чтобы двор подметать, — говорит хозяин.

Нанял он старуху в служанки и приказал устроить для нее закуток в углу двора. Слуги дружно взялись за дело — и закуток мигом был готов.

Днем служанка — сгорбленная старуха, а ночью сбросит старушечью кожу и станет красавицей. Зажжет огонь и примется читать книгу.

Как-то раз молодой господин, сын хозяина, возвращался домой поздно под вечер. Всюду темно, а в закутке у старухи огонек светится. Отчего бы это? Подошел юноша потихоньку, поглядел и увидел вместо старухи девушку несравненной красоты.

Весь день он только о ней и думал, а ночью опять стал подглядывать. Сидит за книгой та же самая прекрасная девушка.

«Тут кроется тайна, — подумал юноша. — Старуха-подметальщица, конечно, не лисица и не барсук³. Но кто же она?»

Затосковал молодой господин. К еде не притрагивается, слабеет на глазах и наконец совсем слег.

Служанки наперебой носят ему столики, уставленные отборными яствами, уговаривают его поесть, а он ни на одну из них и взгляда не бросит. Все больше чахнет юноша.

— Всех ли служанок ты посылала к нему? Никого не пропустила?—спросил хозяин дома свою жену.

— Всех, кроме старухи-подметальщицы.

— Так пошли и ее тоже.

Но жена только засмеялась:

— Кто же притронется к еде, если кушанье подаст такая противная старуха?

— Нет, надо все попробовать,—решил хозяин.

Тогда сгорбленная бабка сбросила с себя старушечью кожу, помылась в чане, надела нарядное платье и стала красавицей, да еще какой! Всем на изумление!

Юноша первый раз улыбнулся и с охотой начал есть. Тут хозяин понял, что сын его полюбил девушку. Не откладывая долго, сыграли свадьбу. И зажили молодые в довольстве и счастье.

32

Зять-
флейтист

В старину это было. Жил некогда своим домком один почтенный человек. На беду, детей у него не было.

Вот однажды говорит он жене:

— Пойдем на поклонение в храм богини Каннон, в Симидзу¹. Станем молить ее, пусть дарует нам сына.

Стали муж с женой собираться в путь. Сначала пошли они в главный дом селения, к старейшине рода. Поведали: так, мол, и так. Тот сказал с похвалой:

— Что ж, доброе дело!—и дал им на дорогу моти, риса и лошадь.

Трижды по семь дней и ночей безвыходно молились в храме Каннон муж с женой. А на исходе двадцать первой ночи увидел муж во сне, будто явилось к нему божество и сказало так:

— Завтра утром придут за вами посланные, проводить вас домой. Ныне же ночью дарую вам сына.

Рассказал наутро муж своей жене, что ему привиделось. Изумилась она:

— Да ведь и я видела в точности такой же сон! Неспроста это.

И вправду, прибыли наутро посланные проводить паломников в родное селение.

Прошло дня три-четыре. Вдруг жене захотелось кислых слив—а через девять месяцев родился у нее сын.

Пошел муж опять в главный дом, спрашивает у старейшины рода:

— Родился у меня сын. Каким именем наречь его?

— Хоть и не драгоценность-тама твой сын, и не звезда в небе, а все же у богов вымоленное дитя. Назови его Таматаро. Так и назвали.

Как исполнилось Таматаро семь лет, послали его учиться грамоте. Мальчику все легко давалось—и чтение и письмо.

Как исполнилось ему лет двенадцать, сам учитель стал поглядывать на него с завистью. А уж об учениках и толковать нечего! Злость брала лентяев. То с ног собьют, то к потолку подвешат. Невмоготу стало мальчику.

Перестал Таматаро ходить в школу, а начал учиться играть на флейте. Играет Таматаро на флейте целый день, да так хорошо, что даже соловей на ветке, бывало, примолкнет в смущении.

Но когда исполнилось ему пятнадцать лет, умер его отец. Таматаро, печалась о нем, собрал в горах семь разных трав² и принес, по обычаю, в дар Будде, а матушка его читала молитвы. Го́да через два и она скончалась.

Остался Таматаро один-одинешенек. Надоест ему играть на флейте, почитает книгу и снова берет флейту в руки. Пойдет в главный дом селения, и там уж дадут ему что надо на пропитание³.

Однажды бог Луны О-Цуки-сама⁴ ночью объезжал на коне землю.

— Кто-то прекрасно играет на флейте. О, это лучший флейтист в трех царствах⁵!—сказал О-Цуки-сама, остановил коня и начал слушать. Вернувшись в свой чертог, поведал он о том, какого чудесного флейтиста ему довелось слышать.

А у бога Луны была дочь.

— Ах, отец!—сказала она.—Уж слишком мы высокого рода, нигде не бываем. Хотелось бы мне поехать с тобой на коне да послушать, как играет на флейте Таматаро.

Вот спустилась она вместе с отцом на кровлю дома, где жил Таматаро, и говорит:

— Здесь не место слушать флейту. Хочу пойти в дом Таматаро.

— Что ж, ступай!—ответил бог Луны.—Но у нас столь знатный дом, что мы зятьев ниоткуда не принимаем. Придется тебе жить на земле.

С этими словами дал он своей дочери веер:

— Он поможет тебе вернуться на небо, когда захочешь.

И еще дал плетеную корзину, битком набитую прекрасными одеждами.

Девушка вошла одна в дом Таматаро. Просит его:

— Пусти меня на ночлег.

— Я ведь одинокий мужчина. Кто бы ты ни была, негоже тебе ночевать у меня. Пойди лучше в наш главный дом.

На том и порешили.

— Откуда ты, из каких мест? — спрашивает девушку хозяин дома.

— Я из города Мориока⁶, но неохота мне возвращаться туда. Лучше пошла бы я замуж в хороший дом.

— Что ж, это можно. — И повел он гостью к Таматаро.

— Послушай, Таматаро, эта девушка ищет приюта. Коли она по нраву тебе, возьми ее в жены, а я вам пожалую денег и свадебный пир устрою.

Собрались все родные и сыграли свадьбу. Хорошо зажили молодые.

Но вот третий раз пришел новогодний праздник.

— Женишка, должен я, по обычаю, навестить твоих родителей, — говорит Таматаро.

— Ах, я тебе до сих пор не говорила, — отвечает жена. — Я ведь дочь не простого человека, а бога Луны.

— Так ты дочь бога! Нельзя, значит, мне идти к нему.

— Нет, нет, можно. Навести отца.

— Раз так, пойду к старейшине нашего рода, одолжу церемониальную одежду.

Надел он на себя камисимо, обул сандалии с пеньковыми подметками.

— Вот, возьми этот веер. Станешь им махать, взлетишь на небо.

— Но как отыщу я на небе дорогу к твоему дому?

— Смело иди вперед. Увидишь просвет между облаками, а там, позади облачной гряды, — высокие ворота. Стоит за ними по левую руку большая конюшня. В той конюшне три могучих коня: первый голубой масти, второй оленьей масти, а третий каштановой. Найдешь там узду, седло и поводья. Взнуздай любого коня, он привезет тебя куда надо. — И жена подала Таматаро веер.

Взмахнул он веером, легко-легко взлетел вверх и, словно птица, скрылся в просвете между облаками.

Все, как говорила жена: вот стоят высокие ворота, а за ними конюшня. Попытался Таматаро взнуздавать коня голубой масти, но не тут-то было! Захрапел конь, ощерил зубы, хочет укусить. Попробовал Таматаро взнуздавать коня оленьей масти, и тот не дался. Но конь каштановой масти позволил себя взнуздавать и оседлать. Вскочил на коня Таматаро и поскакал в чертог своего тестя.

О-Цуки-сама уже наперед знал, что приедет к нему Таматаро. Он собрал всю родню и устроил пиршество. Всех известил: «Послушаем Таматаро, лучшего флейтиста в трех подлунных царствах».

Три дня играл Таматаро на флейте, а потом О-Цуки-сама сказал зятю:

— Не вечно быть веселью. Пора тебе возвращаться на землю. Нет у меня особенных даров, но все же вот этот

рис — настоящее сокровище. — И подарил зятю мешочек риса. — Съешь одну рисинку, тысячекратно сила прибавится.

Радостный, пустился Таматаро в обратный путь.

Смотрит — за воротами черти на железную цепь посажены. Стал один черт молить Таматаро:

— Умираю с голоду, дай мне хоть одно зернышко риса.

— Ладно, — сказал Таматаро и бросил ему рисинку.

Тут прибавилось у черта силы, вмиг разорвал он цепь и убежал. Прилетел на землю, поднял страшную бурю и в цепки разнес многие дома. Похитил черт жену Таматаро и умчал ее неведомо куда.

Вернулся Таматаро, смотрит — все порушено, от дома его и следа не осталось!

Старейшина говорит ему:

— Таматаро, Таматаро! Пока тебя дома не было, налетел злой вихрь и унес твою женушку.

— Найду ее хоть на краю света, — вскричал Таматаро. — приведу домой! Но дай мне на дорогу триста рё.

Старший родич охотно дал ему денег. Стал Таматаро бродить по всей стране, играя на флейте, и везде ему были рады. Наконец зашел он далеко-далеко. Видит: течет широкая река, на той стороне Чертов остров, а на этой — людские селения. Увидел Таматаро перевозчика на берегу и стал его уговаривать:

— Переправь меня на тот берег. Я дам тебе все, что только пожелаешь: и вина и денег.

Вот переехал Таматаро на лодке через реку. Стоит на другом берегу дом, и живут там старик со старухой.

— Пустите меня переночевать, — просит Таматаро, а они в ответ:

— Ах, и не проси, коли хочешь в живых остаться. Ночью нагрянут сюда черти и сожрут тебя. Беги отсюда, спасайся!

Но Таматаро и слушать не стал. Начал он на флейте играть. Ночью и вправду пришли черти целой оравой. Таматаро выставил им бочонок вина и давай угощать. Уж они пили, пили, пока все вино не выдули!

Вот опьянели они, тяжелые рога до земли свесили, в разинутых ртах клыки торчат. Тут пришел полководец чертей и крикнул тому единственному черту, который трезвым остался:

— Слушай, я должен немедля отправиться на нашу родную гору, чтобы держать там совет! Если понадобится, бей в большой барабан.

Похищенная жена Таматаро тоже пришла послушать игру на флейте. Все черти уснули мертвым сном, один только черт-трезвенник не спит. Стал Таматаро потчевать его, закармливать сладкими яствами. Улестил черта. Тот и говорит:

— Бери-ка ты свою жену и садись с ней на летучую колесницу. Пролетает она сто ри в одно мгновение, живо переправитесь на тот берег, — и выкатил из сарая летучую

колесницу. Помчалась она по воде, как по суше. В один миг перенесла их через широкую реку на тот берег.

Там переоделись беглецы в другие одежды. Вдруг слышат грохот большого барабана: додон-додон-додон!

Сошел полководец чертова войска с горы и завопил:

— Удрали, удрали!

Поскорее вскочил он на другую колесницу, что летит еще быстрее, и пустился вдогонку за беглецами.

Послышался стук и гром.

— О-Цуки-сама! Помоги!—в страхе взмолилась молодая жена.

Вдруг с неба слетел журавль и как бросится на чертову колесницу. Переломилась колесница пополам, и полководец чертей погиб.

Таматаро со своей женой благополучно вернулся домой и на радостях созвал всех родичей на пир. Дней пять пировали.

С тех пор стала молодая чета жить в счастье и довольстве, дети народились. Тут и сказке конец.

33

АТЯЯ-ХИМЭ

В старину жили, не ведаю где, три брата, и звались они Итиро, Дзиро, Сабуро¹.

Однажды летним вечером прохлаждались они, обмахиваясь веерами.

На веере самого младшего брата, Сабуро, была изображена красавица. Загляделся он на нее и воскликнул:

— Вы посмотрите только, до чего хороша! Неужели есть на свете девушка такой красоты?

Старший брат Итиро ответил:

— Есть-то, положим, есть.

— Ты правду говоришь? Где же, в каких краях живет она?

— Далеко отсюда, на Чертовой круче, и зовут ее Атяя-химэ. Красоты она неписаной.

— Ах, поглядеть бы на нее хоть единый раз!

— Да как же ее увидеть? Ведь никто не знает, где Чертова круча.

— А я все равно не успокоюсь, пока не увижу эту красавицу.

Начал Сабуро умолять свою матушку, чтобы дозволила ему пуститься в странствие. Еле-еле умолил и на другое же утро, чуть свет, покинул родной дом.

Долго бродил он, не зная устали. Нынче гору перейдет, завтра держит путь через долину. В одном краю спросит: «Не здесь ли Чертова круча?», в другом допытывается: «Не тут ли живет Атяя-химэ?» Но никто ничего не знал.

Вот однажды в какой-то день какого-то года Сабуро зашел отдохнуть в чайный домик у подножия высокой горы.

— Не знаешь ли, где Чертова круча?—спросил он у хозяина.

Тот ответил:

— Чертова круча? Да вон, погляди вверх, это и есть Чертова круча. Сто смельчаков поднимались на ее вершину, но назад ни один не вернулся. Тебе-то зачем понадобилось идти туда на верную погибель?

— Хочу встретиться с Атяя-химэ. Прощайте покуда.

Казалось, Чертова круча близко, до вершины рукой подать, а на самом деле Сабуро прошел тринадцать ри, пока добрался до середины крутого склона.

В лесу стоял дом. Сабуро заглянул в дверь. Девушка необыкновенной красоты разжигала огонь.

— Дозвольте войти,—сказал Сабуро. Девушка оглянулась.

— Я пришел сюда, чтобы увидеть Атяя-химэ. Может, вы ее знаете?

— Это я и есть.

Изумился Сабуро и смотрит на красавицу, глаз не спуская.

А девушка говорит с тревогой:

— Здесь страшное место. Отец мой—черт, он пожирает людей. Беги отсюда, пока не поздно!

— Никуда я не уйду. Сколько лет искал я тебя, исходил горы и доли и вот наконец нашел. Как же я могу расстаться с тобой?

Сабуро упрямо стоял на своем. Видит девушка, не уговорить упряма, и спрятала его под своим подолом.

Вдруг загудела, загремела гора. Пришел черт устрашающего вида и стал жаловаться:

— Нынче не попались мне на зуб ни олень, ни обезьяна.

Тут увидел он у входа дорожные сандалии и спросил:

— Атяя, к нам пришел человек?

— Нет, никто не приходил.

— Почему же здесь сандалии?

— Ты, батюшка, бросил их когда-то, ну, а я подобрала.

— Ах, вот что!—и черт не стал больше спрашивать. Утром рано ушел он в горы на охоту. На другое утро тоже, и на третье...

Три месяца Сабуро прятался в доме черта. Крепко полюбили друг друга Сабуро и Атяя-химэ. Понесла она дитя под сердцем. И вот наконец решил Сабуро бежать вместе со своей возлюбленной. Вынула Атяя-химэ гребень из своей прически и сломала пополам. Одну половинку дала Сабуро, другую оставила себе. Так был скреплен брачный союз.

Как только черт вечером крепко уснул, взялись молодые супруги за руки и побежали.

Но случилась беда. Наступила Атяя-химэ на сухую хворостинку, послышался громкий треск. Очнулся черт от сна и увидел беглецов.

— А, так вы бежать?!— заревел он и погнался за ними огромными прыжками. Настиг свою дочь черт-людоед и сожрал ее.

А Сабуро продолжал бежать что было силы. Черт же, погубив Атяя-химэ, со страшной быстротой понесся за ним в погоню.

Но Сабуро вынул из-за пазухи маленький ларчик. Мать на прощание дала ему этот ларчик с такими словами:

— Сын, мой, если будет тебе грозить погибель, открой этот ларчик и погляди на небо.

Сабуро открыл ларчик и поднял глаза к небу. И тут—о чудо!—стал он маленьким-маленьким жучком и спрятался в густых листьях.

Не смог черт найти Сабуро и пробурчал с досадой:

— Ну и быстрые же ноги у этого человечки! Какая досада!

Вернулся черт на гору, а Сабуро принял свой прежний облик. Тринадцать ри отшагал он и снова вошел в чайный домик. Хозяин обрадовался:

— Ты целых три месяца пропадал. Люди уж говорили, что черт сожрал тебя, а ты жив и здоров.

Отправился Сабуро в обратный путь к родному дому. То-то обрадовались мать и братья! Конца не было рассказам! А как узнали они о гибели Атяя-химэ, заплакали от жалости.

Старший брат Итиро уж несколько лет как был женат, а детей у него все не было. Но наконец родилась у него маленькая дочка как раз незадолго до того, как вернулся Сабуро.

С каждым днем девочка становилась все красивей.

— До чего хороша! Как Атяя-химэ,—любовался на нее Сабуро.

Но у девочки с самого рождения правая рука была сжата в кулачок. Как ни старались, не могли разжать его.

Однажды Сабуро шутливо сказал девочке:

— А давай-ка, твой дядюшка разожмет кулачок,—и взял ее за правую ручку. Кулачок-то и разжался сам собой!

— Ах!—изумились все.

Видят: на маленькой ладони лежит половинка гребня. Сабуро приложил вторую половинку—в точности сошлось! То был, без всякого сомнения, гребешок Атяя-химэ.

Прошли годы. Девушка росла и делалась все более и более похожей на Атяя-химэ. А как выросла, стала женой Сабуро², и они зажили вместе в любви и счастье.

34

В старину жила, не ведаю где, одна старуха. Как-то раз брела она, согнувшись в три погибели, через поле по меже. А там змея злобно глядит на лягушку, вот-вот проглотит. Зашикала старуха, замахала руками, а змея даже не шелохнулась.

— Эй, змея, не тронь лягушку,— говорит старуха.— Послушаешься меня. Я тебе мою дочку отдам.

Змея будто все поняла. Оставила в покое лягушку и скользнула в заросли травы. Лягушка востепенулась, поглядела вокруг с радостным видом и—скок-скок—запрыгала прочь.

— Ну вот, как все хорошо обошлось,—вздыхнула с облегчением старуха, похлопала себя по пояснице и заковыляла дальше. Но скоро взяла ее тревога.

— Ох, ведь не взаправду я дочку обещала, да слово-то вылетело, а змея—тварь колдовская. А-а, сказала я неслыханную глупость. Вдруг явится и потребует отдать дочку, мое единственное дитище!

От таких мыслей старуха даже работать в поле как следует не смогла. Что делать, ума не приложит. Воротилась она домой поскорее. Дочка ее прядет за ткацким станом: тон-тон.

Выбрала старуха самое красивое из платьев девушки.

— Доченька, надень это платье и набелись получше,—и опять впопыхах убежала.

Девушка не могла взять в толк, что все это значит, но нарядилась, набелилась.

Тут вдруг несет старуха новехонький гроб. Тяжело уселась, запыхавшись, и наконец поведала дочери страшную новость: сегодня непременно змея придет за ней.

— Вот ты и ляг в гроб. А я скажу змее: так, мол, и так, заболела моя дочь и в одночасье умерла. Вы уж простите, пожалуйста. Змея обманется и уйдет.

Дальше толковать не было времени. Девушка легла в гроб, а старуха зажгла курительные свечи, стала бить в гонг и бормотать сутры.

Вот явилась змея в облике великолепного самурая. Самурай церемонно приветствовал старуху и молвил:

— Соизвольте отдать обещанную мне девушку.

Старуха залилась слезами и запричитала:

— Ох-ох, беда великая! Вернулась я с поля и говорю доченьке: собирайся идти к своему нареченному. Стала она наряжаться, как невесте подобает, но вдруг занемогла и скончалась в одночасье. Воистину ненадежна жизнь человеческая!

Тут молодой самурай на глазах стал менять свой облик, превратился в огромного змея, разинул пасть и высунул огненный язык. Семь раз обвился змеей вокруг гроба, корчась и извиваясь, а потом пропал из виду.

Старуха, трясаясь от ужаса, отвалила крышку гроба—а у девушки лицо белое-белое и дыхания не слышно!

С плачем припала старуха к дочери:

— Прости меня, прости!

Делать нечего, пришлось умершую отнести на кладбище и похоронить.

Услышал про это работник местного богача.

— Девушку-то, говорят, похоронили в свадебном наряде. Зачем ему пропадать? Глупое дело. Дай-ка отрою...

Глубокой ночью пробрался он на кладбище и начал раскапывать могилу.

Вдруг где-то совсем близко послышался тихий голос:

— Кто меня отрыть хочет?

Подивился работник и копает дальше. Снова послышался голос, но звучал он уже громче и яснее, словно шел из гроба:

— Кто меня отрыть хочет?

— Чудное дело!—воскликнул работник и поспешил отвалить крышку гроба. Глядит—а девушка ожила, вернулось к ней дыхание. Змей, видно, только на время заморозил ее. До чего же она хороша!

«Такую красавицу можно за большие деньги продать»,—подумал работник и сказал девушке:

— Сдается мне, надо тебе бежать отсюда, не то снова за тобой змей погонится. Я как раз собрался в путь-дорогу. Взял бы тебя с собой, но вдвоем идти несподручно.

— Не покидай меня здесь одну!—вне себя от страха взмолилась девушка.

Ушел работник с девушкой потихоньку из деревни.

Всю ночь шли беглецы без отдыха и весь следующий день тоже: боялись, что змей нападет на них. А как настала другая ночь, совсем из сил выбились. Кругом все горы, горы, и ни души человеческой. Ноги еле держат, но где найти пристанище?!

Вдруг в темноте показался огонек. Пошли они туда, видят: стоит в глухой чаще одинокая хижина. Постучали беглецы в дверь. Вышла к ним старуха, и стали они просить ее пустить их на ночлег. А она в ответ:

— Это жилище черта, здесь людям быть опасно. Бегите прочь отсюда, да поскорее.

— Убежала я от змея, а теперь того не легче—попаду в лапы к черту!—залилась слезами девушка.

— Ты о чем это говоришь?

Поведала девушка старухе все, что с ней приключилось. И сказала тогда старуха:

— Виновата я перед тобой. Ведь я та самая лягушка, которую твоя матушка спасла! Из-за меня приняла ты жестокие мучения. Теперь послушай: скоро вернется черт. Вот здесь, смотри, две ватные шапки—наше лягушачье сокровище. Нахлобучьте их и лезьте на дерево.

Надели беглецы поскорее шапки на голову, залезли на высокую ольху и дыхание затаили.

Тут послышался громкий топот—это вернулся черт. Начал он шумно принюхиваться.

— Бабка, чую человеческий дух!—заорал он.

Старушка знай себе огонь в очаге разжигает.

— Я вчера лягушкой обернулась,—спокойно молвила она в ответ.—Побывала в деревне, вот и пристал ко мне человеческий дух.

— Хм, правда?—сказал черт. Покатался он, покатался по полу, зевнул во всю пасть и уснул.

Теперь самое время спастись. Девушка с работником тихонько соскользнули с дерева и побежали по горной тропинке. Но не могут люди бегать так быстро, как черт. Как ни спешили беглецы, но утро застало их в пути. Послышался позади громкий топот: гонится за ними черт, вот-вот настигнет!

Поспешно надели они шапки-невидимки и спрятались в густой траве.

— Фу, крепко же здесь разит человеческим духом!

Черт давай нюхать повсюду, бродит и носом потягивает. Наконец приметил он две шапки.

— Ха, вот почему здесь людьми пахнет! Люди такие шапки носят. Выходит, зря я старался.

Подул черт на одну шапку: фу-у!—и полетела она к востоку вместе с невидимым глазу работником. Далеко-далеко уплыла по ветру шапка и работника с собой унесла. Потом черт подул на другую шапку—и улетела она к западу вместе с девушкой, далеко-далеко.

Очнулась девушка, слышит—где-то вблизи человеческий говор и петушинный крик. Стоят перед ней богатые хоромы.

— Ах, значит, спаслась я из Чертовых гор и вернулась в людское селение!

Заплакала девушка от радости. Уже вечерело. Спрятала она лягушачью шапку, вошла в баньку и стала разводить огонь.

Тут пришла истопница.

— Ты откуда взялась? Зачем вошла сюда без спроса?

Девушка опустила на колени с низким поклоном:

— Хотела бы я поступить на работу к твоему господину.

Попроси его, чтобы нанял меня.

Истопница была добрая женщина:

— Ну ладно. В богатом доме всегда работенка найдется. Попрошу за тебя.

Поступила девушка на службу к богачу и стала трудиться не покладая рук. Она и воду носила, и двор подметала, самой черной работы не чуралась.

Но наступит ночь, уйдет девушка к себе на чердачок над конюшней. Умоется, причешется, наденет нарядное платье, в каком ее в гроб положили, и примется читать книгу.

Однажды ночью лошади в конюшне стали метаться и бить копытами. Девушка им и воды давала, и гладила, успокаивала. Внезапно распахнулась дверь и в конюшню вошел сын богача. А девушка испугалась и не успела сразу спрятаться на чердаке. Увидел ее молодой господин и глазами своим не поверил. В грязной конюшне — и вдруг такая красавица! Стал он думать, припоминать и наконец понял: это замарашка для черной работы.

— Ах, до чего она прекрасна! Возьму ее в жены,— решил юноша. Но ведь он сын богача. Разве станут его слушать родители, если он им скажет, что затеял жениться на самой последней служанке в их доме?

От этих тревожных мыслей ни пить, ни есть не может, тяжело занедужил.

Родители встревожились, начали его лечить, а больному становилось все хуже. Тогда призвали они гадалея, чтобы он разведал, отчего приключилась болезнь.

Гадатель сказал им:

— Это любовный недуг. Пусть все служанки одна за другой поднесут вашему сыну кушанье. Жените его на той девушке, из чьих рук он примет чашку риса.

Тут все служанки наперебой бросились подавать юноше столики с кушаньем, но он ни на одну даже взгляда не кинул.

Наконец осталась только одна Лягушачья Шапка. Ее, такую замарашку, и близко к больному не подпустили.

Но родители юноши приказали:

— Пускай она замарашка, но ведь гадатель велел всех служанок послать.

Как услышала эти слова Лягушачья Шапка, поскорей умылась, причесалась, надела нарядное платье и понесла столик с кушаньем к больному.

Увидел ее юноша и в первый раз за время болезни поднялся с постели, съел целую чашку риса.

Обрадовались родители, женили сына на Лягушачьей Шапке, и зажили все в счастье и радости.

35

Пепельник

Давным-давно жили в краю Омур¹ муж с женой. Родился у них сынок, и дали они ему имя Мамитиганэ. Но не исполнилось мальчику и трех лет, как мать его умерла. Погрустил отец, погрустил и привел в дом новую жену. Невзлюбила мачеха пасынка, но при отце и виду не подавала.

Когда исполнилось Мамитиганэ девять лет, отец поехал в Эдо на три месяца, а перед отъездом сказал жене:

— Можешь хоть ничего в доме не делать, но одного не забывай: каждый день причесывай Мамитиганэ.

Пошла мачеха провожать мужа на корабль, а как вернулась, так и приказала пасынку:

— Эй ты, иди в горы, наруби дров!

Принес Мамитиганэ большую охапку дров.

— А теперь двор подмети,— велит мачеха.

Так и пошло. Ни единого раза мачеха гребнем не провела по волосам мальчика. Целый день Мамитиганэ делал черную работу по дому и скоро стал лохматым и грязным оборвышем, словно нищий с большой дороги.

Через три месяца пришло письмо из Эдо, а в письме сказано: «Ждите меня. Завтра приеду на корабле».

На другой день рано утром Мамитиганэ говорит мачехе:

— Матушка, я пойду на берег встречать отца.

— Хорошо, ступай вперед. Я как следует причешусь, прибе- русь и приду вслед за тобой. Еще поспею.

Послала мачеха пасынка вперед, а сама порезала себе лицо острой бритвой, легла в постель и укрылась с головой одеялом.

Сошел с корабля отец на берег и увидел, какой Мамитиганэ нечесаный и грязный.

— Что с тобой? Да ты сам на себя не похож!— удивился отец.

— Матушка меня ни разу не мыла, не чесала.

— Где же она?

— Сказала, что придет потом, как нарядится и причешется.

Стали отец с сыном ждать ее на берегу. Не дождались и пошли домой.

Видит отец: лежит его молодая жена в постели.

— Здорова ли ты? Уж не захворала ли?— спрашивает отец.

Приподнялась мачеха и откинула одеяло с головы. Ахнул отец: все лицо у нее в кровь изрезано.

— Полюбуйся, что твой сынок со мной сделал. С той самой поры, как уехал ты на корабле, он каждый день не переставал бранить меня. Только я и слышала от него: «У-у, подлая мачеха!» А однажды бросился на меня с бритвой и поранил. Стыдно мне на люди лицо показать, потому и не встретила тебя на берегу.

В страшный гнев пришел отец. Не стал он слушать мальчика:

— Уходи из моего дома, непочтительный сын. Видеть тебя больше не хочу!

Нарядил он сына в красивую одежду, которую привез ему в подарок из Эдо, посадил на самого лучшего коня и прогнал из дома.

Пришлось Мамитиганэ покинуть родную деревню. Поехал он, сам не зная куда. Едет-едет, вдруг перед ним река длиной в тысячу ри, шириной в одно ри. Не перейти через реку в тыховье, не переплыть в низовье.

— Эй, конь Мамитиганэ, скоком скачи, лётом лети!

Как хлестнет он коня бичом! Перелетел конь птицей на другой берег.

Поехал Мамитиганэ дальше. Едет-едет, вдруг явилась перед ним гора Ибара в венце белых туч. Не объедешь справа, не объедешь слева.

— Эй, конь Мамитиганэ, скоком скачи, лётом лети!

Хлестнул он коня бичом раз, конь только головой мотнул. Хлестнул другой, конь птицей перелетел через гору.

Поехал дальше. Едет Мамитиганэ, едет, и встретился ему косматый старик.

— Дедушка, дедушка, скажи мне, не нужен ли в этой деревне кому-нибудь работник?

— Вот в том доме на Западной горе,— ответил старик,— держат тридцать пять работников. Нынче седьмой день пошел, как один из них умер. Там бы нашлась для тебя работенка, да только уж слишком нарядно ты одет для простого слуги.

— Ну, так сменяй свою безрукавку на мое платье.

— Что ты, сынок, слыхано ли это: менять такой богатый наряд на старое отрепье! Лучше бери его даром.

— Ведь я, дедушка, сам, по своей доброй воле предложил меняться. Но уж если ты хочешь подарить мне безрукавку, дай в придачу и сундучок. Я спрячу в нем свое платье.

Старик согласился.

Надел мальчик ветхое отрепье, а нарядное свое платье и богатое седло спрятал в сундучок. Отпустил он коня пастись на воле в бамбуковой чаще, а сам отправился к богачу на Западную гору и просит:

— Возьмите меня в работники.

Богач охотно нанял его в услужение.

Стал Мамитиганэ работать в доме богача. Послали его для начала рубить солому на корм скоту. Прошло немного времени, воротился он и говорит хозяину:

— Эта работа не по мне, только руки себе нагрудил. Лучше велите мне двор подметать.

Послал его богач двор мести. Но скоро мальчик опять пришел к хозяину:

— Нет, и эта работа не по мне. Вон какие на ладонях волдыри вскочили! Лучше вот что: дайте мне в подмогу семерых работников, я сложу такие печи, что кушанье будет поспевать сразу для всего дома, а не так, как теперь: одни едят, а другие голодными ждут.

— Ну что ж, постарайся, сложи печи,— согласился хозяин.

Дали мальчику в подмогу семерых работников. Работа так и закипела. Кто песок тащит, кто камни кладет, кто ведра с водой носит, тот рубит солому, этот глину месит. Скоро сложили работники семь хороших печей и стали варить рис сразу в семи котлах.

Прежде случалось, завтрак поспевал лишь к полудню, полдник к вечеру, а ужин бывал готов лишь к середине ночи. Теперь же, едва рассвет забелеет, а уж рис к завтраку для всех готов. Не успеет солнце подняться высоко в небе, как поспеет обед. Чуть начнет темнеть, как готов ужин. Люди всегда сыты. А Мамитиганэ знай себе топливо в печи подкладывает. Дали ему прозвище Пепельник, потому что теперь он всегда был измазан пеплом и сажей.

Обрадовался богач.

— Хорошего истопника мы нашли! — похвалил его богач. — Оставайся у меня сколько хочешь.

Прошло с тех пор немало времени. Однажды богач говорит:

— Завтра в храме большой праздник. Будут давать представление. Пойду-ка я посмотреть. Приготовь пораньше еды на дорогу.

На другое утро приготовил Мамитиганэ завтрак рано-рано.

Хозяин позвал его:

— Иди, Пепельник, и ты с нами.

— Нет, сегодня как раз третья годовщина со дня смерти моей матушки. Не могу я идти туда, где люди веселятся.

— Тогда оставайся за сторожа дом караулить.

— Хорошо, — говорит Пепельник.

Вот ушел хозяин вместе с семьей и со всеми слугами смотреть на представление. Зрителей там собралось видимо-невидимо, сам владетельный князь приехал зрелищем полюбоваться. Возле храма помост поставлен под высокой крышей. А Мамитиганэ отмылся добела, взял из сундучка свой красивый наряд, оделся, обулся и позвал коня из бамбуковой чащи. Конь мигом прибежал на голос своего хозяина. Оседлал Мамитиганэ коня, вскочил на него и крикнул:

— Эй, конь Мамитиганэ, скоком скачи, летом лети!

Хлестнул он коня один раз, конь понесся как птица и остановился перед самым помостом, с южной его стороны. Хлестнул Мамитиганэ коня другой раз, перескочил конь через крышу, только копыта в воздухе сверкнули, и остановился возле помоста, с северной его стороны.

Все зрители разом вскричали:

— Смотрите! Смотрите! Это светлый бог спустился к нам с неба! Встанем, поклонимся ему!

Все встали со своих мест и, молитвенно сложив руки, поклонились Пепельнику. Хозяин Мамитиганэ тоже склонился перед ним. Но дочка богача сказала про себя:

— Это совсем не бог, это же наш Пепельник! Я его узнала. У него на левом ухе черная метина. — И девушка с лукавым смехом тоже склонила голову перед Пепельником.

А Пепельник вернулся домой раньше всех, отпустил своего коня пастись в бамбуковую чащу, спрятал свой драгоценный наряд в сундучок и надел старую безрукавку. Потом затопил он

все семь печей и улегся на куче золы, подложив охапку бамбука себе под голову.

Вскоре возвратился хозяин со слугами и домочадцами.

— Пепельник, эй, Пепельник, отворяй ворота!

Отворил Пепельник ворота. Хозяин говорит ему:

— Жаль, что не ходил ты смотреть представление. Сегодня прилетел туда с неба светлый бог невиданной красоты, и все поклонились ему.

— Ах, знал бы я, непременно пошел бы вместе с вами!

— Послезавтра мы опять пойдем на праздник. Встань с утра пораньше и приготовь нам еды на дорогу,—приказал хозяин.

В назначенный день Пепельник поднялся рано на заре и сварил рису больше, чем обычно, всех накормил и еще дал с собой на дорогу. Хозяин опять позвал его:

— Иди и ты с нами, Пепельник.

— Нет, сегодня как раз годовщина со дня смерти моего дедушки. Не пойду я туда, где люди веселятся, а останусь в тишине дом сторожить.

Проводил Пепельник всех в дорогу, живо помылся, нарядился и только оседлал коня, как вдруг хозяйская дочь во двор входит. Придумала она для отвода глаз, будто забыла дома свои дорожные сандалии. Что будешь делать! Говорит ей Пепельник:

— Садись и ты со мной на коня.

Села девушка на коня позади Мамитиганэ.

Конь поскакал и остановился у самого помоста, с восточной его стороны.

Хлестнул Пепельник коня бичом и крикнул:

— Эй, конь Мамитиганэ, скоком скачи, летом лети!

Конь взлетел как птица, перескочил через крышу и остановился возле помоста, с западной его стороны.

Все зрители закричали:

— К нам с небес пожаловала божественная чета!

Поклонились они Пепельнику и девушке. А Пепельник с дочерью богача воротился домой. Отпустил он своего коня пастись в бамбуковой чаще, снял богатое платье, развел огонь в печах и лег на куче золы отдыхать. А девушка спряталась в самом дальнем покое и притворилась больной.

Вот слышались крики:

— Эй, Пепельник, отворяй ворота!

Это возвратился хозяин со своими слугами и домочадцами. Говорит хозяин Пепельнику:

— Напрасно ты не пошел с нами. Сегодня пожаловала на представление чета небесных богов.

— И правда, жаль, что я остался дома,—посетовал Пепельник.

Вошел богач в дом и стал искать свою дочь. А она на постели лежит, будто занемогла. Поднялась в доме суматоха. Хотели сейчас же позвать врача, но девушка попросила:

— Нет, мне врача не надо. Позовите лучше жрицу².

Позвали трех жриц и велели им погадать. Погадали они и говорят:

— Эту болезнь скоро не вылечить. Тяжелым недугом занемогла ваша дочь.

Девушка в ответ:

— Нет, не отгадали они правды. Позовите еще одну жрицу, ту, что недавно приехала в наши места.

Пригласили и ее. Погадала она и говорит:

— Не телесный это недуг, а любовный. Полюбила девушка одного из ваших работников. Дайте ей чашу вина, пусть поднесет любому из них по своему выбору. Тогда и узнаем, который ей мил.

Послушался богач. Дал своей дочери чашу с вином и велел всем своим работникам вереницей пройти перед нею. Прошло их тридцать четыре, но она никому чаши не подала.

— Нет ли еще какого-нибудь слуги в доме?— спрашивает богач.

— Да будто все здесь. Только один грязный Пепельник возле печи остался,— отвечают слуги.

— Что ж, и он такой же человек, как вы. Зовите и его, да пусть принарядится немного.

Послал хозяин Пепельнику старое платье со своих плеч. А Пепельник помылся в чане с горячей водой, обтерся пожалованным ему платьем, да и забросил его в свинарню.

Услышал об этом хозяин и послал ему новое, хорошее платье. Но Пепельник и этим платьем обтерся и кинул его, словно старую тряпку, позади конюшни. Тогда послал ему хозяин парадную накидку с гербами. А Пепельник накидкой ноги вытер и сунул ее в навоз.

Потом достал он из сундучка свой драгоценный наряд, надел его и вскочил на своего коня.

Как увидел богач прекрасного юношу, взял его за руку и почтительно провел в парадные покои. Болезнь девушки как рукой сняло. Радостно поднесла она своему избраннику чашу с вином.

— У дочери моей острее глаза, чем у меня,— улыбнулся богач.— Прошу тебя, будь моим зятем.

Сыграли свадьбу. Три дня шло веселье, а на четвертый Мамитиганэ сказал своему тестю:

— Отпустите меня на три дня. Хочу я отца своего навестить.

— Нет, на три дня я тебя не отпущу. Даю тебе сроку лишь один день— от утра до вечера,— говорит тесть.

Пришел Мамитиганэ проститься со своей молодой женой, а она его спрашивает:

— Какой дорогой поедешь: берегом или через горы?

— Берегом надо три дня ехать, отец же твой отпустил меня лишь на один день. Поеду я через горы напрямик.

— А если поедешь ты горной дорогой,— говорит жена,— то упадут тебе на луку седла тутовые ягоды. Как бы ни мучился ты жаждой в пути, смотри не ешь их. Если поешь ты этих ягод, мы с тобой больше в этой жизни не увидимся.

Поскакал Мамитиганэ через горы напрямик, и упало к нему на луку седла несколько ягод с тутового дерева. Спелые они были и сочные, но вспомнил юноша наказ своей жены и первое время крепился. Стояла жаркая пора. В полдень так захотелось ему пить, что язык к гортани присох. Не выдержал Мамитиганэ и съел одну ягоду. В тот же миг отлетело от него дыхание и упал он на шею своего коня. Почуял конь, что хозяин его мертв, захрапел и понесся как птица. Взлетает на гору, передние ноги подгибает. Слетает с горы, задние ноги на скаку подгибает.

Принес он хозяина к воротам родного дома и три раза тревожно заржал.

Услышал его отец Мамитиганэ:

Ах, это конь моего сына! Что же сын мой сам меня не зовет! Ступай посмотри, что там такое,— послал он свою жену.

Жена отворила ворота. И в то же мгновение конь бросился на нее и загрыз насмерть. Вышел тогда к воротам сам отец.

— О, горе, сын мой! Уехал ты от меня живым, а вернулся ко мне мертвым.

Положил он мертвого Мамитиганэ в большую бочку с вином и крышкой прикрыл.

А жена Мамитиганэ ждет его не дожидется:

— Если б знала я, куда уехал мой муж, так письмо бы ему послала. Уже прошел день, другой и третий миновал, а его все нет. Уж не поел ли он в пути тутовых ягод?

Купила жена три мерки живой воды³ и помчалась как ветер по следам своего мужа. За полдня пробежала она столько, сколько быстроногий конь Мамитиганэ за целый день проскакал, и оказалась у чьих-то ворот.

— Не здесь ли дом Мамитиганэ?— спросила она.

— Здесь-то здесь, да только Мамитиганэ уж на свете нет,— ответил ей отец юноши.

— Покажите мне его хоть мертвого,— заплакала жена.

— Нет, не могу я сына моего показать чужому человеку.

— Разве я чужая ему? Он был мужем мне, да только уехал четыре дня тому назад и не вернулся.

— Ну простите, коли так. Вот он, бедный мой сын.

Вынул отец тело Мамитиганэ из бочки с вином и показал невестке.

Лежит Мамитиганэ как живой, только что не дышит.

Омыла жена тело мужа водой из родника, а потом сбрызнула живой водой. Открыл глаза Мамитиганэ и спрашивает.

— Спал ли я утренним сном? Спал ли вечерним сном?

— Нет, не спал ты утренним сном, не спал ты вечерним сном,— отвечает молодая жена,— а спал мертвым сном. Не

послушал ты меня, поел тутовых ягод... Но я тебя сбрызнула живой водой, и возвратилось к тебе дыхание. Пойдем же теперь ко мне домой.

Тут отец Мамитиганэ воспротивился:

— Это мой родной, мой единственный сын. Не отпущу его больше от себя.

— Что ж, тогда мы останемся с вами, отец,— сказала молодая жена.

Но Мамитиганэ сказал.

— Не могу я сразу служить двум отцам. Возьми себе приемыша, а я навсегда останусь в доме жены: ведь она мне жизнь спасла.

Простились молодые супруги с отцом Мамитиганэ и пошли в обратный путь.

Слышно, они и теперь живут в любви и согласии.

36

Черт
и три
мальчика

Жила в одном селении бедная семья. Муж умер, а вдова не знала, как прокормить детей. Было у нее трое сыновей: старшему одиннадцать лет, среднему девять, а младшему только семь годочков.

Стала вдова думать: «Сколько ни работай, а мне и самой-то трудно прокормиться. Страшно про это подумать, но лучше отвести детей подальше в горы. Пускай их там съедят дикие звери. Мне станет полегче...»

Однажды повела она детей в горы:

— Отдохните здесь немножко. Я сейчас пойду куплю вам сластей.— Обманула их и ушла.

А мальчики поверили материнским словам и ждали долго-долго. Начало смеркаться, а мать все не возвращается. Устали дети ждать. Двое старших громко заплакали. Самый младший, семилетний мальчик сказал братьям:

— Слезами делу не поможешь. Надо поискать, нет ли поблизости какого жилия. Влезу-ка я на дерево, посмотрю.

Влез мальчик на высокое дерево и увидел вдалеке огонек.

— Вон, вон там огонек мерцает! Пойдем туда.

Слез он с дерева и повел своих братьев в ту сторону, где огонек светил. Долго шли они и наконец увидели в горах маленькую хижину. Сидит там возле очага старуха и в огонь ветки подбрасывает. Вошли дети в хижину и просят:

— Заблудились мы в горах, дозволь нам у тебя в доме переночевать.

Старуха говорит в ответ:

— Очень охотно пустила бы вас, но ведь здесь логово черта! Скоро он придет сюда. Нет, не могу я принять вас. По этой дороге пойдете, попадете к черту в лапы. По той дороге пойдете,

он вам не встретится. Идите смело,— и показала им дорогу.

Но мальчики не хотели уходить и начали опять просить:

— Кругом темно, ничего не видать. Не можем мы никуда идти. Позволь, бабушка, нам одну ночь провести под твоей крышей.

— Черт придет, всех вас съест,— не соглашается старуха.

Вдруг вдали послышался громкий топот ног.

Старуха встревожилась:

— Вот дождались! Медлили-медлили, а теперь слышите, черт идет. Скорей полезайте сюда!

Спрятала она детей в подвал, крепко захлопнула дверцу и прикрыла циновкой. А шаги все ближе, ближе. Вошел черт в хижину и начал с шумом нюхать воздух:

— Бабка, здорово здесь человеческим духом разит. Ты что, пустила сюда путника ночевать?— и давай шарить по всем углам.

Старуха отвечает в смущении:

— Правда твоя! Приходили вот только что три мальчика. Просились было переночевать, да услышали твои шаги и убежали в испуге. Оттого-то, верно, здесь человеческий дух остался.

— Хо-хо,— обрадовался черт,— трое детей, говоришь? Куда им, дурачкам, убежать! Я один шаг ступлю, их догоню. Славная добыча!— С этими словами надел он сапоги-скороходы: один шаг—тысяча ри, и вылетел стрелой в кухонную дверь. Да только мчался черт, мчался, а детей нигде не мог приметить.

— Эх, видно, я через них перескочил. Скоро они придут, никуда не денутся, а я тем временем отдохну малость! Улегся черт на обочине дороги и захрапел.

Когда черт убежал, старуха поскорей выпустила мальчиков из подвала:

— Черт надел сейчас свои сапоги-скороходы: один шаг—тысяча ри. Он умчался далеко, а вы бегите скорее вон по этой дороге.

Выпустила старуха мальчиков через дверь позади дома.

Побежали братья. Бегут-бегут и вдруг слышат словно раскаты грома: го-о, го-о!

«Что бы это могло быть?»— думают они.

Смотрят, а это лежит на дороге черт и храпит вовсю. Старшие мальчики перепугались и начали плакать.

— Слезами горю не поможешь,— сказал младший брат.— Черт крепко спит, пройдем мимо.

Стали они красться тихо-тихо, поглядывая на черта. А черт храпит, словно гром гремит.

Вдруг младший брат заметил сапоги на ногах черта.

«Это сапоги-скороходы: один шаг—тысяча ри. Ах, как мне хочется иметь такие сапоги!»— подумал мальчик и стал потихоньку стягивать сапог.

Но только он снял один сапог, как черт вдруг зашевелился и грузно перевернулся на другой бок. У мальчика от страха дыхание перехватило.

А черт бормочет сквозь сон:

— Проклятые мыши, ночью подняли возню!

Подождал мальчик, пока черт снова не уснул крепко-крепко, снял другой сапог и побежал к старшему брату:

— Братец, надень эти сапоги.

Надел мальчик сапоги, а двое маленьких за него уцепились.

— Лети!— крикнул младший брат, и помчались все трое как стрела, только свист пошел.

Черт сразу очнулся:

— Неужели я упусти этих мальчишек?— в досаде завопил он и пустился в погоню. Но не было у него больше сапог-сорокоходов, и догнать детей он не смог.

Дети в одно мгновение примчались в селение, и черту поневоле пришлось ни с чем вернуться в горы. Когда он, сердитый, пришел домой, старуха, беспокоясь о детях, спросила как будто между прочим:

— Поймал ли ты мальчиков?

— Нет, я обогнал их и прилег отдохнуть, а они тем временем стащили мои волшебные сапоги,— ответил черт.

Ну, тут старуха успокоилась. А дети вернулись домой и начали усердно трудиться, матери в помощь.

37

Материнское
око

В старину, далекую старину жил, не знаю где, честный купец. Однажды отправился он закупать товар. Проходя через одну деревню, увидел он, что дети собрались гурьбой и собираются убить молоденькую змейку, длинной всего в один сяку.

Пожалел ее купец и говорит:

— Дети, зачем вы хотите убить змейку? Лучше продайте ее мне.

Достал он из-за пазухи горсть медяков и роздал детям, а змейку отпустил на свободу.

В ту же ночь у дверей купца раздался женский голос:

— Отворите мне дверь, пожалуйста!

Удивился купец, но дверь все же отпер. Видит он— стоит перед дверью незнакомая девушка.

— Ночь застала меня в дороге,— говорит девушка.— Я иду к себе на родину, но сбилась с пути. Дозвольте мне у вас переночевать.

Купец подумал: «В самом деле, блуждать одной в темноте страшно и опасно. Пусть заночует в моем доме».

Говорит он девушке:

— Я— купец, встаю спозаранок и ухожу по торговым делам. Спите спокойно, а как отдохнете, отправляйтесь в путь.

На другое утро встал купец рано-рано и ушел из дома. Возвращается к вечеру, а девушка все еще у него в доме. Попросилась она снова оставить ее на ночлег. Так прошло несколько дней.

Наконец девушка стала просить:

— Я—бесприютная странница. Нет у меня родного дома. Сделай милость, возьми меня в жены.

Купец был холост и охотно согласился. Стали молодые жить в любви и согласии, и родился у них сынок. Купец целые дни проводил в трудах. Однажды, закончив дела раньше обычного, он вернулся домой к полудню. Дверь была заперта. «С чего бы это?»—подумал он и заглянул в окно. Видит: всю большую комнату, величиной в восемь циновок¹, заняла огромная змея. Свернулась она кольцами, а посреди этих колец лежит ребенок.

Насмерть перепугался купец и убежал в соседний дом.

Вечером вернулся к себе. Видит, жена вновь приняла человеческий облик. «Значит, эта страшная змея оборачивается женщиной»,—подумал купец, но молчит, виду не подает.

Жена за ужином говорит ему:

— Страшное дело ты сделал. Я днем вздремнула, а ты подглядел.

— Да ничего я не видел,—стал было отпираться купец.

Но жена в ответ:

— Больше я у тебя в доме оставаться не могу. Ты когда-то спас мне жизнь. Я ведь та самая змейка. Но ничего не поделаешь, настал час нашей разлуки.

— Но вправду ли мы должны расстаться?—с тревогой спросил купец.

— Мой ребенок родился человеком,—говорит жена.— Прошу, позаботься о нем.

Тут протянула она мужу большую жемчужину:

— Когда будешь уходить из дома, клади ее возле ребенка, он спокойно уснет. Если я понадобится тебе, мы встретимся. А теперь прощай!—И в глубокой печали она покинула дом.

Соседи стали поговаривать:

— Как он вскармливает ребенка без матери? Удивительное дело! Чем дитя питается?

Но вскоре они узнали, что ребенка кормит и усыпляет чудесная жемчужина. Дошел этот слух до ушей князя и он отнял жемчужину. С этого времени ребенок стал плакать без удержу, и видно было, что скоро зачахнет вконец.

Купец очень встревожился и пошел к горной пещере, где жена обещала встретиться с ним, если будет нужда. Стал он звать жену перед пещерой:

— Покажись мне хоть один-единственный раз!

Вышла жена из пещеры. Глядит он — а у нее на одном глазу повязка. Говорит она:

— У меня вместо одного из глаз была чудесная жемчужина². Я отдала ее ради нашего ребенка. А теперь я выпросила такую же драгоценность у моей родной тети.

Дала она купцу жемчужину:

— Ты больше в этих местах не оставайся. Князь опять отберет у тебя чудесную жемчужину. Беги куда-нибудь в безопасное место и там воспитывай наше дитя.

Послушался купец, взял своего сына и скрылся с ним в дальних местах. А вскоре гора задрожала и на княжеский замок посыпались камни. В замковом городе поднялось большое смятение. Семь дней, семь ночей с грохотом осыпалась гора, и князь был погребен под камнями.

38

Три брата

В старину, в старину, в далекую старину жили-были три брата. самого старшего звали Итиро, среднего — Дзиро, а младшего — Сабуро¹. Итиро был малость простоват. Когда исполнилось ему двадцать лет, среднему брату — восемнадцать, а младшему — шестнадцать, отец призвал их к себе и сказал:

— Вот что. Достигли вы все трое совершенных лет, а околачиваетесь дома без всякого проку. Я отпускаю вас на три года. Пусть каждый из вас выбьется в люди как умеет. — И дал каждому увесистую монету в пять рё.

Дзиро и Сабуро так ответили отцу:

— Мы, батюшка, непременно выбьемся в люди и через три года вернемся. О нас не тревожься, береги свое здоровье.

Один Итиро слова не вымолвил.

И вот наконец под вечер, в пятнадцатый день луны, отправились три брата в дальний путь.

Шли они по горной тропе. Кругом пустынно, только ветер гнет длинные стебли мисканта. Вскоре вышли путники на перекресток трех дорог. Там и заночевали. Как занялось утро, Дзиро повел такую речь:

— Старший мой брат Итиро и ты, Сабуро! Скучно всем вместе идти по одной и той же дороге. Пусть каждый из нас пойдет своим путем да ищет свою удачу. Найдем свое счастье и воротимся домой, а пока не лучше ли нам расстаться?

Младший Сабуро ответил на это:

— Что ж, последуем совету брата Дзиро.

— И правда, так будет хорошо, — согласился покладистый Итиро.

Порешили они встретиться через три года на этом самом месте и расстались. Итиро пошел направо, Дзиро прямо вперед, Сабуро повернул налево.

Сначала расскажу о старшем, Итиро. Простившись с братьями, он и не подумал взгрустнуть — ведь был он придурковат — и зашагал все вперед и вперед. Шел, шел с одной кручи на другую и увидел большое озеро у подножия горы. На воду как раз слетела дикая утка. Захотел Итиро поймать утку и стал искать камень, чтобы подшибить ее, но, как на грех, ни один камушек не попался на глаза. Вынул он у себя из-за пазухи монету, что дал ему на дорогу отец, и ка-ак бросит! Шлеп! Промахнулся, а монета канула в воду, но Итиро ничуть об этом не печалился, а пошел себе дальше.

Но вот стемнело, теперь не худо бы поесть, а денег нет. Тут даже беспечный Итиро крепко призадумался. Вошел он в придорожный храм и лег спать. Много ли, мало времени прошло, но вдруг кто-то его окликнул:

— Эй, эй, Итиро, Итиро!

Очнулся он, смотрит вокруг: нет никого. «Верно, лиса или барсук меня морочат»², — подумал он и снова завалился спать. Но чей-то голос стал звать его еще громче:

— Итиро, Итиро!

Стал Итиро приглядываться и увидел: в углу храма лежит щербатая чашка и зовет его:

— Итиро, Итиро!

— Вот тебе на! Это ты меня звала? А я-то думал, барсук или лисица.

— Хм, не все ли едино! Но у тебя, дружок, денег ни гроша. Что на себе носишь, вот и все твое богатство. Шагать дальше куда глаза глядят смысла мало. Вот что я предложу тебе: давай-ка вместе работать.

— А что ты умеешь?

— Ты только делай то, что я тебе говорю, и все будет хорошо, сам увидишь, — обещает щербатая чашка.

На другой день Итиро отправился в город с чашкой за пазухой. Как стемнело, пошел он к дому одного богача. Все уже улеглись спать. Он впустил щербатую чашку в дом через маленький лаз для кошки.

Чашка открыла дверь изнутри и впустила Итиро в дом. Украл он деньги и разные сокровища. Так Итиро стал знаменитым вором.

Теперь расскажу о среднем брате Дзиро, что пошел по дороге прямо вперед. Дзиро был из братьев самый добросердечный. Душа у него заныла от разлуки с братьями. Захотелось ему поскорей выйти к селениям, вот и пошел он по широкой проезжей дороге, но, сколько ни шел, кругом все безлюдно, ни души не видать.

Меж тем смеркалось. Усталый, присел он на траву у обочины и с грустью стал вспоминать о родном доме, о своих братьях. Вдруг кто-то у него под самыми ногами крикнул:

— Дзиро, Дзиро!

Испугался он, посмотрел вокруг и увидел маленькую лопаточку — мастерок.

— Так это ты меня звала? А я было струхнул.

— Что ты, чего бояться. Но скажи, что проку в пустых жалобах? Идешь, сам не зная куда. А я тебя научу, что делать. Всего в одном ри отсюда живет один богач. Дочка у него тяжело занемогла. Ходят к ней каждый день разные монахи и заклинали, врачи лечат, а помочь не могут, бестолковые. С каждым днем недуг девушки становится все тяжелее... А ты поверни меня тыльной стороной и погладь ей задок, сразу поправится.

— А если повернуть верхней стороной?

— Тогда недуг усилится. Возьми меня с собой, братец Дзиро, и погладь мной девушку. Конечно, гладить задок не положено, да ведь умрет не сегодня завтра... Тут уж все средства хороши,— сказала лопаточка.

Дзиро был застенчивый юноша, но раз есть верное средство исцелить больную, так медлить нечего. И в тот же вечер, сунув лопаточку за пазуху, он пошел к богачу.

Видно, девушка была сильно больна, у ворот он услышал громкие стоны. Дзиро вошел в дом и говорит:

— Я могу излечить дочь вашего хозяина.

А в том доме хватались с горя за любые средства и сразу попросили его помочь.

Дзиро велел оставить его наедине с девушкой, а возле постели поставить ширму. Затем он вынул лопаточку из-за пазухи, сел возле девушки и стал медленно поглаживать ей задок. Девушка только что громко стонала от боли, но тут вдруг сразу излечилась. Все в доме богача обрадовались, стали называть Дзиро спасителем девушки и воздавать ему всевозможные почести. В награду женили его на спасенной девушке. Так Дзиро стал любимым зятем в доме богача.

Младший, Сабуро, был молод годами, но зато самый смелый. Расставшись с братьями, свернул он налево и долго шел по дороге. Стало смеркаться. В соснах громко зашумел вечерний ветер, кругом было пустынно и мрачно. «Вот под этой сосной заночую»,— решил он и расположился на ночлег. Вдруг трава зашумела: шорх-шорх! Пахнуло какой-то вонью.

В удивлении Сабуро обернулся: что там? Видит ползет с дальних гор в свое логово ошалевший от вина огромный змей, катясь и перекручиваясь. Высунул из пасти огненно-красный раздвоенный язык.

«Вот беда!»— подумал Сабуро, проворно влез на верхушку сосны и спрятался. Но змей поглядел на сосну, приметил Сабуро, кольцами обвился вокруг дерева и разинул пасть во всю ширь.

Тут даже сильный духом Сабуро испугался не на шутку. Пока он думал, что теперь делать, змей начал взбираться на дерево.

— Намманда, Намманда!⁴—стал молиться Сабуро, дрожа телом. Тем временем пояс его распустился, монета, подаренная отцом, выпала из-за пазухи и угодила прямо в глотку змея. Застряла монета в глотке, и змей упал вниз. Сабуро вздохнул с облегчением: ведь чудом сплелся от страшной опасности!

А в это время мимо по дороге ехал князь с целой свитой кэраев. Увидел он, как бьется в судорогах издыхающий змей.

— Молодец!—похвалил юношу князь.—И не счесть, сколько людей пострадало из-за этого змея. Я приехал сюда, чтобы уничтожить чудовище, но вижу, ты уже сразил его. Похвальное дело! Следуй за мной в замок,—повелел князь и вместе с Сабуро вернулся в столицу. Стал Сабуро самураем, и поручили ему карать злодеев.

Минула одна осень, другая, наступила третья, и вспомнил Итиро свою далекую родину.

— Все эти долгие годы я только воровством промышлял... Что-то подельывает теперь мой отец? Здоров ли?

Воровать-то Итиро воровал, но он никогда не знал корысти и все деньги раздавал беднякам. Одежка на нем обтрепалась и висела клочьями, как у последнего оборвыша.

Присел он на сломанные ступени придорожного святилища и глубоко вздохнул.

— Пора возвращаться домой, как мы условились. Но не могу я показаться отцу в жалких лохмотьях, с пустыми руками. Придется еще один, последний раз пуститься на воровство. Должен я принести отцу подарок,—рассуждал Итиро сам с собой.

Щербатая чашка у него за пазухой отозвалась:

— Ладно, ладно. Нынче же ночью ловко украдем. Не беспокойся...

Дзиро был теперь зятем в богатом доме. В деньгах у него недостатка не было. Но он при помощи чудодейственной лопаточки продолжал исцелять больных, и про него повсюду шла добрая слава.

В тот день он вернулся от одного больного и, усевшись на террасе, любовался полной луной.

«А-а, ведь нынче пятнадцатая ночь восьмой луны⁴, через месяц наступит условленный срок!»—подумал Дзиро.

Приготовил он пятьсот рё и собрался в обратный путь на родину.

Младший брат Сабуро тоже не забывал своих родных. Последнее время братья снились ему каждую ночь—так хотелось свидеться с ними. Наступила пора девятой луны⁵. Уже совсем собрался он в дорогу, как вдруг сообщили ему: подана жалоба. Кто-то похитил пятьсот рё из дома местного богача.

В самый разгар хлопот перед отъездом пришлось ему искать вора. И вот наконец вор схвачен—грязный, одетый в лохмотья, как огородное пугало.

Стали вора расспрашивать, и что же открылось? Это был старший брат Итиро! Вот как пришлось свидетелься после трехлетней разлуки! А жалобщик, обокраденный богач, подумать только, средний брат Дзиро! Братья плакали так, словно сердца у них готовы были разорваться.

На следующий день спешно послали паланкин, чтобы привезти отца. То-то удивился отец, а тут и сказке о трех братьях конец.

39

**Волшебная
колодушка**

В старину, далекую старину жил в одной деревне молодой крестьянин по имени Дзинсиро, а по прозвищу Репоед. Он был до того болен, что питался одной только репой. Ни одна девушка не шла за него по своей воле. Вот и сговорились его приятели-односельчане хитростью добыть для него невесту.

Однажды утром прошли они длинной вереницей с корзинами в руках мимо дома одного богача.

Удивился богач, увидев такое множество людей, и спросил:

— Куда это вы идете с корзинами?

Юноши отвечали хором:

— Собирать дикие груши для Репоеда Дзинсиро, собирать гру-у-уши.

Другой раз прошли они толпою мимо дома богача с мотыгами в руках. Богач вышел на улицу и начал их расспрашивать, куда идут и зачем.

Юноши дружно отвечали:

— Вспахивать поля Репоеда Дзинсиро, вскапывать по-о-ля.

«Репоед Дзинсиро? Никогда не слышал я такого имени,— подумал богач,— но, верно, он не последний в наших краях человек, если столько работников возделывают для него поля и собирают дикие груши. Вот было бы хорошо, если бы он присватался к моей дочери».

Вскоре после того пожаловал к богачу сват от имени Дзинсиро. Обрадовался богач, что Репоед Дзинсиро хочет жениться на его дочери, и сразу согласился.

Отправил он свою дочь в богатом паланкине к жениху и в придачу послал много дорогих шелков и разной ценной утвари.

Вышла невеста из паланкина, глядит—а у Репоеда Дзинсиро вместо дома жалкая лачужка с камышовой крышей. Внутри, правда, убрано хорошо: новые циновки постелены, ширмы расставлены и посуды всякой много. Есть и котел, и чайник, и чашки.

Справили свадьбу как следует. Но на другое утро пришли друзья Дзинсиро и все унесли, что только в доме было: и котел, и чайник, и циновки. Ведь приятели эти вещи только на время дали, чтоб жениху не стыдно было.

Огорчилась молодая жена, а самому Дзинсиро хоть бы что, только улыбается.

Захотела она на другое утро приготовить завтрак, но в доме не оказалось ни одного зернышка риса. А Репоеду и горя мало: «Мне рису не надо. Не привык я к нему».

Сварил он, как всегда, полный горшок репы и поел досыта, а молодая жена и не притронулась к еде. Что будешь делать? Достала она три свертка цветного шелка из тех, что были даны ей в приданое, и говорит мужу:

— Продай этот шелк и купи для нас рису на базаре.

Понес Дзинсиро один сверток шелка в город продавать, но по дороге хитрый торговец выманил у него этот шелк даром. Вернулся Дзинсиро с пустыми руками. И на другой день случилось то же самое.

На третий день удалось ему наконец продать шелк. Пошел Дзинсиро на базар купить рису, но по дороге увидел, как мальчишки сокола мучают.

— Отпустите сокола, дети,—попросил Дзинсиро.

— Вот еще что выдумал! Он наш, мы его поймали. Что хотим, то с ним и делаем.

— Ну, раз не согласны даром его отпустить, то продайте.

Отдал он детям все свои деньги не торгуясь и получил в обмен сокола.

Обрадовался Дзинсиро, закричал:

*Лети, сокол мой, лети!
Доброго тебе пути.
Хиккутаку,
Саккутаку,
Пи-и-роро!—*

и подбросил сокола кверху. Взлетел сокол, закружился в небе и камнем упал на соседнее поле. А там как раз каппа¹ прятался. Ухватил его сокол когтями и принес к Дзинсиро. Стал каппа умолять:

— Отпусти меня на свободу, отпусти, я дам за себя несметный выкуп!

Отпустил Дзинсиро каппу на свободу. Не обманул каппа, принес из реки сокровище: волшебную колотушку и мешок из драгоценной парчи². Стоит постучать колотушкой, и выйдет из мешка все, что пожелаешь. Но Дзинсиро подумал: «Мешок пригодится в хозяйстве, буду держать в нем репу. А колотушка ни к чему», да и забросил ее в траву.

Дома жена истомилась ожиданием: когда же наконец Дзинсиро принесет хоть немного рису? Увидела она, что муж опять ни зернышка риса не принес. От досады у нее в глазах потемнело.

Рассказал Дзинсиро жене все по порядку:

— Дал мне этот каппа мешок и колотушку. Мешок — вот он, погляди, а колотушку я бросил, куда она нам! Невидаль какая!

Но жена Дзинсиро недаром была из богатой семьи, сразу догадалась.

— Этот мешок — бесценное сокровище, но без колотушки не будет от него проку. Пойди поищи ее там, где бросил.

Пошел Дзинсиро искать колотушку. Шарил, шарил в траве, по счастью, нашел. Постучала жена волшебной колотушкой и говорит:

— Лачужка, лачужка, превратись в богатые хоромы.

Не успела она досказать, как стала кособокая хижина высоким домом с черепичной кровлей. Резной конек на солнце так и сверкает!

Тогда только понял Дзинсиро, какое сокровище попало к нему в руки.

— А-а, ведь и правда забавная колотушка! Ну-ка, дай мне, и я попробую.

Дала жена ему колотушку и научила, что надо делать: — Ты стучи вот так и проси всего, что хочется.

Стукнул Дзинсиро колотушкой что было силы, хотел он крикнуть:

— Комэ-кура, комэ-кура! (Кладовые, полные риса!)

Да запнулся и закричал:

— Ко-мэкура, ко-мэкура! (Слепые карлики!)

Вдруг посыпалось из мешка множество слепых карликов. Пошли они друг за дружкой и скрылись из виду.

Взяла жена Репоеда колотушку, постучала и крикнула:

— Комэ-кура! Комэ-кура!

Вышло из мешка множество кладовых, полных риса.

Опять постучала, вышли кладовые, доверху набитые разным добром.

Стали молодые жить в довольстве. Однажды отправил Дзинсиро посланца к тестю с тещей, чтобы пригласить их к себе на новоселье. Пришли богач с женой и онемели от удивления. Какая богатая утварь! Какое богатство! Подали им такое роскошное угощение, какого они в жизни не пробовали. Когда кончился пир, Дзинсиро побросал в реку и стол, и лакированные чашки. Уплыли они вниз по течению, а вместо них появились новые, еще лучше.

Рано-рано на другое утро тесть с тещей стали собираться в дорогу. Дочка им говорит:

— На дворе еще темно. Как бы вы не споткнулись! Надо осветить вам дорогу,—и с этими словами подожгла свой дом. Вспыхнул он ярким пламенем и горел, как костер, пока старики не возвратились к себе в деревню. А вместо прежнего дома у молодых появился новый, куда красивее.

Решил богач в свой черед пригласить к себе дочку с мужем. Устроил он в их честь званый пир. Гости ели, пили, веселились, а потом богач побросал в реку и столики, и все чашки. Уплыли они вниз по течению — только их и видели!

На другое утро, с первыми лучами рассвета, стали молодые собираться в дорогу, а богач и тут решил не уступить зятю, да и поджег свой дом. Загорелся дом, как яркий костер, и сгорел дотла. Одно пепелище осталось. Пришлось богачу поселиться в маленькой хижине с камышовой крышей.

Пожалел стариков Дзинсиро, постучал волшебной колотушкой и построил для них новый, хороший дом.

40

Дух горы
и мальчик

Жили в старину мать с маленьким сыном. Каждый день мать ходила в горы собирать хворост на продажу, тем и кормились они худо-бедно.

Когда сыну исполнилось лет двенадцать, он сказал:

— До сих пор, матушка, ты ради меня трудилась рук не покладая, но отныне работать буду я, а ты оставайся дома.

С того дня он сам начал ходить в горы за хворостом, а матушка с великой радостью каждое утро готовила ему еду в дорогу.

Однажды мальчик привязал, как обычно, к ветке дерева узелок с завтраком, залез на дерево и начал срубать сухие ветки. Тут вдруг пришел седовласый старик. Глядел он, глядел вверх на мальчика, потом снял узелок с ветки и начал есть.

Мальчик спустился вниз с большой охапкой хвороста и ласково говорит:

— Дедушка, прилась ли тебе по вкусу матушкина стряпня?

— Спасибо, что накормил. На старости лет терплю я голод.

Вернувшись домой, мальчик рассказал обо всем своей матери.

Матушка сказала:

— Ты хорошо поступил, сынок. Завтра я приготовлю два завтрака: один для тебя, а другой для старика.

Наутро дала она сыну два узелка. Пошел мальчик в горы и начал работать. Смотрит—а старый дед появился опять.

Мальчик слез с дерева и говорит:

— Дедушка, моя мать приготовила сегодня два завтрака. Если одним не насытишься, съешь и другой.

Старик все съел до последней крошки.

На третий день мальчик принес только один завтрак. Мать собиралась куда-то уйти, и он должен был вернуться домой раньше обычного. Потому и захватил с собой завтрак лишь для старика.

Только мальчик собрался влезть на дерево, как пришел старик и позвал его:

— Обожди немного! Я, сказать тебе по правде, бог этой горы. Слушай же внимательно. Что я тебе скажу, то и делай. Есть в Индии¹ прекрасный храм, иди туда на поклонение. Да смотри: кто тебя о чем ни попросит по дороге, все исполни.

С этими словами старик внезапно превратился в огромный дуб².

Попросил мальчик у своей матери отпустить его в Индию на поклонение, и она охотно согласилась. Но не нашлось в доме припасов для дальнего странствия. Пошел мальчик к богатому соседу попросить рису и мисо.

— Для чего тебе?—спросил богач.

— Я иду на поклонение в Индию,—ответил мальчик.

— Дело доброе. А у меня тоже есть к тебе просьба. Дочь моя уже три года страдает тяжким недугом. Все средства испробовали, а лучше ей не становится. Помолись богам, может, они откроют тебе, как ее вылечить.

— Помолось непременно,—обещал мальчик. Взял он в долг у богача рису и мисо и отправился в дальнее странствие.

Шел он, шел до самого вечера. Тут увидел мальчик большой красивый дом и попросился на ночлег. Хозяин дома спрашивает:

— Куда путь держишь?

— Иду в Индию на поклонение.

— А-а, в пору ты пришел. У меня есть к тебе просьба. Растут у меня в саду деревья сандан, я продаю сандановые цветы. Но самое старое дерево засохло, за ним второе, а третье еще цветку не дает. Когда придешь в Индию, спроси богов, как оживить деревья.

Мальчик и эту просьбу обещал исполнить.

На другое утро хозяин дал ему еды в дорогу и говорит:

— Будет у тебя на пути большая река, нелегко через нее переправиться.

И в самом деле, скоро дошел мальчик до широкой-широкой реки, а моста нет. «Вот незадача! Как быть, что делать?»—призадумался мальчик. А по другому берегу бродит уродливая женщина. Лицо до того опухло, что не поймешь, где глаза, где нос.

— Эй, эй, где здесь можно реку вброд перейти?!—крикнул мальчик.

Тут—о диво!—женщина в мановение ока перенеслась к нему на берег. спрашивает:

— Ты куда идешь?

Рассказал ей мальчик все по порядку. А женщина поведала ему:

— Я жила на суше тысячу лет, в море тысячу лет, в реке тысячу лет. Хочу теперь взойти на небо, но отчего-то никак не могу. Вот и брожу здесь, от горя глаза и нос опухли. Будешь молиться в храме, проси богов, чтобы дозволили мне взойти на небо.

Мальчик обещал ей это, а она посадила его к себе на голову и мигом перенесла на другой берег. Вдалеке великолепный храм виднеется. Радостный, поспешил туда мальчик. В храме встречает его старик, тот самый бог горы, что дал ему повеление идти в Индию.

Спрашивает старик:

— Долго ли ты шел сюда?

— Всего один раз на ночлег останавливался.

— А по дороге никто тебя ни о чем не просил?

Для начала мальчик рассказал о больной дочери богача.

— Ну, этому горю легко помочь. Пусть отец ее соберет всех своих слуг, всех соседей. Кому девушка поднесет чашу с вином, тот и будет ей мужем и наследником всего богатства. Девушка сразу выздоровеет.

Потом мальчик рассказал о сандановых цветах.

— Оттого деревья засохли, что в былые времена предок семьи закопал под корнями деревьев два горшка с золотом, а потомки про то не ведают. Вот он и засушил деревья, чтоб догадаться. Пусть выкопают горшки, один тебе отдадут, другой себе оставят. И деревья сразу покроются цветами.

Под конец мальчик рассказал об уродливой женщине. Старик сказал в ответ:

— Как встретишь ее опять, скажи такие слова: «Ты из жадности прячешь у себя два драгоценных камня. Отдай один из них человеку и сможешь взойти на небо». А больше просьб не было?

— Не было,— ответил мальчик.

И вдруг старик исчез, а на его месте высится огромный дуб.

Пошел мальчик в обратный путь. На берегу уже поджидает уродливая женщина.

— Спросил ли ты обо мне?— говорит она.

Раньше перенеси меня на берег, тогда скажу,— ответил мальчик.

Мигом перенесла она его на другой берег.

— Есть у тебя два драгоценных камня. Ты их прячешь из жадности. Отдай мне один и сможешь взойти на небо.

Обрадовалась женщина, положила драгоценный камень мальчику на ладонь. Вдруг откуда-то издалека донесся оглушительный шум. Все кругом окутал густой туман. Испугался мальчик и бросился бежать. Не скоро он оглянулся назад. Видит: туман рассеялся, и высокий столб воды поднимается вверх, а на нем женщина летит к самому небу.

Мальчик спрятал драгоценный камень за пазуху и пошел дальше. Но не забыл зайти по дороге к хозяину того сада, где росли сандановые деревья. Рассказал ему, что слышал в Индии. Начал хозяин копать под деревьями и нашел два горшка с золотом. Один отдал мальчику. И сразу же на засохших деревьях зеленые почки появились.

Взял мальчик горшок с золотом и, счастливый, продолжал свой путь. Дошел он до родного селения и наведалься первым делом в дом к богачу. Услышал богач рассказ мальчика и, не медля ни минуты, созвал всех своих слуг, всех соседей, сколько было мужчин в деревне. Но девушка никому не поднесла чаши.

Богач сказал мальчику:

— Ведь и ты мужчина! Пойдем же,— и повел его к дочери. И она подала мальчику вино.

Тот стал было отказываться.

— Прими чашу, это воля богов,— сказал богач. Пришлось мальчику согласиться. Болезнь девушки сразу как рукой сняло, вскочила она на ноги и пошла весело плясать.

Сыграли свадьбу. Поселился молодой зять вместе с матерью в доме богача и весь свой век прожил счастливо.

41

Живая игла,
мертвая игла
и летучая
колесница

В старину жил богач. В доме у него заведен был такой обычай. Когда наступал первый день Нового года, слуги рассаживались возле очага в господских покоях, а хозяин сам своими руками еду им подавал и вино наливал.

Вот однажды слуги весело праздновали Новый год. Вдруг хозяин, наливая им полные чаши, говорит:

— А ведь в эту ночь сон вещим бывает¹. Хорошенько запомните, что кому привидится. Завтра мне расскажете. Я заплачу за каждый сон по серебряной монете.

На другое утро хозяин спросил:

— Ну, кто из вас хороший сон видел? Рассказывайте по очереди.

Сидевший на главном месте старший слуга замялся:

— Уж прости, господин, проспал я до самого утра как убитый. Никаких снов не видел.

Следом за ним и другой стал отнекиваться:

— Я только закрыл вечером глаза, а открыл, смотрю: на дворе уже утро. И не заметил я, как ночь прошла.

Все слуги один за другим стали уверять, что снов не видели. Но самый молодой слуга, юноша лет пятнадцати-шестнадцати, признался:

— А я видел чудесный сон.

— Вот как, в самом деле? Ну так продай мне его. Вот тебе серебряная монета.

— Нет, не могу я продать свой счастливый сон. Вдруг он тогда не сбудется!

— Так я дам тебе две монеты.

Но юноша только помогал головой.

— Хочешь три?

— И за три не продам.

— Какой ты несговорчивый! Бери четыре.

Хозяин, раззадорясь, все набавлял и набавлял цену. Но молодой слуга только головой качал. Наконец хозяин предложил двадцать золотых монет. Но и тут юноша не согласился.

В страшный гнев пришел хозяин. Посадил он юношу в челнок без паруса и весел и пустил плыть по воле волн в открытое море. Но все же дал ему с собой рисовых лепешек, чтоб не умер он голодной смертью.

Долго играли волны и ветер с челноком и принесли его к далекому острову. Вышел на берег молодой слуга и видит, что остров дик и безлюден, живут на нем одни обезьяны. Приметили они юношу и залопотали:

— Человек! Смотрите—человек! Хватай его, попробуем, каков-то он на вкус!

Кинулись обезьяны на юношу всей стаей. Испугался он и стал бросать в них рисовыми лепешками. Начали обезьяны лепешки подбирать, а он вскочил в челнок и оттолкнулся от берега.

Снова поплыл челнок, куда ветер его гонит и волны несут, и вскоре прибился к берегу другого острова.

Не успел молодой слуга ступить на землю, как из лесу с диким воем выбежала ватага чудищ. То были черти разных мастей—красные, синие, черные.

— Человек! Смотрите—человек! Давно нам такой лакомый кусочек на зуб не попадался!—заорали черти.

Что делать, как тут спастись! Стал молодой слуга кидать в чертей рисовыми лепешками, но черти на них и не взглянули. Схватили юношу когтями, вот-вот разорвут на части!

Но главный черт закричал:

— Погодите, ребята! Съесть его мы всегда успеем. Спросим наперед, каким ветром его к нам занесло. Эй, человечье отродье, по своей воле или нет приплыл ты к нам сюда?!

— Нет, не сам я приплыл, волны меня принесли. Посадил меня мой хозяин в челнок без паруса и весел за то, что не захотел я рассказать ему свой первый новогодний сон.

— Что же это за сон такой тебе приснился? Расскажи-ка нам поскорее.

— Ого, какие хитрые! Я не продал свой сон хозяину за двадцать золотых, а вы хотите даром его послушать. Не стану рассказывать, даже если вы разорвете меня на мелкие кусочки!

Стали красные, синие и черные черти между собой совещаться. Погалдели-погалдели и говорят юноше:

— Давай меняться! Ты нам поведай свой чудесный сон, а мы тебе дадим нашу чудесную колесницу.

Побежали черти со всех ног в глубь леса и прикатали великолепную колесницу.

— Вот она, смотри! Это летучая колесница! Если стукнуть по ней один раз железной палицей, она тысячу ри пролетит, стукнуть два раза, десять тысяч ри пролетит.

Поглядел молодой слуга на колесницу и сделал вид, что раздумывает:

— Гм-гм! Не прогадаю ли?

Снова черти залопотали, загомонили—сообщаются между собой. На этот раз принесли они две длинные иглы.

— Смотри, человек! Вот мертвая игла. Если уколоть мертвой иглой какого хочешь силача, ему сразу конец. А это—живая игла. Стоит живой иглой уколоть больного, он мигом станет здоров. Эти две иглы—бесценное сокровище: и смерть дают они, и жизнь.

— Скажите! Неужели?! Тогда я, пожалуй, расскажу вам свой новгородный сон. Ох, и чудеса мне привиделись! Но только раньше испробую я вашу колесницу, так ли она хороша, как вы говорите.

Взял молодой слуга обе иглы, стал на колесницу и стукнул по ней раз железной палицей. Взвилась колесница как птица и полетела. Черты подняли было ужасный крик, но колесница вмиг пропала в небе. Черты от горя стали слезы лить, крупные, как мельничные жернова.

Летела колесница через море, летела через горы и остановилась где-то посреди широких рисовых полей. Стукнул молодой слуга железной палицей два раза. Снова понеслась колесница под самыми облаками и спустилась на землю в каком-то селении. Течет посреди селения река, а на обоих ее берегах стоят друг против друга два богатых дома под черепичными крышами, а возле одного из них чайный домик примостился, как раз по эту сторону реки. Зашел в него юноша подкрепиться. Только вдруг слышит: в соседнем доме поднялась страшная суматоха. Люди мечутся, кричат, плачут.

— Что там случилось?—спросил молодой слуга хозяйку чайного домика.—Какая беда?

— Ах, и не спрашивай!—отвечает хозяйка.—Умирает у моего соседа-богача единственная дочь, и такая красавица! Отец с матерью от горя совсем обезумели. Сколько ни звали они врачей и знахарей, ни один не сумел ей помочь.

— Жаль мне их, несчастных! Поди, хозяйюшка, скажи соседям, что прибыл в наши края великий целитель всех недугов. Я вылечу больную.

Обрадовались отец с матерью, услышав такую весть, и скорее повели молодого слугу к постели больной. Лежит она, чуть дышит.

Уколол он девушку живой иглой. И в тот же миг смертельной болезни как не бывало! Вскочила девушка с постели здоровая и румяная.

Тут сменилось горе великой радостью. Хотел было юноша

уйти, но родители девушки не отпустили его. Повторяют: «Ты наш спаситель!» Не знают, как получше угостить. Званные пиры в его честь созывают, зрелища ему показывают, плясками забавляют. Наконец стали они умолять молодого слугу, чтоб женился он на их дочери. Полюбилась ему красавица-девушка, и взял он ее в жены.

Между тем в доме по ту сторону реки тоже заболела единственная дочь, да так тяжело, что родители всякую надежду потеряли. Плачут в голос. Пожалел их молодой слуга, пришел к ним и с помощью живой иглы сразу вылечил девушку. Вскочила она с постели такая веселая, будто никогда и больна не была.

Отец с матерью не знают, как своего спасителя и благодарить. Стали и они тоже устраивать в его честь игры и разные увеселения. Не хотелось им отпускать юношу из своего дома. Наконец, сдавшись на их уговоры, женился молодой слуга и на этой девушке тоже.

Сильно он призадумался: в каком доме ему жить? Посоветовались между собой обе семьи и построили золотой мост через реку. Стал юноша жить полмесяца в одном доме, полмесяца в другом.

По всей Японии пошла о нем слава как о великом целителе. Многих людей вылечил он живой иглой. А вот мертвая игла ему так и не пригодилась: врагов не было.

Как-то раз переходил юноша по золотому мосту с одного берега на другой. По правую его руку идет красавица-жена, а по левую руку — другая, столь же прекрасная. Под ногами золотой настил так и сверкает. Тут вспомнил юноша, что уже видел все это однажды — в своем новогоднем сне.

42

Огневой
Таро

В старину, в далекую старину жила одна девушка по имени о-Кику. Как-то раз гуляла она в поле позади своего дома и вдруг видит: в земле большая яма чернеет. Никогда такой ямы здесь не было. И откуда только она взялась?!

Наклонилась о-Кику над ямой и заглянула в глубину. Темно там и ничего не видно. Разобрало девушку любопытство. Спустилась она в яму и попала в подземное царство. Идет о-Кику по длинной-длинной дороге, а вдоль дороги растут прекрасные, не виданные на земле цветы. Много ли, мало ли она прошла, вдруг видит — стоят черные ворота.

Постучала о-Кику в ворота: дон-дон-дон! Вышел ей навстречу юноша, красивый собой, но бледный до синевы, в лице ни кропинки. Пригласил он ее зайти в дом.

— Зовут меня, — говорит, — Огневой Таро, а это царство огня. Отец мой был владыкой этого царства, но он умер, и с тех

пор черти не дают мне покоя. Терплю я жестокие муки, и кто меня от них освободит, не знаю.

Пожалела девушка Огневого Таро и осталась с ним. На другое утро собрался юноша уходить и наказывает ей:

— Не вздумай подсматривать, куда я иду. Жди меня здесь, в этой комнате. Никуда отсюда не выходи.

Отодвинул он дверь в сторону, снова за собой задвинул и ушел в глубь дома.

А в самых дальних покоях кто-то шумит, и галдит, и гремит железом. Не выдержала о-Кику, выглянула потихоньку. И что же она увидела? Страшные черти раздели юношу догола, растянули на железной решетке и подвесили над огромным очагом. Корчится юноша в пламени. Уж когда совсем почти жизни в нем не осталось, приказал старший черт:

— На сегодня довольно.

Бынули черти юношу из огня.

От ужаса девушка чуть разума не лишилась. Задвинула она потихоньку дверь и вернулась назад в комнату.

На другое утро юноша сказал ей:

— Нынче я опять проведу весь день в дальних покоях дома. Тебе, видно, тоскливо одной. Погуляй в саду, там есть чем полюбоваться. Вот тебе тринадцать ключей от тринадцати кладовых. Двенадцать кладовых можешь отпереть, а в тринадцатую не входи. Еще мой покойный отец запретил ее открывать. Я и сам никогда там не бывал. Слышишь? Не вздумай открыть тринадцатую дверь!—С этими словами Огневой Таро вручил девушке связку черных ключей, а сам опять ушел во внутренние покои.

С тоской в сердце вышла о-Кику во двор. Стоят во дворе рядышком тринадцать каменных кладовых. Захотелось девушке поглядеть, что в них спрятано. Отперла она ключом первую кладовую. А как увидела, что в ней, все на свете позабыла.

В первой кладовой праздновали Новый год. Множество маленьких человечков в парадных накидках с гербами украшали новогодние сосны¹, а крошечные девочки в праздничных нарядах подбрасывали мячики с перьями². Весело там было и шумно.

Во второй кладовой стоял февраль. Цвели, благоухая, сливы. Крошечные мальчики пускали по ветру воздушных змеев³.

А что же было в третьей кладовой? Там справляли праздник цветения персиков⁴. Девочки ростом с пальчик, нарядные и веселые, любовались великолепно разряженными куколками величиной с горошину.

В четвертой кладовой светило апрельское солнце. Седобородые карлики, ведя за руку своих внуков, чинно шли в храм по случаю рождения Будды⁵.

А в пятой кладовой? О-Кику не терпелось заглянуть в пятую кладовую! Там стоял теплый май. В синем небе плавали, как живые, пестрые карпы⁶, а крошечные мальчики, весело распе-

вая, устлала кровли домов цветущими ирисами⁷. В парадных покоех красовались куклы-воины⁸ с ноготок величиной.

В шестой кладовой солнце сияло жарче. На берегу прозрачной реки заботливые хозяйшкы-карлицы усердно стирали белье. А за рекой виднелись рисовые поля. Крестьяне и крестьянки, такие маленькие, что можно было каждого посадить на ладонь, пели песни, высаживая рядами зеленые ростки риса⁹.

О-Кикю отперла дверь седьмой кладовой и увидела ясное звездное небо. То был вечер «Встречи двух звезд»¹⁰. Дети карликов привязывали к листьям бамбука тоненькие полоски разноцветной бумаги с надписью «Небесная река» и много других украшений.

Наглядевшись вдоволь, о-Кикю отперла дверь восьмой кладовой. Там была ночь осеннего полнолуния¹¹. Крошечные дети любовались светлой луной, а перед ними на столиках лежали пестрыми горками яблоки и груши не крупнее лесной земляники. Луна, похожая на большой круглый поднос, пристально смотрела с неба на рисовые колобки.

О-Кикю заглянула в девятую кладовую. Там все было красное и золотое. Карлики, опираясь на посохи, неторопливо гуляли по горам. То подымались они по крутому склону, то спускались в глубокую долину, любуясь осенними кленами.

Пришла очередь десятой кладовой. Там стоял октябрь. Карлики, взобравшись на деревья, трясли изо всей силы ветви, и на землю градом сыпались спелые каштаны. Весело было смотреть, как дети собирают их в корзины.

О-Кикю открыла одиннадцатую кладовую. Навстречу ей потянуло холодным ветром. Вся земля была покрыта мелкой россыпью первого инея. Под каждой застрехой висели сушеная хурма и редька. Крошечные крестьяне молотили рис, радуясь богатому урожаю¹².

В двенадцатой кладовой было царство снега. Куда ни взглянешь — глубокие сугробы. Дети веселятся, играют в снежки, лепят снежных человечков...

Вот и еще одна кладовая. Но Огневой Таро строго-настрого запретил отпирать тринадцатую дверь. Держит о-Кикю черный ключ в руке... И не велено входить, а хочется. Думает девушка: открыть или не открыть, а сама шаг за шагом, шаг за шагом все ближе к двери, словно тянет ее что-то...

Вложила девушка ключ в замочную скважину, пробует повернуть, но заржавел замок, не поддается. С трудом отперла она дверь и вошла в кладовую. Эта кладовая не похожа была на все остальные. Не было в ней ни карликов, ни праздничных зрелищ. Попала о-Кикю в богато убранный покой. Оглянувшись она вокруг и видит: на полочке в парадной нише стоит шкатулка, покрытая черным лаком. Захотелось о-Кикю посмотреть, что в ней спрятано. Приоткрыла девушка крышку и заглянула. Лежат в шкатулке два красных шара. Слово из стекла они сделаны, да

только мягкие. Что бы это могло быть? Сунула о-Кику шкатулку за пазуху и выбежала из кладовой.

Солнце уже высоко поднялось. Захотелось девушке пить. Видит она: в саду бежит ручеек. Наклонилась о-Кику над ручьем, пригоршню воды зачерпнула. В чистой воде, как в зеркале, были видны прибрежные деревья, а на одном из них что-то пестрое шевелилось. Подняла девушка голову: огромная змея обвилась вокруг ветки сосны и смотрит на нее, сверкая глазами!

Не помня себя от страха, перепрыгнула о-Кику через ручей и бросилась бежать. И в тот же самый миг приоткрылась у нее за пазухой шкатулка, выкатился оттуда один шар и упал в ручей. Но девушка с перепугу ничего не заметила.

Вбежала она в дом, а навстречу ей идет Огневой Таро. Рассказала она ему, какие чудеса видела в двенадцати кладовых, а про тринадцатую — ни слова. Слушает ее юноша и улыбается.

Вдруг послышался топот и гам. Высыпала из глубины дома ватага чертей. Затряслась от страха о-Кику, а черти низко ей поклонились и говорят:

— Добрый вечер! Благодаря вам нашли мы один глаз нашего главного военачальника. Змея все нам рассказала. Наш военачальник повелел, чтобы вы оба предстали перед ним.

Повели черти юношу с девушкой к своему главарю. А у того лишь один-единственный глаз сверкает во лбу красным огнем, вместо другого — пустая глазница.

— Великое вам спасибо! — склонил главный черт свои рога перед ними. — Тому уж несколько десятков лет, как покойный отец твой, юноша, разгневался на меня за одно недоброе дело и лишил меня обоих глаз. С тех пор я долгие годы ходил слепым. В отместку за это я и мучил тебя немилосердно. Но сегодня у меня большая радость: один глаз нашелся. Отдайте же мне и второй. Я больше ничем вас не потревожу. Если будут у меня оба глаза, мне и сокровищ никаких не надо. Все вам подарю, только верните мне второй глаз!

Слушает Огневой Таро и ничего не понимает. Спросил он у девушки:

— Ты от меня ничего не скрыла?

— Да, правду сказать, я нарушила твой запрет, отперла тринадцатую кладовую. А в ней стояла шкатулка с двумя красными шарами... Не знала я, что это глаза черта. Положила я шкатулку себе за пазуху, да увидела змею возле ручья и, сама не знаю как, уронила один шар в воду.

Обрадовался военачальник чертей:

— Вот, вот, этот самый глаз! Отдай же мне другой, прошу тебя!

Вынула девушка из-за пазухи шкатулку и отдала черту второй красный шар, а черт сейчас же вставил его себе в пустую глазницу. Засверкали оба его глаза, словно два огня.

На радостях одарил он о-Кику и Огневого Таро несметными сокровищами.

Пожились юноша с девушкой. Весело им жилось: ведь они каждый день могли любоваться всеми временами года.

**Бобовое
дерево**

43

Давным-давно жили, не ведаю где, старик со старухой. Утром спозаранок начали они подметать дворик. Дедушка подметал с одной стороны, бабушка—с другой, а когда встретились, видят—катится как раз между ними что-то большое-большое, с голову величиной. Смотрят—а это бобовое зерно неслыханной, невиданной величины! Подняли его дедушка с бабушкой, ахают, соседей зовут. Сбежалась тут вся деревня поглазеть на диковинку.

Старик решил: этот боб посадить надо. Старуха заспорила: «Нет, надо его съесть». Но только старуха отлучилась в храм помолиться, как дед поступил по-своему, потихоньку посадил боб в углу огорода. Прошло немного дней, и показался большой белый росток. Начал он быстро-быстро расти, вытянулся к небу, разветвился, и вот уже зеленые листья раскрываются. Выросло бобовое дерево высокое-высокое, выше клена в саду! Ветви поднялись над облаками—и не разглядеть.

Настало лето, и дерево зацвело белыми цветами. Столько их, что листья в них потонули. А осенью созрели бобовые стручки. Налетит ветер, они качаются и громко шуршат—слышно за пять, за десять ри.

Однажды старуха решила:

— Дед, завтра надо стручки собирать.

Призадумался дед:

— Трудное дело. Самая длинная лестница до нижних ветвей не достанет.

Бабушка тоже встревожилась:

— Дедушка, смотри не ушибись!

Наутро старик встал раным-рано. Взял он самую длинную лестницу в доме, а к ней привязал другую, покороче, и полез вверх обирать бобовые стручки. Срывает их и бросает вниз, а старуха расстелила на солнцепеке циновку, раскладывает стручки рядком и сушит. Дед, собирая стручки, лезет все выше и выше. Поглядел вниз—старуха стала ростом с муравья. Наконец взмошел старик на облака. Поглядел: черти-громовики¹ заснули на солнцепеке и храпят вовсю. Перепугался старик и хотел было убежать, но тут один громовик, как на грех, проснулся:

— О-о, дедушка, кстати пожаловал. Уснул бог ветра, а мне трудно одному без помощника. Твари нижнего мира страдают от засухи.

Попал дедушка в плен к громовику, но одно утешение: будет пособлять в добром деле. Подумал старик: «Уже давно стоит немилосердная засуха, для крестьян сушая беда» — и кивнул головой: мол, согласен.

Дал ему громовик полное ведро и маленькую метелочку из перьев.

— Ну, дедушка, я буду бить в барабан, а ты метелкой воду разбрызгивай. На землю ливень прольется. То-то крестьяне возрадуются! Ведь сколько времени не было дождя. Это легкая работа, справишься.

Громовик легонько постучал по барабану, но дедушка чуть не оглох! Закрыв он уши руками, постоял так немного и взял ведро. Тем временем уши у него понемногу привыкли к грохоту. Громовик бьет в барабан, а дедушка водою брызжет. Полился на землю сильный ливень.

«Где-то моя старуха?» — подумал дед и стал заглядывать в просветы между облаками. Бабушка быстро-быстро свернула циновку, на которой бобы сушились, и понесла ее домой. Поглядел дед на свой огород на задворках дома. От засухи земля потрескалась, листья бататов покраснели. «До чего земля пересохла!» — встревожился дед и, забыв наставления громовика, сразу выплеснул полведра.

На землю водопадом обрушился страшный ливень. Все унесло водой: и деревья и дома. Там, где стоял дом старика, больше всего воды скопилось.

— А-а, наш дом плывет! Большое дерево плывет. Снесло оно крышу нашего дома. Вон-вон старуха моя за него уцепилась! Помогите, люди, спасите мою старуху! — завопил дед не своим голосом.

Старуха, сушившая бобы во дворе, прибежала бегом и — разбудила старика. Дед зевнул спросонья, а все еще не опомнится, от страха дрожь его пробирает.

44

Неведомая
красавица

В старину, в далекую старину жил один молодой крестьянин, самый последний бедняк на всем острове. Лачужка тесная, поле возле дома с лоскуток. Сегодня поел, а завтра, может, с голоду помирать.

Однажды вскапывал он землю, чтобы посадить бататы. Вдруг, откуда ни возьмись, перед ним красавица. То ли с неба слетела, то ли из-под земли выпорхнула. Опешил юноша от неожиданности, а красавица опустилась на колени с низким поклоном и стала просить:

— Сделай милость, возьми меня в жены!

— Что ты, я и одного себя едва могу прокормить. Такую красавицу любой богач возьмет с радостью в жены. Зачем же ты хочешь идти замуж за последнего бедняка? Полно, опомнись!

Но женщина заупрямилась:

— В целом мире мне не нужен никто, кроме тебя.

Вконец смутился юноша. Побрел к себе домой, а красавица идет за ним следом. Поглядела—в лачужке грязно—и давай подметать и прибирать!

— Нет у меня ни зернышка риса,—печально сказал юноша.

Красавица ему в ответ:

— Подожди, мигом принесу.

Пошла на поле, посеяла семена. Не успели зеленые ростки показаться, как, смотришь, уже заколосились и на глазах зерном наливаются. Часа не минуло—жена белый рис в котле на обед варит.

А потом стала она вскапывать пустоши. Только посеет зерно—уже пора собирать урожай. Все у нее разом поспевало.

Видит—на муже убогие отрепья. Красавица в один час выкормила тутовых червей, нити выпряла, узоры выткала, и вот уже готовы для мужа нарядные одежды. Вместо хижины построила большой дом, поставила много кладовых. Стал бедняк таким богачом, каких в деревне по пальцам одной руки пересчитаешь.

Каждое утро муж по-прежнему ходил в поле работать. Но теперь одно у него на уме: как бы скорей домой воротиться.

Как-то раз жена спросила:

— Ты раньше, говорят, трудился от зари до зари. Почему же теперь сразу домой торопишься?

— Ах, если я не вижу тебя, у меня работа из рук валится!

— Ну, этому легко помочь,—говорит жена.—Вот возьми с собой,—и подала мужу свиток с картиной. На картине красавица изображена как живая.

Муж поставил столб в поле, повесил картину и с той поры стал вновь усердно трудиться. Подойдет к портрету, полюбуется и вновь за работу. Но однажды налетел сильный вихрь и унес картину. Побежал муж домой рассказать о своей невзгоде, а жена в утешение дала ему новый портрет.

Тем временем кружилась, кружилась в небе картина и упала на веранду княжеского дворца. Увидел князь портрет красавицы, не может глаз отвести. Спросил он своих кэраев:

— Неужели есть на свете женщина такой красоты?

— Ведь это картина,—ответили кэраи.—А на самом деле таких красавиц не бывает.

Вдруг один из кэраев выступил вперед и стал пристально рассматривать портрет:

— Князь, эта женщина и вправду живет на свете. Далеко искать не надо, дом ее всего в двух ри отсюда. Никто не знает, кто она. Пришла в деревню и сама напросилась в жены к последнему бедняку. Хоромы для него построила. Теперь он в числе первых богачей. Если вашей милости она приглянулась, повелите мужу привести ее к вам.

Задумался князь:

— Дело говоришь! Объявите мужу мой приказ: «Явись ко мне с двумя борцами сумо. Я со своей стороны тоже выставлю двоих. Если мои борцы будут побеждены, получишь в награду пятьсот рё. Но если они осият твоих, приведешь ко мне свою жену».

Услышав это, муж стал в отчаянии проливать слезы. Трудную задачу придумал князь.

— Не тревожься,— говорит жена.— Я найду хороших борцов.

Ушла куда-то и в скором времени привела двух старцев. Одному семьдесят лет, другому восемьдесят.

— Разве такие одолеют в борьбе! Настал, видно, день нашей разлуки, печальной разлуки!

— Не горюй!— утешает жена.— Смело веди их с собой.

Привел муж стариков в княжеский дворец. Там уже наготове два борца. Каждый в объёме словно огромная бочка. Кругом толпой стоят кэраи. Начали они хохотать и потешаться над стариками.

Первым со стороны князя вышел борец— громадина, страшилище— и затопал ногами. Против него выступил хилый старичок семидесяти лет. Схватил он борца-великана, поднял над головой, да как бросит! Вбил в землю на глубину одного сяку.

Следом вышел на поединок еще более древний старик и вбил своего противника в землю на глубину двух сяку. Пришлось князю согласно уговору отдать мужу красавицы пятьсот золотых.

Вернулся он, радостный, домой. Старикам дал в знак благодарности каждому по сотне рё и отпустил их восвояси.

Но красавица неожиданно сказала:

— Труд мой завершен. Дозволь мне покинуть тебя.

— Что ты! Что ты!— испугался муж.— Расстаться с тобой? Да я лучше умру!— сетовал он, крепко сжимая руку жены.

— Негоже так говорить. Ты не отпускаешь моей руки, хорошо, оставляю ее тебе.— Обломила она свою руку и ушла неведомо куда.

Всю ночь юноша в тоске глаз не смыкал, лишь под утро его сморил сон. Проснулся он поздно и сидит, унылый, в опустевшем доме. А неподалеку от дома стоял храм. Паломники, ходившие на поклонение, переговариваются между собой:

— Бывают же чудеса! На шее у двух богов висят кошель, в каждом по сотне рё. А богиня, что стоит между ними, лишилась одной руки. Как это могло случиться?

Юноша так и подскочил на месте от удивления:

— Значит, не простая женщина она была, а богиня. Я совершил святотатство!

Схватил он руку, оставленную ему женой, и побежал в храм. Смотрит: в самом деле у богини только одна рука!

— Не ведал я, что ты божество. Прости меня. Нет мне

оправдания! — начал он благоговейно молиться. Поднял голову, смотрит — у богини снова обе руки в целости, как прежде.

Был этот юноша честен и трудолюбив, потому и пришла богиня к нему на помощь.

**Портрет
красавицы**

45

Много лет тому назад жил в деревне человек недалекого ума по имени Гомбэй. Исполнилось ему тридцать лет, перевалило за сорок, а он все еще в холостых ходил. Девушки только подсмеивались над его простотой.

Вдруг однажды под вечер пришла в его кривую лачужку незнакомая красавица и просит:

— Будь милостив, приюти меня под твоей крышей хоть на одну ночь!

Изумился Гомбэй, но охотно принял гостью. Сели они ужинать, а как поужинали, девушка просит снова:

— Вижу я, живешь ты один. И я одинока. Возьми меня в жены.

Обомлел от счастья Гомбэй. С той самой поры он так полюбил свою молодую жену, что никакая работа у него больше не ладилась. Начнет плести соломенные сандалии, а сам с жены глаз не сводит. Плетет-плетет и не заметит, что вышли они у него величиной с корыто, обувь нельзя. Станет мастерить соломенный плащ, а сам все на жену глядит. И выйдет у него плащ, как на великана, — надеть нельзя. Пойдет Гомбэй работать в поле — и тут у него работа не спорится. Ударит мотыгой раз, ударит другой — и бежит поглядеть на жену. Вскопает одну борозду — и скорей домой: «Жена, где ты?» Наглядится на нее вдосталь и снова берется за мотыгу.

Увидела красавица, что не идет у Гомбэя дело. Отправилась она в город и заказала художнику свой портрет.

— Смотри, как похоже, — сказала она мужу. — Повесь этот портрет возле поля на ветке шелковичного дерева и любуйся сколько душе угодно.

Перестал Гомбэй то и дело прибегать с поля домой. Взглянет на портрет, а лик жены улыбается на нем как живой. Налюбуется Гомбэй — и снова за мотыгу. Так до вечера и трудится.

Но вот однажды налетел сильный ветер, сорвал портрет с ветки и унес в самые небеса. Плача, воротился Гомбэй домой и рассказал жене о своем горе.

Жена стала его утешать:

— Не печалься! Я велю художнику сделать другой портрет, еще лучше прежнего.

Долго портрет кружился в небе, как сухой листок, и наконец упал на землю в саду князя. Увидел князь красавицу на портрете и захотел во что бы то ни стало добыть ее себе в жены.

— Есть, значит, на свете такая красавица, раз с нее портрет нарисован!—И приказал своим кэраям:—Разыщите ее непременно! И приведите ко мне во дворец волей или неволей.

Стали княжеские кэраи рыскать по соседним деревням и всем встречным портрет показывать:

— Не видели ли вы такой женщины?

В одной деревне говорят: «Не видели», в другой отвечают: «Не знаем».

Наконец дошли кэраи до того селения, где жил Гомбэй. Посмотрели на портрет крестьяне и сразу признали:

— А-а, да ведь это хозяйюшка Гомбэй-дона! Она самая!

Пошли кэраи к нему в лачужку. Смотрят—а там красавица, точь-в-точь такая, как на портрете.

— По княжескому повелению мы должны отвести во дворец эту женщину,—говорят кэраи.

Начал их молить Гомбэй:

— Сжальтесь! Помилосердствуйте!

Но они и слушать его не стали. Потасили жену из дома силой. Гомбэй так плакал, что слезы у него ручьями текли. Жена его тоже плакала, но, покидая дом, успела шепнуть мужу:

— Не отчаивайся! Как только наступит канун Нового года, приходи под вечер к княжескому замку продавать ветки новогодних сосен¹. Я найду случай с тобой повидаться.

Остался Гомбэй снова один и начал дни считать: скоро ли старый год к концу придет?

Наконец наступил долгожданный канун Нового года. Взвалил Гомбэй себе на спину столько сосновых веток, сколько мог унести, и направился к замку. Стал он прохаживаться перед замком, громко выкрикивая:

— Новогодние сосны! Новогодние со-осны!

А жена Гомбэя, с тех пор как попала во дворец, ни разу не улыбнулась. Уж и так старался князь развеселить ее, и этак—ничто не помогало! Напрасно старались шуты, плясуны и музыканты. А тут, как услышала красавица голос Гомбэя, так и просияла радостной улыбкой.

Несказанно обрадовался князь.

— Ну, если тебе так нравятся торговцы соснами,—воскликнул он,—я сам буду сосны продавать!

Вышел князь за ворота и надел на себя жалкие лохмотья Гомбэя, а Гомбэй облачился в княжеский наряд. Случилось так, что лицом он был похож на князя, как родной брат.

— Ходит князь вокруг замка да кричит:

— Новогодние со-осны! Новогодние со-осны!

А красавица велела слугам:

— Впустите в ворота вашего господина и закройте их накрепко. Никому больше не открывайте!

Вошел Гомбэй в ворота дворца, а навстречу ему жена бежит! Счастье их никакими словами не описать.

Ходил князь, ходил, кричал-кричал, пока не надоело. Вернулся он к воротам. Глядит: железные ворота наглухо заперты. Начал он стучать изо всех сил:

— Эй, разини, не видите, что ли? Ваш князь за воротами стоит!

Отвечают ему стражники:

— Проваливай отсюда, полоумный бродяга, пока голову тебе не снесли. Наш князь там, где ему быть надлежит, у себя в покоях.

Как ни уверял князь, как ни спорил—никто ему не поверил. Так и не впустили в замок. Пришлось князю всю жизнь по большим дорогам скитаться.

Гомбэй остался со своей красавицей-женой в княжеском замке, и всю жизнь прожили они дружно и счастливо.

46

Соловьиное
селение

В старину жил молодой лесоруб. Как-то раз пошел он далеко в горы. Смотрит—посреди рощи на лугу стоит великолепный дом. Нередко случалось ему рубить в тех местах деревья, но и сам он этого дома не примечал, и другие ничего о нем не рассказывали. Подивился лесоруб, подошел поближе. Такие большие, просторные хоромы, а людей не видать и не слышать! Только стелется широко, словно весенняя дымка, прекрасный сад, и цветет в нем множество разных цветов, поет множество разных птиц.

Зашел лесоруб в дом. Вдруг выходит к нему пригожая женщина и спрашивает:

— Зачем пожаловал?

— Нынче день хороший. Бродил я, бродил по лесу и ненароком зашел сюда.

Женщина зорко посмотрела ему в лицо. Видит, он человек честный.

— Ты пришел в добрый час. Хочу тебя попросить...

— О чем же?

— Окажи мне небольшую услугу. Погода стоит ясная, вот и надумала я побывать в городе. Не посторожишь ли дом, пока я не вернусь?

— Отчего же, дело простое,—с охотой согласился лесоруб.

— Но только смотри, ни в одну комнату не заходи. Обещай мне крепко-накрепко, что никуда заглядывать не будешь.

— Не загляну, вот тебе мое слово.

Женщина ушла, успокоенная. Лесоруб остался один. Со скуки поневоле стало его разбирать любопытство: почему хозяйка дома не велела заглядывать в комнаты? Что там такое? Не выдержал он, потихоньку раздвинул дверь и заглянул в

соседнюю комнату. А там три хорошенькие девушки заняты уборкой. Только увидели лесоруба, как сразу скрылись. Словно птицы упорхнули.

Станным это показалось лесорубу. Вошел он во вторую комнату. Там над бронзовой жаровней чайник шумит, словно ветер в соснах. Кругом стоят золоченые ширмы с китайскими картинами, а ни души нет. В третьей комнате богатое воинское убранство: лук со стрелами и доспехи. В четвертой—вороной конь копытами землю роет. Седло раззолоченное, узорные поводья. Тряхнет гривой—словно ветви криптомерий на вершине горы по ветру разметались!

Вошел лесоруб в пятую комнату. Стоит там серебряное ведро с золотым черпачком. Вверху подвешено золотое ведро, и бегут из него, падают капли сакэ. Ударил крепкий запах лесорубу в голову. Взял он черпачок, наполнил и осушил до дна. На душе стало весело.

Идет лесоруб дальше. Еще одни покои миновал. Седьмая комната, широкая, зеленая, вся напоена ароматом цветов. Посреди комнаты—птичье гнездышко, а в нем три маленьких яичка. Взял лесоруб одно из них, сам не зная зачем, и уронил. Руки у него, хмельного, плохо слушались. Тут выпорхнула из скорлупки крохотная птица, запела «хохохокэкэ» и скрылась неведомо где. То же случилось и со вторым яичком, и с третьим. Из каждого вылетит птица: запоет «хохохокэкэ»—и скроется вдаль. Замер от удивления лесоруб.

Тут воротилась хозяйка дома. Поглядела она на лесоруба с горькой укоризной и залилась слезами:

— Кто на свете вероломней человека? Ты нарушил свое обещание и погубил трех моих дочерей. Дочки мои милые, хохохокэкэ!

Превратилась женщина в птицу-соловья и с жалобным пением улетела.

Провожает ее глазами лесоруб, отложив свой топор в сторону... Зевнул он—и очнулся от сна. Куда что делось! Исчез великолепный дом, только высокие травы шелестят на лугу.

47

Собака,
кошка
и кольцо

Жили-были три морехода. Однажды приплыли они на корабле к дальнему городу. Владелец корабля подарил тридцать сэн самому бедному из мореходов:

— Купи, что ли, сластей в подарок детям на нашем острове.

Пошел бедный мореход по городу и увидел: связали мальчишки змею веревкой и нещадно мучают. Он выкупил у них змею за десять сэн и отпустил ее на свободу.

Вот прошел он еще немного и видит: дети мучают собаку.

Выкупил бедняк и собаку за десять сэн. Только свернул за угол, а там мальчишки хотят кошку утопить. Отдал он им десять сэн и спас кошку.

Так роздал бедный мореход все свои деньги до последнего гроша и вернулся на морской берег. Корабль был уже нагружен товаром и ждал его. Сел он на корабль и поплыл к своему родному острову Косикидзима.

Вдруг посреди открытого моря корабль остановился неизвестно почему. Ветер надувает паруса, а корабль стоит. Посмотрели на корму и видят: ухватилась за руль большая акула.

Приказал тогда владелец корабля:

— Эй, пусть каждый из вас по очереди бросит в море полотенце! Если акула отпустит корабль, значит, приняла дар. Чье полотенце, тому и бросаться в море.

Бросил один мореход полотенце, за ним второй, настала очередь третьего, самого бедного из мореходов. Упало его полотенце в волны—и акула сразу разжала челюсти. Корабль побежал вперед быстрее птицы.

Что поделаешь: бросился бедняк в пучину!

Вдруг акула заговорила человеческим голосом:

— Не бойся, я не проглочу тебя! Я ведь дочь Повелителя моря—дракона. Ты спас меня, когда я была в облике змеи. Я выплыла тебе навстречу, чтобы отблагодарить тебя.

Сел бедный мореход на спину акулы и поплыл во дворец Рюгу. По дороге акула посоветовала ему:

— Когда предстанешь ты пред очами моего отца, проси себе в награду кольцо. Хранится оно в ларце из дерева павлонии.

Угостил дракон бедного морехода на славу в своем подводном дворце и подарил ему кольцо. Акула снова посадила его на спину и отвезла к родному берегу.

Не прошло и трех лет, как бедный мореход стал первейшим местным богачом, настроил множество кладовых и наполнил их сокровищами. Чудесное кольцо исполняло все его желания.

Узнал об этом один лошадиный барышник из города Осака и приехал на остров Косикидзима, чтобы похитить кольцо.

— Я—великий богач в Осака, а ты—великий богач на этом острове. Хочу повидаться с тобой,—попросил хитрец.

Мореход устроил пир в честь гостя. Лошадиный барышник говорит:

— Есть у меня диковинные сокровища, а у тебя? Покажи мне.

Мореход показал ему кольцо, да зазевался по оплошности, и лошадиный барышник подменил чудесное кольцо простым. Недолго мореход побывал в богачах. Начал он беднеть и под конец так обнищал, что не мог и головы поднять перед людьми.

А собака услышала, в какую беду попал ее спаситель, и поспешила на помощь. Следом за ней и кошка.

— Если вы вернете мне чудесное кольцо, буду подавать вам

яства на высоком столике. Уж вы постарайтесь,—слезно стал просить мореход.

Собака с кошкой поскорей отправились в город Осака. Забрались в дом к лошадиному барышнику и видят: кольцо спрятано на дне кувшина. Как добыть его оттуда?

Кошка изловила жившую в том доме мышь по имени Тё. Мышь взмолилась:

— Госпожа кошка Микэ, госпожа кошка Микэ! Пощади меня, оставь в живых!

— Исполнишь мое приказание—так и быть, оставлю в живых! На дне этого кувшина лежит кольцо моего хозяина, достань-ка его поживей!

Мышка Тё живехонько проскребла дырку в кувшине и достала кольцо. Но, на беду, собака с кошкой затеяли спор, кому из них нести кольцо. Собака победила в споре и понесла кольцо в зубах. А по дороге надо было перебираться через реку шириной в целых восемь ри. Доплыла собака до середины реки, и стал ее мучить голод. Тут как раз рыба с плеском выскочила из воды. Собака захотела ее поймать—и упустила кольцо. Упало оно на дно реки.

Кошка еще была на берегу. Увидела она: выползает краб из воды—и лапой прижала его панцирь к земле.

— Пощади меня!—просит краб.—Я—предводитель всех крабов.

— А можешь ты сыскать кольцо на дне реки?

— Тотчас же созову мое войско и велю найти.

Собрал краб своих воинов, и один из них принес в клешнях потерянное кольцо. Но собака схватила кольцо, первой прибежала к хозяину и давай хвалиться: это она-де совершила подвиг! Следом явилась кошка и рассказала, как все было на самом деле. Хозяин решил:

— Вижу я, высокий столик—честь не про вас. Но ты, кошка, будешь есть в доме, а ты, собака, во дворе.

С тех пор так и пошло. Кошку кормят в доме, а собаку во дворе, и дружба у них врозь.

48

Зять-
обезьяна

Жил где-то один старик. Однажды он отправился выкапывать корни лопушника. Но крепко сидят эти корни в земле, так и не смог он добыть ни одного.

Стал старик думать, как теперь быть, что делать. Вдруг прибежала обезьяна и говорит:

— Дедушка, дедушка, хочешь, я помогу тебе?

— Что ж, помоги, а я тебе в награду за труды отдам в жены одну из моих дочерей.

— Вправду отдашь? — обрадовалась обезьяна. — Так помни, я через три дня приду за своей невестой!

Старик-то думал про себя: «Глупости какие! Чтобы обезьяна взяла в жены девушку? Такого быть не может!»

— Ладно, ладно! — сказал он обезьяне.

Смотрит — обезьяна в самом деле взялась за работу, повывд-рала из земли груды корневищ. Тут старик встревожился. Смотри ты, как ловко! А вдруг и в самом деле явится за обещанной невестой?

Много времени не прошло, обезьяна собрала весь лопушник до единого, сколько его было на поле, а потом и говорит:

— Дедушка, я и взаправду приду за своей невестой. — И убежала.

«Ох, и в самом деле придет! — подумал старик. — Но как отдать родную дочь в жены обезьяне? Что же мне делать? Три у меня дочери, которую же отдать? Посоветуюсь-ка с дочками».

Огорченный, побрел он домой.

— Вот что случилось сегодня, — стал он рассказывать дочерям. — Через три дня явится сюда эта наглая обезьяна — просить одну из вас в жены. согласишься ли ты? — спросил он старшую дочку.

Но куда там!

— Нашел дуру идти замуж за обезьяну, — наотрез отказалась старшая дочь.

Тогда старик спросил среднюю дочку.

— Ну не глуп ли ты, отец? Ни одна девушка, если она в своем уме, не согласится. Не пойду и я тоже. Кому надо! — сердито ответила средняя дочь.

Подумал старик, что и младшая откажется, но спросить ее все же надо, раз обещал.

— Доченька, доченька! Твои сестры отказались идти замуж за обезьяну. А ты что скажешь? Может, согласишься?

Подумала-подумала младшая дочка и ответила:

— Что ж, отец, если ты обещал, я пойду в жены к обезьяне.

Обрадовался старик:

— Верно ли ты говоришь?

— Я послушна родительской воле. Но дай мне с собой три вещи, — попросила девушка.

— А что это за вещи? Скажи мне, ни в чем отказа не будет.

— Дай мне большую тяжелую ступку, тяжелый крепкий пест и в придачу один то риса.

— Как, только и всего? Это нетрудно, — согласился отец и сразу же принес дочери все, что она пожелала.

Через три дня явилась обезьяна за своей невестой. Младшая дочь и говорит:

— Почтенный мой жених-обезьяна, я пойду за тебя замуж. Но исполни мою просьбу. В горах мы натолчем риса и сделаем моти. Ты должен нести ступку, пест и мешок с рисом.

Поглядела обезьяна: ох, тяжело! Но раз невеста велит, как отказаться? Взвалила обезьяна тяжелую ношу себе на спину и начала карабкаться вверх по склону горы.

А как раз была пора четвертой луны¹. По обе стороны дороги вишневые деревья стояли в полном цвету. А дальше открылась перед путниками глубокая долина, и бежит там горный поток. Склонились над стремниной цветущие ветви.

Стала невеста просить:

— Посмотри, как прекрасны вишневые цветы! Сорви для меня ветку, прошу тебя.

Захотела обезьяна исполнить желание невесты:

— Хорошо, мигом сорву!—и полезла на дерево. Сорвала нижнюю ветку.

Девушка, стоя под деревом, крикнула:

— Теперь сорви для меня ветку, что растет повыше.

Лезет обезьяна вверх, а невеста все просит сорвать то одну, то другую ветку.

Вот осталась самая верхняя тонкая ветвь. На спине у обезьяны тяжелая ноша, ветка и подломилась. И полетела обезьяна вниз, в горный поток! Тяжелая ступка потянула ее на самое дно.

Утопая, сложила она предсмертное стихотворение:

*Погибнуть не страшусь.
Я—только обезьяна,
Но жизни мне не жаль.
Одно меня печалит:
Мне жаль моей невесты².*

А девушка, радостная, вернулась домой.

49

Магобэй —
Чуткий Нос

Давным-давно в самом глухом углу Сацумского края¹ жил вместе со своей матерью бедный крестьянин по имени Магобэй. Хижина у него была ветхая, достатка мало. Единственный теплый футон на двоих.

Магобэй был любящим сыном. Он укрывал футоном старую мать, а сам на ночь зарывался в солому.

«Во всем мне неудача, только огорчаю свою матушку. Вот бы мне раздобыть денег матери на радость!»—думал он. И однажды додумался. Говорит своей матери:

— Матушка, слушай внимательно, что я тебе скажу. Уйду я отсюда в город на заработки, а ты, как пройдет тридцать дней, сожги наш домик.

— Не болтай глупостей! Где же я жить буду?

— А я построю для тебя маленькую хижину. Тесновато в ней будет, но потерпи немного. Вернусь я и поставлю большой

дом с черепичной крышей. А пока ты крепишь, никому ни пол-слова.

Сел Магобэй на корабль и отплыл в город Осака. А там пошел наниматься в самую богатую лавку, где вели оптовую торговлю. Просит купца:

— Примите меня на службу.

Нанял его купец истопником. Однажды купается хозяин в чане и видит: Магобэй вдруг стал поводить носом и шумно принюхиваться.

— Ты чего это, Магобэй? Почудился тебе какой-то запах?

— О, хозяин, беда, большая беда! Мой домишко в Сацума сгорел дотла!

— Не говори пустого! Разве сюда долетит запах пожара в далеком краю Сацума? Ведь оттуда до нашего Осака несколько сотен ри. Ну и чудак же ты! Человеческий нос может учуять только самый близкий пожар.

— Нет, хозяин, нос у меня, Магобэя, никогда не ошибается.

Слово за слово, пошел у них спор. Купца забрало за живое, и побился он об заклад с Магобэем.

— Что ты ставишь в заклад, Магобэй, если пожара не было?

— Я—как воробей. Что на мне, только тем и владею. Ставлю в заклад свою голову. А ты что поставишь, хозяин?

— У меня семь кладовых, битком набитых добром. Ставлю в заклад кладовую с моей казной.

Купец не мешкая послал в Сацумский край гонца, узнать, сгорел ли дом Магобэя. Дней через десять с лишком вернулся гонец и сообщил:

— Дом Магобэя сгорел в такой-то день такого-то месяца.

Сильно огорчился купец, но делать нечего, проспорил заклад.

Весть о том, что случилось, разошлась по всему свету. Прослышал об этом чуде князь Западного края—Сайгоку². В один прекрасный день явились его кэраи в лавку:

— Желаем здравствовать! Где ваш хозяин?

— Я здесь, к вашим услугам.

— Правда ли, что в твоей лавке служит человек из Сацума по прозвищу Магобэй—Чуткий Нос?

— Верно, служит у меня такой.

— Тогда вот что. У нашего князя пропал драгоценный меч. Обращались мы к гадателям, но без толку. Может, Магобэй—Чуткий Нос сыщет. Мы прибыли за ним.

Магобэй все слышал в глубине лавки и затрясся всем телом. Вот когда беды не миновать!

Купец позвал его:

— Магобэй, теперь ты, наверно, добудешь целое богатство. Торопись же скорее выполнить волю князя, он тебя озолотит.

— Нет, нет, хозяин. Самое тонкое чутье в таком деле может не вырчить. Обещай же мне, если я не вернусь, послать моей

матери хоть малую толику из тех денег, что я у тебя выиграл.

Кэраи велели Магобэю сесть в паланкин, а сами по дороге несли охрану. В одном селении решено было отдохнуть под ветвистой сосной. Стоял летний полдень. Кэраи и носильщики задремали в тенечке от усталости. «Вот удобный случай сбежать»,—подумал Магобэй. Вылез он потихоньку из паланкина и побежал со всех ног.

Вскоре он приметил храм бога Инари³:

— Милосердный бог, приди ко мне на помощь!—взмолился Магобэй, открыл двери святилища и спрятался внутри. Тут явилась какая-то женщина и принесла в дар божеству два нигиримэси.

— Вот хорошо!

Магобэй просунул руку в дверь, схватил нигиримэси и съел. Вдруг прибежала белая лисица⁴ и от удивления завертела головой:

— Что ж это такое! Женщина только что принесла два нигиримэси. Куда они делись?

Следом пришла рыжая лисица:

— Удивительное дело! Я сама видела, как несут сюда два нигиримэси—и вдруг ни одного! Значит, ты, белая лисица, слопала оба.

— Нет, это не я.

— Понятно, ты, этакая плутовка, воровка! Ты у князя стащила его драгоценный меч и спрятала в ветках вишневого дерева. Что, скажешь, неправда? Я все про тебя знаю.

Но тут Магобэй открыл двери святилища и как закричит:

— Нигиримэси-то съел я!

И, не оглядываясь на перепуганных лисиц, помчался опрометью к месту привала.

Кэраи как раз готовились совершить харакири⁵. Вдруг послышался крик Магобэя:

— Эй, стойте, погодите!

Подпрыгнули от радости кэраи:

— Магобэй, это ты! Куда ж ты подевался? Мы повсюду искали, не нашли и уже решили вспороть себе животы!

— А я хорошо знаю город Осака, но в окрестностях не бывал. Захотелось мне полюбоваться на местные виды. Пошел гулять, заплутался и еле нашел дорогу назад.

Снова Магобэй поехал, качаясь в паланкине. Наконец прибыли. Князь уже все глаза проглядел.

— Я в нечистой одежде,—говорит Магобэй,—несите меня через ворота для слуг.

Но князь не согласился:

— Нет, Магобэй, через главные, через главные.

Как только внесли Магобэя через главные ворота, он сразу приметил: перед дворцом растет большое дерево вишни. Стал зорко вглядываться: что-то блестит среди ветвей.

— Магобэй, найди мой драгоценный меч— семейную реликвию!

— Повинуюсь. Я могу учуять этот меч, но пусть ваша милость даст мне три дня срока.

— Хорошо, будь по-твоему, но только найди мой меч непременно.

Три дня Магобэй провел в свое удовольствие, лакомясь редкостной дичью и рыбой. Но иногда вдруг принимался ползать по полу и поводил носом, словно бы принюхивался к чему-то. На третий день он позвал кэраев:

— Идите за мной!

И начал нюхать землю то в одном углу двора, то в другом. Наконец поднял кверху нос:

— Э, да вот он, княжеский меч! Спрятан среди веток вишни. Поглядите сами получше.

Кэраи стали глядеть во все глаза. В самом деле, что-то сверкает на солнце.

— Вы все вниз смотрели, а надо было вверх,— сказал Магобэй с самодовольным видом.

Князь обрадовался так, что и сказать нельзя.

— И вправду, у тебя самый чуткий нос во всей Поднебесной! Пусть же отныне будет повсюду прославлено твое имя: Магобэй— Чуткий Нос. Проси у меня любую награду.

— Коли так, осмелюсь попросить: пусть мне подадут чашечку того ароматного чая, что пьет ваша милость.

— Как, чашечку чаю? Немногого же ты просишь! Эй, принеси сюда самого лучшего чая в золотом сосуде и налить в золотую чашку!

Кэраи подали Магобэю золотую чашку с чаем. Осушил он ее одним духом и вдруг вскрикнул:

— Ой, пропал я!

— Что случилось, Магобэй?

— Был у меня в носу один-единственный чуткий волосок и вдруг выпал, исчез... Видно, не выдержал крепкого аромата. Отшибло у меня чутье, бедный я, несчастный!— И он начал в голос рыдать.

— Да, это большая жалость,— говорит князь.— Но делать нечего. Объявите же по всей Японии: «Магобэй— Чуткий Нос лишился всякого чутья».

В награду князь дозволил Магобэю избрать себе жену из самых первых красавиц Осака, Киото и Эдо. Магобэй выбрал красавицу из Киото.

Взял он золотую чашку и вместе со своей молодой женой отправился к тому купцу, у которого служил в городе Осака.

— Магобэй, ты благодаря своему носу вышел в большие люди,— сказал купец.

— Так-то оно так, но нет у меня уже прежнего чутья, отшибло.

Купил Магобэй большой корабль, погрузил на него казну из кладовой купца и отплыл к себе на родину.

Там построил он великолепный дом и стал жить в счастье и довольстве вместе со своей матушкой и молодой женой.

50

Сынок-улитка

Жил некогда один богач. Кладовые у него были заполнены несметными сокровищами. Кругом, до самых дальних гор, раскинулись его рисовые поля. Ни в чем богач себе не отказывал.

А между тем был у него батрак беднее любого нищего: над его очагом никогда дымок не курился. От зари до зари работал батрак со своей женой на полях хозяина, а из бедности не выходил.

Но пуще всего горевали они, что обоим уже за четвертый десяток перевалило, а детей у них все нет. Вернутся батрак с женой в свою пустую лачужку и вздыхают:

— Ах, если б родилось у нас дитя, все равно какое, ростом хоть с лягушонка, хоть с улиточку!

Вот как-то раз отправилась жена батрака полоть траву на рисовом поле. Стоит по колени в воде, полет траву, а в душе молится: «О, прошу тебя, бог воды на рисовых полях, даруй мне ребенка ростом хоть с эту улиточку!»

Вдруг почувствовала она сильную боль. Словно кто ее ножом режет. Терпела, терпела, а боль все сильнее. Вернулась она с поля домой.

Встревожился рыбак, испробовал все средства, какие только знал,—ничего не помогло. Лекаря бы позвать, а в доме ни гроша. Что тут делать? Совсем он голову потерял. К счастью, нашлась поблизости повитуха. Пришла она, осмотрела больную и говорит:

— Да ведь она рождает!

Обрадовались батрак с женою. Зажгли поскорее огонь перед домашним алтарем и стали просить бога воды, чтобы дитя появилось на свет благополучно. В скором времени родила жена сынка: маленькую улиточку¹.

Огорчился было батрак, но потом сказал:

— Ведь это дитя вымоленное, выпрошенное нами у бога воды. Хоть какой ни на есть, а все наш родной сыночек!

Налили они в чашку воды, положили туда улитку и поставили чашку на алтарь.

Прошло двадцать лет. Сынок-улитка несколько не подрос за это время и ни единого слова не сказал, но ел он, как настоящий человек.

Однажды надо было отвезти годовой оброк хозяину. Взвалил старик-отец тяжелые мешки с рисом на спину лошади и горько вздохнул:

— Услышал бог воды наши мольбы и послал нам желанного сыночка. Уж как мы обрадовались! А только сыночек-то наш—улитка. Какая польза от такого детища! Всю жизнь я работал, не жалея сил, и теперь на старости лет приходится одному без всякой помощи кормить семью.

Вдруг откуда-то донесся голос:

— Не печалься, отец, сегодня я вместо тебя повезу хозяину мешки.

Посмотрел батрак вокруг, в доме нет никого. Что за чудо! Спрашивает он:

— Кто со мной говорит?

— Это я, отец. Долго ты меня кормил. Настала пора и мне о тебе позаботиться, и себя людям показать. Сегодня я вместо тебя отвезу нашему хозяину оброк.

— Как же ты, сынок, погонишь лошадей?

— Не тревожься, отец. Посади меня на мешок с рисом. Вот увидишь: лошадь сама послушно пойдет куда надо, а за ней и другие две,—ответил сынок-улитка.

Удивился старик. Сын его за двадцать лет ни единого слова не вымолвил, а теперь вдруг так бойко заговорил, да мало того—сам хочет оброк хозяину отвезти! «Но ведь это говорит сын, посланный мне богом воды. Грех было бы мне противиться».—подумал он и нагрузил мешки с рисом на трех лошадей. Потом снял с алтаря чашку, в которой жил сынок-улитка, и поставил ее бережно на спину одной лошади посреди мешков с рисом.

Сказал сынок-улитка:

— До свидания, отец, до свидания, матушка!—да как крикнет на лошадей, будто всю жизнь их погонял:—Хайдо-о, хайдо-о! Эй вы, кони, ну-у, пошли!—Лошади тронулись и вышли из ворот на дорогу. Сынок-улитка едет на передней.

Отпустил батрак сына, а у самого родительское сердце щемит. Стоит он в воротах и смотрит вслед.

А той порой сынок-улитка знай себе коней понукает. Как подъедут они к водоему или мосту, кричит, словно заправский погонщик:

— Хай-хай, сян-сян!

Да вдобавок еще затянул он песню погонщиков. Красивый голос так и льется, кони в лад выступают, колокольчики позвякивают.

Встречные на дороге и крестьяне на полях только диву даются. Слышен звонкий голос, а никого не видно. Ведь это кони батрака! Сразу можно узнать этих заморенных клячонок. Но кто же песни поет? И кто лошадьми правит? Удивляются люди: «Каких только чудес на свете не бывает!»

Посмотрел отец, посмотрел, как сынок-улитка ловко лошадьми правит,—и бегом домой. Склонились батрак с женой перед божницей и молят оба:

— Внемли нам, бог воды на рисовых полях! До сих пор не ведали мы, какого прекрасного сына ты нам послал, и не ценили его. Просим тебя охранять его в пути.

А сынок-улитка знай себе коней понукает. Так и подъехал к воротам богача. Вышли навстречу слуги, ворота отпирают. А как отперли, глазам своим не верят. Стоят клячки с тяжелой поклажей, а при них и нет никого.

Вдруг со спины коня донесся голос, будто мешок заговорил:

— Эй, слуги! Привез я оброк хозяину. Помогите мешки с лошадой снять.

— Кто это голос подает? Никого не видеть!

Смотрят—а между мешками примостилась маленькая улиточка. Говорит им улитка человеческим голосом:

— Сами видите, ростом я не вышел. Не могу снять мешки с лошадей. Уж потрудитесь за меня. Да осторожно положите меня на край веранды. Не раздавите ненароком.

Слуги перепугались:

— Хозяин, хозяин, выйдите поглядеть, кто привез нам оброк! Улитка на трех лошадях!

Вышел на их зов сам хозяин. Видит, истинная правда! Высыпали из дому все домочадцы, ахают, удивляются.

Слуги по приказу улитки снесли мешки в кладовую и лошадей накормили как следует. А улитку пригласили честью в дом и поставили перед ним столик с разными кушаньями. Взобрался сынок-улитка на самый край столика. Как он ел, никто не видел, палочки с места не сдвинуты, а в чашках ни одной рисинки не осталось. Глядят, и миска с похлебкой стоит пустая. Исчезла и рыба.

Наконец говорит сынок-улитка:

— Спасибо хозяевам за вкусное угощение. Теперь бы я чайку выпил!

Хозяин и раньше слышал, что есть у батрака с женой сынок-улитка, вымоленный у бога воды. Говорили, что за весь свой век он слова не вымолвил и ни к чему не пригоден—лежит себе в чашке воды на алтаре. А на деле выходит—разговаривает он человеческим голосом и работать умеет.

«Мне бы в дом такое бесценное сокровище!—думает богач.—Надо как-нибудь залучить его к себе даром».

И повел он речь ласковым голосом:

— Господин улитка, господин улитка! Наши два дома дружили между собой еще с дедовских времен. Не худо бы нам породниться. Есть у меня две дочери. Бери себе в жены любую!

Услышал эти слова сынок-улитка, обрадовался. Спрашивает он:

— Правду ли ты говоришь, хозяин, или шутишь?

— Верное мое слово. Хоть сейчас отдам за тебя любую из моих дочерей,—поручился ему богач.

А отец его и мать места себе от тревоги не находили: «Что-то

долго наш сынок не возвращается! Уж не случилось ли с ним чего-нибудь в пути?»

Вдруг зазвякали за воротами колокольчики. Вернулся сынок веселый-развеселый, на одной клячонке сам едет, двух других погоняет. Собрала мать поужинать. За ужином стал сынок-улитка рассказывать:

— Отдает за меня хозяин одну из своих дочерей.

Родители так и ахнули: может ли это быть?! Но потом рассудили: сын у них не простой, а чудесный, с таким все может случиться.

— Ну что ж,—говорят,—пошлем к хозяину сваху. Тогда узнаем, правду ли он сказал.

Послали свахой тетушку сынка-улитки. Не стал богатч отнекиваться, позвал обеих дочерей и спрашивает у них:

— Которая из вас согласна идти замуж за улитку?

Старшая так ногами и затопала:

— Что же я, безумная какая или последняя на свете, чтобы взять себе в мужья погань ползучую, гада водяного?! Да по мне—помереть лучше!

А младшая ласково молвила:

— Не огорчайся, отец. Уж если обещал ты выдать меня замуж за улитку, то я согласна.

На том и порешили. Поспешила сваха к батраку с радостной вестью. Вскоре доставили приданое на семи лошадях, да еще носильщики принесли сундуки и корзины на семи шестах. А уж ручной клади и не счесть было.

Не нашлось в бедной хижине места для такого богатства, и построил для него отец невесты особую кладовую.

В доме батрака одни голые стены. Некого было и на свадьбу позвать. Встречали невесту только свекор со свекровью да тетушка-сваха. Всего-то гостей пришло—одна лишь соседняя старуха.

Видят родители, досталась им невестка красивая и приветливая. Порадовались они, что сынку-улитке такое счастье выпало. Стала невестка служить старикам, как преданная дочь. И на поле она работала не покладая рук. Хорошо зажили старики.

По обычаю, молодая должна была вскоре после свадьбы навестить родной дом. Выбрали восьмой день четвертого месяца, когда справляется праздник Будды Целителя², чтимого в той деревне. Вишневые цветы только-только начали распускаться.

Вот пришел назначенный день. Хотелось молодой полюбоваться на праздник. Набелилась она, нарумянилась, достала из сундука самое свое нарядное платье и так стала хороша, что ни одной небесной деве с ней не сравниться.

Вот нарядилась она и говорит своему мужу-улитке:

— Пойди и ты со мной поглядеть на праздник!

— Ну что ж, пожалуй, пойду. Денек нынче выдался хороший. Засиделся я дома зимою, приятно будет на свет поглядеть.

Спрятала молодая улитку в узел своего нарядного пояса и отправилась на праздник, а по дороге с мужем беседует. Кто ни пройдет мимо, всякий на нее оглянется: «Такая красивая девушка, а сама с собой говорит и смеется. Видно, помутился разум у бедняжки!»

Пришла молодая к священным воротам перед храмом Будды Целителя. Вдруг говорит ей улитка:

— Эй, послушай, дальше ворот мне ходу нет. Ты иди себе в храм, а я тебя тут подожду, на меже рисового поля.

— Изволь, но будь осторожен, чтобы не приметил тебя какой-нибудь ворон. Я скоро вернусь,— сказала молодая жена и пошла вверх по склону холма к пагоде. Помолилась там и спешит обратно. Смотрит: пропал муж-улитка, нигде его не видно.

Испугалась жена, ищет там и сям, не может найти. Уж не напал ли на него злой ворон? Может, раздолбил его скорлупку своим крепким клювом? Или, может, упал ее дорогой муженек в воду на рисовом поле? Ведь там улиток видимо-невидимо.

Вошла молодая жена в воду по колено, вынимает она из воды одну улитку за другой, на какую ни поглядит, все не та! Бросит ее обратно и достанет другую.

Ищет жена и поет:

*Улитка, улитка,
Муж мой дорогой!
Где ты, где ты?
Скорее отзовись!
Может, злой ворон
Отыскал тебя?
Тук-тук по скорлупке
Клювом застучал:
Тёккура-моккура!
Тёккура-моккура!*

Лицо у нее грязью забрызгано, рукава и подол намокли, а она все шарит руками в воде. Вот уже и стемнело. Начали люди по домам расходиться. Глядят на молодую жену, жалеют:

— Ах, горе, такая красавица—и ума лишилась!

Долго искала жена, да все понапрасну! «Теперь,— думает,— все кончено! Нет больше в живых моей дорогой улиточки. Брошусь я в самую глубокую яму вниз головой и утоплюсь». Только собралась она в яму кинуться, как кто-то ее окликнул:

— Стой, погоди, что ты делаешь?

Оглянулась она. Стоит перед ней прекрасный собой юноша, на глаза широкая шляпа надвинута, за поясом флейта.

Рассказала ему молодая жена все, что с ней случилось.

— Хочу я,— плачет она,— в яме утопиться. Зачем мне жить, если я своего дорогого мужа-улитку потеряла?

— Ну, если так,— говорит ей юноша,— не о чем тебе печалиться. Ведь я и есть тот, кого ты ищешь.

Не поверила ему жена: быть того не может!

— Немудрено, что ты не признала меня. Послал меня моим родителям бог на рисовых полях, оттого и родился я полевой улиткой. Но сегодня в награду за твою верность и любовь возвращен мне человеческий облик.

Пошли молодые домой. Не наглядится муж на свою пригожую жену, и ей тоже по сердцу прекрасный юноша! Обрадовались старик со старухой: ни в одной повести о старых временах, ни в одной сказке такого счастья еще никогда никому не выпадало!

Окружил сынок-улитка своих старых родителей почетом и заботой, а тетушку-сваху выдал замуж в хорошую семью. Не позабыл и нищую старуху-соседку, что на свадьбе была.

Всех счастьем оделил!

51

Счастливая
соломинка

В старину, в далекую старину жил один бедный юноша. За что он ни брался, во всем терпел неудачу.

Пошел он помолиться богине Каннон¹ в тот ее храм, что находится в селении Хасэ провинции Ямато. С утра до вечера и с вечера до самого утра просил он богиню: «Помоги мне, сжался надо мною, пошли мне счастье в жизни!» Много ночей провел он в храме, но богиня ни разу не явилась ему во сне и не подала никакого знака. Но юноша все не уходил. Кончилась у него еда, вышли все деньги.

Приметили монахи, что он ничего не ест, и стали меж собой совещаться:

— Нехорошая слава про нас пойдет, если мы дадим человеку умереть на наших глазах. И храм будет осквернен.

Начали они кормить юношу. Так прошло еще много дней. Однажды на рассвете юноша вдруг увидел желанный сон. Из глубины святилища вышла сама богиня и сказала ему:

— Долго ли ты будешь, упрямец, докучать мне неотступными просьбами? Все вы, люди, одинаковы: просите себе готовое легкое счастье не по заслугам. Ты много грешил в своей прежней жизни, за это и терпишь. Напрасны все твои моления. Но мне жаль тебя. Одно, самое маленькое счастье я все же вправе тебе послать. Упустишь его, пеняй на себя. Помни же: первая вещь, что тебе в руки попадет, когда ты выйдешь утром из храма, это и есть твое счастье. Другого не будет.

Проснулся юноша и опрометью бросился из храма. Не терпится ему добыть свое счастье. Но впопыхах споткнулся он о камень у ворот и упал лицом в пыль. Встал юноша с земли и вдруг видит, что невзначай зажал в руке соломинку. Так вот он, дар богини Каннон!

Сжалось сердце у юноши, но нравом был он упрям и соломинку все же не бросил.

Подумал юноша, подумал и пошел в столицу. День стоял весенний, теплый. Откуда ни возьмись, прилетел шмель, вьется над самой головой юноши. Чтобы хоть как-нибудь рассеять свое горе, поймал он шмеля и привязал травинкой к соломинке. Гудит и бьется шмель, а юноша с соломинкой в руках идет себе дальше.

Вдруг попалась навстречу ему богатая повозка, запряженная быком, а вокруг нее скачут конные слуги. Это ехала в храм знатная госпожа со своим маленьким сыном.

Соскучился мальчик и выглянул из-за занавесок. Заметил он шмеля на соломинке и поднял крик:

— А-а, хочу вот это, дайте, дайте, дайте!

Тут один из конных слуг подскакал к юноше и говорит:

— Нашему молодому господину понравилась твоя соломинка. Не подаришь ли ты ему на забаву?

— Соломинка моя не простая, ее послала мне в дар сама богиня Каннон,— отвечает юноша.— Но не могу я отказать ребенку. Возьмите ее.

Услышала эти слова госпожа.

— Спасибо тебе,— говорит.— Но чем мне тебя отблагодарить? Вот разве что у тебя, может, в горле пересохло от пыли, так на, возьми.

Завернула она в белую бумагу три апельсина и подала юноше. «Что ж,— думает он,— для начала неплохо. Много времени не прошло, а уж одна-единственная соломинка обратилась в три апельсина».

Пошел юноша дальше по дороге, а солнце поднимается все выше и выше. Вдруг видит он: лежит у обочины молодая женщина. Возле нее растерянно слуги суетятся:

— Вот ведь беда какая! Захотелось нашей госпоже пить, вконец сомлела. Эй, прохожий! Нет ли тут где-нибудь поблизости воды?

— Как не быть, есть и колодец и ручей, но до них еще далеко. Лучше возьмите эти три апельсина, пусть ваша госпожа освежится... Может, ей и полегчает.

Выжали слуги сок из апельсинов и напоили женщину. Опомилась она и говорит:

— Великое тебе спасибо. Если б не ты, пришлось бы мне, верно, умереть на большой дороге. Вот возьми это в знак благодарности. Невелик подарок, но другого у меня ничего нет под рукой.

Достала она из дорожного узла три свертка полотна и отдала юноше.

Заткнул он свертки за пояс и пошел дальше, радостный. Начало смеркаться. Вдруг скачет ему навстречу самурай на великолепном коне, а сзади слуга трусит на лошадке. «Эх,

бывают же на свете такие красавцы кони!» — подумал юноша. Поравнялся с ним самурай, и в тот же миг могучий конь упал, как сраженный молнией. Сильно огорчился самурай. Пересел он на лошадь слуги, а ему велел остаться и присмотреть за конем.

Скрылся господин вдалеке, а слуга присел на корточки возле коня и рассуждает сам с собой: «Беда какая! Не выдержал он дальнего пути... Продать, что ли, шкуру хоть за бесценку».

Тут подошел к нему юноша:

— Есть у меня с собой сверток хорошего полотна. Хочешь, возьми, ведь это лучше, чем ничего.

Взял слуга полотно и пустился догонять своего господина.

Обрадовался юноша: «Вот и день еще не кончился, а соломинка уже обратилась в великолепного коня. Теперь я верю в свое счастье! Конь непременно оживет».

И правда, конь приоткрыл мутные глаза и шевельнулся. Смочил юноша ему голову водой и потянул за уздечку. Поднялся конь на ноги, дрожа всем телом. «Увидят меня с таким конем,— подумал юноша,— еще скажут, что украл». Завел он коня в чащу леса и привязал к дереву, а сам сбегал в соседнюю деревню и выменял остальные две штуки полотна на овес и сено да на самую плохонькую конскую сбрую. Три дня ухаживал юноша за конем, пока тот не оправился от болезни, а потом сел на него тайком и ускакал под покровом ночи.

Рано утром на другой день приехал юноша в столицу. Увидел он, что возле одного большого дома в предместье идут дорожные сборы. Люди выюки увязывают, зовут друг друга, суетятся. Видно, кто-то всей семьей отправляется в дальний путь. Остановил юноша своего коня у ворот:

— Эй, хозяева, не купите ли у меня мою лошадку?

Вышел тут из дома хозяин и воскликнул:

— Ах, что за конь! Что за красавец! Купил бы я его, да денег у меня в обрез. Но если хочешь, возьми в обмен рисовое поле да в придачу можешь жить в моем доме, пока я не вернусь. Он у меня пустым остался... А если что со мной случится в дороге, дом будет твой.

Так и порешили. В тот же день уехал хозяин вместе со своей семьей в далекие края на Восток.

Прошел год, и другой, и третий. Не вернулся хозяин с чужбины. Достались юноше и дом и поле. С тех пор зажил он хорошо, усердно обрабатывая землю. А когда состарился, то не раз говорил внучатам: «Тому, кто верит в свое счастье, и простая соломинка поможет».

Мальчик,
который
рисовал
кошек

Жил в старину мальчик, который больше всего на свете любил рисовать кошек. Целыми днями не выпускал он кисти из рук. Как ни бранили его родители, а он все свое. Нарисует одну кошку и начнет рисовать другую. Рассердились наконец родители, так рассердились, что лишили его наследства и выгнали вон из дома. Взял с собой мальчик тот рисунок кошки, который ему больше всех удался, и пошел куда глаза глядят.

Вот идет он, идет, и начало смеркаться. Увидел перед собой мальчик сельский храм и подумал, что не худо бы попроситься туда на ночлег. Постучал он в ворота, да только никто не откликнулся. «Верно, это заброшенный храм»,— подумал мальчик и стал спрашивать про него людей в соседней деревне. А те отвечают:

— Кто останется ночевать в этом храме, до утра не доживет. Проклятое место. Поселились в нем оборотни.

Но мальчик был упрямого нрава. Лег он спать в пустом храме. В середине ночи вдруг что-то зашуршало, зашуршало... Послышались возня и писк. Но потом все утихло. Забелело утро, встал мальчик, и что же он увидел? Лежит на полу огромная мертвая крыса с несколькими хвостами. Кто-то загрыз ее насмерть. Поглядел он на свой любимый рисунок— а у кошки мордочка кровью выпачкана.

«Значит, она и убила крысу-оборотня»,— подумал мальчик.

Немного позже пришли в храм люди. Толкуют между собой:

— Верно, этого мальчика уж и в живых нет... Жаль его, беднягу!

Только смотрят: он здоров и весел, как ни в чем не бывало, а в углу храма страшная крыса валяется с множеством хвостов. Стали крестьяне хвалить мальчика:

— Вот молодец! Герой! Какое чудовище убил!

Говорит им мальчик на это:

— Один я на свете. Отказались от меня мои родители. Позвольте мне поселиться в этом храме. Мне больше некуда идти.

Обрадовались крестьяне— ведь никто в храме жить не хотел, все боялись нечистой силы.

Так мальчик стал настоятелем храма Умпэндзи. Понемногу выучился он читать сутры. Как-то раз положил он свой рисунок кошки перед статуей Будды, а сам читает молитвы. Вдруг кошка зашевелилась, сошла с рисунка и стала настоящей кошкой. Стали они жить в храме вдвоем.

Уйдет настоятель к кому-нибудь из прихожан, а кошка храм сторожит и хлопчет по хозяйству. Вернется он, а к его приходу все готово, и чайник на огне.

Шли годы. Настоятель уже стал немолод, а кошка совсем постарела. Забросили прихожане храм Умпэндзи, перешли к настоятелю другого храма. Был он хитер и речист и убедил их в своей святости. Дошло до того, что старику-настоятелю и его кошке порой есть было нечего. Худое настало у них житье.

Однажды настоятель вдруг заметил, что у кошки вместо одного хвоста сделалось несколько. Распушила она свои хвосты и подметает ими храм, словно метлой.

— Неужели моя кошка превратилась в чудовище? — огорчился настоятель.

— Не печалься, дедушка,— отвечает кошка.— Стала я от старости оборотнем и уйду доживать свой век в горы. Но раньше я хочу помочь тебе. Вот послушай! Через три дня в доме того богача, что живет у подножия горы, будут похороны. А я обращусь в огненную колесницу ада¹ и сделаю вид, что хочу унести покойника. Ты ударь своими четками по гробу — и колесница тотчас исчезнет.

Настоятель кивнул в знак согласия, и кошка ушла из храма Умпэндзи неведомо куда.

Через три дня пошел настоятель в деревню, что стояла у подножия горы. Собралось там множество народу по случаю похорон одного из родственников местного богача. Приглашен был и настоятель другого храма. Но когда понесли гроб на кладбище, вдруг на небе показалась черная грозовая туча и потоками хлынул дождь. Засверкали молнии, спустилась с неба страшная огненная колесница, летит прямо к гробу, чтобы унести покойника в ад! Настоятель другого храма только трясется от ужаса, а все с воплями мечутся, не зная, что делать.

Но настоятель храма Умпэндзи подумал: «Это все проделки моей верной кошки!» Смело подошел он к гробу и ударил по нему раз-другой четками. И вдруг дождь кончился, небо прояснилось, и огненная колесница исчезла. Смотрят — а покойник по-прежнему мирно лежит в гробу. Все изумились. Велика святость настоятеля из храма Умпэндзи, если ему покорны силы ада! Все перепуганные грешники бросились за помощью к старому настоятелю, и у него снова стало много прихожан.

53

Черное
полотенце

В старину это было, в далекую старину. Как-то раз под вечер постучал нищий паломник в ворота большого дома. Попросил пустить его на ночлег. А хозяином того дома был староста, первый на деревне богач. Известно, кошка и староста без добычи не остаются.

Хозяйка в ту пору сидела за ткацким станом. Прогнала она паломника: «Уходи, бродяга, куда сам знаешь!» Ничего не сказал паломник и тихо побрел прочь.

А в самом конце деревни стояла кособокая хижина, крытая тростником. Постучал паломник в дверь. Медленно, медленно, еле волоча ноги, вышли к нему навстречу из дверей старик со старухой и говорят, опечаленные:

— Не обессудь! Горько нам отпускать тебя с пустыми руками, но сам видишь, как мы бедны. Нет у нас в доме ни зернышка риса, ни лишней одежки.

— Не тревожьтесь, ничего мне не надо, только пустите меня переночевать. Лягу я на голом полу, а голову положу на край очага.

— Ну что ж, коли так, милости просим,— приветливо отвечают старики. Провели они гостя в свою тесную хижину.

Говорит паломник старухе:

— Прости, что докучаю тебе, но наполни водой самый большой котелок и повесь над очагом.

Послушалась старуха. Когда закипела в котелке вода, достал паломник из своей монашеской сумы горсточку риса и стал сыпать в воду по зернышку.

Вдруг— что за диво!— котелок до краев наполнился рисом, белым, как утренний снег, мягким и рассыпчатым... То-то обрадовались старики! Совестно им было, что гость хозяев угощает, но под конец сдались они на его уговоры и поели досыта. Не часто случалось старикам отведать белого риса.

Только кончили они втроем ужинать, как отворилась дверь на кухню и в дом весело вбежала дочка стариков о-Коно. Была она девушка хорошая и душевная, но собой черна и дурна, все лицо в рябинах, гладкого места нет.

О-Коно прислуживала в доме у старосты, и ей частенько позволяли относить отцу с матерью, что она со дна котлов и чашек наскребет. Вот и нынче вечером принесла она полную миску с верхом бурого пригорелого риса, а старики говорят ей с довольной улыбкой:

— О-Коно, доченька о-Коно, сегодня мы сыты: наш гость угостил нас на славу.

Застыдилась о-Коно, услышав это, покраснелась вся и стала благодарить гостя.

А старик со старухой сетуют:

— Ах, горе, горе, добрая у нас дочка, да только сам видишь, собой нехороша. При нашей-то бедности где найти ей жениха?! А ведь так бы хотелось— она у нас уж в возрасте!

— Это небольшая беда,— отвечает паломник.— Не печальтесь, я вам помогу.

Вынул он из рукава черное-черное полотенце:

— На, девушка, возьми! Станешь мыться в чане, потри этим полотенцем лицо.

Вернулась о-Коно к своим хозяевам и согрела воду для вечернего купания. Первым в чан полез сам хозяин, потом все

его домашние по очереди, а дочка стариков окунулась, как всегда, самой последней. Взяла она черное полотенце и с опаской легонько потерла свои щеки. Но что это?! Шершавая кожа стала вдруг мягкой и нежной, словно шелк. Шею потерла, шея стала гладкой-гладкой.

Страх взял девушку, выскочила она не помня себя из чана и побежала к зеркалу. Смотрит—все рябины сошли с лица, сияет оно нежной белизной. Стала о-Коно красавицей, каких мало.

Увидела это чудо жена старосты и приступила к девушке с допросом: как, да что, да почему. Рассказала о-Коно все, как было. Захотелось хозяйке испытать на себе чудесную силу полотенца. Попросила она его в долг, один раз потереться. На другой вечер залезла жена старосты в чан последней, чего отроду с ней не случалось, и давай тереть лицо полотенцем. Стало оно гладким и нежным. Потом руки потерла. Сделались руки мягкими и белыми, словно свежие рисовые лепешки.

Обрадовалась хозяйка, трет себя полотенцем с головы до ног. Насилу-то насилу решилась она вылезти из чана, приговаривая:

— Ну, хватит! Уф, устала! Зато теперь меня и не узнаешь—такой я стала красавицей!

Но не тут-то было! Ее белые-белые ноги и белая-белая спина словно приросли к чану! Как ни билась жена старосты, сколько ни старалась, а так и не смогла вылезти. Завопила она во весь голос. Прибежала о-Коно, схватила хозяйку за руки, хочет вытащить ее из чана, да не может. Что тут делать?

Просит хозяйка:

— Беги скорей, о-Коно, ищи того паломника, что дал тебе черное полотенце! Приведи его сюда, пусть освободит меня силою своих чар.

О-Коно со всех ног бросилась к себе домой. Видит: паломник все еще гостит у стариков—уговорили они его пожить денек-другой. Привела о-Коно паломника к своим хозяевам. Взглянула на него жена старосты и обомлела: ведь это тот самый нищий, кого она вчера от ворот с бранью прогнала!

А нищий знай себе тихонько посмеивается.

— Хорошо,—говорит,—я согласен освободить тебя. Но только вот мое условие: устройте наперед веселый пир и созовите всю свою родню—и ближнюю и дальнюю.

Много времени не прошло, собрались родичи старосты в парадных покаях для гостей. Увидел паломник, что все в сборе, и неторопливо подошел к чану с водой, где сидела хозяйка, плача и охая. Вынул он из рукава зеленую бамбуковую палочку. Светилась-сверкала она ярким огнем. Взмахнул паломник бамбуковой палочкой и прочитал заклинание. В тот же миг жена старосты отлепилась от чана. Обрадовалась она, наспех нарядилась и побежала к гостям.

Еще веселее стали гости пировать, пили вино, пели песни и шумели, а о паломнике и думать забыли. Даже и не поблагодарили его. Вдруг он словно из-под земли вырос посреди парадного покоя и крикнул громовым голосом:

— Обратитесь в обезьян! Обратитесь в обезьян!

Ударил он раз-другой об пол бамбуковой палочкой—и тотчас же все бывшие там обратились в краснорожих обезьян! Запрыгали они, заверещали.

Снова взмахнул паломник зеленой бамбуковой палочкой и повелел:

— Бегите в горы! Бегите в горы!

Едва он это сказал, как обезьяны пустились наутек во главе со своим вожаком, бывшим старостой, и пропали в темной глубине гор. Только их и видели!

Стало в просторном доме тихо-тихо. О-Коно в страхе забилась в самый дальний угол кухни, дохнуть боится. Ласково окликнул ее паломник и велел привести старика со старухой. Сбегала девушка домой и привела отца с матерью за руки.

Сказал им чародей на прощание:

— У кого сердце шерстью обросло, тому лучше стать обезьяной. Отныне живите в этом доме. Староста сюда больше не вернется.—И с этими словами исчез он быстрее ветра.

Скоро девушка нашла себе хорошего жениха и зажила вместе со своими родителями в радости и довольстве.

54

Что
сказало
дерево
мидзуки

В старину жил в одном селении молодой лентяй. Целые дни он проводил в праздности. Однажды захотелось ему поесть хурмы. Но на дерево залезть лень берет. Понадеялся он, что спелые плоды сами собой упадут, расстелил под хурмой циновку и разинул рот.

Тут с запада прилетел ворон, а с востока другой, и стали они беседовать между собой о том, что на свете делается.

— В нашем городе самый первый богач тяжело заболел, и вот от чего. В саду растет большое дерево мидзуки¹ и всю кровь из него высасывает. Жаль, никто не ведает об этом. Срубить дерево—и богач выздоровеет,—говорит один ворон.

Обрадовался юноша: «Важную весть я услышал!»—и поспешил в город. А там объявил, что он—знаменитый гадатель. Призвали его к изголовью больного.

Стал юноша бормотать всякие заклинания и с важностью возгласил:

— Мне открылось, что недуг твой наслало дерево мидзуки. Растет оно у вас в саду. Срубите его—и болезнь пройдет.

— Верно, верно,—заахали домашние.—Есть такое дерево у нас в саду. Как замечательно гадатель все узнает!

Подрубили дерево топором, но стоит оно, не падает. Корни крепко сидели в земле, и занедужил больной к вечеру еще сильнее.

Юношу уложили спать в комнату для гостей. Поздней ночью что-то зашуршало, зашелестело:

— Мидзуки-доно, мидзуки-доно! Говорят, тебе сегодня нанесли тяжкую рану. Как ты чувствуешь себя?

Из-под земли донесся слабый голос:

— Это ты, клен с горы Огураяма? Во мне еле жизнь держится.

— Мужайся, не падай духом. Скоро выздоровеешь.— И, сказав слова утешения, гость удалился.

Вот опять что-то шуршит, шелестит. Это пришел багряник с горы Дайтокудзан. Следом, тяжело ступая—грох-грох!—наведалась старая тетка-криптомерия с горы Фурусироаяма. Громким голосом начала она утешать раненого, а под конец осведомилась:

— Пришел ли дуб с горы Ханабаяма?

— Нет еще.

Тут она очень рассердилась:

— Пусть только придет, достанется ему от меня.

В этот самый миг появился дуб.

Старая криптомерия начала его бранить:

— Ты почему опоздал?

Дуб разобиделся.

— Ах, негодник мидзуки! Его навещают, сожалеют о нем, а он вот как позволяет обижать своих гостей. Ну погоди же! Всем расскажу, что стоит только полить твои раны соленой водой, и ты погибнешь,—пригрозил дуб на прощание и ушел в сильном гневе.

Юноша не спал и все слышал. На другое утро возгласил он заклинания, а потом и говорит:

— Полейте дерево мидзуки соленой водой...

Полили его соленой водой, и вдруг огромное дерево тяжело рухнуло, а болезнь богача как рукой сняло.

Лентяя стали в доме чтить, как бога, и подарили ему несколько ларцов, в каждом—тысяча рё. Так неожиданно юноша разбогател.

55

Три
сокровища

У крестьянина было три сына. Старший отличался тихим и смиренным нравом, и все в семье считали его простаком.

Говорит как-то старик отец сыновьям:

— Годы мои уже преклонные, пора мне назначить наследника. Все вы мне равно дороги, не хочу я никого обижать. Ступайте искать счастья на чужой стороне. Каждому из вас я дам денег, и кто через три года

наполнит кладовую самым лучшим товаром, тот и будет моим наследником.

Оделил старик сыновей деньгами и отпустил на все четыре стороны.

Младшие сыновья над старшим посмеиваются:

— Что-то принесет наш простак домой!

На первом перекрестке разошлись они в разные стороны. Младшие пошли в большие города, а старший—куда глаза глядят.

Шел, шел, видит: глубокая речка, а моста через нее нет—снесло его разливом. Зеленеют за речкой луга и леса, но не служат они людям, потому что нет через речку переправы. И подумал тогда старший брат: «Надо мост починить, чтоб земля за рекою зря не пропадала. Пусть будет людям польза!»

Стал он чинить мост и трудился так все три года. Издержал он все отцовские деньги, и осталось ему одно: возвращаться домой с пустыми руками. «Вот,—думает,—посмеются надо мной братья!» Но делать нечего. Лег он спать в последний раз на берегу реки. И тут во сне явился ему седобородый старец.

— Хорошо ты послужил людям,—сказал старец. — А вот о себе позабыл. Но не останется твой труд без награды. Вот тебе удочка. Стань завтра на мосту и три раза забрось ее в реку. Первый раз поймашь кошелек. Не простой это кошелек. Стоит его тряхнуть—и посыплются золотые монеты. Второй раз поймашь волшебный кувшинчик. Наклонишь его—и полетится вино неиссякаемой струей. Третий раз поймашь метелку. На вид она проста, но есть у нее чудесное свойство. Сделана она из веток дерева, растущего на луне¹. От каждого удара этой метелки старики молодеют. Только помни: два-три раза ударь, не больше.

Наутро проснулся старший брат и думает: «Что за странный сон мне приснился! Привидится же такое!»

Смотрит—а рядом и вправду удочка лежит. Понял тогда старший брат, что приснился ему вещий сон. Стал он на мосту и закинул удочку в реку. Дрогнула удочка, словно рыба клюет. Выхватил он леску из воды—а на крючке кошелек висит. Открыл его, встряхнул—золотые монеты посыпались. Забросил он удочку во второй раз и поймал кувшинчик. Льет из кувшинчика небывало вкусное вино—никогда не доводилось ему пробовать такого. Только стал забрасывать удочку в третий раз—а метелка уже по волнам плывет. Завязал он три сокровища в платок, надел узелок на палку и поспешил домой.

Видит: по дороге младшие братья едут и с каждым три воза добра. Подняли его братья насмех:

— Смотрите, наш простак один тощий узелок несет! Так мы и думали! За три года ничего не наторговал. Зря прожил отцовские деньги!

Молчит старший брат, только улыбается. Поехали братья вперед, а он следом за ними бредет по дороге.

Старик радостно встретил сыновей. Он уже приготовил каждому по кладовой. Все родичи и односельчане сошлись посмотреть, чем же наполнят кладовые сыновья старика.

Открыли дверь первой кладовой, а она доверху полна отборным рисом.

— Вот это хорошо!—говорит отец среднему сыну. — Рис для крестьянина—первое дело.

Открыли двери второй кладовой, а она вся набита свертками шелка.

— Молодец!—говорит отец младшему сыну. — Большое богатство нашил.

А третью кладовую он и смотреть не стал, повернул сразу к дому.

— Что же, отец!—воскликнул старший сын. — В мою кладовую даже заглянуть не хочешь?

— А зачем в нее заглядывать?—отвечает отец. — Только перед гостями срамиться. Ты ведь с одним узелком пришел!

— Не обижай меня! Разве я тебе не такой же сын, как другие?

Делать нечего. Нехотя отпер старик дверь третьей кладовой. И вдруг оттуда рекой хлынули золотые монеты. Все даже зажмурились—так ярко они сверкали!

Смотрят гости, и от удивления никто слова вымолвить не может. Тут старший сын говорит им:

— Берите все по горсти золота, прошу вас, не стесняйтесь! Там еще много останется! А после пойдем к нам пировать!

Сели гости пировать. Старший сын налил всем чудесного вина, и пошло веселье!

— Все хорошо, одно только жаль,—сетует отец. — Уж очень я стар! Не то сплясал бы на радостях!

— Сейчас я помогу тебе найти твои молодые ноги,—сказал старший сын и ударил раз-другой старика по спине метелкой.

— Что ты делаешь, непочтительный сын!—удивились гости. Только смотрят: отец из седого старца стал черноволосым бодрым мужчиной—больше тридцати лет никак не дашь! Вскочил он и заплясал. Тут все старики и старухи давай просить, чтоб их тоже метелкой постегали. Дряхлая бабушка и та помолодела! Вслух она поблагодарила, но про себя ворчала:

— Пожалел внучек метлы! Мог бы сделать меня и еще помоложе, чтобы выглядела я лет на двадцать или, того лучше, на семнадцать.

Все пустились в пляс, только бабушка не стала плясать, куда-то исчезла. Наконец хватились ее, начали искать; смотрят—а от метлы одни изломанные прутья остались! А рядом на полу лежит бабушкин халат, и в одном его широком рукаве барахтается грудной младенец, плачем заливаясь.

Делать нечего, пришлось внукам нянчить собственную бабушку! А метла так и пропала. Вот почему теперь старики больше не молодеют.

56

Сестра-оборотень

В каком-то селении, не ведаю где, жил юноша. Как-то раз шел он по улице и видит: дети мучают комара — засунули в бамбуковую дудочку.

— Зачем вы мучаете комара? Жаль ведь. Я куплю его за один грош.

Удивились дети, обрадовались:

— Вот чудак нашелся! Покупает такую дрянь за деньги.

Взял юноша бамбуковую дудочку и говорит комару:

— Смотри, не попадайся больше злым мальчишкам. Я отпущу тебя на волю, но за это обещаю прийти ко мне на помощь, коли нужда случится. — Выпустил он комара на волю и пошел своей дорогой.

А теперь я поведу сказ по порядку, с самого начала.

Жили отец с матерью, и было у них двое детей: Бокку и Асэку. Брат с сестрой всегда спали под одним футоном. Но сестра Асэку потихоньку выходила куда-то каждую ночь и возвращалась лишь на рассвете. Озябшая, укрывалась она футоном. Бокку очень этому удивлялся. Захотелось ему узнать, куда уходит сестра.

Однажды притворился он, будто спит. Асэку прислушалась к его сонному дыханию и потихоньку выбралась из дома. «Неспроста это!» — подумал Бокку и пошел за ней следом.

На краю деревни было пастбище. Припала сестра к одной корове и начала сосать кровь. Увидав это, Бокку похолодел от страха. Выходит, это не его младшая сестра — на самом деле черт-оборотень! Сожрал он бедняжку-сестру и принял ее образ.

Бокку вернулся домой, дрожа всем телом. На другой день он выбрал время, когда сестры не было, и сказал своим родителям:

— Асэку на самом деле оборотень, поскорее прогоните ее, а не то она всех сожрет.

Родители разгневались:

— Ах ты негодяй! Сам, верно, хочешь сжить ее со свету! Как посмел ты говорить так про свою кроткую младшую сестренку! Ступай же вон из нашего дома на все четыре стороны.

Что ж, делать нечего, опечалился Бокку и пошел куда глаза глядят. Сначала, как я сказал раньше, выкупил он комара и выпустил на свободу. Дальше идет. Вдруг видит — возле дороги огромный тигр. Испугался Бокку и хотел было убежать. Но тигр не двинулся с места. Склонил он перед юношей голову, проливая слезы.

«Он о чем-то меня просит»,—подумал юноша и смело подошел к тигру. Видит—у того в лапе торчит гвоздь. «Сейчас я его вытащу»,—подумал Бокку. Вынул он гвоздь, и тигр смиренно пошел за юношей.

Идет Бокку вместе с тигром дальше. На пути селение. Повсюду поставлены дощечки с объявлением: «Кто отгадает, сколько в амбарах у князя мешков с рисом, за того князь выдаст свою дочь замуж».

«Сколько же там может быть мешков?»—приздумался Бокку. Вдруг налетела туча комаров, и звенят они у него над самым ухом:

— Тысяча мешков, тысяча мешков!

«Вот это удача!»—подумал юноша, пошел к князю и сказал ему:

— В твоих кладовых тысяча мешков риса.

Князь сдержал свое слово и выдал дочь замуж за юношу. Поселился Бокку в княжеском дворце, как зятю подобает. Зажил в роскоши, а для тигра построил красивую просторную клетку. Со всех сторон она железной сетью отгорожена.

— Надо мне проведать моих родителей. Как-то они живут?—говорит однажды Бокку. — Навещу родные места.

Нагрузил он коня дорогими подарками и отправился в путь. А на прощание наказал своей жене:

— Если тигр начнет метаться в сильной тревоге, открой дверь ипусти его на волю.

Поднялся Бокку на последний горный перевал перед своим селением, поглядел вниз: ни души не видно. Наконец пришел он в свой родной дом. Постучался в дверь, выглянула Асэку.

— Братец, где же ты так долго пропадал? Входи скорее!

И стала рассказывать, плача горькими слезами:

— Знаешь ли, Бокку, после того как ты ушел, напал на деревню мор. Отец с матерью умерли, теперь я одна на свете. Я быстро помою рис тебе на обед, а ты пока бей вот в этот барабан.—И ушла.

Вдруг, откуда ни возьмись, прибежали две мыши, белая и черная!

— Бокку, Бокку,—пищат они,—мы—твой родители. Асэку пошла клыки точить. Ведь это, как ты поведал нам когда-то, черт в образе твоей сестры. Сожрал он всех жителей деревни, а под конец и нас тоже. Сейчас наточит клыки и придет сожрать тебя. Беги скорей, а мы будем бить в барабан.

Начали мыши бить хвостами в барабан, а Бокку вскочил на коня и поскакал.

Вернулась домой Асэку. Видит—юноши нет, а мыши бьют в барабан.

Выгнала она мышей:

— Упустили добычу!

Посмотрела вдаль и видит: Бокку въезжает на гору.

— Нет, не уйдешь! — крикнула Асэку и пустилась в погоню. Вот-вот настигнет!

Делать нечего: юноша отрубил одну ногу у коня. А пока Асэку пожирала ногу, конь поскакал дальше на трех ногах.

Опять стала Асэку догонять, вот уже близко. Бокку еще одну ногу отрубил у коня, и упал конь, дальше скакать не мог. Асэку начала пожирать коня, а Бокку со всех ног побежал дальше и влез на придорожную сосну.

Опять пустилась Асэку в погоню, заметила юношу и полезла за ним на дерево. Бокку не помнит себя от ужаса.

Но теперь поведу рассказ о тигре. Начал он в своей клетке рычать и метаться. Как велел Бокку, жена его отперла дверь клетки. Тигр помчался к родному дому своего хозяина. Как раз, когда Асэку уже влезла на дерево высоко-высоко, тигр прибежал и начал битву с оборотнем.

Бокку закричал:

— Побеждай, тигр!

Вцепился тигр в горло оборотня и загрыз насмерть.

Вернулся Бокку вместе с тигром в княжеский дворец и всю свою жизнь кормил и берег его.

Вот что случилось в старину.

57

Что кому
суждено

В старину жил в одной деревне бедняк Римпэй вместе со своей женой. У жены должен был вскоре родиться ребенок.

Однажды Римпэй пошел в лес за дровами. Рубит и не замечает, как время летит. Вот и день кончился, начало смеркаться. Расположился он на ночлег под сенью большого дерева возле пещеры. Вдруг ночью из самой глубины гор донесся звон колокольчиков, послышались окрики погонщиков коней. Кто бы мог быть в такую пору?

Удивился Римпэй и стал прислушиваться. А звон колокольчиков все ближе... Вдруг возле большого дерева послышался голос:

— Эй, бог горы! Вот я и прибыл, не запоздал.

В кроне дерева кто-то откликнулся:

— Это ты, бог счастья? А бог метлы с тобой¹?

— Как же, со мной пожаловал!

— Но, по правде сказать, у меня сегодня гость. Не могу я поехать с вами. Уж вы, пожалуйста, как-нибудь без меня обойдитесь.

— Вот как, у тебя гость? Тогда мы одни поедем.

И боги уехали. Снова послышались веселый звон колокольчиков и гиканье погонщиков.

Но вот начало светать, и боги воротились.

— Бог горы, мы побывали где надо. По правде говоря, мы думали, что от бремени разрешится только жена Римпэя, но в соседнем доме одна женщина тоже ночью родила. У обеих роды прошли благополучно, порадуйся доброй вести. В доме Римпэя родился мальчик, и ему на роду положен прибыток — в день по соломинке. А в соседнем доме родилась девочка. Ей назначено девяносто девять драгоценностей и к тому же каждый день три сё соли. Бог метлы предопределит им стать мужем и женой. А ты, бог горы, согласен ли?

Бог горы согласился.

— Тогда до скорой встречи.

— Прощай, до свиданья!

И боги расстались.

Все внимательно выслушал Римпэй. «Бывают же на свете чудеса!» — подумал он.

На другое утро спозаранок поспешил он домой. И в самом деле, жена его ночью родила мальчика. Пошел он скорее в соседний дом — а там появилась на свет девочка. Вот и порешили родители: уж раз дети родились в одну и ту же ночь, значит, судьба им пожениться, когда вырастут.

Так и случилось. Выросли дети, стали мужем и женой и занялись торговлей.

У жены был щедрый нрав. Она и сама любила выпить сакэ, и людей угостить не скупясь. Да и торговлю вела с размахом. Добра в доме все прибывало. Кладовых и амбаров понастроили ни мало ни много девяносто девять.

Разбогател муж, но был он человек прижимистый. Захотелось ему иметь равным счетом сто кладовых. День и ночь думал он с досадой: «Жена моя — мотовка. Это из-за нее мне никак не удастся построить еще одну, сотую кладовую. Надо бы отучить ее от мотовства».

Однажды зашел к нему в дом странствующий монах. Рассказал ему муж о том, что его тревожит, и попросил совета: как бы унять щедрость жены?

— Это дело простое, — ответил монах. — В утро пятнадцатой луны, когда будет всходить солнце, посмотри на крышу кладовой, что находится как раз посреди твоих кладовых. Три старичка, одетые в лиловые одежды, развернут алые веера и будут танцевать танец утреннего солнца, озаренные его первыми лучами. Возьми с собой лук из стебля уцуги и стрелу из чернобыльника и выстрели в левое колено того старичка, что будет плясать посредине.

Муж изготовил все, как было сказано, и стал ждать пятнадцатую луну. И вот настало назначенное утро. Когда начало всходить солнце, поглядел он на крыши кладовых. На одной из них появились три карлика. Раскрыли они алые веера и стали плясать танец солнца. Взмахами вееров карлики, кружась, манили к себе юг и север, запад и восток¹.

Натянул муж колдовской лук из стебля уцуги, пустил стрелу из чернобыльника и перебил левое колено тому старичку, что плясал среди двух других. Карлики мгновенно исчезли³.

С той поры все пошло прахом, и муж вконец обнищал. Уже не могла жена пить сакэ в свое удовольствие. Гости в доме появлялись все реже. Муж рассердился—во всем, мол, жена виновата—и прогнал ее из дома вместе с одной служанкой.

Пошли жена со служанкой куда глаза глядят. Наступил вечер, стемнело. Не было у бедняжек сил идти дальше, и всю ночь они проплакали на обочине дороги, а утром стали думать, как дальше быть.

Идут мимо три молодые красивые девушки.

Жена спросила у них:

— Вы куда путь держите?

— Идем мы через горы и доли к селению Крик Фазана. Две из нас в добром здоровье, а с третьей случилась беда. Нога у нее заболела, и мы в большой тревоге,—ответили девушки.

— Ну, так мы тоже пойдем с вами в селение Крик Фазана.

Жена со служанкой пошли вслед за девушками. Тропа крутая, идти трудно, и потеряли они девушек из виду⁴.

Тем временем стемнело. «Неужели нам опять ночевать под открытым небом?»—думают они. Вдруг вдаль показался огонек. Пошли на огонек. Стоит в лесу грязная лачужка. Заглянули они в дверь и увидели девушку.

Стали они ее просить:

— Пусти нас к себе на одну только ночь, сделай милость.

Девушка отвечает:

— У меня в лачужке нечем накормить и напоить гостей, постелить нечего, но ведь ночью трудно и опасно бродить по горам. Так и быть, переночуйте у меня.

С радостью вошли странницы в лачужку. Над очагом висел старый чайник величиной как раз в три сё.

— Ничего у меня нет,—печалится девушка.—Сварю вам редьки с моего огорода.

Вышла она и принесла большую редьку. Сварили редьку, стали есть, а она вкусна необычайно.

На другое утро проснулись жена со служанкой, а девушки нет дома. Нехорошо уйти, не попрощавшись, вот и стали они поджидать девушку. Наступил день. Служанка пошла посмотреть, где редька растет, и видит большой огород. Стала она рвать редьку, и вдруг из земли вода ключом ударила. У служанки горло пересохло, зачерпнула она пригоршню воды и стала пить. Да только не вода это, а самое лучшее вино!

Побежала служанка к своей хозяйке, позвала ее. Пошли они обе к источнику, напились вина и, веселые, улеглись спать. Вечером проснулись, а девушки все нет и нет. Поели жена со служанкой редьки, попили вина и остались в лачужке на ночлег. Но девушка и на другой день не возвратилась.

Прожили хозяйка со служанкой некоторое время в лачужке. Как-то раз служанка говорит:

— Наполню-ка я чайник вином и пойду в город, продам вино.

Так она и сделала. Ходит по городу, выкликает свой товар. Горожане стали покупать на пробу, а вино-то чудесного вкуса.

Источник вина был неисчерпаем. Служанка носила вино на продажу, а на вырученные деньги покупала разные товары. Вино в источнике не убывало, а все прибывало. Хозяйка со служанкой открыли винную торговлю. Стали стекаться к ним люди со всех сторон, начали строить дома, возникло селение. Хозяйка сделалась женой богача-виноторговца и верховодила всем делом.

А ее бывший муж впал в страшную нищету, со дня на день еле перебивался. Прослышал он, что где-то в селении Крик Фазана живет неслыханно богатый виноторговец, от покупателей отбоя нет. Решил он плести соломенные сандалии на продажу и сбывать в этом селении.

Вот однажды хозяйка увидела нищего старика, продавца сандалий, и подумала: «Где-то я его раньше видела? Не могу припомнить. Кто бы это мог быть?» Стала она ломать голову, пытаясь вспомнить, но тут служанка догадалась:

— Да это ведь мой прежний господин!

«Как он изменился, жаль его», — опечалилась хозяйка. Отмерила она один сё золотых монет, завернула в связку соломы и дала служанке, а служанка отнесла продавцу сандалий. Взял он солому и пошел восвояси. Ночь была холодная, и старик подбросил солому в очаг, а для плетения сандалий принес пучок другой соломы.

На другой день приносит он сандалии в дом виноторговца. Изумилась его бывшая жена, что он не купил себе даже новую одежду, а по-прежнему ходит в грязных обносках.

Взяла она нигиримэси, сунула в него золотую монету и подала со словами:

— Вот возьми, поешь.

Взял ее прежний муж нигиримэси и пошел к себе домой, да по дороге увидел утку на озере. Поднял он камень и бросил в нее, но промахнулся. Взяла его досада, и запустил он в утку нигиримэси.

Опять пошел старик в дом виноторговца. Опечалилась его прежняя жена — «Какой он невезучий!» — и спрашивает:

— Хочешь поступить ко мне в дом слугой?

Старик охотно согласился:

— Ну что ж, буду служить тебе.

Остался он в доме виноторговца и дожил остаток своего века безбедно.

В старину, в далекую старину жили на свете два брата. Старший был богат, а младший беден. Вот как-то раз под Новый год пошел бедный брат к богатому попросить в долг мерку риса.

Ничего не дал ему богатый брат, наговорил много обидных слов и прогнал. Что делать? Побрел младший брат домой ни с чем. Вдруг повстречался ему на горной тропинке старик с белыми как снег волосами.

— Куда идешь?—спрашивает у него старик.

— Да вот, сегодня канун Нового года, а у меня в доме даже горсточка риса нет, чтобы поднести в дар богу—подателю новогоднего счастья¹. Понапрасну только ходил я к своему брату, не дал он мне ничего. Иду домой с пустыми руками.

— Ну, если так, я тебе помогу. Возьми этот пирожок и ступай к лесной кумирне. Есть за ней пещера. В той пещере карлики живут. Станут они у тебя пирожок просить, будут сулить за него горы золота, но ты не бери. Скажи, что сменяешь пирожок только на ручную мельницу.

С этими словами дал старик бедному брату маленький пирожок—мандзю.

Пошел бедный брат к лесной кумирне. В самом деле, за ней пещера в горе видна. Суетится возле нее множество крошечных человечков. «Что они там делают?!»—подумал он. Глядит, а они, спотыкаясь и падая, всей гурьбой одну тоненькую камышинку тащат.

— Стойте, я подсоблю,—говорит бедный брат. Взял он камышинку и отнес к пещере. Вдруг у него под ногами словно комар запищал:

— Помогите, разбой! Человека убили!

Удивился бедный брат, глянул себе под ноги. Видит: чуть не задавил он одного карлика! Попал карлик между подставками сандалии², бьется, кричит, зовет на помощь. Нагнулся поскорее бедный брат и осторожно, двумя пальцами вытащил карлика.

А тот пищит:

— Ну и силен же ты, великан! На что я тяжел, а ты меня как пушинку поднял!

Тут заметил он в руке у бедного брата пирожок и начал просить:

— Дай нам этот пирожок. Мы за него ничего не пожалеем!

Стали карлики носить из пещеры золото. По песчинке, по песчинке целую грудку натаскали. Но вспомнил бедный брат, чему его старик учил, и стал отказываться:

— Не возьму я золота, дайте мне взамен ручную мельницу.

Видят карлики, что его не переспоришь, и повели в пещеру. Стоит там в углу ручная мельница с каменными жерновами.

— Эта мельница—самое дорогое наше сокровище!— говорят карлики.— Жалко нам с ней расставаться, но уж очень нам твой пирожок понравился. Бери мельницу, так и быть! Покрути жернов вправо, наметет она тебе все, что только пожелаешь. Покрути влево, перестанет мельница молоть. Не забудь же, влево покрути, а то она вовек не остановится.

Понес бедный брат мельницу домой. А дома жена его заждалась. Не успел он показаться на пороге, как жена закричала:

— Ну что, достал хоть немного рису?

— Не спрашивай ни о чем,— отвечает,— а стели скорее на пол циновку.

Бросила жена на пол циновку. Поставил на нее бедный брат ручную мельницу и повернул жернов вправо, приговаривая:

— Мельница, намели нам рису, мельница, намели нам рису!— И вдруг посыпался на циновку крупный белый рис.

— Мельница, намели нам семги, мельница, намели нам семги!— Тут упало на циновку несколько больших соленых рыбин.

Много еще намолочила мельница разной вкусной еды. Лишь тогда бедный брат повернул жернов влево, когда уж ничего больше придумать не мог. Остановилась мельница, а муж с женой, радостные, сели ужинать.

На следующее утро говорит он жене:

— Довольно мы с тобой скитались по чужим лачугам. Пора и нам пожить в своем углу, как люди живут.

Велел он мельнице:

— Мельница, намели нам новый хороший дом с просторными кладовыми и большой конюшней, да чтоб стояли в конюшне на привязи семьдесят четыре коня. А потом намели рисовых лепешек и вкусного вина.

Созвал младший брат всех соседей и родственников. То-то они удивились! Последний в деревне бедняк всех на пир созывает. Не обошел он приглашением и старшего брата.

Пришел старший брат, смотрит, глазам не верит: только вчера вечером младший брат меру риса у него вымаливал, а сейчас он первый богач на селе! «Как это можно за одну ночь так разбогатеть! Откуда что взялось. Жив не буду,— думает,— а узнаю, в чем тут дело».

Пирует с гостями старший брат, а сам зорко так по сторонам поглядывает. Стали гости домой собираться. Захотелось младшему брату оделить их на прощание подарками. Пошел он потихоньку в другую комнату, где мельница стояла, и стал крутить ее вправо, приговаривая:

— Мельница, мельница, намели мне сластей для всех моих гостей.

А старший брат все в щелку и увидел. «Ха-ха, теперь-то я узнал, откуда у этого голодранца богатство взялось!»

Проводили хозяева гостей и улеглись спать. Стало в доме тихо. Тут старший брат прокрался в дом и сунул мельницу в мешок, а заодно и разных сластей прихватил с собой. Вышел старший брат на берег моря, а там, по счастью, лодка стоит на приколе. Бросил он в нее мешок и поплыл в открытое море. «Уплыву я на какой-нибудь далекий остров, пусть чудесная мельница мелет для меня одного,— думает он.— Тогда я стану богаче всех на свете».

Долго плыла по реке лодка. Настало время обеда. Тут старший брат хватился, что в мешке у него сластей много, а лепешка-то всего одна. Поглядел он на нее, поглядел, и до смерти захотелось ему соленья.

— Попрошу-ка я у мельницы прежде всего соли. Посолю лепешку.

Повернул он жернов вправо и приказал:

— Эй, мельница, намели мне соли!

Посыпалась соль из мельницы широкой белой струей. И глазом он моргнуть не успел, а дно лодки сплошь солью покрыто. Увяз в ней старший брат по щиколотки. Захотел он остановить мельницу, а мельница все вертится. Не знал старший брат, что надо влево жернов повернуть³.

— Эй, мельница, остановись, довольно! Стой, проклятая, стой!— кричит старший брат. Соль ему уже по колено, лодка по края в воду ушла, а мельница все мелет и мелет. Пошла лодка ко дну вместе с мельницей. Утонул с ней и старший брат.

Лежит мельница на дне моря, сыплется из нее соль непрерывной струей. И будет сыпаться до скончания века. Вот почему вода в море такая соленая.

59

Закондван- ный конь

Жили, не ведаю где, двое юношей, дружных, как братья. Один был сыном богача, а другой— бедняка. Такой крепкой дружбы от начала века не бывало.

Однажды отправились юноши в дальний край. Шли они, шли. Стало смеркаться, и остановились они в придорожной гостинице. Отвели им комнату размером в шесть циновок¹.

Старая пословица гласит: «Детям бедняка ночью не спится». Поужинали друзья и легли спать, но сын бедняка никак не мог уснуть. Лежал он с раскрытыми глазами и смотрел на очаг. В полночь хозяйка взрыхла золу в очаге, как воздělывают поле, и посеяла рисовые зерна². Быстро взошли и поспели колосья. Она их срезала, отвеяла зерна, натолкла муки и приготовила моти. «Вот чудо из чудес!»— думает юноша.

Той порой рассвело. Хозяйка разбудила друзей и пригласила их выпить чаю. Сын бедняка подошел к сыну богача и незаметно ущипнул его за колено.

— Не ешь моти,—шепнул он. Но тот словно не расслышал и начал уплетать моти. Съел один, ничего не случилось. Съел другой — и превратился в коня. Тогда только понял сын богача, что не зря друг пытался его предостеречь, и из глаз у него покатались слезы.

— Вот видишь! Ведь щипал я тебя за колено, говорил тебе! Но не падай духом, потерпи немного, я постараюсь вернуть тебе человеческий облик.

Ушел сын бедняка из гостиницы и долгое время скитался по свету. Но вот однажды встретил он седовласого старика.

— Дедушка, дедушка! Хочу я тебе задать диковинный вопрос,—сказал он.

— Какой же, сынок?

— Вот что случилось. Мой друг съел моти—не простой, колдовской. Рисовые зерна были выращены в очаге. Ты жил на свете долго, семь или восемь десятков лет. Может быть, знаешь, как вернуть моему другу человеческий облик? Если так, расскажи мне.

— Ладно, ладно,—ответил старик,— научу тебя. Иди вон в ту сторону, там увидишь поле, все засаженное баклажанами. Сорвешь семь спелых баклажанов с того куста, что обращен к востоку. Дай своему другу съесть эти баклажаны—и он снова станет человеком.

От души поблагодарил юноша:

— Спасибо тебе, дедушка, за драгоценный совет.

Пошел он дальше и скоро увидел поле, засаженное баклажанами. Но на всех кустах, обращенных к востоку, росло лишь по четыре баклажана. Куста с семью баклажанами так и не нашлось. «Значит, это не здесь»,—подумал юноша и пошел дальше. Вот и еще одно поле с баклажанами. Но на кустах росло не больше пяти баклажанов. Дальше идет сын бедняка. И снова перед ним поле баклажанов, но на каждом кусте всего шесть плодов. Надо идти еще дальше. Вдруг увидел он куст, обращенный к востоку, а на нем семь спелых баклажанов.

— Нашел! Нашел!—обрадовался юноша, сорвал баклажаны и поспешил на выручку к другу.

Видит он: хозяйка гонит коня в поле, вся спина у него истерта и покрыта ранами. Подошел к коню сын бедняка и дал ему баклажан:

— На, съешь!

Съел конь четыре баклажана и жалобно заржал:

— Больше не могу.

— Глупости какие! Надо съесть все, если хочешь снова стать человеком.

Стал сын бедняка бранить коня и велел съесть еще один баклажан. Но тут конь затряс головой. Не отступился сын бедняка, заставил своего друга съесть все семь баклажанов. И тут конь превратился в человека!

Друзья вернулись на родину. Богач спросил их:

— Почему вас так долго не было?

— Околдовали меня, отец, — стал рассказывать сын богача. — Съел я колдовские моти. Были они приготовлены из риса, выращенного в очаге. Много дней терпел я муку мученическую. Но мой друг спас меня.

Услышал это богач и отдал половину своего достояния сыну бедняка. С тех пор зажил сын бедняка в довольстве и счастье.

60

Кувшинный
человечек

В старину, в старину, далекую старину жил в деревне один юноша по имени Таро, лентяй, каких мало. Все молодые люди в деревне усердно помогали своим родителям, один Таро отлынивал от работы. Целый день он шатался по деревне без дела и глазел по сторонам.

Однажды приметил он на обочине дороги маленький кувшинчик.

— А-а, недаром говорят: бродячей собаке хоть палка да попадетя! — радостно воскликнул Таро, поднял кувшинчик и заглянул в него. А там сидит маленький человечек с обритой, как у монаха, головой.

Изумился Таро и попробовал заговорить с человечком, но тот отвечал таким тоненьким-тоненьким голоском, что не сразу разберешь, о чем речь.

— Люблю я таких людей, у кого одни забавы на уме. Из всей деревни один ты по душе мне пришелся. Возьми меня к себе домой.

Чудно это показалось бездельнику Таро, но все же он принес кувшинчик домой и вытряхнул из него человечка на циновку. Такой он был маленький, что можно на ладонь посадить. Играл с ним Таро, играл, пока не прискучило.

Снова захотелось на улице погулять. Оставил Таро человечка в доме, а сам пошел куда в голову взбредет. Шатался он, шатался туда-сюда и совсем забыл о своем госте. Но вот солнце стало садиться, пора домой. Тут только он вспомнил о человечке.

Пришел домой, заглянул в чистую горницу, а там вольготно развалился незнакомый мужчина, раскинув руки и ноги. Спит крепким сном. Пригляделся Таро: да ведь это тот самый, что сидел в кувшинчике!

— Как же он вдруг так вырос, ведь был совсем крохотулькой? — удивился Таро.

Гость поднялся на ноги, встал во весь рост и заговорил громким голосом, да еще так нахально:

— Это я благодаря тебе так вырос. Ты сегодня славно погулял. Здесь все такие негодники, работают рук не покладая.

Ты один мне на радость. Гуляй, гуляй больше!

Таро немного смутился в глубине души, но он так любил праздные забавы, что по-прежнему бездельничал с утра до вечера. А гость из кувшинчика с каждым днем становился все больше и больше. До того дошло, что у него уже ручки и ножки в доме не помещались, а торчали наружу. Таро уже не мог войти в свой дом. Но как выгонишь великана? Встанет, головой до туч достанет. Уж есть на чем призадуматься!

Таро по ночам спал во дворе. Беспечный он был малый, но тут напал на него страх.

Была как раз страда. В соседнем доме рук не хватало. Позвали Таро пособить. Отказаться совестно, и он с неохотой согласился.

Вечером сосед говорит:

— Спасибо тебе. Прими это в уплату.

Первый раз в своей жизни Таро получил за свой труд малую толику денег и очень обрадовался.

Вернулся он домой с опаской, смотрит — а гость из кувшинчика стал куда меньше ростом! Наконец-то Таро мог войти к себе в дом и улечься спать на привычном месте.

День за днем гость все уменьшался и стал опять маленьким-маленьким человечком. Тут Таро взялся наконец за ум!

— Хм, вот оно что! До сих пор я бездельничал, валял дурака. А ведь если возьмусь за работу, то и денег наживу, и от кувшинного человечка избавлюсь.

Бросил Таро пустые забавы и начал трудиться на совесть. Стали у него расти заработки. А это для кувшинного человечка было невыносимо. Потерял он своего любимого бездельника.

— Послушай, Таро, посади меня назад в кувшинчик и отнеси на обочину дороги, — стал просить человечек плаксивым голоском.

Пожалел его Таро и выполнил просьбу. Посадил в кувшинчик и отнес на то место, где нашел.

Но только с тех пор так никто и не поднял этого кувшинчика. Люди-то в деревне были все работающие.

61

Сморкун-
божок

Давно-давно в горной деревушке, что в провинции Хиго¹, жил один старик. Каждый день собирал он хворост в горах, относил его в город Сэки на продажу и тем худо-бедно кормился.

Как-то раз не удалось ему сбыть ни одной вязанки. Посреди города текла река, и был через нее переброшен мост. Много раз ходил старик через этот мост с одного берега на другой, но так и не нашел ни одного покупателя. Наконец выбился он из сил и остановился отдохнуть на середине моста. Тут начал он бросать в стремнину реки

вязанки хвороста одну за другой, вознес моление дракону— Повелителю вод и пошел было в обратный путь домой, как вдруг из речной пучины появилась неведомая юная красавица и окликнула старика. На руках красавица держала маленького, ну совсем крошечного мальчика.

— Ты честно трудишься каждый день,— говорит она старику,— а сегодня подарил нам много хвороста. Возрадовался божественный дракон и в награду дарит тебе этого мальчика. Возьми его с собой. Как понадобится тебе что-нибудь, только скажи: «Сморкун-божок, прошу тебя, дай мне то-то и то-то». Он исполнит любое твое желание. А ты ему за это подноси три раза в день салат из омаров.— Отдала красавица мальчика старику и снова опустилась в пучину вод.

Старик, не помня себя от радости, вернулся в свою деревню с мальчиком на руках. Дома он посадил его на полку в домашнем алтаре и усердно о нем заботился.

Что ни понадобится, рис или деньги, стоит только попросить мальчика— шмыгнет он носом, словно высморкался, и все, о чем просил старик, вдруг перед ним появится.

Дом у старика— грязная лачужка. Попросил он новый дом побольше. Мальчик шмыгнул носом— и прекрасный дом, кладовые, утварь для дома— все являлось одно за другим! Месяца не прошло, как старик стал первым богачом в деревне. Не надо таскать на спине вязанки хвороста. Сходи в город за свежими омарами— и больше не о чем беспокоиться.

Но время шло, и, поди ж ты, эта одна-единственная забота стала в доuku. Снял старик маленького сморкуна с алтаря и повел такую речь:

— Сморкун-божок, мне больше ничего от тебя не надо. Сделай милость, вернись во дворец дракона. И не забудь передать от меня приветствие твоему господину.

Услышав это, мальчик молча вышел из дома, громко шмыгнул носом и разом втянул в свои ноздри дом с утварью, кладовые, полные риса... Все исчезло— осталась только грязная лачуга.

Беда какая! Погнался было старик за мальчиком, чтобы удержать его и вернуть, но не тут-то было. Сморкун-божок пропал бесследно.

62

Откуда
пошли
золотые
жуки

В старину, в далекую старину жил у самого подножия горы Хикодзан¹ бедный вдовец по имени Токубэй. Всю жизнь усердно работал Токубэй, но в старости сломила его болезнь. Слег он в постель. Пришла в дом Токубэя горькая нужда. Каждый день приходилось гадать: умрешь ли сегодня голодной смертью или еще до завтра протянешь? Было у Токубэя двое детей: сын Гэнкити и дочка по имени Юки. Позвал он их однажды и сказал:

— Простите меня, дети мои. Лежу я беспомощный и не могу вас прокормить. Из-за меня вы голодаете.

— Что ты, что ты, отец! Об этом мы и не думаем. Одно нас печалит: не можем мы для тебя лекарства купить. А ты с каждым днем все больше слабеешь... Разве вот что!— воскликнул Гэнкити.— Пойду-ка я к дяде моему Гондзе, попрошу у него денег в долг. Тогда и ты, отец, поправишься, и сестренка Юки перестанет хныкать от голода.

— Но, Гэнкити, ты ведь знаешь, этот Гондза—страшный скряга. Он хуже собаки. Когда умирала твоя мать, Гондза не подумал навестить ее. А теперь делает вид, будто не знает, что я, его родной брат, при смерти. Если ты попросишь у него денег, только обидных слов наслушаешься. Ведь он готов из-за денег удавиться!

— Но ведь не погибать же нам голодной смертью!

— Ах, бедный мой сын! Прости меня.

— Постой, отец! Пришла мне в голову хорошая мысль.— И с этими словами Гэнкити выбежал из дома прямо под проливной дождь... Но куда бежать, этого он и сам не знал. Гэнкити только хотел успокоить отца.

Понемногу ноги юноши сами понесли его к дому дяди. «А вдруг да сжалится?—думал Гэнкити.—Ведь не каменное же у него сердце!»

Но все случилось, как говорил отец. Гондза его и слушать не стал.

— Нашел тоже богача! Нет у меня денег для таких, как вы, попрошаек. Убирайся отсюда!

— Но ведь отец умирает! Я вам отработаю, дядюшка. Буду трудиться день и ночь.

— Мне какое дело, кто будет жить, кто умрет. Ведь я не бог. Пошел прочь, ну, живо! Грязный оборванец, весь пол в кухне затоптал! Проваливай отсюда!

Выскочил Гэнкити из дома дяди как ошпаренный. Пошел он по горной дороге, ничего не видя от слез. С веток сосен и криптомерий струями лилась вода, будто и они плакали. Долго бродил Гэнкити. Он и сам не знал, сколько времени прошло.

Вдруг услышал он ласковый старческий голос:

— Стой, Гэнкити! Гэнкити, подожди!

— Кто меня зовет?

Перед Гэнкити, как из-под земли, вырос седобородый старик с парой грязных деревянных сандалий в руках.

— Скажи мне, отчего ты плачешь?—спрашивает старик.

— Мне очень нужны деньги, да негде их взять.

— А для чего тебе деньги?

— Надо купить лекарства и рис.

— Самому они тебе нужны или кому другому?

— Да если б мне самому, не стал бы я плакать. Отец у меня от болезни и голода умирает!

— Хорошо, тогда я дам тебе эти сандалии.

— А что я с ними делать стану?

— Они принесут тебе деньги. Надень — и увидишь. При каждом твоём шаге из-под них золотые монеты сыпаться будут. Но если одолеет тебя жадность и пожелаешь ты золота для себя одного, то случится с тобой страшная беда. Золото польется рекою, но сам ты будешь становиться все меньше и меньше. Помни это да ступай скорее к своему отцу. — И пропал старик из глаз, будто растаял.

«Уж не почудилось ли мне?» — подумал Гэнкити. Но нет, в руках у него пара деревянных сандалий...

Вернулся домой Гэнкити. Надел он сандалии, сделал шаг-другой, у него из-под ног золотые монеты посыпались. Купил Гэнкити на них лекарство для отца. Старик поправился, и сестренка перестала плакать от голода. Зажили они втроем хорошо, как в прежние времена.

Прошел слух об этом чуде по всем окрестным селениям. Стали навеваться люди к Гэнкити, чтобы попросить у него сандалии в долг, и всем задавал юноша лишь один вопрос:

— Для кого тебе нужны деньги: для себя или для других? — И он охотно давал сандалии каждому, кто хотел помочь другим.

Но однажды вдруг раздался у его дверей голос:

— Что, братец Токубэй дома? Это я, Гондза. О-о, Гэнкити, каким ты стал молодцом! Ну, я вижу, дела у вас идут на лад, а я-то о вас беспокоился. Как ты себя чувствуешь, братец? Береги себя! Здоровье дороже всего.

— Гондза! Зачем ты к нам пожаловал?

— Зачем? Хе-хе-хе. Дай, думаю, проведаю больного брата.

Но Гондза на брата и не глядел. Так и впился глазами в чудесные сандалии.

— Знаю я тебя, Гондза, хорошо тебя знаю. Только из-за этих сандалий ты к нам и пришел. Недобрая у тебя душа. Уходи отсюда прочь.

— Хе-хе-хе... Но, братец, ведь сандалии-то не твои. Они принадлежат твоему сыну Гэнкити. Выходит, я у тебя ничего не прошу.

— Что? Ах ты бессовестный! Да как у тебя язык повернулся!

— Ты, братец, помалкивай лучше. Послушай, Гэнкити, добрый мой Гэнкити! Как-никак, я у тебя единственный дядя. Дай мне эти сандалии на один только вечер.

— На один вечер?

— Только на один!

— Хорошо, Гэнкити, дай сандалии дяде, — приказал Токубэй.

Не успел он договорить, как Гондза уже схватил сандалии с домашнего алтаря и, не помня себя от радости, помчался домой.

— Ах, отец, беда может случиться! Тому, кто наденет эти сандалии, опасно только о своей корысти думать. Побегу-ка я вдогонку за дядюшкой Гондзой.

Встревоженный Гэнкити помчался по горной дороге следом за Гондзой. Прибежал он к его дому и видит: в пустой комнате золото грудой навалено. Повсюду рассыпаны монеты. И среди них, поблескивая золотом, бегают маленький жук²— все, что осталось от жадного Гондзы.

63

Деревянный
будда
и золотой
будда

Жил когда-то бедняк в услужении у богача. И был у этого богача великолепный будда из чистого золота. День и ночь думал слуга: «Ах, если бы у меня был такой будда! Может быть, он послал бы мне лучшую долю. Ведь мой хозяин всегда говорил, что нет на свете ничего сильнее золота». Но при его бедности это была

пустая мечта.

Как-то раз пошел слуга в горы рубить дрова и заметил чурбан, немного похожий на статую будды. Принес он его в свою каморку и начал по три раза в день ставить перед ним столик с кушаньем.

— Поешь, мой чурбанчик, а я тебе расскажу, как мне плохо живется.

Так делал слуга многие годы, и все в доме потешались над ним, а хозяин больше всех.

Слуга был честным и работающим. Стал думать богач, как бы заставить его работать всю жизнь даром, и вдруг вспомнил про деревянного будду.

— Придумал!— обрадовался богач и зовет слугу.— Слушай, устроим сумо между твоим божком и моим золотым буддой. Если чурбан будет побежден, то будешь ты мне служить без всякой платы до конца своих дней, а если мой золотой будда даст себя победить— я отдам тебе все мое богатство.

Собрал богач всех слуг и служанок и торжественно поклялся перед ними, что сдержит свое обещание. А бедняк пошел в свою клетушку сам не свой и говорит чурбану:

— Послушай, какая беда над нами стряслась! Трудную задачу задал мне хозяин! Велит тебе победить в борьбе его золотого будду, а не то придется мне даром служить всю свою жизнь. Лучше я взвалю тебя на спину и убегу отсюда.

Божок ему в ответ:

— Полно, не тревожься, не падай духом! Ничего страшного нет. Неси меня к хозяину без страха. Попробую я одолеть золотого будду.

Торопит хозяин слугу скорее устроить сумо. Нечего делать, понес бедняк свой чурбан в парадные покои. Хозяин тоже

принес туда своего золотого будду. Слуг и служанок собралось там видимо-невидимо.

Обратился богач к буддам с такой речью:

— Дал я клятву, что если ты, мой золотой будда, победишь, то будет мне служить этот работник даром всю свою жизнь. Если же победишь ты, деревянный будда, то твой хозяин получит все мое богатство! Помните это вы оба!— И с этими словами, взмахнув своим веером, он подал знак начинать борьбу.

И— о диво!— оба будды встали на ноги, отошли друг от друга и медленно, враскачку стали сходитьсь. Вот они схватились и стали бороться в обнимку. То один одолевает, то другой. Целых два долгих часа длилась борьба! Зрители кричали наперебой:

— Ара! Ара! Ну-ка, чья возьмет?! Глядите! Глядите!

Слуги и служанки старались подбодрить деревянного будду.

— Эй, чурбанчик, держись, не сдавайся! Не сдавайся! Не дай хозяину победить!

У хозяина глаза налились кровью. Он тоже все время кричал охрипшим голосом:

— Золотой будда, не сдавайся! Золотой будда, не отступай!

С золотого будды пот катится градом. Стал он двигаться все медленнее, с трудом и наконец зашатался в изнеможении. У хозяина тоже заструился пот по лицу, он побагровел и завопил:

— Золотой будда, не сдавайся! Держись! Тебе ли не воздавали почести в моем доме, тебе ли не поклонялись? Неужели ты поддашься простому чурбану, жалкой деревяшке? Покажи всем, что нет на свете ничего сильнее золота! Ах ты жалкий трус!— И в гневе хозяин стал поносить золотого будду бранными словами, но чем больше он бранился, тем больше слабел золотой будда и наконец громко заплакал, застонал и повалился на пол.

Обрадовались слуги и стали осыпать золотого божка насмешками. Потребовали они, чтобы сдержал богач свое обещание. Нечего делать, пришлось богачу убираться вместе со своим золотым буддой. Досталось все его богатство бедняку. Щедро оделил бедняк всех остальных слуг, и пошло веселье в доме, где раньше лились слезы.

Стал богач скитаться по свету. Скоро у него ни одной монетки не осталось. Как-то раз заночевал он в открытом поле и начал со слезами упрекать золотого будду:

— Ах, зачем ты дал себя побороть какому-то чурбану? Из-за твоего малодушия я с позором изгнан из своего дома, и хозяйничает в нем нищий оборвыш. А я-то на тебя понадеялся! Разве не отлил я тебя из чистого золота?

Золотой будда ему в ответ:

— Напрасно ты меня винишь. Пеняй на самого себя! Вспомни, как ты кормил меня! Только два раза в год, по большим праздникам! А слуга делился всем, чем мог, со своим простым чурбаном. Вот и стал чурбан сильнее золота. Горькая

моя судьба, что мне такой хозяин достался! Одно мне осталось утешение: стукать тебя по спине на каждой кочке. Узнаешь, сколько весит золото!

Пришлось хозяину нищенствовать до скончания своих дней да еще таскать на спине тяжелого золотого будду.

64

Счастливые
несчастья

В старину жил один бедный торговец, сковороды вразнос продавал. Как-то раз выдался незадачливый день, ни одной-единственной продать не удалось. Усталый, побрел разносчик домой.

По дороге надо было через высокий холм перевалить. Смотрит: на вершине холма спит крепким сном самурай. С опаской прошел разносчик мимо самурая, стал спускаться по крутому склону и вдруг на половине пути призадумался. Нет, что-то здесь не так! Вернулся назад. Самурай за это время и не пошевелился.

«Может, он помер?» — подумал разносчик, поднял дорожный посох, стукнул самурая по лбу и припустился наутек вниз с холма. Уже пробежал полдороги, но не слышно, чтобы кто-нибудь за ним погнался. Снова взошел разносчик на вершину холма, нагнулся к мертвому самураю, сунул руку к нему за пазуху и нашел кошель, набитый деньгами.

Разносчик запрятал кошель у себя за пазухой и снова бегом с холма. На полпути остановился, огляделся: нигде никого не видно. Он опять воротился и снова все забрал у самурая: парадный костюм, два меча. И в третий раз побежал с холма без оглядки.

Домой он вернулся поздно. Сказал только:

— Хватит сковородами торговать. Пойду в город, стану самураем,—и завалился спать.

На другое утро разносчик встал на рассвете, нарядился самураем, заткнул за пояс меч и пошел в город. Смотрит: поставлен на видном месте столб с таблицей, а на ней какая-то надпись. Стоит самозванный самурай перед таблицей, пялит глаза—да только не знает ни одного письменного знака. Прочсть не может, уйти любопытство не позволяет.

Пришел тут один старик и спросил:

— По какой причине, господин самурай, вы здесь стоите с самого утра?

— Да вот, не могу одного знака разобрать, гляжу и думаю.

Старик говорит ему:

— На этой таблице написано, что в доме одного городского богача каждую ночь появляется оборотень. Кто его убьет, тот получит в жены дочь богача.

Разносчик пошел к богачу и объявил:

— Я—первый во всей Японии странствующий воин— покоритель чудовищ. Прочел надпись на таблице и явился к вам на помощь.

Богач устроил для гостя великолепное угощение и оставил его ночевать в верхних покоях. Несет разносчик ночной дозор. Над входной дверью повесили множество оружия: копье и топорик, лук и ружье. Таких вещей разносчик никогда и в глаза не видел, посмотреть бы поближе. Для начала снял он ружье и давай вертеть его в руках. Вдруг раздался оглушительный выстрел. Перепугался разносчик: «Пропал я!»

Тут прибежали сторожа:

— Поистине великий подвиг совершили вы, господин самурай! Только оборотень вышел из чулана, как вы сразили его метким выстрелом!

Согласно обещанию отдали разносчику в жены дочь богача. Разнеслась повсюду молва: молодой зять— замечательный воин.

Однажды пришел к самозваному самураю житель дальней деревни и жалуется. Случилась у них неслыханная беда: выходит по ночам из глубины гор оборотень, поля опустошает. Одна у них надежда: может, господин самурай убьет чудовище? «Какой ужас!»— подумал разносчик, но делать нечего, пришлось согласиться.

А дочке богача он был противен, и, чтобы отделаться от нежеланного мужа, подмешала она яду в нигиримэси. Ничего не подозревая, разносчик взял нигиримэси и отправился в дорогу.

Оборотень, как стемнеет, приходил в бамбуковую чащу поодаль от деревни. Поселяне поставили там охотничью сторожку, и— «Прощения просим!»— все поспешили убраться засветло.

Остался разносчик в одиночестве. Начало темнеть, и на него нашел страх. Вдруг посреди ночи раздался ужасный рев и пахнуло болотной вонью. Зажглись во мраке два сверкающих огня и движутся все ближе, ближе...

Не помня себя от испуга, разносчик выбежал из охотничьей сторожки, влез на ближайшую хурму и привязал себя к ветке. Смотрит вниз и видит: огромный змей обвился вокруг дерева, два ярких огня—это его глаза. Дрожь пробрала разносчика. Творит молитву: «Нанмандабуцу, нанмандабуцу»¹—и весь трясется, как в лихорадке. Выпал у него из-за пазухи нигиримэси и угодил прямо в разверстую пасть чудовища. Затих змей, не шелохнется.

Когда рассвело, разносчик увидел, что змей издох. Всадил он ему в каждый глаз по стреле, вернулся в сторожку и уснул спокойным сном. Вскоре пришли поселяне. Разбудили самозваного самурая, спрашивают:

— Как ночь прошла?

— Вечером, едва сон меня сморил, что-то зашуршало в кустах. Послал я в ту сторону две стрелы, и все утихло. Сходите туда, посмотрите.

Пошли они и видят: лежит под хурмой мертвый змей, в оба глаза стрелы впились.

И снова повсюду шумит молва о великом подвиге самурая. Захотел князь, чтоб такой замечательный воин служил у него кэраем:

— Ступайте за ним, пусть предстанет передо мной!

Пять-шесть воинов поскакали на конях к самозваному самураю.

«Досадное дело!»—в смущении подумал разносчик. Как быть? Ослушаться нельзя. Никогда в жизни он не садился на коня, но самурай должен ехать верхом. Потряхал разносчик позади всех. По дороге надо было переправиться через большую реку. Плохо пришлось самозваному самураю, посреди реки свалился с коня. Тонуций цепляется за что попало. Ухватил разносчик громадного карпа.

Перепуганные самураи поспешили вернуться:

— Какая беда с вами приключилась?

— Нет, не случилось со мной никакой беды. Но я в первый раз предстану перед князем, а не везу с собой никакого подарка. Негоже это. Приметил я в реке вот эту рыбешку, бросился в воду и поймал. Только и всего!

— Каков молодец!—восхитились самураи.

Наконец прибыли в княжеский замок. Князь говорит:

— Много я о тебе слышал. Покажи мне свое умение фехтовать. Против тебя выйдут самые искусные воины.

Вконец оробел разносчик:

— Новая беда!

Сначала попросил он, чтобы устроили состязание между другими самураями. «Ха-ха, так вот, значит, как фехтуют! Дело, кажется, нехитрое».

Но вот пришла его очередь. Думал он: «И я сумею махать мечом», но не тут-то было. Стал противник наносить ему сильные удары. Мечется разносчик, вопит:

— Пощадите! Помогите!

И вдруг очнулся. Все было сном! Заспался он утром, и стали жена с детьми будить его колотушками по голове. Еле-еле добудились.

65

Удивитель-
ные
путешес-
твия
ротозей
Тораяна

Жил некогда у нас в городе Осака, в квартале Тэмма молодой парень по имени Тораян. По приказу своей матушки он готовил кушанье из угрей на продажу. Тем и промышлял. Очень боялся сынок своей матушки, но, что поделаешь, был он порядочный ротозей и часто попадал впросак.

Как-то раз купил он большого жирного угря, положил на доску и хотел было ножом отхватить ему голову, да по

обыкновенно зазевался. Соскользнул угорь с доски, вильнул хвостом—и в канаву, оттуда в другую. А канавка эта была длинная, вела прямо в поля.

— Эй, куда ты, негодяй! Постой, милый, подожди!

Бежит Тораян за угрем, расставив руки, но куда там! Разве поймаешь! Вот прибежал он на поле, где редька росла. Крикнул ему хозяин:

— Эй ты, чего здесь бегаешь по моей земле?!

— Чего, чего! Ловлю сбежавшего угря, вот чего! Да уж, видно, не поймаю. Как же я теперь вернусь домой с пустыми руками? Мать забранит. Ах, несчастный я, лучше бы не родиться мне на свет! Домой идти боюсь. Куда я теперь пойду?!

— Ну, что разнюнился,—говорит ему крестьянин.—Слезами горю не поможешь. Если боишься домой идти, поступай ко мне в работники, поможешь редьку собирать.

Обрадовался Тораян, взялся за работу. На беду, попалась ему большая редька с очень крепким корнем—ну никак не выдернешь! Поднатужился Тораян, уперся ногами, тянет, потом обливается:

— Унтокоса! Раз, два—взяли! Идет, идет, пошла!

Как рванет изо всех сил! Выскочила редька из земли, а самого Тораяна подбросило высоко-высоко, под самые небеса. Покрутился он в воздухе, как волчок, и—хлоп!—упал посреди двора одного бочара на улице Бочаров.

Онемел бочар от испуга:

— Откуда ты? Вот уж, правда, с неба свалился!

— Вытянул я из земли большую редьку. Как выскочит она, меня к вам и забросило,—со слезами стал рассказывать Тораян, потирая ушибленный зад.—А идти мне теперь некуда. Не приютить ли ты меня, хозяин?

— Вот оно, выходит, какое дело,—стал размышлять бочар.—Ну что ж, мне как раз нужен работник. Будешь ободья на бочки набивать.

Начал Тораян набивать бамбуковый обод на бочку. Но был он ротозей, на руку неспорый. Согнул обод в круг, да не удержал. Пин!—щелкнул обод, и полетел Тораян вверх, словно стрела, спущенная с тетивы. Хлоп! Упал он на землю во дворе одного зонтичных дел мастера на улице Зонтов.

— Ай, ай, ай, больно!—закричал Тораян, подпрыгивая от боли и потирая свой дважды ушибленный зад.

— Ты откуда такой взялся, с молотком в руке?—удивился хозяин.—Каким ветром тебя занесло?

— Служил я у одного бочара, набивал ободья на бочку. А один обод так сильно щелкнул меня, что взлетел я под самые небеса... Стыдно мне теперь к бочару возвращаться. Не приютить ли ты меня, хозяин, у себя?

— Что ж, хорошо! Натягивай бумагу на зонты, если сумеешь.

Взялся Тораян за дело. Натянул бумагу на огромный зонт и понес его показывать хозяину. Вдруг, откуда ни возьмись, налетел вихрь. Не выпустил ротозей вовремя зонт из рук, и понес его ветер, закрутил, как пушинку. Все выше и выше летит Тораян сквозь облака и очутился на самом небе.

Видит он: стоит какой-то дом. Позвал Тораян хозяев, и вышла к нему диковинного вида женщина: глаза у нее так и сверкают! Зажмурился Тораян, а она говорит:

— Ты как попал к нам сюда, человек? Это ведь дом громовиков¹, а я—Огненная Зарница.

Подкосились ноги у Тораяна. Насилу-то насилу сошло у него с языка:

— Унес меня зонт на самое небо. Куда я теперь денусь? Пожалей меня, дай мне приют.

Тут как раз идут огромные черти, стуча в барабаны. Это и были громовики. Рассказал им Тораян про свою беду.

— Ну что ж, пожалуй,—говорят.—Поможешь нам. Как ударим мы в свои барабаны—горо-горо-горо-горо!—ты сразу лей воду из кувшина.

— Уж постараюсь.

Стал Тораян служить громовикам. Они бьют в барабаны, а он льет воду из огромного кувшина. А как глянет вниз на землю, так смех его и разбирает:

— Вот смех-то, веселая работенка! Ой, вот потеха!

Льет Тораян, не жалеет воды, а на земле суматоха, люди бегают, как встревоженные муравьи, белье с шестов снимают, зонты раскрывают, прячутся кто куда. Загляделся Тораян, зазевался—раз!—и поскользнулся. Полетел с неба вверх тор-машками, да и угодил в самую середину Осацкого залива. Плюх! Пошли круги по воде. С большой высоты летел Тораян и в один миг очутился на дне.

Стоит под водой дивный дворец, так и сверкает всеми цветами радуги.

— Ой, что это? Никак дворец Повелителя драконов?

Вышла к Тораяну Отохимэ, прекрасная дочь морского царя, и проводила гостя в палаты. Подали ему богатое угощение, а потом начались во дворце веселые пляски. Развеселился Тораян, а Отохимэ ему наказывает:

— Смотри же, гость, если спустится сверху какое-нибудь вкусное лакомство, не польстись на него—беда случится.

Через некоторое время вышел Тораян в сад погулять. Вдруг спускается откуда-то сверху кусочек мяса, да такой на вид нежный и вкусный! Болтается он перед самым носом Тораяна. Был Тораян сыт до отвала, но тут не устоял, поймал приманку ртом, да как завопит:

— Ай, колет, колет! Больно!

Мясо-то было на рыболовный крючок насажено. Проколот крючок губу Тораяну. Чувствует Тораян—тащат его кверху.

Как выставил он голову из воды, рыбаки на лодке крик подняли:
— Чудище, чудище! Поймали мы на крючок чудище морское!

Тораян им в ответ со слезами:

— Да какое я чудище! Такой же человек, как и вы! Спасите, помогите!

— И правда, как будто человек! Выходит, ребята, мы человека выудили!

Таращатся рыбаки на Тораяна в изумлении:

— Откуда ты взялся такой? Какого рода-племени? Где живешь?

— Живу я в Тэмма, тут неподалеку.

— Вот так штука, выходит, поймали мы на удочку парня из квартала Тэмма! Куда только наш брат не заберется!

Взвалили они Тораяна на плечи и понесли его домой к строгой матушке на расправу.

66

Путешествие
по небу

В старину жил удачливый человек. Счастье само так и плыло к нему в руки. Как-то раз пошел он на охоту. Ружье у него старое, кривое. Вдруг видит — дикие гуси летят. Выпалил он, почти не целясь. Пуля подшибла одного гуся, а за ним другого, третьего... С одного выстрела попадало на землю несколько десятков гусей.

Вот это охотничье счастье! Подобрал удачливый человек всех подстреленных птиц, кое-как засунул за пояс и пошел домой. Но по дороге птицы ожили. Стали бить крыльями, взлетели вверх и унесли его с собой. Долго летел он по небу. Но понемногу один за другим дикие гуси выбрались из-за его пояса на свободу. Стал счастливчик падать вниз... Но и тут повезло! Опустился он на самый верх пятиярусной пагоды в краю Ямато¹. «Как же я теперь спущусь на землю?» — подумал он и начал кричать во весь голос:

— Помогите! Спасите!

Сбежалось множество людей из храма и ближних селений. Что делать? Чем помочь? Принесли самый большой платок, какой в храме нашелся. Велели тем, кто посильней, держать его за четыре угла. А сверху на платок навалили целую гору мягкой хлопковой ваты.

— Прыгай вниз, не бойся! Подхватим! Ну, раз, два, три!

Прыгнул вниз счастливчик и угодил точно в самую середину платка.

Но тут платок сложился наподобие мешка, и люди, державшие его, сшиблись лбами, да так, что искры из глаз посыпались!

Хлопок вспыхнул, огонь перекинулся дальше. Платок, пагода и счастливчик — все, все сгорело!

Только сказка осталась.

67

Жрец, врач
и канатный
плясун
в аду

В старину это было.

Как-то раз на празднике богини Каннон¹ в деревне Мацуё один канатный плясун показывал свое искусство. Зрителей собралось великое множество. Но вдруг неведомо по какой причине упал канатный плясун с высоты и разбился насмерть.

А в это время умер от простуды местный врач. Заодно с ним отправился на тот свет и старый жрец, подавившись моти на празднике в честь бога — покровителя домашнего очага².

Явились все трое на суд к владыке преисподней — князю Эмма³. Первым взял слово канатный плясун:

— Всемилостивый повелитель наш Эмма, в земном мире был я искусным акробатом и приносил радость людям. Пошли же меня за это в райскую обитель.

— Нет, врешь, врешь, за всю свою жизнь ты ни одного нового фокуса не показал, работал по старинке, да и то нечисто... Даром только с людей деньги брал. Ступай же в преисподнюю.

Вторым стал говорить врач:

— Господин наш Эмма, когда я жил в земном мире, то сделал много добра. Я исцелял людей от болезней. Не было врача искуснее меня. Пошли же меня в светлый рай.

— Лжешь, жалкий знахарь! — загремел князь Эмма. — Ты не умел правильно распознать ни одной болезни, назначал бесполезные лекарства. Сколько больных заморил! Даром только драл с людей деньги. Ступай же в ад кромешный!

Настала очередь жреца.

— Господин наш Эмма, я в бытность мою на земле беседовал с богами, услаждая их молитвами и празднествами. Внимая мне, боги дарили свою милость людям. Нет выше моей заслуги! Уж я-то наверняка достоин рая!

— Вот ты как раз самый худший из всех плутов и обманщиков! — в гневе закричал Эмма. — Всю жизнь ты людей обманывал! Учил их всяким глупостям: прикладываться к амулетам, читать разные заклинания, изгонять злых богов, насылающих болезни... И ты тоже даром брал с людей деньги. Проваливай в преисподнюю!

Нечего делать, пришлось всем троим отправляться в ад. А там уж был получен приказ князя Эмма. Схватили черти всех троих и потащили к огромному котлу. А в котле горячая вода ключом бурлит, клокочет! Страшного вида черт заорал на них:

— Эй вы, полезайте в котел. Сейчас вам крышка, сварю вас в кипятке.

И в самом деле держит в руках большую крышку.

Врач с канатным плясуном испугались:

— Конец нам пришел! Что делать, как выпутаться из беды?

— Успокойтесь и положитесь на меня,— отвечает жрец.— Есть у меня против огня и адского жара хорошее средство.— И забормотал себе под нос заклинания от огня...

Влезли все трое в котел, а вода уже стала остывать.

— Вот здорово-то, вода сейчас в самую пору. Ух, как приятно! Эй ты, чертово рыло, подкинь еще дровец.

Развеселились трое, нежатся в теплой водиче. Стало чертям тошно от досады.

— Ну, хватит! Вечно, что ли, вы собираетесь в этом котле прохлаждаться? Вылезайте, негодные грешники, не то раскаетесь!

Видят черти: вода остыла, начали дров в огонь подбавлять. Носят дрова охापками. Сожгли все топливо в аду, а котел не закипает.

Побежали черти с докладом к князю Эмма.

— Ну ладно же!— разгневался владыка преисподней.— Вытащите их из котла и отправьте на гору Мечей.

Погнали черти троих нагишом к высокой горе. А эта гора от подножия до самой вершины острыми мечами утыкана. Сверкают клинки красным огнем, страшно глядеть!

— Вот когда мы пропали! Ах, неужели нет средства спастись?— горюют жрец с врачом.

— Есть, как не быть,— отвечает им канатный плясун.— Надейтесь на меня. Я вызволю вас из беды.

Посадил он на правое плечо жреца, а на левое врача и затянул песню:

*Эй-эй-эй, ясаноса.
На правом плече
Несу жреца.
На левом плече
Несу врача.
Эй-эй-эй, ясаноса.
Скачи, плясун,
Ноша хороша.*

Стал канатный плясун через мечи перескакивать — прыг-скок, прыг-скок! Работенка для него привычная, легкая; быстро добрался до самой вершины. Сидят трое на горе и любятесь! Ах, взгляните туда, как красиво! Нет, лучше вон туда поглядите, какой замечательный вид!

Черти даже зубами от злости закрипели, бегут князю Эмма жаловаться.

— Ну, погодите, узнают они меня, мерзавцы этикие! Тащите их ко мне, я с ними мигом расправлюсь.

Схватили черти жреца, врача и канатного плясуна, приволокли силком к грозному князю Эмма.

— Ах вы подлецы! Смеяться над нами вздумали?! Вот я вас сейчас проглочу,— заревел князь Эмма и разинул свою пасть, страшную, словно жерло вулкана.

А врач—прыг в нее, легче лягушки. Не успел князь Эмма сжать свои острые зубы, как врач уже очутился у него в животе.

«Ох, кажется, я его целиком проглотил»,—подумал князь Эмма и снова разинул рот, а канатный плясун прыг к нему в глотку! Эмма только впустую зубами лязгнул. «Смотри ты, и этого целиком проглотил!» Но только Эмма раскрыл снова рот, как жрец проскользнул у него между зубами.

Все трое вновь встретились в животе у князя Эмма.

— Вот уж теперь мы совсем пропали!—приуныли жрец с канатным плясуном.

— Вы два раза спасли меня,—говорит врач.—Теперь моя очередь. Не падайте духом, подбодритесь, я вас вырuchu.

Достал он из коробочки пригоршню порошка и давай сыпать во все стороны. Поднялись у князя Эмма в животе колики, забурлили вихри. Раз!—вылетел канатный плясун. Два!—вылетел жрец. «Неужели я здесь один останусь?»—испугался врач и высыпал порошок весь до конца. Завопил князь Эмма. Разыгралась у него в животе сильная буря—и вылетел врач легче пушинки.

— Гоните их в шею вон из ада!—завопил Эмма чертям.—Пусть убираются на землю. Ты, канатный плясун, ступай опять кувыркаться на своем канате. Ты, жрец, иди в свой храм бормотать молитвы. А ты, врач, мори других. С меня хватит!

Так они все трое—жрец, врач и канатный плясун—благополучно воротились из преисподней на землю.

68

**Страшный
зверь
кап-кап**

В старину жили в одной ветхой, кособокой лачужке старик со старухой. Казалось бы, чем у них поживиться? Всего-то у них богатства—одна лошаденка, да и ту надумал вор со двора свести. Притаился он, ждет, чтобы хозяева уснули.

На дворе стояло осеннее ненастье. Дождь ливмя лил, а крыша лачуги вся прохудилась. То тут послышится «кап-кап», то там струйка побежит. Перетаскивают старики свои постели с места на место, нет им покоя. Всюду дождь капает.

— Ах, страшный зверь этот кап-кап!—вздохнула старуха.—Хуже тигра, хуже волка.

— Твоя правда,—ответил старик.—Нет на свете страшнее. Никуда от него не спрячешься.

А под окном притаился голодный волк. Задумал он съесть хозяев, когда огонек в доме погаснет. Услышал он слова стариков, и шерсть у него дыбом встала с перепугу.

— Думал я, что в этих местах нет зверя сильнее меня. А на поверку выходит, забрался сюда какой-то страшный кап-кап... Ой-ой-ой, лучше я убегу. Убегу, убегу!

Как шарахнулся волк прочь, как задал стрекоча! А конокрад подумал: «Эге! Лошадь-то, никак, с привязи сорвалась».

Кинулся он в погоню, да и вскочил с разбегу волку на спину. Тут волк совсем ополоумел: «Пропал я! Не попался я в капкан, так схватил меня кап-кап!»

Помчался волк большими скачками, а конокрад еще сильнее в него вцепился. Ничего понять не может: старая лошадь, а вон как понесла! Молодому жеребцу не угнаться.

Бежит волк с конокрадом на спине, а тем временем стало светать. Заметила их с дерева обезьяна.

— Э-э, что я вижу! Человек верхом на волке. Вот потеха-то, ха-ха-ха!

Тут и конокрад заметил, на ком он сидит. Скатился он с волка и полетел кубарем в волчью яму. Хорошо еще, что шею себе не сломал. Сидит он в волчьей яме и размышляет, как оттуда выбраться.

А обезьяна говорит волку:

— Ну, волк, дивлюсь я на тебя. Как ты позволил человеку себя оседлать?

— Как — человеку? Меня страшный кап-кап схватил. Еле я от него спасся.

— Нет же, говорю, на тебе ехал человек. Как на простом коне, ха-ха! Да погоди, я проверю. Сдается мне, свалился он вон туда, в волчью яму.

В те времена у обезьяны был длинный хвост. Опустила она его в яму, водит им по сторонам. Ухватился конокрад за хвост, думал он, что это веревка.

— Вот это кстати. Дай попробую выбраться.

Завопила обезьяна от боли:

— Итэ-тэ-тэ-тэ! Волк, волк, там и вправду страшный зверь кап-кап. Он схватил меня за хвост.

Услышал это волк и кинулся бежать опрометью. Обезьяна кричит:

— Стой, стой, куда ты?! Постой, погоди! Не бросай меня в беде.

Рвется обезьяна изо всех сил, морда у нее от натуги кровью налилась... Вдруг хвост как оторвется почти у самого корня!

С тех самых пор у обезьян красные морды и короткие хвосты.

В старину это случилось, в далекую старину.

Жили в одном городе два приятеля: Тэпэйроку и Хатикоробэй. Раз в новогодний вечер сговорились они между собой рассказать друг другу, какой сон каждому приснится¹. За беседой и вином Хатикоробэй незаметно для себя вздремнул. Во сне разобрал его смех: хе-хе-хе, хи-хи-хи! Тэпэйроку поскорей растолкал приятеля:

— Ага, Хатикоробэй, ты уже видел свой новогодний сон. И, уж наверное, любопытный! Скорей выкладывай, что тебе снилось.

— А, глупости! Я, правда, немного клевал носом, но чтоб я спал! Да ни одной минутки!

— Не ври, дрых всюю и так громко хихикал, будто тебя щекочут. Значит, тебе сон привиделся. Ну, говори какой, мне не терпится узнать.

— Не знаю, хихикал я или нет, но никакого сна я не видел. Что пристал? Мне-то лучше знать. Не видел—и все!

— Нет, врешь, видел, видел. Зажилил сон, сквалыга!

Тут закричали оба: «Ты видел сон!»—«Нет, я не видел!» Слово за слово, закипел у них спор, а где спор, там и ссора: «Посулил мне сон, так выкладывай!» А после ссоры пошла у них тяжба. Поташил Тэпэйроку Хатикоробэя в суд.

А судья стал требовать: сознайся да сознайся, что утаил новогодний сон. Но Хатикоробэй уперся на своем: не видел я сна, которого не видел. Разгневался судья и велел привязать Хатикоробэя к верхушке сосны на горе Готэн. Качает его там холодный ветер.

Ночью вдруг прилетел тэнгу², кружась и порхая в воздухе, словно большая птица, и опустился на сосну.

— Эй, кто тут?! Отзовись!

— Это я, Хатикоробэй.

— А зачем ты здесь, на верхушке дерева, ночью?

— Да вот, принуждает меня судья сознаться, что я видел сон, которого не видел, и велел привязать меня к сосне.

— Ах ты бедняга! Я развяжу тебя.

— Спасибо тебе, господин тэнгу, от всей души спасибо. Но скажи мне вот что: как ты летаешь по воздуху? Верно, мудреное это дело?

— И вовсе нет, наука здесь небольшая. Каждый может так летать, кто владеет сокровищем тэнгу.

— А что это такое, сокровище тэнгу?

— Вот оно, погляди. Видишь эту палку? На вид простая, но есть у нее чудесное свойство. Когда хочешь взлететь на небо, надо махнуть палкой и сказать: «Ситяракатянтян, ситяракатянтян». А надо тебе спуститься вниз, махни палкой и скажи:

«Одзуйдзуйнодзуй, одзуйдзуйнодзуй». Только и всего. Но вот что я тебе скажу! Ты уверяешь, будто не видел сна, а на самом деле видел, да еще какой! Хочешь меняться со мной? Ты мне отдашь свой вещий сон, а я тебе — чудесную палку?

— И правда, что палка — чудо из чудес. Пожалуй, давай меняться. Но покажи наперед, какова-то она на деле.

— На, попробуй, — сказал тэнгу и отдал чудесную палку.

Хатикоробэй крикнул: «Ситяракатянтян, ситяракатянтян!» — взмахнул палкой и легко взлетел в небо. Понравилось ему, летает, летает, а назад не спускается. Ждал его тэнгу, ждал и завопил громким голосом:

— Хатикоробэй, довольно, верни мне мое сокровище. Не надо мне твоего сна, только отдай палку!

Но Хатикоробэй летел все дальше и дальше. Что мог поделать бедный тэнгу?

Долго бы еще носился в воздухе Хатикоробэй, но есть захотелось. Надо было спускаться вниз. Сказал он: «Одзуйдзуйнодзуй», взмахнул палкой и очутился на земле в городе Нумата³.

Смотрит Хатикоробэй по сторонам, где бы ему поесть. А неподалеку стоит дом, на нем треугольная вывеска с надписью: «Харчевня “Три угла”».

«Вот тебе на, странная вывеска! Что бы это значило? — думает Хатикоробэй. — Зерна гречихи — треугольные; может, здесь гречишной лапшой кормят?»

Постучал он в дверь:

— Эй, кто тут хозяева? Нельзя ли поесть у вас гречишной лапши?

На стук вышел хозяин с заячьей губой:

— Пожалуйста в дом, вот сюда, вверх по лестнице.

Поднялся Хатикоробэй в верхнее жилье и очутился в треугольной комнате.

Спрашивают его:

— Не угодно ли сначала в баньке помыться?

Пошел он в баню. Стоит там треугольный чан, а Заячья Губа огонь под ним разводит. Выкупался Хатикоробэй.

— Ну, теперь несите мне лапши, да побольше!

Поставили перед ним столик. Смотрит Хатикоробэй: и столик то диковинный — с тремя углами.

— Э, видно, у них тут все на три угла.

Начал Хатикоробэй уплетать за обе щеки. Вдруг, откуда ни возьмись, запрыгала по столу треугольная лягушка — шлеп, шлеп, шлеп! Только кончил он есть, как Заячья Губа подал счет. А денег у Хатикоробэя, как на грех, ни одного мона.

— Не стоит эта лапша денег, по ней лягушка прыгала. Не буду платить.

— Вот еще, выдумал! На дармовщину поесть захотел. Давай деньги!

Заспорил Заячья Губа с Хатикоробэем и схватился с ним врукопашную.

Получил Хатикоробэй тумака и скатился с лестницы. Как ударился лбом о треугольный столб! Вскочила у него на лбу треугольная шишка. От боли Хатикоробэй охнул и открыл глаза... Какое счастье! Все было только сном!

А приятель спрашивает:

— Так что же приснилось тебе в новогоднюю ночь?

70

Кто на свете
самый
могучий?

Жил в одной деревне каменщик. День-деньской он долбил камень — каттин-каттин! Прискучило ему такое ремесло, уж, кажется, хуже не бывает. Как-то раз он размечтался: «Ах, если б я стал самым могучим на свете! Весело бы я зажил тогда!» Но как узнать, кто на свете самый могучий?

Пошел он к святилищу божества, чтимого в той деревне, и спросил: кто всего сильнее на свете?

— Да уж, конечно, солнце! — ответил бог.

— Преврати же меня в солнце, молю тебя! — попросил каменщик — и в тот же миг стал он солнцем.

Сияя веселой улыбкой, озарило солнце весь мир. Но вдруг набежала черная туча и затмила солнечный лик! Что ж, выходит, туча сильнее солнца? В горькой обиде воззвал каменщик к богу:

— О боже, преврати меня в черную тучу! Я хочу быть самым могучим на свете.

Бог внял мольбе и превратил каменщика в черную тучу.

«Вот теперь-то и вправду сильнее меня нет!» — И туча горделиво поплыла по небу. Вдруг, откуда ни возьмись, налетел сильный ветер и погнал тучу вдаль. Так, стало быть, ветер сильнее тучи? Заплакала туча, ливнем полились слезы:

— О боже, не хочу я быть тучей, преврати меня в буйный ветер! Он на свете самый могучий.

В тот же миг исполнил бог и эту просьбу.

Возликовал ветер и понесся по небу: «Кто устоит против меня? Я всех сильнее!» И вдруг с налету ударился о высокий камень на вершине горы. Но камень даже не дрогнул. Разъярился ветер и приналег изо всех сил. Но камень остался невозмутимо-равнодушным, как ни в чем не бывало.

Значит, камень сильнее ветра?!

— А если так, о боже, не хочу я быть ветром, преврати меня в большой камень! Он самый могучий на свете.

— Хорошо, хорошо, — отозвался бог и в тот же миг исполнил просьбу.

Лежит камень на высокой горе и чванится, поглядывая на деревеньки в долине:

— Наконец-то я самый могучий на свете!

Но тут пришел какой-то каменщик и стал бить молотом по макушке камня—коцун-коцун!

Камень сначала сладко подремывал, но удары так и сыпались, все сильнее и сильнее. Ой, больно, больно! Да к тому же камень стал понемногу тощать и укорачиваться. Вот тебе и самый могучий на свете! Каменщик-то сильнее!

— О боже, преврати меня снова в каменщика! Не буду я больше гнушаться своим ремеслом.

— Охотно, охотно!—согласился бог, лукаво посмеиваясь, и в то же мгновение исполнил просьбу.

Каменщик вернулся в деревню и снова принялся с утра до вечера стучать молотом. Но теперь работа шла весело: ведь каменщик знал, что он—самый могучий на свете!

71

Золотой
топор

В старину жили по соседству два деда—добрый со своей старухой и злой со своей старухой. Кормились тем, что обтесывали срубленные деревья в лесу. Добрый дед был очень беден, а злой дед накопил денег и безжалостно подымал на смех и корил нищетою своего соседа. Но добрый старик, не смущаясь этим, верил, что если человек честно работает, то рано или поздно к нему придет счастье.

Случилось так, что он простудился и дня два-три не работал. Оправившись от болезни, взял он, как обычно, свой топор и отправился в горы обтесывать деревья. Работал старик на скале, нависшей над речным берегом. Внизу был глухой омут. Стоя на поваленном дереве, взмахнул старик топором. Но топориче усохло за те дни, что он не работал, и топор плохо сидел в своем гнезде. Сорвался он и полетел в воду.

Где же своими силами достать топор со дна глубокого омута? Упал духом старик. Одно осталось—просить помощи у бога воды.

— Прошу тебя, достань мой топор!—стал горячо молить старик.

Вдруг поднялся над омутом водяной столб. Вышел из него бог и принес топор на жертвенной подставке.

— Я отдам тебе топор в ответ на твои мольбы,—молвил бог воды.

— О, спасибо от всего сердца!

Старик взял топор, но что это? Он так и сверкает на солнце, слепит глаза.

Изумился старик:

— Это не мой, возьми его обратно, а мне принеси мой топор,—и вернул богу речных вод его дар.

Скоро бог появился вновь из омута и принес на подставке другой топор:

— Ну, а этот твой или нет?

Взял старик в руки, посмотрел—это его собственный, железный. Очень он обрадовался:

— Тот самый! Теперь я снова смогу работать. Великая тебе благодарность!

Но бог воды сказал ему:

— Ты честный человек, вот тебе награда,—и отдал оба топора: золотой и железный.

Радостный, принес старик домой к себе золотой топор, показал своей старухе и главному артельщику.

— Такой топор стоит пятьсот рё, а может, тысячу,—сказал главный артельщик.—Это редкостное счастье. Надо устроить празднество во славу бога воды.

Вся деревня вскладчину купила вина и закусок, был устроен богатый пир. Золотой топор стал семейным сокровищем в доме доброго деда.

Злой дед исполнился черной зависти: «Соседу моему, дураку, ни за что ни про что счастье привалило! Добуду и я себе золотой топор!»

Пошел он в горы на то самое место, где работал добрый старик. Но топор крепко сидел на топорище. Тогда обуглил злой старик топорище на огне и как взмахнет! Топор сорвался и угодил в омут.

Злой старик начал просить:

— Милостивый бог воды, верни мне мой топор!

Опять, как уже было прежде, поднялся водяной столб и появился из него бог с золотым топором на жертвенной подставке:

— Вот я принес тебе твой топор.

Злой старик невзвидел света от радости:

— Спасибо тебе!—и поспешил схватить золотой топор.

Но бог воды сказал ему:

— Ты—нечестный человек. Не получишь от меня топора.

Взял золотой топор и скрылся в омуте.

Пришлось злому старику вернуться домой с пустыми руками. А тем временем его старуха сказала себе:

— Мой дед уж, наверное, принесет золотой топор. Надо устроить праздник.

Купила она в лавке вина и закусок для всей деревни. Но злой старик не принес ничего. Лавочнику задолжали большие деньги, и вдобавок топор пропал—нечем стало работать.

С тех пор добрый старик начал богатеть, а у злого старика дела пошли под гору, пока он вконец не обнищал.

72

Отчего
у обезьяны
короткий
хвост?

В старину, в старину, глубокую старину у обезьяны был хвост длиной в тридцать три хиро. А теперь он совсем коротенький, и случилось это из-за плутовства медведя.

Однажды обезьяна наведальась в гости к медведю и спросила у него совета, как бы побольше рыбы в реке наловить. Медведь и стал ее учить:

— Теперь ночи стоят холодные, ты сядь на скалу над рекой и спусти в воду свой длинный хвост. Уж, наверно, к нему прицепится много всяких рыбешек.

Обрадовалась обезьяна. Села вечером на скалу и ждет-поджидает. Ночью холод стал сильнее, а хвост все тяжелел— вода-то замерзла. «Ну, с меня довольно,— подумала обезьяна.— Видно, улов большой, а я уже до костей продрогла. Пойду-ка домой». Хотела хвост вытащить, но не тут-то было. Испугалась обезьяна, завопила, давай тащить хвост что было силы! Он и оторвался.

С тех пор, рассказывают люди, у обезьяны короткий хвост и морда от натуги красная. Уж очень сильно она ввалась.

73

Как воробей
врага
сразил

В старину это случилось, в старину.

Был в кухне у одного богача водосток. Проливалась вода на земляной пол, вот и выросли в углу дома три камышинки. А посреди камышинок поселилась чета воробьев. Целые дни чирикает воробей— цурун-цурун-цурун!

А воробиха яички снесла, три хорошеньких яичка, и стала их бережно высиживать. Еще громче зачирикал воробей— цурунтён-цурунтён-цурунтён!

Однажды из глубины гор прибежала обезьяна:

— Воробей, а воробей! Я к тебе в гости пришла.

Начала она яичками любоваться. И вдруг говорит:

— Воробей, воробей, дай мне одно яичко!

— Но ведь их всего три! Нет, обезьяна, не дам я тебе ни одного.

— А не дашь, берегись! Вот стемнеет, устрою я ночное нападение и побоище. Съем яички с тобой, воробьем, вместе.

Испугался воробей:

— Коли так, делать нечего, дам тебе одно яичко.

Дал он обезьяне яичко, а она его— хруп!— разбила и сожрала. И опять клянчит:

— Воробей, воробей, дай мне еще одно яичко!

— Что ты, обезьяна! Было у нас три, а ты взяла одно. Погубила мое милое дитя. Возьмешь еще яичко, останется только одно-единственное. Не отдам, не отдам!

— А не дашь, я ночью устрою побоище. Сожру тебя с потрохами, воробьишко!— злобно закричала обезьяна.

— Что же делать! Спину на живот не сменяешь. Видно, так тому и быть. Бери!

Отдал воробей второе яичко. Обезьяна разбила его— хруп!— и сожрала.

— Воробей, а воробей! До чего вкусные яички! Мне еще хочется, дай еще одно, да побыстрей!— неотвязно пристает обезьяна.

Совсем опечалился воробей:

— Ведь всего три яичка было! Два ты уже съела. Отдам последнее яичко, ничего у нас не останется. Нет, не согласен я! Не отдам.

— Ого! Ну ладно же, уйду, но только настанет ночь, держись тогда, устрою побоище. Слопаю яичко вместе с вами, воробьями. Помни это.

— А-а, а-а-а, ночью придет обезьяна, съест яичко! И нас тоже сожрет. А-а, беда, горе!— заплакал воробей.— Цурунтён-цурунтён-цурунтён!

Тут прилетела оса:

— Воробей, воробей, ты о чем плачешь?

— Ах, госпожа оса, госпожа оса! Пожаловала к нам обезьяна в гости. А у нас было три яичка. Попросила она одно яичко и съела. Попросила другое—пришлось отдать. Попросила третье, а ведь оно последнее, заветное. Не дал ей яичка. Вот и пригрозила она: приду, дескать, ночью, устрою побоище и сожру яичко с вами, воробьями, вместе. Оттого и плачу я с великого горя,— поведал воробей и снова заплакал:— Цурунтён-цурунтён-цурунтён!

— Ладно, ладно, не плачь. Я помогу тебе одолеть врага,— прожужжала оса, сидя на краю окошка.

Но воробей все продолжал плакать:

— Цурунтён-цурунтён-цурунтён!

Вот приползла с берега ручейка змея и спрашивает:

— Воробей, а воробей, о чем ты так горько плачешь?

— Ах, госпожа змея! Пришла к нам в гости обезьяна из глубины гор. Попросила у меня одно яичко, съела, попросила другое, съела. Осталось у меня одно-единственное, последнее яичко. Жалко отдать его, я и отказал. А обезьяна пригрозила: «Приду ночью и сожру яичко вместе с вами, воробьями!» Вот я и плачу с великого горя.

— Ладно, ладно, не плачь. Я накажу твоего врага. Не тревожься, не плачь. Пусть воробьиха спокойно яичко высидит,— утешает змея.

Тут пришла толстая швейная игла для циновок:

— Воробей, воробей, о чем ты так громко плачешь? Твой голос за несколько ри слышится... Что с тобой приключилось?

— Ах, госпожа игла! Съела обезьяна с далеких гор два наших драгоценных яичка. Осталось только одно, последнее. А она пригрозила: «Сегодня ночью приду, сожру яичко, да и вас, воробьев, в придачу». Вот я и плачу с горя.

— Не плачь, я отомщу за тебя злой обезьяне. Кольну ее больно-пребольно,—утешает воробья игла.

Тут прикатился каштан:

— Воробей, воробей, о чем ты печалишься?

— Было у меня три яичка. Прибежала обезьяна из далеких гор, съела два. Неслыханный разбой, беззаконие! Того мало, она еще пригрозила: «Не отдашь мне третье, последнее, приду ночью и сожру вас, воробьев, вместе с яичком!»

— Ужели правда? Пусть только явится эта дрянная обезьяна, я ей задам! Съела воробыных деток, бесстыжая, жестокая!—разгневался каштан.

Тут прикатилась ступка, а за ней шлепает коровья лепешка.

— Воробей, воробей, о чем ты горюешь? Не бойся обезьяны, пусть себе приходит. Мы все вместе одолеем ее, не дадим тебя в обиду.

Вот стали защитники воробья советоваться, как победить врага. Оса спряталась в пустом горшке, каштан—в глубине очага, змея забралась в ведро с мисо, игла укрылась под футоном, коровья лепешка легла во дворе возле конюшни, ступка притаилась на крыше конюшни. И стали они поджидать обезьяну.

Ночью пришла обезьяна, ничего не ведая, и ворвалась в дом, прыгая и хохоча:

— Воробей, воробей, готовься к расправе! А-ха-ха-ха! Воробей, воробей, готовься к расправе! А-хо-хо-хо!

Заплакал воробей: цурун-цурун!

Выхватила обезьяна яичко из гнезда, уселась перед очагом, положила яичко на горячие угли в самый жар, ноги у огня греет.

Вдруг выпрыгнул из очага горячий каштан и ударил обезьяну в самый пах.

— А-я-яй, больно, больно! Надо скорей приложить мисо.

Сунула обезьяна руку в ведро, а змея давай ее жалить!

Взвывла обезьяна от боли еще пуще:

— Ой, ой, как больно! Прилягу на футон!

Прилегла она на футон, а игла как в нее попьется!

Бросилась обезьяна к двери, и тут налетела на нее оса— жжж!—и как жиганет, как жиганет!

— Ой, ой, ой, мочи нет! Убегу, убегу отсюда!

Побежала обезьяна к воротам мимо конюшни, да наступила на коровью лепешку, поскользнулась и на земле растянулась.

— Ступка, ступка, теперь самое время! Покарай обезьяну!— кричит воробей.

Свалилась тяжелая ступка с крыши вниз — бах! — и пришибла обидчицу-обезьяну до смерти!

Не надо творить злые дела: обидчиков постигает заслуженная кара.

Где свету
конец

74

В старину, в далекую старину захотелось однажды птице-каре́бинге¹ полететь туда, где свет кончается. Покинула она свой родной остров Танэгасима и понеслась как стрела над открытым морем.

Семь дней, семь ночей летела карёбинга, на восьмой увидела высокое дерево с одной-единственной веткой. Поднималось оно прямо из морской пучины. Отдохнула карёбинга на дереве и снова пустилась в путь.

Еще семь дней, семь ночей летела она над волнами — и что же: высится над морем второе такое же дерево! Опустилась птица на ветку, сложила свои усталые крылья.

Вдруг слышится голос из моря:

— Это кто там сидит?

Захлопала карёбинга крыльями от испуга:

— Я — птица-каре́бинга. А ты сам кто?

— Ва-ха-ха-ха! Я — морской омар!

Думала карёбинга, что сидит на дереве, а оказалось, это ус громадного омара. Еще сильнее она крыльями захлопала.

— А-ха-ха-ха,— засмеялся омар,— здесь равнина великого моря, я на ней и живу. А ты куда путь держишь?

— Лечу искать, где свету конец.

При этих словах омар еще круче изогнул свою спину и захохотал громче прежнего:

— У-ва-ха-ха-ха! Брось ты эту глупую затею. Хочешь конец света найти, а семь дней, семь ночей летела от одного моего уса до другого. Ва-ха-ха-ха!

Раскрыла карёбинга клюв от удивления. Не стала она больше искать конец света и вернулась, опечаленная, на свой родной остров Танэгасима.

А омар, напугав карёбингу, развеселился и думает: «Я сам найду конец света».

Поплыл омар. Изогнется кольцом и прыгнет. Изогнется и прыгнет. За один прыжок целую тысячу покрывает.

Семь дней, семь ночей плыл омар. На восьмые сутки выбился он из сил. Вдруг видит: зияет в море большая пещера. Забрался омар в нее отдохнуть. Отдохнул и опять поплыл большими прыжками. Что ни прыжок — тысячу рп за собой оставляет.

Так прошло еще семь дней, семь ночей, и увидел он снова пещеру в океане. Забрался в нее и, притомившись от долгого пути, заснул крепким сном.

Вдруг раздался громовой голос. Вздрогнул омар от испуга.
— Ты кто такой, негодяй?! Как смел в мою ноздрю забраться? Отвечай, а не то убью!

Собрался омар с духом, зашевелил длинными усами:

— Я—морской омар. А ты кто такой?

— Ва-ха-ха-ха! Я—морской скат. Ты куда путь держишь?

— Конец света ищу.

Заколебалась пещера, заходила ходуном, как от землетрясения:

— У-ва-ха-ха-ха! Дурацкая затея! Ведь ты плыл семь дней, семь ночей от одной моей ноздри до другой. Вот тебе мой совет, малютка: возвращайся-ка ты обратно.

Заворчал омар про себя, выдувая пену клубами, но вдруг повернул обратно и быстро скрылся из виду.

Пришла теперь очередь ската. Подумал он: «Я такой большой и сильный. Нет для меня невозможного! Кому же найти конец света, как не мне!»—и пустился в далекий путь.

Семь дней, семь ночей плыл он без отдыха. На восьмой день засверкало под ним морское дно и выступил из моря белый песчаный берег, гладкий и мягкий. Отдохнул на нем скат—и снова в дорогу. Еще семь дней, семь ночей он плыл, и вот снова открылся перед ним берег, такой же белый и ровный. Задремал усталый скат на берегу сладким сном. Как вдруг раздался такой громовой голос, что все море вспенилось и заходило бурунами:

— Эй ты, невежа! Как смел ко мне на спину забраться?

Задрожал от страха скат и крикнул, сколько голосу хватило:

— Я—морской скат. А ты сам кто?

— А я—каракатица. Каким ветром тебя сюда занесло?—насмешливо спросила каракатица и вдруг выпустила на ската черное облако.

— Я конец света ищу.

— У-ва-ха-ха-ха! Вот дурацкая выдумка! Семь дней, семь ночей плывешь ты, а еще моей спины не миновал. Брось свою глупую затею, пока не поздно.

Ничего не ответил скат. Повернулся к каракатице хвостом и поплыл обратно.

75

**Ворона
и полевая
улитка**

На одном рисовом поле водилось множество улиток. Тоскливо сидеть весь долгий день напролет, зарывшись в топкую грязь. Улитки больше всего любили иногда вылезать на свет и любоваться ясным небом. Но если заваешься—беда, птицы нападут. А всего опаснее вороны. Уж очень улитки приходились им по вкусу—любимое лакомство. Вот почему улитки улучат время, все сразу вылезут на вольный воздух и, зорко поглядывая вокруг, греются на солнышке.

Но как-то раз улитка, приманенная хорошей погодой, забыла осторожность и одна вылезла на солнцепек. Вдруг захлопали крылья и большая ворона ринулась вниз. «Ах, беда!» Испуганная улитка попыталась было зарыться в грязь, но впопыхах не успела. «Конец мне пришел!» — подумала улитка.

Попала она вороне в клюв. Ворона поднялась высоко-высоко. Родное поле становилось все меньше и меньше. Совсем обмерла улитка от страха.

Худо дело, как тут быть? Ворона не даст пощады. Горькими слезами заплакала улитка и говорит вороне:

— Госпожа ворона, госпожа ворона, ведь ты меня съешь?

— Угу.

— Так исполни мое последнее желание. У тебя, ворона, такой прекрасный, такой сладкий голос. Спой молитву Будде, тогда я спокойно умру.

Ворона была польщена. Что ж, пускай улитка послушает напоследок прекрасное пение. Разинула ворона свой клюв во всю ширину и давай каркать: кра, кра, кра!

Улитка вылетела из клюва и полетела вниз. Спихватилась ворона, да поздно! Улитка в один миг исчезла в мутной воде.

76

Боб,
соломинка
и уголек

Жила на свете старуха. Однажды задумала она приготовить приправу к рису и замочила бобы в воде. Стали они мягкими. Положила она бобы в котел, а тут один боб покотился-покотился — и в самый угол двора.

Старуха подумала: стоит ли беспокоиться?

Всего-то один боб! Пошла она и принесла охапку соломы для растопки. Но тут подул ветер, одна соломинка выпала из рук старухи и полетела в тот же угол, где лежал боб.

Старуха думает: «Да ну, всего-то одна соломинка...» — и не стала ее искать. Разжигает огонь и не видит, как один красный-красный уголек выпал из очага и покотился-покотился туда, где уже спрятались боб и соломинка.

Стали совещаться втроем уголек, соломинка и боб и порешили:

— Совершим паломничество в Исэ¹.

Вот шли они, шли, и попался им по дороге ручеек. Остановились они в смущении — что теперь делать?

Соломинка и говорит:

— Я вон какая длинная-длинная, перекинусь через речку, как мост. Тогда вы двое сможете перейти на другой берег.

Обрадовались уголек и боб: хорошо придумано. Соломинка перекинулась через речку, и вышел мост на славу. Боб и уголек заспорили, кому идти первому. Слово за слово, закипела ссора.

Уголек победил в споре и пошел первым. Но только дошел до середины, как испугался. Не может со страху идти дальше.

Сломинку припекло жаром. Стала она торопить уголек:

— Скорее, скорее!

Торопит она, торопит, и кричит, и молит—а уголек ни с места!

Пережгло соломинку в середине, и упала она с угольком вместе в речку. А боб глядел с берега и приговаривал:

— Так угольку и надо! Зачем полез первым?

И давай злорадно хохотать. Так смеялся, так смеялся, что лопнул.

Заплакал боб горькими слезами. Но тут, на счастье, пришел портной, спрашивает:

— Что ты плачешь?

Рассказал ему боб все, как было. Пожалел его портной:

— Нет у меня зеленой нитки, ну да куда ни шло, зашью черной. И так сойдет.

Зашил он бобу живот черной ниткой. Вот почему до сих пор на бобах черная полоска.

77

БЛОШИНЫЙ
глаз

В старину это случилось.

Однажды Фунадама-сама¹ и кит играли в кости. Фунадама-сама выиграл, но, на беду, у кита денег не было. Спорили они, спорили, и пришлось киту отдать свои глаза.

Тем временем на реке женщина стирала одежды. Выпрыгнула оттуда блоха, упала в реку, а река понесла ее в море. Тонет блоха, захлебывается, плывет из последних сил. На счастье, ножки ее коснулись скалы.

— О, какое счастье! Здесь скала. Влезу на нее и спасусь от гибели.

Уцепилась блоха за выступ скалы и потихоньку-полегоньку взобралась на вершину. Уф! Можно сесть и дух перевести.

Вдруг из морской глубины загредел голос:

— Какой это невежа уселся у меня на спине?!

От испуга блоха высоко подпрыгнула. Чуть было обратно в море не упала. А тут опять тот же голос:

— Я, знаешь ли, кит. Продулся в пух и прах, даже глаза свои пришлось отдать. Теперь я слепой и помочь тебе не могу.

— Ну, если так, я отдам тебе один свой глаз, только выручи меня из беды.

— А кто ты?

— Блоха.

Кит насмешливо захохотал:

— Блоха, говоришь? Ва-ха-ха-ха, блошинный глазок мне, киту, не подходит!

Тут вдруг блоха сказала голосом удивительно громким для такого маленького создания:

— Не болтай глупостей. Лучше мой блошиный глазок, какой ни на есть, чем быть слепым на оба глаза.

— Так-то оно так,—согласился кит.

Блоха вынула у себя один глаз и отдала киту. Тогда кит поплыл к берегу, и блоха благополучно на него выпрыгнула.

С тех пор у кита маленькие глаза, да и то, сказать по правде, видит из них только один—блошиный глаз.

78

Жалобы
крапивника

В старину, далекую старину птицы захотели выбрать себе царя. Множество птиц собралось в роще на совет.

После долгих споров решили избрать орла.

Ворон встал с места и повел такую речь:

— Верно, верно, господа, правильный выбор. Кто из нас может победить орла? Он так силен, что даже дикий кабан не устоит против него. Орел достоин, без сомнения, быть нашим царем. Ну как, все со мной согласны?

Вдруг раздался пискливый голос:

— Что ж, орел могуч, не спорю. Но разве нет у него соперников? Почему он один достоин стать царем?

Поглядели, удивились. Это сказал маленький крапивник. Стали птицы смеяться над ним:

— А ты разве можешь победить кабана, как орел?

— Да, могу,—ответил крапивник.

— Что ж, покажи свое умение,—потребовали птицы.

Тут уж, хочешь не хочешь, пришлось крапивнику на глазах у всех напасть на кабана.

Как раз тогда один дикий кабан дремал неподалеку в густых зарослях. Вот это удача! Крапивник бесстрашно бросился на него, влетел в ухо кабана и давай долбить своим клювиком. Кабан невзвидел света от боли и начал вслепую метаться во все стороны. Ударился со всего маху головой о большую скалу и издох.

Крапивник, упоенный победой, повел неподобающие речи:

— Что, видали? Господин ворон, я сразил кабана. Пусть-ка теперь орел покажет свое искусство, а мы посмотрим.

— Ладно, ладно, я сразу схвачу двух оленей.

На поляне возле рощи два оленя щипали траву. Орел ринулся на них и попытался было унести обоих сразу. Но испуганные олени бросились бежать в разные стороны и разорвали орла пополам.

— Теперь я по праву птичий царь,—возрадовался крапивник.

Но никто на это не согласился. Где это видано? Такая пичужка — и вдруг царь!

Уж если орел погиб, решили взамен него выбрать не самого могучего, а самого красивого: хоо-феникса¹. Феникс стал птичьим царем.

Словами не выразить, как огорчился крапивник. С тех пор он все время кричит, изливая свою обиду: «Титти, титти, титти!» Так рассказывают.

79

Как
сороконожку
за врачом
посылали

В старину, в далекую старину как-то раз под вечер шло у цикад большое веселье. Вдруг одна из них жалобно заверещала:

— Ой, больно! Ой, не могу! Ой, в животе рези!

Поднялся переполох. Видят цикады, что совсем плохо дело, и решили скорее послать за врачом. Тут заспорили они между собой: «Пошлем ту, нет, лучше эту...» А самая старшая и мудрая цикада посоветовала:

— Надо сороконожку послать. У нее ног много, она скорее всех добежит.

Попросили цикады сороконожку сбегать за врачом, а сами стрекочут возле больной:

— Потерпи немного, потерпи, потерпи!

Время идет, больная стонет, а врача все нет и нет. Полетели цикады посмотреть, не вернулась ли сороконожка к себе домой. Видят они: сидит сороконожка, обливаясь потом, на пороге своего домика, а перед ней — ворох соломенных сандалий.

Спросили ее цикады:

— Что же врач так долго не идет?

А сороконожка в ответ:

— Не видите разве? Я спешу изо всех сил! Как надену сандалии на все свои ноги, так сразу же и побегу за врачом.

Тут только догадались цикады, что сороконожка еще обувается в дорогу.

80

Лягушка
из Киото
и лягушка
из Осака

Как-то раз выдалось небывало жаркое лето. Солнце печет изо дня в день, а дождя все нет. Наступила жестокая засуха. Пересох даже старый колодец в Киото, где жила одна лягушка. Думала она, думала, как ей быть, и решила переселиться в другое место. «Осака, говорят, веселый, шумный город, и море там близко!

Хочется мне посмотреть на море». И отправилась лягушка из Киото в Осака.

Но в Осака тоже стояла засуха. Вода пересохла даже в Лотосовом пруду. лягушка, что там жила, целыми днями смотрела на безоблачное небо и наконец сказала с досадой:

— Нельзя больше оставаться в Осака! Киото—столица Японии, в ней живет сам Сын Неба. Уж наверно, там есть на что посмотреть!—И лягушка из Осака отправилась в Киото¹.

Между Киото и Осака—целых десять ри. Обе лягушки словно сговорились, вышли в путь рано утром в одно и то же время: одна из Киото в Осака, другая из Осака в Киото. Быстро-быстро запрыгали они по дороге.

Долго прыгали лягушки и к полудню очень проголодались, поясницу у них заломило, от усталости еле двигают лапками! Наконец достигли они горного перевала и тут встретились. А надо сказать, что гора Тэннодзан стоит как раз на полпути между Осака и Киото. Окликнули друг друга лягушки, поздоровались и познакомились.

лягушка из Киото стала рассказывать лягушке из Осака о столице. лягушка из Осака стала рассказывать столичной лягушке о своем городе. лягушка из Киото ужасно опечалилась, узнав, что и в Осака нет дождя. лягушка из Осака страшно огорчилась, узнав, что и в столице засуха. Но обе решили посмотреть собственными глазами, так ли это.

— Ну-ка, я погляжу с вершины горы на Киото,—сказала лягушка из Осака.

— И я тоже погляжу на Осака. Мне так хочется увидеть море!—отозвалась лягушка из Киото.

Тут обе лягушки поднялись на задние лапки и давай тарачить свои большие глаза. лягушка из Киото старалась получше рассмотреть Осака, а лягушка из Осака хотела увидеть столицу.

Вдруг лягушка из Киото сердито крикнула:

— Что такое! Этот хваленый город Осака похож на Киото как две капли воды! Болтали: «Там море, там море!» А моря и не видать!

лягушка из Осака тоже завопила:

— Что такое! Какой обман! Болтали: «Ах, Киото, ах, столица!» Я-то думала, что там красивые сады, чудесные здания, и что же! Киото просто второй Осака.

— Ну, если Киото так похож на Осака, что же в нем любопытного?

— Ну, если Осака так похож на Киото, что же в нем хорошего?

Обе лягушки решили, что дальше идти не стоит. лягушке из Киото надо идти в Киото, а лягушке из Осака надо вернуться в Осака. Крикнули лягушки друг другу «прощай» и запрыгали восвояси.

Но на самом-то деле лягушка из Киото увидела совсем не Осака, а свой родной город, и лягушка из Осака тоже увидела не столицу, а старые места. Глаза у лягушек на спине, и когда они поднялись на задние лапки, то, конечно, стали смотреть не вперед, а назад.

Вернулась лягушка из Киото домой в свой колодец и принялась рассказывать подружкам:

— Никакого моря на свете нет! Все это пустая болтовня!

А лягушка из Осака снова поселилась в Лотосовом пруду и с тех пор наставляла своих деток:

— Киото что наш Осака! Одна слава, что столица, а на деле такой же пыльный городишко!

81

Отчего
летучие мыши
прячутся
днем

В стародавние времена Нио-сама¹, стоя вечером у ворот храма Исидодзи, глядел вдаль.

Тут вдруг подлетел к нему дикий гусь:

— Нио-сама, случилась беда! Отец всех малых птиц опасно заболел.

— Какое несчастье!— И, чтобы оповестить всех птиц в гнездах, Нио-сама сильно загремел трещоткой— гаран-гаран! Поднялся переполох.

Все воробьи в бамбуковых зарослях очнулись от сна и, не теряя времени на сборы, поспешили вместе со своими семьями к постели тяжело занемогшего родителя. Воробьи еще успели принять его последний вздох. Но ласточка-щеголиха столько времени прихорашивалась, что не застала отца в живых.

Нию-сама похвалил воробьев за верность сыновнему долгу и позволил им отныне и навсегда питаться тем же зерном, что и люди. Но запоздавшей ласточке он это строго запретил и повелел ей улетать в далекие края, когда рис на полях еще только созревает.

А летучая мышь была ветреного нрава, она отправилась в ту ночь куда-то забавляться и даже не узнала вовремя о смерти своего отца. За это Нию-сама не только сурово побранил ее, но даже навсегда изгнал из птичьего племени.

Ни одна живая тварь не хотела больше знаться с летучей мышью. Только тогда она впервые поняла, как сильно провинилась. Стыдно ей, до того стыдно, что днем прячется в темной пещере и оттуда слушает веселый гомон своих прежних родичей. Лишь ночью, невидимо для чужих глаз, вылетает летучая мышь из пещеры в поисках корма.

Почему
у осьминога
нет костей

В старину, в незапамятную старину это было.

Супруга Повелителя драконов понесла дитя в своем чреве. То и дело хотелось ей отведать чего-нибудь необыкновенного. Прихотям и выдумкам конца не было. Сегодня подай одно, завтра другое. Каждый день Повелитель драконов рассылал своих подданных в разные стороны с наказом все добыть, что супруга ни пожелает. Измучились рыбы, осьминоги с ног сбились.

Вот однажды говорит жена морского царя:

— Хочу отведать обезьяньей печени. А не достанете, ничего другого и в рот не возьму!

Как тут быть? В море обезьяны не водятся. На земле обезьян много, что и говорить, да как их поймаешь? Созвал Повелитель драконов великий совет. Собралось в подводном царстве множество рыб и с большими, и с малыми плавниками. Сидят, гадают, ничего придумать не могут. Вдруг плывет, гребя лапами, большая черепаха.

— Э-э, без меня, вижу, вам не обойтись. Я и в воде плаваю, и по земле бегаю. Всюду мне дорога. Пошлите меня, я добуду для вас обезьяну.

Рыбы с радостью согласились:

— Что ж, отлично! Желаем тебе успеха в трудном деле.

Отправилась черепаха выполнять государев наказ. Только подплыла к берегу, видит: сидит на ветке сосны обезьяна.

— Здравствуй, госпожа обезьяна! Славный сегодня выдался денек. Приятно погреть спину на солнце... А скажи мне, случилось ли тебе побывать когда-нибудь во дворце Повелителя драконов? Я только-только оттуда.

— Нет,— отвечает обезьяна.— Слышать я о нем много слышала, а повидать своими глазами не удалось.

— Да ну? Значит, ты не знаешь, что такое настоящая красота. Во дворце Повелителя драконов круглый год весна. А какие там кушанья подают! Ты таких и не пробовала. Хочешь, я покажу тебе дворец морского царя? Садись ко мне на спину, отвезу.

Спина у черепахи большая, словно лодка. Уселась на нее обезьяна. Весело ей плыть, покачиваясь на волнах.

Скоро показался перед ними дворец Повелителя драконов. Правду сказала черепаха! Стоит в нем вечная весна, а сам он так прекрасен, что не описать, весь сияет серебром, и золотом, и жемчугами!

— Изволь обождать здесь немного, госпожа обезьяна! Я сейчас доложу нашему владыке о дорогой гостье.

Ссадила черепаха обезьяну перед самыми воротами во дворец и отправилась с докладом к Повелителю драконов.

А на страже у ворот стоял осьминог. Скучно ему было, вот и стал он болтать с обезьяной:

— Госпожа обезьяна, а госпожа обезьяна, ты, поди, ничего и не знаешь? Наша-то госпожа захотела попробовать твоей печени. Жаль мне тебя, бедную! Отсюда тебе не убежать.

Услышав это, обезьяна обомлела от страха. Но и виду не подала. Стала ждать черепаха как ни в чем не бывало.

Вот появилась черепаха и говорит:

— Ну, госпожа обезьяна, наш повелитель тебе рад. Пойдем, я покажу тебе дворец. Убранство в нем богатое: есть на что посмотреть.

— Ах, черепаха, черепаха! Не знаю, как и сказать тебе. Я такая беспамятная, вечно все забываю! Вот и теперь: выстирала я свою печень и повесила на ветке сосны сушиться. Да вот совсем было из памяти вон. Что, если ее дождь намочит или ворона склюет? Скорей отвези меня назад.

Огорчилась черепаха. Зачем нужна обезьяна без печени? И надо же было такому случиться!

— Правда, вот это беда так беда! Садись скорее ко мне на спину.

Поплыла черепаха так быстро, как только могла. Достигла она берега и говорит обезьяне:

— Ну, забирай свою печень, и вернемся во дворец. Как раз поспеем к вечернему пиру.

Обезьяна бегом взобралась на самую верхнюю ветку сосны. Захлопала она в ладоши от радости и давай смеяться:

— Ну, прощай, черепаха! И проста же ты! Забыла старую поговорку: «Не растут деревья в море, печень не растет на ветке...» Пеняй теперь на себя!

Видит черепаха: пропало дело! Лазать по деревьям она не умеет. Пришлось вернуться к Повелителю драконов с повинной головой.

Стали во дворце думать: «Как же обезьяна узнала? Кто ей сказал? Не иначе как осьминог проболтался. Он тогда на страже стоял». Схватили осьминога и давай бить. Так били, что все кости ему в теле измолотили.

Нет у болтливой языка костей, и у осьминога тоже.

83

Сова-
красильщица

В старину это случилось, в глубокую старину.

Сова тогда была красильных дел мастером.

Однажды повелел бог, сотворивший птиц:

— Раскрась, сова, перья в разные цвета, да каждой птице особливо.

Тут слетелись все птицы, сколько их было.

Кричат наперебой:

— Сова, сова, окрась меня! Окрась!

Воробей просит:

— Сова, совушка, меня покрась в чайный цвет, да посветлее, а где клади краску погуще, чтобы вышло красиво, с переливами.

Вслед за воробьем прилетел высоченный журавль, первый выдумщик и забавник:

— Сова, совушка, покрась мои крылья в снежно-белый цвет, а голову в огненно-алый! Белой краски и алой не жалея!

Весь день напролет хлопотала сова, только вечером дух перевела:

— Уф, конец трудам! От сердца отлегло.

Но не тут-то было! Только она собралась было отдохнуть, как пожаловал ворон:

— А-а, я запоздал! Как все нарядно покрашены! А ты меня так сумей расцветить, чтобы я стал всех красивей.

Сова за день все свои краски извела. Но ведь она — красильных дел мастер, надо заказ выполнять. Думает сова: как ей быть?

А ворон сердится:

— Эй, сова, берись за работу, да поживее!

Заглянула сова в горшочки с красками. Видит — осталось только немного черной на самом доньшке. Делать нечего, стала она красить ворона в черный цвет. У ворона сзади глаз нет, ничего-то он не знает. Красила, красила его сова, и стал он весь черный-черный, как уголь.

— Ворон, ворон, кончена работа. Выкрасила я тебя в черный цвет.

Вот неожиданная новость! Разъярился ворон, заорал:

— Воровство, разбой! Кра-а! Плати мне за мои испорченные перья. Так бессовестно их вычернить! Плати!

Погнался ворон за совой. С тех пор так и пошло: чуть увидит ворон сову, за ней в погоню:

— Кра-а, разбой, разбой!

С перепугу сова весь день прячется в своем гнезде, не смеет на свет показаться.

Только ночью, когда ворон спит крепким сном, ищет она корм, жалобно крича в темноте: «Ух, ух!»

84

Солнце
и жаворонок

Как-то раз в погожий весенний день опустился жаворонок отдохнуть на поле. Вдруг выглянул крот из норки и говорит:

— Жаворонок, а жаворонок, исполни мою просьбу!

— Что ж, охотно, если только смогу, — отвечает жаворонок.

— Вот видишь ли, одолжил я деньги солнцу. Уж с тех пор немало времени прошло, случилась у меня нужда в деньгах. Ты

летаешь высоко. Попроси солнце, чтобы вернуло мне свой долг.

Поверил жаворонок небылице хитрого крота, поднялся к самому солнцу и зазвенел:

— День-день-день, солнце, верни деньги! День-день-день, солнце, верни деньги!

Солнце так и вспыхнуло от гнева. Даже облака кругом загорелись.

— Лжец! От кого я брало деньги?! А ну отвечай!— загремело оно, да так страшно, что жаворонок камнем полетел вниз. Но потом набрался смелости и снова взмыл к самому солнцу:

— День-день-день, солнце, верни кроту деньги! День-день-день, солнце, верни кроту деньги!

— погоди! Вот я тебе покажу!— сверкнуло очами солнце.

Жаворонок снова полетел вниз.

Так с тех пор и повелось. Крот давно на свет из-под земли не показывается. Бойтся, что спалит его своими лучами разгневанное солнце. А жаворонок, ничего про это не зная, и до сих пор весь долгий весенний день звенит над облаками:

— День-день-день, солнце, верни деньги! День-день-день, солнце, верни деньги!

85

СЫНОВНЯ
ПОЧТИТЕЛЬ-
НОСТЬ ГОЛУБЯ

В старину, глубокую старину голубь был очень своевольным, совсем не слушался своего отца.

Бывало, отец прикажет ему: иди в горы, а он идет работать на рисовое поле. Прикажет ему: иди на рисовое поле, а он идет работать в огороде.

Пришло время отцу умирать. Ему хотелось, чтобы его похоронили высоко в горах. Но ведь сын все делал наоборот! Вот почему отец велел, чтобы похоронили его на берегу реки.

Но когда отец умер, голубь впервые раскаялся в своем своеволии. Он решил в точности исполнить родительский завет и выкопал могилу для отца на берегу реки. С тех пор он не знал покоя каждый раз, когда поднималась вода. Вдруг она размочит могилу?

И теперь еще, когда польют дожди, голубя одолевают печальные мысли и он жалобно воркует: «Тотоппопо, бедный мой отец!»

Надо было раньше слушаться отца.

**Тигр
и улитка**

Давно-давно жили в глубине чащи тигр и улитка. Кичливый тигр любил хвастаться своим быстрым бегом: за один прыжок тысячу ри покрываю. Но вот что приключилось однажды.

Тигр лениво прогуливался в чаще, и повстречалась ему на пути улитка.

— Господин тигр, господин тигр,— говорит улитка.— А ведь тоска возьмет целые дни проводить в темном лесу. Нынче хорошая погода. Не пробежаться ли нам через поле, скуку развеять?

— Как, мне состязаться с тобой? С ума спятила!— вознегодовал тигр.

— Обычно я ползу медленно, вот ты и думаешь, что я насмехаюсь над тобой. Но как дойдет до дела, ты меня не победишь. Зачем спорить? Лучше попробуем разок.

Сдался тигр на ее уговоры:

— Ну, так и быть, попробуем.

И вот—раз, два, три!—пустились наперегонки огромный тигр и маленькая улитка.

Но в тот самый миг, когда тигр прыгнул вперед, хвост его расстелился по земле, и улитка живо прицепилась к хвосту.

Помчался вперед тигр со страшной быстротой, завывая вихри песка, и в одно мгновение миновал широкое поле. Достигнув цели, остановился он как вкопанный и поднял хвост торчком. От сильного толчка улитка перелетела через голову тигра.

Ничего не заметил тигр. Стал он оглядываться назад: где она, эта улитка, может, проползла вперед самую чуточку?

Вдруг впереди него раздался голос:

— Эй, господин тигр, я уже здесь. Долгонько мне пришлось ожидать тебя.

Посрамила улитка кичливого тигра. С тех пор уже не хвастается, что одним прыжком тысячу ри покрывает.

**Хоо,
дай бобов!**

В старину это было, в старину, далекую старину.

В одном большом лесу обитало множество зверей и птиц. Однажды поднялся горячий спор между зверями и птицами, кто в лесу главнее.

— Мы по всему лесу бегаем куда хотим, значит, мы здесь главные!— кричали звери.

— А мы по всему лесу летаем куда хотим, значит, мы здесь главные!— не уступали птицы.

Охрипли птицы и звери, но не могли перекричать друг друга и тогда решили:

— Сразимся в бою. Посмотрим, кто кого одолеет.

Вот собрались звери на совет: тигр, медведь, волк, олень, кабан, конь, бык, барсук, заяц, собака и кошка.

Прежде всего надо было избрать полководца. Выбрали хитроумную лису, а могучий тигр должен был идти впереди войска.

Стала лиса давать наказ:

— Я буду зорко наблюдать за врагом. Когда придет пора начинать бой, подниму вверх свой хвост. А если подожду хвост, это знак к отступлению. Следите за моим хвостом.

А тут прилетела пчелка и подслушала наказ лисы.

Тем временем птицы тоже стали держать совет: орел, сокол, хоо¹, коршун, ворон, дикая утка, фазан, филин, чиж, белоглазка, крапивник, воробей... Но никак не могли они решить, кто у них будет полководцем. Наконец согласились на том, что следует выбрать филина—самого старого, самого мудрого.

Вечером хоо явился в дом к филину:

— Господин филин, ты у нас умудрен годами, но ведь днем ты ничего не видишь. Может, лучше я буду полководцем вместо тебя?

— Нет, на это у меня есть военная хитрость. Пусть бой начнется в сумерках, без меня ведь не обойтись,—хвастливо ответил филин.

— Но я зато из урожая будущего года дам тебе целых пять то отборных соевых бобов.

— Угу.

— Я тебя не обману. Взамен поручи мне командовать войском.

— Но меня избрали все птицы. Не могу.

— У меня глаза острые, я все вижу издалека. На меня, зоркого хоо, положиться можно. Ну как, согласен?

Филин поддался на соблазн: очень уж он любил бобы! Хоо стал верховным полководцем.

Когда на другой день начали птицы готовиться к сражению, пчела прилетела к полководцу-хоо:

— Я—не птица, но все же у меня крылья. Прими меня в птичье содружество. Я принесу вам победу,—и рассказала потихоньку, какой наказ дала лиса звериному войску.

Обрадовался хоо и принял пчелу в птичье содружество.

Но вот начался бой. Звериное войско было могучим. Смело пошло оно в наступление. Лиса подняла свой хвост торчком. Но тут хвост словно огнем обожгло: это прилетела пчела и давай жалить лисий хвост.

— А-я-яй!—завопила лиса и невольно поджала хвост.

Все звери начали отступать. Тогда лиса поспешно снова подняла хвост, но пчела опять ужалила.

— А-я-яй, больно!—и лиса поджала хвост.

Звери, совсем сбитые с толку, стали отступать в беспорядке.

Все пропало! Лиса попробовала было поднять хвост торчком, но пчела опять стала его жалить. Под конец лиса уже не в силах была поднять хвост, а птицы перешли в решительное наступление. Звери кинулись бежать кто куда, и многим сильно досталось. Но хуже всех пришлось лисе. Ее тонкий хвост распух от укусов, стал большим-большим, да уж таким и остался.

Птицы одержали славную победу и начали кричать: «Банд-зай!» Хоо стал государем птичьего царства, надел роскошный наряд и возгордился. Старый филин уже не смел к нему явиться запросто.

На следующий год собрали богатый урожай, но никто не принес филину обещанных бобов. Вот почему с тех пор филин кричит, чтобы напомнить уговор:

— Хоо, дай мне пять то бобов! Хоо, дай мне бобов! Хоо, хоо, хоо, хоо...

88

**Коршун,
воробей,
голубь
и ворон**

В старину это было.

Весною расцвели вишни в горах. Стали слетаться туда разные птицы. Первым прилетел коршун с криком «тонбироро», следом воробей, чирикая «тинтико-тинтико», за ним голубь, воркуя «хаттобо-хаттобо». А последним явился ворон, каркая «гао-гао». Стали они вчетвером между собой советовать:

— Какую бы нам придумать веселую затею, раз уж мы вместе собрались?

— А вот что. Вишни цветут, погода на славу, нас тут целая компания. Устроим-ка пирушку.

— Правда, правда, лучше не придумаешь!

Порешили птицы, что кому делать. Коршун—мастер рыбу ловить. «Тонбироро, тонбироро!»—полетел он к реке. Воробей—«тинтико-тинтико!»—поспешил за вином в харчевню. Голубь—«хаттобо-хаттобо!»—ножом стучит, закуску готовит. Ворон—«гао-гао!»—полетел взять в долг столики и чашки.

Вот началась пирушка. Сначала веселье не ладилось, ели, пили молча.

— Что ж это за пирушка, когда никто не поет и не играет?! Пусть каждый покажет свое умение!

Коршун сказал:

— Я сыграю на флейте.

Надел он накидку с гербами, достал из-за пояса флейту, покрытую красным лаком, и засвистел: «Тонбироро-тонбироро! Хёро-ро-хёро-ро!»

— Ах, как чудесно!—похвалил воробей.—А я подыграю на сямисэне.

Вычернил он себе зубы¹ и затренькал на струнах: «Тинтико-тинтико, тинтикотин!»

Настала очередь голубя:

— Не могу я сидеть на месте, когда флейта свистит и сямисэн звенит. Пущусь в пляс.

Повязал себе голову полотенцем в крупных горошинах и начал подпрыгивать, крутиться и хлопать крыльями, припевая: «Хаттобо-хаттобо! Хаттобо!»

А пока они играли и плясали, ворон — «гао-гао, гао-гао!» — кусок за куском отправил себе в глотку всю закуску.

Опомнились остальные трое, глядят: в чашках пусто, ни вина, ни закуски, а ворона и след простыл.

Очень разгневался коршун. С тех пор где ни увидит ворона, сейчас за ним погонится. Все думает, как бы поймать и наказать обидчика.

89

Редька,
лопух
и морковь

В старину, далекую старину редька, лопух и морковь были белые-белые — не то что теперь.

Однажды решили они втроем совершить прогулку в горы. Взобрались на высокую вершину и до того обессилели, что уже не могли спуститься вниз. Заплакали они в голос. Шел мимо крестьянин, услышал их жалобные

вопли и спросил:

— Что случилось? Отчего плачете?

— Влезли мы на гору, а слезть не можем, слишком устали. Сделай милость, отнеси нас домой.

— Вот оно что! Одного из вас понесу, так и быть, а троих не смогу, и не просите.

Взвалил он себе на спину редьку и ушел. Остались морковь и лопух в большой обиде:

— Это что же такое?! Редьку унес, а нас бросил в беде, негодный! Мы для него, выходит, ничего не стоим. Редька — всего только редька, чем мы, спрашивается, хуже?

Побагровела морковь от гнева — и до сих пор красная. А лопух от злости перевернулся и обгорел на солнце. Вот почему у него корень черный. Одна редька осталась белой.

90

Упрямая
жаба

Как-то раз жаба и краб шли вместе по дороге. Вдруг навстречу им скачет лошадь во весь опор.

— Ай, задавит! — испугался краб. — Спрячемся скорее в камнях!

Надулась жаба и пыхтит:

— А мне-то что? Прячься, если хочешь. Я как прыгну, от любого коня ускачу.

Спрятался краб в камнях, а жаба осталась посреди дороги. Но не успела отпрыгнуть она в сторону, и лошадь больно ударила ее копытом.

— Говорил я тебе! — упрекает жабу краб. — Так нет же! Вот теперь на кого ты похожа! Совсем тебя расплющило: глаза на лоб вылезли.

— Ничего они не вылезли, — стоит на своем жаба, — это я от злобы сама так вытаращилась! И с дороги я нарочно не сошла: могла бы лошадь-невежа и стороной обойти!

С той поры у жабы глаза навькате.

91

Соперница
в зеркале

В старину, в далекую старину восстали друг на друга два могучих рода: Минамото и Тайра¹. Род Минамото истребил своих врагов. Немногим из сторонников Тайра удалось спастись. Скрылись они в далеких северных горах и жили там, вдали от чужих глаз. Когда же потомки их стали наконец появляться открыто среди людей, то были они несведущи в самых простых делах. Поэтому случалось с ними немало смешного.

Как-то раз молодой человек из рода Тайра первый раз в своей жизни спустился в долину и попал в замковый город Кумамото². Там уже и следов былого не осталось. Но, проходя по одной из улиц, вдруг заметил он в лавке зеркал портрет своего умершего отца. Портрет был удивительно похож, но, как видно, нарисован давно, когда отец еще был молод.

— О, какая радость! Я снова вижу моего отца!

Не помня себя от счастья, молодой человек купил драгоценный портрет и бережно отнес домой. Дома он спрятал его в шкаф. Каждый день он любовался портретом, и тот улыбался ему, как живой.

Но скоро жена заметила, что муж часто подходит к шкафу, открывает его и подолгу чем-то любит. Разобрало ее любопытство. Выдвинула она ящик из шкафа, взглянула — ах! — оттуда глядит на нее какая-то красотка.

Поблуднела жена, вся дрожит и рыдает в голос. Прибежала свекровь:

— Что с тобой, дочка? Что случилось?

— Ах, матушка, матушка! Муж разлюбил меня, привез какую-то городскую красавицу и прячет ее в нашем доме.

— В своем ли ты уме! Где прячет? Покажи.

— Здесь, в шкафу, смотрите сами.

Поглядела свекровь и говорит:

— Вот эта, что ли? Не плачь, доченька. И стара она, и дурна собой. Уж поверь мне, он ее скоро разлюбит.

Пришла тут знакомая монашка. Услышала она, какая

беда случилась в доме, и тоже захотела взглянуть на разлучницу.

— Успокойтесь, не плачьте! Правда, на лице у нее написано, что была она большой негодяйкой, но зато теперь раскаялась и постриглась в монахини. Так что не о чем вам больше тревожиться.

92

**Кузнец
и богатый
помещик**

Кузнец Дзэнсан с малолетства целый день допоздна стучал молотком по раскаленным докрасна брускам и листам железа — тонтэнкан, тонтэнкан, тонтэнкан! В селе хвалили работягу Дзэнсана. От пепла, раздуваемого мехами, и ржавчины на железе он был всегда весь черный. Неутомимо трудится, а достатка нет. Никак из нужды не выйдет.

Зато у его соседа, богатого помещика по имени Тоэмон, всего вдоволь. Он от предков своих унаследовал рисовые поля, огороды и леса. Были у него большие хоромы и в придачу еще две кладовые. На земле у него работали десятки издольщиков, служанки в доме все чисто убирали. Хозяин поместья мог жить беспечно. Зачем ему трудиться?

Когда Тоэмон достиг совершенных лет и получил родительское наследство, он радостно воскликнул:

— Вот я и стал богатым помещиком!

Но с тех пор он стал спать по ночам тревожным сном. Залает ли собака во дворе — сейчас проснется. Начнут ли бить в колокол где-нибудь в соседней деревне, вскочит с постели: уж не загорелось ли где, наготове ли кувшины с водой?

— Завидую я соседу Дзэнсану. Даже дверь не запирает. Знай стучит молотом в свое удовольствие — тонтэнкан, тонтэнкан! Хорошо ему живется, — говаривал Тоэмон.

Но Дзэнсан и не подозревал, какие заботы не дают покоя Тоэмону, и думал, что владеть богатством — большое счастье.

Однажды Тоэмон принес в дом к Дзэнсану тяжелый узел и попросил:

— Пожалуйста, возьми на сохранение! Здесь деньги. Из-за этих треклятых денег я ночи не сплю.

Дзэнсан охотно согласился:

— Ладно! Давай его сюда.

«Деньги-то, положим, чужие, а все-таки приятно думать, что в доме такое богатство», — подумал он.

Тоэмон вернулся домой радостный, словно вдруг с плеч тяжелая ноша свалилась, но эта ноша легла теперь на плечи Дзэнсана.

— Какое несчастье, коли чужие деньги пропадут! —

встревожился он, запер деньги в шкаф и взялся было за работу, но все у него из рук валялось. Стал он ломать голову, где бы деньги спрятать получше, но в маленьком домишке все на виду, тайников нет. Делать нечего, привязал он на ночь деньги к себе на грудь и лег в постель. Изводит его беспокойство. Ночью ему пригрезилось, будто подкралась к нему какая-то черная тень. Грабитель с ножом грозно потребовал:

— А ну, подай мне свою казну!

Сердце у Дзэнсана в груди так и застучало.

Утром он пошел к Тоэмону:

— Вот, отдаю вам ваши деньги. Не то я умру от страха.

Тоэмон хотел было в знак благодарности дать ему немного денег, но кузнец не взял.

Вернулся Дзэнсан к себе домой и весело взялся опять за работу. Спала тяжесть с души.

93

**Самый
ловкий
враль**

В старину жили в городах Эдо, Осака и Киото три знаменитых враля. Как соберутся все трое вместе, сразу начинают врать наперегонки. Один говорит:

— Недавно я оторвал небо от земли, заткнул небо в одну ноздрю, а землю в другую. Что же вы думаете? Все равно в ноздрях

пусто! Слышите — свистит!

Другой говорит:

— Ха, только и всего?! А я вчера для забавы щелчками подбрасывал землю и небо, да вдруг чихнул, их и сдуло без следа!

А третий подхватывает:

— Недавно солнце очень пекло — что было делать?! Надел я целый мир себе на голову. Хоть от него и небольшая тень, а все же легче.

Но решить, кто из них самый ловкий враль, они так и не могли.

Как-то раз враль из Киото и враль из Эдо отправились в гости к вралю из Осака. Выбегает им навстречу его маленький сынок и говорит:

— Отца нет дома!

— Куда же он пошел?

— Отец сказал, что недавно ураганом гору Фудзи свернуло набок, еле она держится, того и гляди, упадет. Вот он и пошел подпереть ее двумя курительными палочками.

— А мама твоя где?

— Мама сказала, что вся Индийская земля изорвалась, взяла с собой три иголки для шитья и пошла ее залатать.

Оба враля были совершенно ошарашены. Хотели

было бежать без оглядки, да досада их забрала, вернулись назад.

— Эй, послушай, мальчуган! Недавно ураганом у нас унесло большую каменную ступку. Уж не залетела ли она к вам в дом?

— Что ж, очень может быть,— отвечает мальчик.— Поглядите, это не она ли в паутине под окном запуталась?

Прикусили оба вралья языки и давай удирать!

Тут отец домой вернулся. Сынок ему говорит:

— Сейчас к нам приходили дяденька из Киото и дяденька из Эдо.

— Хо, в самом деле?

— Они меня спросили: «Где твой отец?» Я им говорю: гора Фудзи еле держится, ураганом ее подломило, вот ты и пошел туда—подпереть ее двумя курительными палочками. Тогда они спросили: «А мама твоя где?» Я им говорю: Индийская земля изорвалась, мама взяла три иголки и пошла ее латать. Они было ушли, да потом вдруг вернулись и спрашивают, не занесло ли к нам бурей их каменную ступку. Я говорю: «Посмотрите—может, она в паутине запуталась». Тут они со стыдом убежали.

Ужаснулся отец, слушая этот рассказ:

— Ты еще ребенок, а врешь так бессовестно! Не нужен мне такой сын, отнесу тебя куда-нибудь.

Посадил он мальчишку в мешок для угля, завязал мешок веревкой, взвалил на спину и пошел.

Вскоре попался ему по дороге питейный дом. Потянуло оттуда винным духом. А отец любил выпить. Повесил он мешок с мальчишкой на ветку осины и отправился пить вино.

Тем временем маленький враль нашел в мешке дырку. Поглядел он в нее и видит: ковыляет по дороге сгорбленный старичок. Тогда мальчуган затянул нараспев, словно молитву:

— Старый, стань молодым! Старый, стань молодым!

Подошел старичок к мешку, окликнул мальчишку:

— Ты что там, в мешке, делаешь?

— Да ведь это волшебный мешок! Стоит только влезть в него и прочитать заклинание: «Старый, стань молодым! Старый, стань молодым!», как станешь молодым. Вот я, например. Нынче утром был глубоким старцем, но побыл немного в мешке и помолодел. Слишком долго повторял я волшебные слова и стал совсем недоростком.

Старик от изумления глаза вытаришил:

— Скажи, пожалуйста, какой чудесный мешок! Я тоже хочу помолодеть! Пусти меня в него!

— Что ж, можно. Только даром я тебя не пущу!

— Хочешь, я дам тебе вкусных пирожков?

Мальчуган взял пирожки, посадил старика вместо себя в мешок и убежал домой.

Вскоре старый враль вышел навеселе из питейного дома. Заглянул он в мешок и остолбенел: сидит в угольном мешке вместо его сына незнакомый старик и кричит во весь голос: «Старый, стань молодым! Старый, стань молодым! Старый, стань молодым!»

Удивился отец, но, когда узнал, в чем дело, совсем голову потерял:

— Ах он негодник! Это мой маленький сын, враль каких мало, вас обманул. Простите, пожалуйста. Извините великодушно!

Вернулся отец домой в страшном гневе и видит: сынок давно уже дома, сидит и пирожки уплетает. Схватил старый враль маленького вряля за ворот и снова засунул в угольный мешок.

— Ах ты негодяй этакий! На этот раз я проучу тебя как следует!

Пошел он с ним по другой дороге. Но и там стоит питейный дом.

Тянет из него винным духом. Крепился, крепился отец и не выдержал: снова повесил мешок на ветку сосны и пошел пить вино.

Поглядел мальчишка сквозь дырочку в мешке. Видит: идет по дороге старушка подслеповатая. Палкой дорогу нащупывает. Дождлся мальчик, пока подойдет она поближе, и давай бормотать заклинания: «Глаза, прозрейте! Глаза, прозрейте!»

Удивилась старушка, подошла к самому мешку и спрашивает:

— Что ты, сынок, там делаешь?

— Как что делаю? Сажу в волшебном мешке и читаю заклинание: «Глаза, прозрейте! Глаза, прозрейте!» Я уже с самого утра читаю эти заклинания—и вот прозрел. А раньше был слепым на оба глаза.

— Ах, какой удивительный мешок! Я очень плохо вижу. Нельзя ли мне сесть в этот мешок хоть на минуточку?—просит старушка.

— Отчего же нельзя? Только даром я не пушу!

— У меня есть хурма. Всю тебе отдам, только пусти меня в мешок.

Дала она мальчишке целую корзину хурмы, а он запрятал старуху в мешок и со всех ног пустился домой.

Вот вскоре вышел отец из питейного дома навеселе. Смотрит—в мешке незнакомая старуха, моргает глазами и причитает: «Глаза, прозрейте! Глаза, прозрейте!» Выпустил он старуху из мешка и не знает, как лучше у нее прощения попросить:

— Это все проделки моего негодного сына, отъявленного вряля! Простите, пожалуйста!

Вернулся отец домой, и что же он видит? Наелся его сынок хурмы до отвала и храпит себе на полу посредине комнаты, раскинув руки и ноги.

Ну что с таким будешь делать?

Жил некогда один человек, на редкость рассеянный и суматошный. Как-то раз собрался он пойти в храм бога Инари¹ на праздник и говорит своей жене:

— Жена, завтра я пойду в храм бога Инари. Приготовь мне с вечера моти на дорогу. Мне идти далеко.

Утром он встал рано, до рассвета. Жена еще лежала в постели.

— Жена, а жена! Где моти?

— У окна.

А ему послышалось: «У очага!»

Пошарил он у очага и нашел круглый горшочек, в котором жена держала краску — зубы чернить². Впопыхах он решил, что отыскал моти.

— Жена, а жена! Где платок — завязать моти?

— На полочке.

А ему послышалось: «На постели».

Поискал он на постели, нашел широкий женин пояс и думает — платок. Завязал в него горшочек и привесил к поясу. А за пояс вместо ножа деревянный пестик засунул.

— Жена, а жена! Где моя плетеная шляпа?

— Поищи на кухне.

Поискал он на кухне, нашел соломенную корзину и надел ее себе на голову.

Потом стал обуваться. На правую ногу надел носок, а на левую — забыл. На левую ногу надел сандалию, а на правую — забыл. Так и вышел из дома.

Идет рассеянный по дороге. Начал день заниматься. Попалась ему на пути деревня, а люди там показывают на него пальцами и смеются.

— Глядите! Глядите! Вот идет какой-то чужак с корзиной на голове. И откуда только у него такая невиданная шляпа?!

Он подумал: «Про кого это говорят?» Оглянулся назад, никого нет. «Неужели про меня?»

Снял шляпу, взглянул — вот тебе и на! Да это не шляпа, а корзина! Забросил он ее подальше в траву.

— Смотрите, как этот прохожий обулся. С пьяных глаз, что ли?

Поглядел — правда. Отошел он от деревни, разулся, забросил в траву носок с сандалией и пошел босиком.

Опять деревня на дороге. Люди на него показывают:

— Смотрите! Берегись, заколет! Вот чужак, пестик за пояс заткнул!

Посмотрел — и в самом деле у него за поясом деревянный пестик. Отошел он от деревни и забросил пестик в поле.

Пришел рассеянный в храм, видит: у ворот храма амулетами торгуют. Было у него с собой сто монов. За амулет хотел он отдать три мона, а на остальные выпить и погулять, да опять впопыхах ошибся. Три мона оставил себе, а девяносто семь бросил в ящик для сбора денег. Что будешь делать? Взять назад совестно, а на три мона не попируешь. Пошел он за горку позади храма, где народу не было. Развязал узелок с едой, смотрит — а там пустой горшочек.

Схватил он его да как швырнет с досады! Покатился горшочек, ударился о камень и разбился.

Стал рассеянный сворачивать платок — что это? — длинные завязки болтаются. Посмотрел — а это не платок, а женин нижний пояс. Бросил его рассеянный, точно обжегся. Стал искать, чем подпоясаться, да вдруг видит: халат-то на нем надет шиворот-навыворот. Ахнул рассеянный и побежал с горки подальше от людей. А есть, как на грех, все больше хочется. Не до праздника ему стало, не пошел в храм на представление поглядеть, а повернул домой.

Попалась ему по дороге лавка. Выставлен перед ней белый камень, похожий на рисовую лепешку, в знак того, что здесь торгуют лепешками.

Спросил рассеянный:

— Сколько лепешка стоит?

Ему говорят:

— Три мона.

«Куплю, — думает, — одну. У меня как раз три мона осталось». Положил деньги, схватил камешек и пошел. Удивился продавец, закричал ему вслед:

— Стой! Это не лепешка, а камень! Настоящую лепешку я тебе сейчас дам.

Куда там! Рассеянный подумал, что с него еще денег просят. Крикнул:

— Я же положил тебе три мона! — и побежал со всех ног. Продавец хотел было догнать его, да не смог.

Отдышался рассеянный, положил лепешку в рот и — крак! — сломал зуб. Глядит — а это не лепешка, а белый камень. Бросил рассеянный его в реку и еще скорей побежал домой. Бежит он, злой, голодный, и думает: «Жена во всем виновата! Не сумела собрать меня в дорогу как следует. Приду домой, я ей покажу!»

Вбежал он в дом и кричит с порога:

— Ах ты негодница! Осрамила меня, на весь свет ославила!

— Ты чего ругаешься, сосед? Чем я тебя осрамила?

Глянул — а это не его жена, а соседка, и дом-то не его, а соседский.

Выскочил он оттуда как ошпаренный. Побежал в лавочку, взял в долг чаю, чтобы с соседкой помириться. Пошел к ней опять, протягивает сверточек чаю:

— Я сейчас нагрубил тебе. Прости, пожалуйста.

А она в ответ:

— Как же ты рано вернулся! Никогда еще этого не бывало.

Поглядел— а это его жена! По ошибке он в собственный дом убежал. Делать нечего, отвечает рассеянный жене:

— Да там ничего любопытного не было. Не на что и глядеть. Решил я вместо выпивки побаловать тебя: видишь, подарочек принес. Завари-ка чаю!

95

Отгадай,
где мой дом

Давно-давно дочь одного богача поехала купаться в горячих источниках Арима в краю Сэтцу¹. Случилось так, что некий юноша остановился в той же гостинице, в комнате рядом. Девушка была красавица, юноша очень хорош собой. Они встречались каждое утро, и пошли между ними дружеские беседы.

Но вскоре пришло время девушке возвратиться домой. Хотя они полюбили друг друга, но юноша не знал, как зовут его любимую, где ее дом, и она тоже ничего о нем не знала.

Захотелось девушке открыть любимому свою тайну, но не прямо, а обиняком, и она сложила такое стихотворение-загадку:

*Если ты любишь меня,
То в селенье Семнадцать
Приходи меня навестить
У негниющего моста,
Где летом плачут навзрыд,
Где вкусные ботамоти.*

«Если он вправду любит,— думала девушка,— он разгадает самую хитрую загадку и придет ко мне. Значит, он меня достоин. А если не разгадает, то мало в нем проку».

Написала она стихотворение-загадку на бумаге и отдала юноше:

— Вот где я живу, вот как меня зовут, непременно приходи ко мне,— и с этими словами простилась с ним.

Юноша вернулся из Арима к себе на родину. Он очень хотел навестить девушку, но никак не мог разгадать загадку. Как он ни ломал себе голову, сколько ни думал, но ничего на ум не приходило, и он в тоске целыми днями бродил по городу. На самой окраине встретил он одного амма. «Говорят, что амма— мудрые люди»,— подумал юноша и решил спросить у него совета.

Услышал амма загадку девушки, сложил руки на груди и задумался: в самом деле, мудрено! Вдруг он хлопнул в ладоши:

— А-а, понял! «Селенье Семнадцать»— это село Вакаса— Молодое². Негниющий мост, разумеется, Каменный мост. А кто плачет летом? Цикады-сэми. Значит, возле Каменного моста стоит дом господина Сэмия. Пирожки ботамоти иначе зовутся

охаги. Имя девушки о-Хаги-сан. Ищи девушку о-Хаги из дома Сэмия, и все тебя поймут,— научил он юношу.

Обрадовался юноша, поблагодарил амма и сразу же отправился в село Вакаса. Стал расспрашивать, и в самом деле у Каменного моста стоит дом некоего Сэмия. Перед домом большие ворота, возле дома множество кладовых, а вокруг идет высокая белая ограда. Видно, что хозяин — неслыханный богач.

Опечалился юноша. Разве в такой дом примут зятя без рода-племени? Остановился он в гостинице и целый вечер думал: как ему быть? На другой день, едва занялась заря, явился он к воротам дома Сэмия и давай подметать метлой улицу.

Наконец выглянул сторож. Видит — перед воротами ни пылинки, дорога чисто подметена.

Удивился сторож:

— Вот-те раз, кто-то непрошенный улицу подмел. Может, хотел пристыдить меня?

И на другое утро, и на третье — словом, три раза подряд все было чисто подметено, убрано.

Сторож подумал: «Это неспроста, тут что-то кроется. Назавтра встану пораньше и подкараулю негодника, схвачу его».

Ни свет ни заря поднялся сторож с постели, спрятался за воротами и ждет, кто придет улицу подметать. Скоро послышался шорох метлы. Сторож поспешно распахнул ворота, схватил непрошеного помощника за ворот и спрашивает:

— Ты кто такой? Что тебе здесь надо перед чужими воротами?

— Ничего дурного я не делаю,— ответил юноша. — Вижу: это дом богатый, много в нем слуг, может, и меня наймут на работу. Уж очень хочется мне поступить к вам в услужение. Может, замолвишь за меня словечко хозяину? Вот в этой надежде я и подметаю каждое утро перед воротами. Прошу, не откажи.

— Ну что ж,— согласился сторож,— так и быть, поговорю о тебе с хозяином.

— Каждое утро один юноша подметает улицу перед нашими воротами,— сказал он хозяину. — Просит нанять его на любую работу.

— Ладно, ладно,— согласился хозяин.— Найми его.

Такой-то хитростью юноша пробрался в дом Сэмия и стал там слугой. Вначале выполнял он самую тяжелую работу истопника и подметальщика. Стал он черным от пыли и грязи. С утра до вечера бродил юноша возле покоев своей возлюбленной, но так ни разу ее и не увидел.

А у той девушки был с детства стоворенный жених. В прежнее время дом его славился богатством не меньше, чем дом Сэмия, но теперь были они как небо и земля. Семья жениха разорилась, и он стал бедняком. Сговор между родителями уже состоялся, и отказать жениху было нельзя. Но девушка не

любила его. Полюбился ей другой юноша, тот самый, кого встретила она возле горячих источников. Но разгадает ли он загадку? Узнает ли, где живет она, как ее зовут по имени? «Нет, не придет он»,— с тоской думала девушка.

Шло время, и приближался день свадьбы с нелюбимым женихом.

С тяжелым сердцем девушка готовилась к свадебному торжеству. Решено было, что свадебный паланкин понесут двое носильщиков. Впереди пойдет слуга по имени Санскэ, а сзади кто придется, хоть истопник.

Настал наконец урочный день. Невеста надела на себя свадебный наряд и села в паланкин. Санскэ поднял на плечи передние концы жердей, а сзади подхватил паланкин другой носильщик— тот самый юноша. Свадебный поезд тронулся в путь. Из дома вышли, чтобы проводить паланкин, гости, слуги и служанки.

Прошли полдороги и тут решили опустить паланкин на землю и отдохнуть. Передний носильщик окликнул своего товарища, юноша подошел на зов. В этот миг юноша и девушка увидели друг друга.

И тут девушке стало худо. Свадьбу пришлось отложить. В дом жениха отправили вестника с просьбой подождать.

Паланкин понесли обратно в дом Сэмия. Девушка вдруг так тяжело заболела, что головы поднять не могла. Родители испугались, призвали врача, стали давать девушке разные лекарства, а ей все хуже и хуже— совсем истаяла.

Родители и кормилица, сменяя друг друга у изголовья больной, стали толковать между собой:

— Уж не любовный ли это недуг?

Пытались они узнать, что у девушки на сердце, но она застыдилась и ни слова в ответ.

Тогда призвали знаменитого гадалеля.

— Нет сомнения, это любовный недуг,— решил он.— Тот, кого она полюбила, находится здесь, в доме. Так указало гадание.

— Но кто же он?— спросили гадалеля.

— Покажите мне грамотку, писанную его рукой,— ответил гадалель.

Тут родители создали всех слуг, даже сторожей и мальчишек, всего семнадцать человек. Всем было приказано написать что-нибудь. Слуги очень обрадовались: вдруг доведется стать зятем в этом доме? Каждый из них стал писать так красиво, как только умел. Понесли их письма болящей девушке. А она взглянет и отвернется, не подымая головы. Вот все слуги по очереди написали что-нибудь, но не нашлось между ними избранника. Потом пошли они один за другим навестить больную, она и не взглянула ни на кого.

— Что-то здесь не так. Остался только молодой истопник.

Недавно его наняли на работу. Не может быть, чтобы она его полюбила, но все-таки пусть и он напишет несколько слов,— решили родители.

Призвали истопника. Дали ему бумагу, и он написал:

*Если ты любишь меня,
То в селенье Семнадцать
Приходи меня навестить.
У негниющего моста,
Где летом плачут навзрыд,
Где вкусные ботамоти.*

Слуги стали насмеяться:

— Что за нелепицу пишет этот олух! Уж он-то непременно придется по сердцу нашей барышне! Лучше его нигде не найдет.

Пошел юноша к больной девушке, показал ей листок бумаги с начертанными на нем знаками—и она тут же приподнялась с изголовья и радостно засмеялась.

Стали родители расспрашивать ее и узнали, что в свою бытность в Арима полюбила она этого юношу.

Приняли его зятем в дом Сэмия и снова начали готовиться к пышному свадебному обряду. Поженились влюбленные и зажили счастливо.

96

Дорогие советы

Жили муж с женой. Они очень нуждались и не могли уплатить властям подать. Жена, к слову сказать, была хороша собой. Однажды муж говорит ей:

— Пойду я в столичный округ. Там поступлю в услужение, накоплю денег и уплачу подать. А ты потерпи, трудись одна.

Нанялся муж в услужение к щедрому хозяину и заработал за год тридцать рё. Взял он расчет у своего господина и пошел в обратный путь.

В дороге застала его темная ночь. «Нет ли поблизости какого жилья?»—подумал он. Вдруг вдаль показался огонек. Видит муж—стоит хижина, а в ней старый дед.

— Можно войти?

— Заходи.

— Разреши мне одну ночь у тебя переночевать.

Старик ответил на это:

— Можно-то можно, но с условием. Я охотник до разных баек. Люблю давать советы. Не любишь слушать, иди своей дорогой.

Согласился гость послушать, а старик говорит:

— Только совет мой дорог. Заплатишь ли ты?

— Если по моим деньгам, отчего же, уплачу.

Договорились они.

— Когда льет дождь, не прячься в каменной пещере — вот мой совет. А теперь выкладывай десять рё.

«Ну, влип я,—подумал муж.—С таким трудом заработал тридцать рё, и вот на тебе! Останется только двадцать». Но надо слово держать. Отдал он десять рё.

На другое утро пошел муж дальше своей дорогой, но тут подул сильный ветер, полил дождь. Ни вперед, ни назад, никуда не пойдешь. Подумал он было спрятаться под навесом пещеры и там переждать непогоду. Но вдруг вспомнил совет старика: «Когда льет дождь, не прячься в каменной пещере». Только отошел он на четыре-пять кэнов, как пещера с грохотом обвалилась.

Пошел он дальше. Свечерело. Видит — вдали блеснул огонек в хижине.

— Можно войти?

Как и в прошлую ночь, вышел навстречу старый дед.

— Входи, если выслушаешь мой совет. Только я положу высокую плату. Согласен ли ты?

— Делать нечего, согласен. Только пусти меня переночевать.

— Если спешишь, иди окольным путем, скорее дойдешь. А теперь плати десять рё.

Делать нечего, уплатил муж деньги.

На другое утро пришел он к пристани. Поехать на лодке — путь короче будет. Как раз люди в лодку садятся.

— Господин лодочник, перевези и меня.

— Садись поживей.

Но тут муж вспомнил совет старика: «Коли спешишь, иди окольным путем, скорее дойдешь» — и пошел дальше пешком. Не успел далеко отойти, как лодка перевернулась.

Снова настала темная ночь. И опять нашел он пристанище у старого деда. Все повторилось, как прежде. На этот раз дал ему старик такой совет:

— Вспылишь — прогадаешь. С тебя десять рё причитается.

Пришел муж домой без единого гроша в кошеле. Заглянул тихонько в дом — и что же видит?

Жена поит вином монаха из местного храма. «Убить их обоих на месте, что ли?» — думает муж. И вспомнился ему третий совет: «Вспылишь — прогадаешь».

Постучал он в дверь:

— Эй, жена, вот я и вернулся!

— Сейчас я, мигом, — отзывается жена, а сама в перепуге прячет монаха в большой кувшин.

Вошел муж в комнату, видит вино и закуску.

— У тебя был гость, жена?

— Нет, какие гости! Прошлой ночью приснился мне вещий сон, будто ты вернулся.

— А это что за большой кувшин?

— Я в нем приготовила мисо для храма.

— Хорошо, я сам отнесу его.

Взвалил муж кувшин на плечи и отнес в храм.

— Эй, служка, заплати мне за этот кувшин пятьсот рё,— сказал он, а сам пошел в нужник.

Тем временем монах велит второпях:

— Служка, высыпь на мой стол пятьсот рё.

Взял муж деньги и стал жить со своей женой в довольстве и добром согласии.

97

Безмолвный
диспут

В одном селении был буддийский храм. Как-то раз пришло к настоятелю письмо от странствующего монаха, в котором тот предлагал устроить диспут-мондо¹. Настоятель знал понаслышке, что бывают такие мондо, но никогда ему участвовать в них не доводилось. Говорили, что мондо очень трудны, надо быстро отвечать на вопросы. «Что же делать? Не осрамиться бы»,— ломал себе голову настоятель.

Тут пришел бродячий разносчик тофу. Разносчик, как всегда, прошел в покои настоятеля и увидел, что тот сидит в глубокой задумчивости с встревоженным лицом.

— Васё-сама, васё-сама, что с вами? Как вы бледны! Или занемогли? Может, что болит?—спросил разносчик.

— Нет, ничего не болит, но я в большом смущении. Скоро придет странствующий монах устроить мондо. А мне никогда не приходилось вступать в такие диспуты. Вот я и ума не приложу, как мне быть,—ответил настоятель.

— Ну, васё-сама, вот была печаль. Какой-то монах явится со своим дурацким мондо. Это плевое дело! Позвольте, я займу ваше место.

— Правда, ты меня подменишь? Спасибо тебе, выручи меня.

На том и порешили. Когда наступил условленный день, разносчик надел на плечо кэса из золотой парчи, на голову дзуксин и сел в кресло. Ну, точь-в-точь настоятель!

Тут явился монах. Он думал про себя: «Разобью здешнего настоятеля в пух и прах». Видит—настоятель ждет его, лениво откинувшись на спинку кресла.

Монах уселся перед настоятелем и начал безмолвный мондо. Сначала он сложил пальцы обеих рук так, что получился круг, и показал его настоятелю.

Разносчик в облачении настоятеля молча протянул вперед обе руки, одна ладонь над другою.

Тогда монах растопырил все десять пальцев. Разносчик показал ему пять пальцев. Монах в ответ три пальца.

А разносчик указательным пальцем приподнял веко.

Увидев это, монах подумал: «Это ученый муж глубокого ума.

Мне с ним не тягаться»,—и поспешно удалился.

Настоятель жадно следил за диспутом через дырку в сѣдзи и был в восторге от того, что разносчик победил.

Тут вышел разносчик, подобрав длинный подол:

— Васё-сама, васё-сама, эти мондо, выходит, полная чепуха!

— Ну расскажи мне, как все было?—полюбопытствовал настоятель.

— Этот дрянной монашек спросил, круглый ли у меня тофу? Я ответил: «Понятно, нет. Он—плоский, вот такой». И подержал плашмя одну ладонь над другой. А он мне тычет в лицо десять пальцев: «Так что, мол, берешь десять монов за кусок тофу?» А я ему тычу пять пальцев: «Дескать, пять монов беру». А он мне вдруг показывает три пальца: «Дорогонько, дескать, возьми три мона». А я пальцем приподнял веко: дескать, нашел дурака. Тут он и дал деру.

Монах, побежденный в мондо, пошел в соседнее селение к настоятелю другого храма и говорит ему с восхищением:

— Настоятель соседнего храма—ученый муж глубокой мудрости. Мне еще не доводилось встречать столь просвещенного монаха. Устроил я с ним безмолвный мондо. Стал вопросы задавать. Сначала сложил персты обеих рук и показал ему круг: «Наш земной шар?» А он в ответ свои длани плашмя, одна над другой: «В центре вселенной пребывает». Тогда показал я ему десять перстов: «Десять направлений пространства²?» А он в ответ показал пять перстов: «Блюдут пять заповедей³». Попробовал я было сразить его и показал ему три перста: «Три тысячи миров?» А он указал мне на свое око: «Они в очах»—и перстом приподнял веко. В первый раз встретил я столь глубокомудрого монаха.

98

Лошадник Ясохати

Жил в одном селении бедняк по имени Лошадник Ясохати. Была у него одна тощая кляча. А по соседству жил богач, и было у того богача сорок восемь коней. Очень хотелось Ясохати хотя бы один раз показать на конской ярмарке таких прекрасных лошадей, как у богача.

Однажды пошел он к богачу и стал просить:

— Господин, позволь мне показать на конской ярмарке твоих коней. Только один разок... Пусть люди полюбуются.

— Ну что ж, проведи коней через весь город, и Верхний и Нижний, да всем по дороге говори: вот-де какие кони у нашего богача. Если согласишься, я, так и быть, позволю тебе один разок погнать табун моих коней на ярмарку.

— Все сделаю, как господин велит, только одолжи мне своих коней.

Погнал Ясохати сорок восемь лошадей богача на конскую ярмарку да вдобавок свою тощую клячонку. Какой это был великолепный выезд!

Все изумились и стали восторгаться:

— Ясохати, где ты купил таких лошадей? До чего хороши!

Ясохати от радости себя не помнит и расхвастался:

— А это соседний богач, дурак набитый, мне их продал. Весь табун мой, вот только тощая лошадка — та его. Какая корысть мне была покупать дохлую клячу?

Захотелось богачу послушать, что в городе говорят о его конях. Стал он смотреть, как Ясохати проводит по улицам его коней. Слышит — похваляется Ясохати, будто это его кони. Разгневался богач, быстро воротился домой и ждет-поджидает, когда вернется Ясохати. Наконец тот пригнал назад табун лошадей.

— Ах, негодяй, ты что сегодня наболтал? Опозорил меня на весь город. Но я отомщу тебе, помнишь меня! — Ударил он клячу бедняка топором по голове и убил на месте.

Как быть? Не отопрешься, что людям налгал. Решил Ясохати содрать шкуру с убитой лошади и на вырученные деньги выпить сакэ. На другое утро пошел он в город шкуру продавать. А тут налетела сильная метель. Что делать? Заметил он посреди поля какой-то дом и пошел туда. Присел на веранде отдохнуть и услышал, что в доме кто-то тихо-тихо разговаривает.

Заглянул он в щелку двери и видит: пришел к хозяйке гость, и идет у них пирушка. «Бесстыдство какое!» — подумал он. Вдруг послышался громкий голос:

— Жена, отпирай дверь!

Тут хозяйка и гость, любезничавшие возле огня, страшно переполошились. Хозяйка второпях спрятала гостя в большую корзину, стоявшую в чулане. Столик с угощением унесла в соседнюю комнату. Ногу осьминога повесила на гвоздь для метлы и, как ни в чем не бывало, вышла встречать своего мужа.

— У, сегодня на дворе мороз! Хорошо, что ты жарко натопила, — радуется хозяин дома.

Хозяйка ответила с невинным видом:

— Я тебя уже давно жду.

Тут вдруг в дом вошел Ясохати:

— Я запоздалый путник. Меня застала в дороге метель. Дозвольте погреться у вашего очага.

Хозяин радушно приветствовал его:

— Заходи, заходи без стеснения.

И начал расспрашивать:

— Скажи мне, господин гость, чем ты промышляешь?

Ясохати, не думая долго, сплел небылицу:

— Я — предсказатель. Не следует говорить об этом, может статься, ты не то что завтра, еще сегодня попадешь в неслыхан-

ную беду. Это у тебя на лице написано. Но чтоб отвести опасность, я сейчас поворожу.

Тут снял он со спины узел и достал оттуда лошадиную шкуру. Надавил он на нее, шкура затрещала, и Ясохати вскричал:

— О, вот это здорово! Пойди в заднюю комнату, там стоит столик с выпивкой и закуской.

Хозяин не очень поверил: как это может быть? Но пошел посмотреть. И в самом деле: все, как сказал предсказатель: стоит столик, а на нем чего-чего только нет!

— Твоя правда,— говорит.— Там вино и закуска.

А Ясохати в ответ:

— То ли еще будет. На кухне висит на гвозде для метлы нога осьминога.

Пошел хозяин взглянуть: и верно.

Ясохати напустил на себя еще более важный вид и крепко надавил на лошадиную шкуру.

— Ах, беда, вот она! Хозяин, загляни-ка в чулан, открой корзину. Там спрятался оборотень, он нынче затеял тебя убить.

Позеленел хозяин от страха.

— Какой ужас! Господин предсказатель, спаси меня!— стал он слезно умолять своего гостя.

Выволок Ясохати корзину из чулана:

— Эй, оборотень! Слушай меня хорошенько! Ты за что возгорелся такой злобой? Хочешь убить хозяина? А выйдет как раз наоборот: придется тебе самому проститься с жизнью!

Человек в корзине с перепугу затрясся всем телом, корзина так и заходила ходуном.

— Вот видишь сам,— сказал Ясохати хозяину,— он там шевелится в корзине.

— Возьми хоть сотню рё,— взмолился хозяин,— только избавь меня от чудовища!

— Нет, мне с ним не справиться,— стал отказываться Ясохати.— Не возьму я твоей сотни.

Хозяин набавил еще пятьдесят рё— только бы вызволили его из беды.

Наконец Ясохати согласился, взял сто пятьдесят рё, взвалил корзину на плечи и пошел было прочь. Но хозяин попросил его:

— Продай мне эту колдовскую шкуру. Дам тебе еще пятьдесят рё.

— Да ведь она необходима мне в моем деле. Нет, не продам.

Хозяин еще пятьдесят набавил.

Взял Ясохати сто рё за шкуру старой клячи и понес корзину на плечах. На краю деревни через широкую реку был переброшен мост. Сбросил Ясохати корзину с плеч посередине моста.

— Ну, оборотень, берегись! Сейчас я, ведун Ясохати, с тобой расправлюсь! Брошу тебя в реку. Читай молитву: «Наму-Амида буцу»¹.

Человек в корзине стал молить с плачем:

— Господин Ясохати, пощади меня!

Но Ясохати не согласился пощадить его даром.

— Возьми с меня сотню рё, только оставь мне жизнь!

— Ну нет, этого мало.

— Я еще пятьдесят рё набавлю, только отпусти меня живого!

— Ты так жалостно плачешь, что растрогал меня. Хорошо, отпущу тебя за сто пятьдесят рё. Но отныне исправься и не делай дурного. Не нападай на людей, слышишь, оборотень?— смягчился Ясохати и отпер крышку корзины.

Радостный вернулся Ясохати домой, а на другой день пошел в дом богача.

— Господин, бывает же на свете везение! Пошел я в город продавать шкуру убитой клячи, а там говорят: скоро будет война. Нужны шкуры для военных барабанов, а в них недостаток. И вот, гляди, сколько я выручил за шкуру!

И он рассыпал перед богачом груды вырученных накануне денег.

Богач был от роду недалекого ума, он все принял за чистую правду.

— О, если так, и я продам лошадиные шкуры!

— Продай, продай! Лошадям ведь надо корму задавать, ухаживать за ними. Лучше забить их, а шкуры продать с большой выгодой. И прибыльно, и хлопот поубавится.

— Вот сейчас всех и перебью,— решил богач.

Попросил он Ясохати помочь ему, созвал всех слуг и односельчан. Забили они сорок восемь великолепных коней топорами. Ясохати оказался самым ловким.

Стребовал он плату с богача, купил выпивки, закуски и устроил пирушку— всю деревню угостил на славу.

Потом слуги взвалили лошадиные шкуры на плечи и понесли в город продавать. Кричат во весь голос:

— А вот лошадиные шкуры для военных барабанов, по триста рё за штуку. По дешевке продаем, берите, берите!

Горожане рты разинули:

— Вы только поглядите! Сыщутся ли в целом мире другие такие олухи! Рехнулись, что ли?!

Никто на товар и не поглядел.

Понял богач, что Ясохати провел его.

— Ну, этого я ему не спущу!

Весь красный от злости, вернулся он домой и схватил топор.

А у Ясохати была старуха-мать. Иссохла она с голода и умерла. Похороны-то дорого стоят. Начал Ясохати думать, как тут быть. Вдруг в дом ворвался богач, грозно размахивая топором.

Побежал Ясохати в комнату, где лежала покойница, и спрятался там.

— Где ты? Не уйдешь от меня!—кричит богач.

Стал он махать топором, да, промахнувшись, ударил покойницу. Тут Ясохати громко зарыдал:

— Убил ты, убил мою матушку, остался я, несчастный, один на свете!

Опомнился богач: совершил он тяжкое преступление.

— Ясохати-доно, провинился я перед тобой. Прости меня!— начал слезно молить он.

— Что за толк в твоих просьбах?—ответил Ясохати.— Ведь мертвую уже не воскресишь. Убил ты мою драгоценную матушку! Завтра подам жалобу в управу.

Сосед-богач побелел от страха:

— Ясохати-доно, Ясохати-доно, мы же всегда с тобой жили дружно, по-соседски. Не выдавай меня! А я тебе за это дам сотню рё.

— Что глупости говорить!—отмахнулся Ясохати.— Неужели я свою матушку за деньги продам? Деньгами тебе не откупиться.

— Я еще сотню рё набавлю.

— Нет, и слушать не хочу.

— Ну, возьми еще сотню.

— Делать нечего. Видно, приходится кончить дело миром. Сохраню все в тайне,—милостиво согласился Ясохати и взял от богача деньги.

Пошел он потом к лошадиному барышнику и купил у него старую клячу. Пристроил покойницу на лошади и сказал соседям:

— Повезу я к горячим источникам мою матушку, пусть полечится.

Дошел он до чайного домика² у подножия горы и привязал лошадь к столбу.

В чайном домике веселились, распивая вино, несколько сельчан.

Взял Ясохати чашу, стоявшую перед ними, и—хлоп!— осушил до дна.

Рассердились сельчане:

— Что за наглец! Откуда взялся, дрянь подзаборная! Выпил наше вино, так на, еще выпей!

Схватил один из них железный чайник и бросил в Ясохати. Но тот ловко увернулся, не попал чайник в него, а вылетел из дома и угодил в покойницу. Свалилась она с лошади мешком.

Ясохати завопил истошным голосом:

— Ой, убили мою матушку! Вез я ее к горячим источникам полечиться, люди добрые, а ее безжалостно убили!

Испугались гости: беда на их головы! Собрали деньги вскладчину и откупились от Ясохати: дали ему пятьдесят рё.

— Теперь уж незачем везти дорогую покойницу к горячим источникам,—вздыхнул Ясохати. Вернулся он домой и похоронил свою матушку под корнями хурмы, на задворках дома.

На другой день пошел он к соседу-богачу:

— Матушку мою, которую ты убил, продал я вчера за пятьдесят рё. Нынче стали делать из человеческой печени лекарство. Покупатели пришли даже в чайный домик под горой. А ты кормишь свою бабушку, уже ни к чему не пригодную. Лучше убил бы ее и продал с прибытком.

— Да, оно, пожалуй, так,— призадумался богач и убил свою бабушку.

Теперь у богача ни одного коня не было, и он одолжил у Ясохати его клячу, привязал к ней покойницу и повез в чайный домик продавать.

Стал прицениваться, а ему говорят:

— Вот еще вздор! Да есть ли на свете человек, что купил бы такой товар?

Понял богач, что Ясохати опять провел его, и воротился домой вне себя от ярости. Уже не в первый раз обманул его Ясохати. Убил богач всех своих коней, а теперь и свою бабушку. «Нет,— думает,— нельзя оставить этого негодяя в живых. Кто знает, что он еще подстроит. Лучше избавить людей от его плутней. Убить, и все».

Созвал он толпу слуг и приказал им схватить Ясохати и утопить в речном омуте. Пошли слуги в дом Ясохати, когда он еще спал, закатали в футон, обвязали веревками и потащили на речную плотину.

— Что вы хотите со мной сделать?— спросил испуганный Ясохати.

— Такого мерзавца, как ты, нельзя оставить в живых. Кто знает, в какую беду ты введешь людей. Наш господин велел утопить тебя в омуте.

Ясохати только вздохнул:

— Вот вы как! А я ведь тоже не какой-нибудь оборвыш. Я— богач Ясохати. Уж если будете убивать меня, умру, как мужчина. Вы, верно, знаете, мне недавно повезло, накопил я тысячу рё. На том свете к чему мне деньги? А ведь мы старые друзья! В память обо мне разделите между собой мои денежки.

Слуги знали, что Ясохати разными плутнями принакопил денег, и переглянулись.

— А где твои деньги?— спросили они.

— Я их зарыл под корнями хурмы на задворках дома. Пусть кто-нибудь пойдет выкопает, а со мной оставьте сторожа.

Но слуг одолела жадность:

— Незачем тебя сторожить: ведь ты крепко связан веревками. Не убежишь. Мы пойдем отроем денежки, а ты здесь пока подожди.

Оставили они Ясохати на плотине, а сами убежали.

Ясохати тихонько стал посмеиваться, а тут вдруг пришел погонщик, ведет вола, груженного рыбой. У погонщика гноились глаза, и был он подслеповат.

«Как раз кстати»,— подумал Ясохати и стал повторять:

— Глаза, исцелитесь! Глаза, исцелитесь!

Погонщик удивился:

— Ты чего ради голосишь в мешке?

— А ты послушай,— ответил Ясохати.— Заболели у меня глаза так, что хуже некуда. Велела жрица-мико закатать меня в футон, скрутить веревками и положить на дороге. И должен я кричать: «Глаза, исцелитесь! Глаза, исцелитесь!» Обещала, что я сразу выздоровлю. О радость, я и в самом деле исцелился! У тебя, смотрю я, тоже больные глаза. Попробуй-ка это средство!

Поверил погонщик, и захотелось ему тоже вылечиться:

— Ну, раз так, одолжи мне твой футон и веревки. Тебе незачем здесь дольше лежать, ты ведь исцелился.

Освободил он Ясохати, а тот закатал погонщика в футон и обвязал веревками.

Погонщик просит:

— Ты сведи в город вола с поклажей, я тебя отблагодарю.

— Что ты, что ты, о какой благодарности речь,— отнекивается Ясохати.— Все равно я в город иду.— И ушел, погоняя вола.

Тем временем слуги побежали к дому Ясохати и стали копать под хурмой. Но не деньги отрыли они, а мертвое тело!

Разъярились слуги:

— Бежим скорее назад, уьем этого Ясохати. Облапошил он нашего глупого господина, так мало ему, еще и нас провел.

Побежали они со всех ног к плотине и слышат: из футона доносятся крики:

— Глаза, исцелитесь! Глаза, исцелитесь!

— Ах он плут, несет всякую ерунду, чтобы нас надуть. Ну, подожди у нас!— И бросили старика-погонщика в речной омут.

Вернулись слуги к своему хозяину и доложили ему:

— Утопили мы негодника Ясохати в омуте. Пришел ему конец.

Вдруг видят— идет Ясохати жив и невредим. Гонит вола с тяжелой поклажей.

— Спасибо вам, друзья, доброе дело вы сделали! Погрузился я на самое дно омута, а там стоит великолепный дворец. Красавица меня приветствует: «Ясохати-сан, какая радость, что ты пожаловал. Возьми в подарок вола и сколько хочешь рыбы, погости здесь у меня». Просила она ночку у нее провести, но я поспешил воротиться, все рассказать господину. Видите, сущую бездельницу прихватил с собой. А ведь там, наверно, остались бесценные сокровища. Думаю еще разок в реке побывать. А пока, господин, прими хоть эту малость.

Сгрузил Ясохати всю поклажу на землю перед домом богача.

Раззавидовался богач, глаза у него разгорелись:

— Раз так, и я спущусь на дно омута, пусть красotka подарит и мне сокровище.

Спросил он у Ясохати, как попасть на дно.

— Ну, это легче легкого,—ответил Ясохати.—Даже мне поднесли там хорошие подарки, а уж тебе, уважаемый господин, верно, подарят что-нибудь необыкновенное.

Богач попался на удочку. Отправился он вместе с Ясохати к речному омуту и попросил бросить его туда.

— Ну, господин, забери там все сокровища и возвращайся поскорее!—крикнул Ясохати на прощание. Поселился Ясохати в доме богача и стал в нем хозяином. Хорошо зажил.

99

Пятеро
по имени
Кэнроку

В старину, далекую старину жили в одном селе пятеро мужчин с одинаковым именем Кэнроку. Односельчане дали каждому прозвище, чтобы различать их.

Один был силач, его и прозвали Силач Кэнроку. Другой обрабатывал поле, ему дали кличку Пахарь Кэнроку. Третий с утра до вечера играл в кости, этого стали звать Лоботряс Кэнроку. Четвертый был не шибкого ума, потому и прицепилась к нему кличка: Дурачок Кэнроку. Ну, а пятый, человек смекалистый, был старостой села. Его величали Староста Кэнроку.

Однажды Силач Кэнроку отправился в город на состязание борцов. Городские силачи задали ему трепку, и он отправился домой, порядком обескураженный. И тут вдруг попался ему на дороге Дурачок Кэнроку. Увидел дурачок, что Силач Кэнроку огорчен неудачей, и давай над ним потешаться. А Силач Кэнроку и без того кипел от гнева.

— Не смей издеваться!—и хвать дурачка кулаком. Но ударил он куда ни попадя и вышиб дух из Дурачка Кэнроку.

Страшное дело! Силач Кэнроку ума не приложит, как ему быть. Побежал он к Старосте Кэнроку. Сметливый Староста Кэнроку скрестил руки на груди, подумал и посоветовал:

— А ты тащи мертвеца на рисовое поле к Пахарю Кэнроку. Там усади мертвое тело возле запруды.

Для чего—непонятно, но ведь сам староста научил! Силач Кэнроку все сделал по совету старосты.

В тот же вечер Пахарь Кэнроку пошел проведать свое поле. И что же он видит? Кто-то пригнулся к земле возле самой запруды. А, значит, воду ворует! Негодяй! Вот он его отвадит от своего поля. И как хватит вора лопатой! Тот упал мертвым.

Пахарь Кэнроку в свой черед обомлел от страха. И бежит к Старосте Кэнроку за советом с богатым подарком.

— А ты отнеси Дурачка Кэнроку к дому Лоботряса Кэнроку и прислони стоймя мертвое тело к двери.

Притащил Пахарь Кэнроку Дурачка Кэнроку к двери Лоботряса Кэнроку и прислонил к двери стоймя, как ему велели.

Лоботряс Кэнроку подумал: «Кто-то пришел подсматривать, как здесь в кости играют».

Схватил он палку, распахнул дверь и ударил со всего маху непрошеного соглядата. Вот уж Лоботряс Кэнроку испугался! Побежал к Старосте Кэнроку советоваться. В середине ночи взвалил он мертвое тело Дурачка Кэнроку на плечи и пошел, крадучись, к его дому. Подошел к двери и закричал, как научил его Староста Кэнроку:

— Вот я и вернулся! Отпирайте дверь!

Отец Дурачка закричал громким голосом:

— Ты где шлялся до такой поздней поры?! Негодник! Такому, как ты, одна дорога: в колодце утопиться!

— Ну что ж, пойду утоплюсь!

И Лоботряс Кэнроку поскорей бросил Дурачка Кэнроку в колодец.

«Вот беда!» — ужаснулся отец и, прихватив с собой узелок с деньгами, побежал за советом к Старосте Кэнроку.

— А ты достань мертвое тело из колодца побыстрее, посади в чан с горячей водой и пошли за лекарем, — посоветовал хитрец староста.

Отец так и сделал. Посадил мертвого в горячую воду и позвал лекаря. Лекарь, услышав, что больной в опасности, быстро прибежал, велел уложить его в просторной комнате для гостей. Взял он руку больного и грустно вздохнул:

— Запоздал я... Такая сильная у него горячка, что навряд ли удастся спасти, — и стал оказывать страдальцу помощь.

Но скоро лекарь объявил:

— Сожалею, болящий преставился от сильного жара.

Так удалось похоронить Дурачка без хлопот. Все четверо Кэнроку во главе с отцом Дурачка Кэнроку усердно хлопотали, чтобы похороны прошли чин чином. А Староста Кэнроку получил столько подарков, что разбогател.

100

Выбор зятя

В старину выбор зятя был ох до чего трудным делом! Ведь, бывало, к одной девушке сваталось восемь женихов. Поди тут, выбери лучшего!

Но вот заневестилась в одной семье девушка, пора подыскать ей жениха. Одних женихов привели сваты, другие и сами пожаловали.

Каждый хвастается, кто во что горазд. Как-то раз пришел жених и гордо объявил:

— Я умею считать прыгающих блох. Целый кувшин блох мигом пересчитаю. — И вправду, пересчитал всем на удивление.

Но тут заявился другой жених:

— А я—первый умелец считать сливы на ветках. Постучу по тысяче деревьев, и готово: перечту все до единой.—И вправду, сосчитал.

Тут уж старый отец пришел в восхищение:

— Вот он, вот желанный зять! Какой спорый в работе!—и решил выдать за него дочку.

Развеселился старик. Не помня себя от радости, влез на самый конек крыши и давай плясать. Но оступился и полетел вниз. В это время показался в воротах третий жених:

— Ой-ой, несчастье! Поспешу, пока бедняга на землю не упал.

Вихрем помчался жених в бамбуковые заросли, густевшие позади дома, нарубил бамбучин, мелко-мелко нащепал, сплел большую корзину и поймал в нее старика раньше, чем тот успел коснуться земли.

Тут старик-отец воскликнул:

— Нет уж, вот самый лучший жених для моей дочери! Пойдешь ли ты к нам в зятя?

Живо порешили дело.

Да, бывают же на свете такие проворные люди!

101

Выбор невесты

Жил, не ведаю где, молодой князь. Однажды шел он по берегу горного потока и увидел: красивая девушка моет в реке бамбуковые побеги и разные корни. Загляделся на нее князь, очень она приглялась ему по душе.

И сказал он ей такие стихи:

*В горном ручье
Девушка-недоросток
Моет ростки.
Станом была б висока.
Стала б моей женой.*

Девушка сразу сложила ответные стихи:

*На гору взгляни!
Сколько всюду камелий,
Сколько азалий!
Славятся не высотой,
Но как прекрасны цветы!*

Князь пришел в восхищение, девушка ему еще больше полюбилась, и он решил взять ее в жены.

— Скажи своей матери: завтра прибуду в ваш дом за тобой.—Сказал так и удалился.

Девушку звали о-Фудзи. Не было у нее матери, а только злая мачеха. Услышала мачеха неожиданную новость и задумала

обмануть князя: «Отдам ему в жены свою родную дочь вместо ненавистной падчерицы».

На другой день она одела о-Фудзи в грязные обноски, замарала ей лицо сажей и золой из очага. А свою родную дочь искупала в чане, густо набелила, нарумянила, нарядила как нельзя богаче и ждет князя с нетерпением.

Но вот наконец явился князь с большой свитой, а для невесты несут раззолоченный паланкин. Мачеха себя не помнит от радости. Приняла князя с великим почетом. Всячески его улещает, приятные речи говорит.

— Выйди, предстань перед князем,—позвала она свою родную дочь.

Но тут князь повелел своим кэраям принести заранее приготовленный поднос о-бон¹. На подносе большая чаша, в чаше горка соли, а сверху воткнута зеленая веточка сосны.

— Сложи про это стихи,—велел князь подложной невесте.

Но не училась она сочинять танка, ничего в них не смыслила. Уставилась тупым взглядом на поднос и затараторила без складу и ладу:

*Вот поднос о-бон,
На подносе чаша,
В чаше горстка соли,
Сверху веточка сосны...
Что к чему, не знаю.*

Изумился князь:

— Тут какая-то ошибка. Это не она! Нет ли в этом доме другой девушки?

Пришлось мачехе сознаться:

— Есть-то есть, но грязная неряха. Стыдно показать вашей милости.

— Позови ее немедленно!—приказал князь.

Как было послушаться! Мачеха скрепя сердце привела о-Фудзи в грязном платье, измаранную сажей.

Князь указал перстом на поднос с горкой соли и веточкой сосны:

— Вот тебе тема для стихотворения.

О-Фудзи, ни минуты не медля, сложила танка:

*На горе О-Бон
Всю землю замели
Белые снега.
Лишь высокая сосна,
Как прежде, зеленеет.*

— Это она, она!—воскликнул князь.—Та самая девушка. Я беру ее в жены.

Смыли с лица о-Фудзи сажу и золу, нарядили ее, как

княжеской невесте подобает. А потом села она в паланкин, и тронулся в путь свадебный поезд.

Увидев, что паланкин выносят со двора, мачеха невзвидела света от ярости. Во весь голос крикнула с издевкой:

— О-Фудзи, о-Фудзи, где овощи, что ты вчера в ручье мыла?

Падчерица молвила в ответ:

*«О-Фудзи, эй-эй!» —
Так помыкала мною
Еще лишь вчера,
Но госпожой о-Фудзи
Ныне меня величай.*

И паланкин с княжеской невестой скрылся за воротами.

102

**Зонтычай
и
кистикости**

В старину один человек отправился на заработки в город Эдо. Нанялся он разносчиком в большую лавку. Хозяин поручил ему продавать разные товары: бумажные зонты, чай, кисти для письма, кости для игры.

Ходит разносчик по всему городу, выкликающая во весь голос:

— А вот зонтычай и кистикости, зонтычай и кистикости!

С ног сбился, чуть глотку себе не надорвал, а покупателей нет как нет.

Вечером вернулся он в лавку с непроданным товаром. Удивился хозяин:

— Странное дело, во всем огромном Эдо никто ничего не купил! Скажи, как ты выкликал товар?

— А вот как: «Эй, эй, зонтычай и кистикости! Зонтычай и кистикости!»

Хозяин покачал головой:

— Орешь ты громко, а не разобрать ни слова. Каждый товар надо выкликать в особицу: чай—так только чай, да четко, звонко, с повтором. Понял?

Выслушал разносчик хозяйское наставление и пошел наутро опять бродить по улицам и переулкам:

— Эй, эй, чай так чай, кисти так кисти, кости так кости, чай так чай, зонты зонтоты!

Опять пришлось ему вернуться без выручки. Поглядел на него хозяин с таким видом, будто и не ждал другого.

— А сегодня ты как товар выкликал?

— В точности, как вы меня, хозяин, учили,— ответил разносчик с самодовольством.— Вот послушайте: «Эй-эй, чай так чай, кисти так кисти, кости так кости, зонты, зонтоты, чайтакчай, киститаккости, коститаккости!..»

Долго бы еще кричал он, но тут хозяин прогнал его.

Колесо
кармы
крутится

В старину, далекую старину жил где-то охотник. Однажды, вскинув ружье на плечо, отправился он на охоту. Спрятался в глубине чащи и стал высматривать добычу.

Видит он — ползет по земле червяк. Вдруг, откуда ни возьмись, прискакала лягушка, приметила червяка и — хват! — проглотила.

Смотрит охотник на лягушку, проглотившую червя. А тем временем змея тихо-тихо скользит в траве, подбирается к лягушке. Разинула пасть — и проглотила.

Смотрит охотник на змею, проглотившую лягушку. А тем временем прилетел фазан, ринулся вниз и схватил змею в когти.

Взлетел фазан ввысь и уронил змею. И снова кинулся на нее, схватил и поднялся в небо. Покружил, покружил в высоте и опять разжал когти. Снова схватил змею, снова бросил — и так несколько раз, пока не издохла. Тогда фазан сожрал мертвую змею.

Тут охотник будто очнулся и прицелился, чтобы подстрелить фазана.

Но вдруг крепко призадумался.

Лягушка проглотила червяка и тут же была проглочена змеей. Змея проглотила лягушку и была пожрана фазаном. Теперь он, охотник, готовится убить фазана, но не случится ли с ним самим что-то страшное? Вот о чем думал охотник.

Прицелился метко, а нажать на курок словно не может...

Так охотник и не подстрелил птицу, вернулся домой без добычи.

Рано
загадывать,
посмотрим!

В старину, далекую старину выпал на редкость засушливый год, ни одного дождя. Посеешь гречиху, так солнце спалит. Но время не ждет. Пришлось наконец решиться: посеяли гречиху.

Спустя несколько дней пошел внучек поглядеть на поле, смотрит — а ростки взошли.

Обрадовался мальчик. Бегом домой и кричит во весь голос:

— Дедушка, дедушка, гречиха-то взошла! Думали, пропадет, раз нет дождя, а смотри ты, взошла!

Дедушка в ответ:

— Вот как? Говоришь, поднялись всходы? Опасался я, погибнут семена в этакую засуху, но, выходит, пошла гречиха в рост. Посмотрим, что дальше будет.

— Не тревожься, дедушка, поедим гречки.

А дедушка на то:

— Рано загадывать, посмотрим. Не радуйся, внучек, до поры.

Прошло еще сколько-то дней. Гречиха поднялась высоко и зацвела.

Увидел это внучек и прибежал к дедушке:

— Дедушка, дедушка, гречиха-то зацвела белым цветом! Все поле белое-белое. Скоро поедим гречки.

А дедушка снова в ответ:

— Хм, хм, рано загадывать. Еще неизвестно, что будет.

— Как это «неизвестно»? Чего теперь беспокоиться?

— Хм, хм,— хмыкнул дедушка и умолк.

Еще сколько-то дней минуло. Внучек снова поглядел на поле и во всю прыть припустился домой:

— Дедушка, конец тревогам. Всюду спеют черные треугольные зерна. Будет славный урожай. Уж теперь-то наверняка поедим гречки!

— Оно будто дело пошло на лад,— смеясь, отозвался дедушка.— А все-таки нельзя загадывать до самого конца. Что-то еще будет, посмотрим.

Но вот гречиха поспела. Наступила пора жатвы. Сжали гречиху, просушили, обмолотили. Богатый собрали урожай.

Внучек кричит на радостях:

— Теперь гречки поедим, теперь гречки поедим!

Насыпали зерно в ступку, столкли в муку, ссыпали в ларь, отнесли на кухню.

Так радовался внучек, так веселился, что и сказать нельзя.

Вот собралась вся семья вокруг очага. Сварили крепкий-крепкий чай, всыпали в чашки гречневую муку, заварили чаем и давай мешать густо-густо, густо-густо. Вот и гречневая болтушка готова.

— Ну, дедушка,— торжествует внучек,— видал? А ты все свое твердил: «Рано загадывать, подождем».

Дедушка в ответ:

— Рано загадывать, что еще будет. Пока в рот не положишь, не спеши радоваться.

Засмеялся внучек:

— Дедушка, ты слишком опаслив. Сам видишь, перемудрил.

Протянул мальчик руку к чашке, а она и перевернулась. Опрокинулась, и вылилась болтушка в горячую золу.

— А что я тебе говорил?— усмехнулся дедушка.— До самого конца неизвестно, что будет. Не спеши вперед загадывать.

Сказка вся вышла, прихлопнута крышка.

В старину жил где-то знаменитый врач. Он лечил от всего на свете, даже от глупости и мотовства.

Однажды пришел к нему отец со своим беспутным сыном:

— Сэнсэй, мой сын — отъявленный мот и бездельник. Ума не приложу, что с ним делать.

Вот решил я привести его к вам. Может, найдется у вас целебное средство на этот случай?

— Лекарство от мотовства? Так и быть, доверьтесь мне. Для отца беспутный сын — большое горе. Пойдемте же сюда, — и врач повел их к себе в сад.

Посреди сада рос высоченный вяз. Задумчиво поглаживая бороду, врач некоторое время смотрел на беспутного юношу.

— Слушай же! Ты должен в точности исполнить все, что я тебе прикажу. Полезай-ка на это дерево!

Юноше это показалось забавным. Он начал лезть вверх, а отец глядел и изумлялся: что за странный способ лечения выдумал врач!

На полпути юноша вздумал было остановиться и передохнуть, но врач загредел суровым голосом:

— Лезь выше, приказываю тебе, до самой вершины!

Юноша стал лезть выше, все еще посмеиваясь в душе. Но верхние ветки — плохая опора. Они согнулись, и вершина начала раскачиваться туда-сюда, туда-сюда. У юноши смех прошел, он позеленел от страха.

Но врач продолжал кричать:

— Лезь выше, еще выше!

Верхушка дерева качалась все сильнее. Юноша что было сил уцепился за самую верхнюю тонкую ветку, того гляди, обломится.

— Сэнсэй, я больше не могу, пощадите меня, погибаю! — молил юноша, совсем обезумев от страха. Но врач все еще оставался непреклонным.

Наконец в ответ на долгие мольбы он сказал:

— Слушай же меня хорошенько! Я пощажу тебя, но раньше поклянись, что отныне не будешь сорить деньгами. Держи в руках отцовское достояние так же крепко, как сейчас держишь эту хлипкую ветку. Ну что, согласен?

Беспутный юноша дал клятвенное обещание, чтобы сохранить свою жизнь, но он спустился с дерева уже другим человеком. Слова врача глубоко запали ему в душу, юноша исправился и стал примерным сыном.

Старик,
который
любил
загадки

Жил некогда в деревне старик. Больше всего на свете любил он загадки отгадывать. Вот как-то раз под вечер идет мимо его дома запоздалый путник. Ног под собой не чувствует от усталости, проголодался. Увидел он хибарку старика и думает: « Попрошусь-ка переночевать. Может, пустят ». Постучался в дверь:

— Эй, кто тут хозяева?! Отоприте, пожалуйста!

Высунулся из дверей старик:

— Что тебе надо?

— Я — дорожный человек, устал, а на дворе ночь. Пусти переночевать.

— Пожалуй, пущу, но с уговором: загадай мне раньше загадку.

— Загадку, говоришь?

— Вот-вот, загадку, да почудней. А если не умеешь, лучше и не просись ко мне в дом. Ни за что не пущу!

Не знал путник ни одной загадки. Но что было делать! В глазах у него было темно от голода, ноги, словно палки, не гнулись.

— Загадаю, дедушка, непременно загадаю, только пусти меня к себе. Уж очень я утомился! — говорил путник, присев на порог и растирая усталые ноги.

Старику стало жаль его:

— Ну, пожалуй, заходи, что ли!

Ввел он путника в комнату для гостей и спрашивает, посмеиваясь:

— Ну что, придумал уже загадку?

— Нет еще, с голоду ничего в голову нейдет. Память отшибло!

— Эй, жена, готовь гостю ужин! — крикнул старик, повернувшись в сторону кухни.

Жена принесла столик и поставила на него полные чашки.

— Подкрепись-ка с дороги, кушай, — приглашает старик.

Набросился голодный путник на еду и быстро все чашки опустошил. А старик на него наседает:

— Ну как? Ну что? Пришла в голову хорошая загадка?

Гостю податься некуда. Опустил он глаза от смущения и вдруг видит: порвалась на нем одежонка в дороге, голое тело сквозит:

Вздохнул он:

— Не худо положить бы заплату на эту дыру.

— Как ты сказал? — обрадовался старик. — Положить заплату? Ага, догадался! Нет уж, за плату гостей я не принимаю, хватит и того, что они мне загадки загадывают. Эта была хороша, но придумай лучше.

Мнется путник.

— Промерз я,— говорит,— как бы на меня хворость какая не напала.

— Хворость, говоришь? А, догадался! А ну-ка, жена, подложи хворосту в очаг, пускай наш гость погрееется хорошенько.

— Вот спасибо,— сказал гость, придвигаясь к очагу.— Прохватило меня до костей холодным ветром, словно чайку на морских волнах.

— Чайку на морских волнах? Понимаю, понимаю. Поддай, хозяйка, чайку. О, да ты, как я вижу, на загадки мастак!

«Ну, на этот раз пронесло!»— думает путник.

Уложили путника спать. Проснулся он на другое утро еще до свету. Как подумал, что опять к нему хозяин с загадками пристанет, так весь и затрясся от страха. «Надо,— думает,— уносить отсюда ноги, пока хозяин не проснулся».

Выбрался потихоньку за дверь и побежал. На беду, старик вставал всегда затемно.

— Эй, эй, путник!— кричит он ему вдогонку.— Куда ты? Загадай мне еще одну загадку.

Споткнулся путник от неожиданности. Уронил попку, которую домой нес: клещи. Зазвенели тяжелые клещи о камень. Подобрал их путник и помчался дальше не оглядываясь.

— Это зачем же он мне клещи показал?— задумался старик.— К чему бы это? Ах, понял, понял! Верно, он хотел мне сказать: «Что ты, старый дурак, ко мне, как клещ, с утра прицепился со своими загадками!»

Устыдился старик и с той поры перестал от своих гостей требовать, чтобы они ему загадки загадывали.

107

Настоятель и служка

Как-то раз настоятель одного маленького горного храма отлучился по своим делам, а храм оставил на попечение служки. Вдруг хлынул проливной дождь. Прибегает вымокший до нитки прихожанин и просит:

— Дайте мне, пожалуйста, на время зонт!

А то застал меня дождь в дороге.

— Что ж, извольте!— отвечает ему служка. Взял и отдал прихожанину хороший зонтик. Настоятель только что купил его и даже обновить не успел.

На другой день снова зовут настоятеля прочитать молитву над покойником. Как на грех, небо снова потемнело, нахмурилось, вот-вот польет дождь. Посматривает настоятель на тучи и говорит:

— Служка, подай мне мой новый зонт!

Пришлось служке сознаться, что отдал он его на время одному прихожанину.

— Ну и глупо же ты сделал! В другой раз отговорись, скажи, что выставил зонт на солнце сушиться, а тут, откуда ни возьмись, налетел вихрь, поломал ему все ребра, изорвал в клочья, и валяется он теперь, никуда не годный, где-то в самом дальнем углу чулана.

Делать нечего. Ворча и бранясь, надел настоятель поверх своего капюшона большую плетеную шляпу, накиннул старенький плащ и отправился в дорогу.

Прошло несколько дней. Опять остался служка храм сторожить. Вот приходит к нему крестьянин и говорит:

— Солнечный нынче денек выдался! Собрался я навестить свою дочку, давно ее не видел. Только вот беда, идти мне далеко. Одолжите, будьте милостивы, вашу лошадь.

Тут вспомнил служка, что наказывал ему настоятель, и отвечает:

— Уж ты извини, приятель, но пустили мы недавно нашу лошадь пасть на солнышке, а тут, откуда ни возьмись, налетел вихрь, изломал ей все ребра, изорвал шкуру, и валяется она теперь, никуда не годная, где-то в самом дальнем уголке чулана.

Крестьянин глаза вытаращил.

— Да-а,—говорит,—вот небывалый случай!

И ушел, покачивая головой.

Узнал про это настоятель и давай бранить служку пуще прежнего:

— Кто же так говорит? Разве можно лошадь равнять с зонтом? Надо было сказать, что лошадка наша на днях белены объелась и взбесилась. Так лягалась, так брыкалась, отбила себе и ноги и спину! Лежит теперь в стойле и встать не может.

Прошло три дня. Лежит настоятель на постели и отдыхает. А тут пришел в храм слуга из богатого дома и говорит служке:

— Хозяин просит настоятеля пожаловать к нему в дом по случаю праздника.

А служка ему в ответ:

— Настоятель наш на днях белены объелся, совсем взбесился! Так лягался, так брыкался, что отбил себе ноги и поясницу. Лежит теперь в стойле и не встает.

Услышал эти слова настоятель, обомлел. Вскочил с постели как ошпаренный—да как хлопнет служку по голове:

— В другой раз не станешь равнять настоятеля с клячей на посмешище прихожанам!

Как-то раз пошел настоятель служить заупокойную требу, а служка остался храм сторожить. Читал он, читал молитву, да и заснул крепким сном. Вдруг слышит спросонок чей-то голос у входа: «Можно войти?» Вышел служка из храма, протирая глаза, и видит: пришла соседская старуха с большим узлом.

— Передай,—говорит,—настоятелю гостинец ради праздника!

Взял служка узел, а оттуда теплый пар идет. Да так вкусно пахнет!

— Э, да она, кажется, колобки принесла! Оставить их настоятелю, так он по своей жадности сам все съест, не даст мне и кусочка попробовать. А ну-ка, дай отведаю!

Развязал служка узел, а в нем ларчик, полный теплых, свежих колобков. Принялся служка уплетать их за обе щеки и сам не заметил, как съел все колобки до единого. Тут только служка спохватился:

— Ай, ай, пропал я! Что теперь настоятелю скажу?

Стал он думать, как из беды выпутаться. И придумал. Схватил служка пустой ларчик из-под колобков и поставил в алтаре перед статуей Амиды. Потом собрал крошки, прилепил их к губам статуи и снова начал читать сутры.

Вернулся настоятель и спрашивает:

— Приходил без меня кто-нибудь?

— Соседская старушка приходила. Принесла ларчик с чем-то. Говорит, это вам по случаю праздника.

В самом деле, у подножия статуи Амиды стоял большой ларец. Что же в нем такое? Открыл его настоятель, а в нем пусто.

— Эй, служка, это ты все поел?!—сердито закричал настоятель.

А служка ему отвечает как ни в чем не бывало:

— Что вы, неужели бы я осмелился? Как же можно?

Потом поглядел по сторонам и воскликнул:

— А, вот оно что! Это Амида все слопал! Смотрите, у него губы в крошках!

Взглянул настоятель на статую:

— Так и есть! Вот наглая статуя, как бесчестно поступает!— да как хлопнет Амиду по голове ручкой опахала.

Бронзовая статуя так и загудела:

— Он-н! Он-н!

— Ах так? Ты еще и отпираешься, на другого сваливаешь? Вот же тебе за это!

Снова стукнул настоятель Амиду по голове, и снова статуя загудела:

— Он-н! Он-н!

Поглядел настоятель на служку и спрашивает грозным голосом:

— Слышишь? Амида говорит: «Он! Он!» Значит, все-таки ты виноват?

— Да разве от одного битья статуя сознается?—отвечает служка.—Нужно устроить испытание крутым кипятком.

Нагрел он воды в большом чайнике, да как плеснет на статую крутым кипятком.

Повалил во все стороны пар, шепчет, клокочет струя, будто Амида лопочет:

— С-с-слопал! С-с-слопал!

Служка и говорит:

— Слышите, настоятель? Вот он и сознался¹!

108

Длинное-
длинное
ИМЯ

В старину это случилось, в старину.

Жила в горах Кодзака многолетняя семья. Детишек полон дом. Когда приспело время одной из невесток рожать, она пожелала:

— Если родится у меня мальчик, сочините для него длинное-длинное, особенное имя, не в пример другим.

Думали-думали всей семьей и наконец придумали:

— Тёгитё-Тёгитё-Тёгитё-Тёгинобэтто-Суттонтон-Ояриякбу-Одзида-Дзунбукунгури-Масагаро.

Подрос мальчик, исполнилось ему пять лет. Стал он бегать, прыгать, резвиться во дворе. Однажды не остерегся мальчик и упал в колодец. Дети закричали в испуге:

— Ай, упал в колодец! Беда, беда! В колодец упал, помогите, спасите!

В доме поднялся шум. Услышала мать ребенка и спрашивает:

— Что случилось? Кто упал в колодец? Уж не мой ли сынок?

— Кто упал? Тёгитё-Тёгитё-Тёгитё-Тёгинобэтто-Суттонтон-Ояриякбу-Одзида-Дзунбукунгури-Масагаро. Вот кто упал!

— Ах, несчастье, ужас, ужас!

Побежала она в соседний дом просить лестницу. Да запыхалась на бегу и твердит скороговоркой:

— Тёгитё-Тёгитё-Тёгитё-Тёгинобэтто-Суттонтон-Ояриякбу-Одзида-Дзунбукунгури-Масагаро в колодец... Дайте лестницу!

Соседка ничего не разберет:

— Что такое? Что случилось!

— Тёгитё-Тёгитё-Тёгитё-Тёгинобэтто-Суттонтон-Ояриякбу-Одзида-Дзунбукунгури-Масагаро — в колодец... Лестницу!

— Ничего не пойму! Чего?

— Да вот что, — заговорила женщина, отдышавшись, — Тёгитё-Тёгитё-Тёгитё-Тёгинобэтто-Суттонтон-Ояриякбу-Одзида-Дзунбукунгури-Масагаро упал в колодец. Дайте лестницу скорее...

— А-а, поняла, сейчас несу, несу.

Несет соседка лестницу, да уже поздно. Пока повторяли по три раза такое длинное-длинное имя, мальчик утонул.

Вот и выходит: незачем давать детям слишком длинные, необыкновенные имена.

Длинная-
длинная
сказка

В старину, далекую старину один владетельный князь очень любил сказки. Только, бывало, прознает, что где-нибудь старик или старуха знают занятные, замысловатые сказки, как уже спешит туда в сопровождении всего двух-трех слуг. Никогда не уставал он слушать сказки.

Вот так и случилось. Много в том краю умелых рассказчиков, но князь все сказки переслушал. Новых нет, а старые прискучили.

Однажды князь говорит своим кэраям:

— Нельзя ли сыскать умельца, чтобы сказывал в мое удовольствие длинную-длинную сказку, пока я не скажу: довольно, хватит?

И вот повсюду было объявлено: «Если кто сумеет рассказать длинную-длинную сказку, такую, чтобы князь сказал: „довольно“, с того человека не будут брать подати целый год да еще сверх того дадут ему богатые подарки».

Ну, уж тут поднялась настоящая сумятица! Сказочники поспешили наперебой в княжеский дворец. Заведут длинную-длинную сказку, только князю все мало:

— Как, уже конец? А дальше что было? — И уйдут, бедняги, ни с чем.

Все сказочники у князя перебивались, казалось, никто больше не придет, как вдруг заявился старенький крестьянин:

— Господин князь, я, негодный старикашка, пришел по твоему повелению, чтобы рассказывать твоей милости длинную-длинную сказку, пока не скажешь: «Довольно!»

— Хм, а я вот не скажу. Не скажу, — ответил князь.

Старик начал:

«Давно-давно это было. В некую гавань вошла большая джонка, такая большая, что могла бы вместить тысячу коку риса. Но не мешки с рисом везла эта джонка, а была до самых краев битком набита небывалым грузом. Ехали в ней детки лягушек-квакушек, малые лягушата. Вот приехали, а как на берег выпрыгнуть? Ой, страшно!

Тут один самый смелый лягушонок-квакушонок ручками оттолкнулся, ножками отпихнулся, глаза вытаращил и — ква-ак! — как прыгнет — шлеп!

А за ним другой лягушонок-квакушонок ручками оттолкнулся, ножками отпихнулся, глаза вытаращил и — ква-ак! — как прыгнет — шлеп!

А следом за ним третий лягушонок-квакушонок ручками оттолкнулся, ножками отпихнулся, глаза вытаращил и — ква-ак! — как прыгнет — шлеп!

Следом четвертый...»

Пересчитывает старик лягушат, не торопясь, одного за другим. Не выдержал князь и спросил:

— А долго еще эти самые лягушата-квакушата будут глаза таращить да прыгать — ква-ак, шлеп?

Старик в ответ:

— Само собой, долго. Джонка-то большая, битком набита малыми лягушатами. Так, значит, лягушонок-квакушонок ручками оттолкнулся, ножками отпихнулся, глаза вытаращил и — ква-ак! — как прыгнет — шлеп!

Говорил старик, говорил. Князю немоготу стало. Закричал:

— Довольно, хватит!

Ведь неизвестно, сколько еще лягушат выпрыгнет на берег из такого большого корабля. Отчаялся князь и отступился.

Пришлось освободить старика на целый год от всяких податей да еще дать ему богатые подарки. Радостный, вернулся старик в деревню.

110

Золотой
слиток
и
точильный
камень

В старину жил в деревне придурковатый юноша из семьи каменотесов. От дурачка мало было проку: целые дни он бездельничал и тратил время на пустые забавы. Однажды пришел к его отцу хозяин Золотой горы, что лежала далеко-далеко, за тремя высокими перевалами. Приметил он, покупая точильный камень, что сын каменотеса шалопайничает без дела, и попросил:

— Пошли-ка его ко мне на работу.

Вот снарядили глупого сына в дорогу, дали ему добрые наставления и простились с ним. Взвалил дурачок на спину точильный камень и побрел вслед за хозяином Золотой горы. Но не привык он носить тяжести и уже на первом горном перевале сильно отстал.

— Смотри ты, какие быстрые ноги у моего хозяина! Передохну немного.— С этими словами присел дурачок на обочине.

Вдруг бежит навстречу какой-то человек, несет узел, в узле курица кудахчет — стащил ее в соседней деревне. Узнал он дурачка в лицо и говорит ему торопливо:

— Давай меняться. Моя курица яички несет, а камень — ведь он мертвый. Я тебе — курицу, а ты мне — точильный камень.

Дурачок и рад: ведь узел с курицей совсем легкий! Добрел он до второго перевала, а тут прохожий ведет быка, угнал его на пастбище.

«Бык-то вон какой большой, мена, стало быть, прибыльная», — подумал дурачок и с видом бывалого торговца обменял курицу на быка. Стало совсем легко, отделался от ноши.

Дошел дурачок до третьего перевала и видит: с горы бежит человек с тяжелым узлом на спине. Тут в первый раз дурачку в голову пришло, что променял он без спроса хозяйский узел. Вспокоился дурачок и просит:

— Давай меняться. Отдай мне узел вот за этого быка.

Прохожий сразу согласился: ведь он украл золотой слиток и боялся погони. «Лучше,— думает,— возьму в обмен быка». И поспешил скрыться.

Наконец добрался дурачок до того места, где стоит в горах домик хозяина. Отдал он узел.

— Что такое? Камень в золото превратился! — От удивления у хозяина глаза на лоб полезли. Дурачок все рассказал: так, мол, и так. Хозяин очень обрадовался, что нашлась его пропажа: слиток золота.

— Думал я, ты глуповат, а выходит, смысленый!

Проработал дурачок у хозяина на совесть пять лет с лишним. В награду дал ему хозяин слиток золота, написал письмо и велел непременно вручить отцу.

Дошел дурачок до первого перевала. Навстречу крестьянин гонит быка.

— Дядюшка, не сменишь ли своего быка на слиток золота?

Крестьянин с радостью согласился, схватил золото и поскорее убежал.

На втором перевале попался навстречу продавец птицы, и дурачок обменял быка на курицу. На последнем перевале идет ему навстречу носильщик, тащит на себе точильный камень.

— Эй, послушай, хочешь обменять камень на эту курицу?

Так и сделали. Пришел глупый сын домой, отдал письмо хозяина отцу. Отец невзвидел света от радости и поспешно развязал узел.

— Что же это? Точильный камень моего собственного изделия?! — сказал он с досадой.

Один раз дурачок менял с выгодой и заслужил похвалу. Вот он и подумал, что надо и второй раз в точности делать то же самое. Только раз на раз не приходится.

111

Проказы
Хикоити

Как Хикоити
продал князю
живой зонт

В старину, в далекую старину жил веселый шутник по имени Хикоити.

Однажды Хикоити открыл в городе Ясиро¹ лавку зонтов. На верхнем этаже он повесил пестрый большой зонт и всех уверял, что он живой. Чуть дождик закапает — зонт сразу раскроется, а минует непогода — закроется.

Кто ни пройдет мимо лавки Хикоити, каждый поднимет голову и посмотрит на живой зонт. Толкуют между собой прохожие:

— Да-а, диковинная штука! Вчера дождь еще только собирался, а этот зонт, смотрю, уже раскрылся.

— А сегодня, гляди-ка, сам закрылся. Погода ведь стоит хорошая.

Наконец дошел слух о живом зонте Хикоити до ушей самого князя.

Удивился князь:

— Живой зонт? Забавно!— и приказал своим молодым слугам:— Ступайте, проверьте, правда ли это.

Пошли слуги в город Ясиро и стали будто ненароком расспрашивать про живой зонт. Все горожане твердили, как один:

— Точно, есть у Хикоити живой зонт, живет и быть нельзя. Сам откроется, сам и закроется. Своими глазами видели.

Вернулись посланные к князю и доложили, что молва не лжет. Все доподлинно верно.

Князь велел одному из слуг:

— Поди купи живой зонт. Я хочу иметь эту диковинку у себя.

Пошел слуга в лавку Хикоити, передал ему слова князя. А тот сделал вид, что и слышать не хочет.

— Этот зонт—священный талисман. Хранится он в моей семье как бесценное сокровище. Люди сотнями приходили ко мне, умоляли его продать—я и слышать не хотел! Не могу я уступить его никому, даже самому князю.

А люди уж так созданы: им только того и хочется, чего не дают.

Снова послал князь слугу к Хикоити с просьбой:

— Назначь сам любую цену, только продай мне зонт!

Этого Хикоити и добивался:

— Ах, не расстался бы я ни за какие деньги с таким сокровищем. Нет ведь на свете ему подобного. Но воля князя для меня закон. Так и быть! Берите!—И назначил огромную цену.

Принес слуга чудесный зонт. Все в замке—и первым сам князь—ахают, глядя на него:

— Подумайте только, живой зонт! В погоде разбирается, ненастье чует. Ах, скорее бы дождь пошел!

Наконец полил с неба долгожданный дождь. Все люди в замке высыпали на двор поглядеть на чудо: и сам князь, и его советники, и знатные дамы, и воины. Всем хочется посмотреть, как зонт по своей воле раскроется. Вынесли зонт во двор. Дождь льет все сильнее и сильнее, а он и не думает раскрываться.

Долго ожидал князь и наконец разгневался. Стал он бранить своих слуг:

— Что вы мне наплели? Разве он живой? Дурачье!

А они в испуге кланутся, что все в городе видели живой зонт

у Хикоити. Был в его лавке такой, точно был.

— Позвать сюда Хикоити!

А тот, получив денежки, жил в эти дни в свое удовольствие, вино попивал да над князем посмеивался. Ловко он все подстроил: только завидит тучи на небе, сейчас прокрадется в верхнее жилье и незаметно раскроет зонт. Станет на небе ясно, Хикоити потихоньку закроет его. Вот и все чудо!

Только Хикоити увидел княжеского слугу, тотчас понял: зовут его на суд и расправу! Но понадеялся на свою смекалку.

Увидел князь Хикоити и гневно закричал:

— А, обманщик! Ты уверял, что твой зонтик живой, и заломил за него несусветную цену. Все твои плутни! Смотри сам: дождь на дворе потоками льет, а зонт и не подумал раскрыться. И пальцем не пошевелил!

Хикоити сделал вид, что призадумался:

— Отчего бы это? Сам удивляюсь. Такого еще с ним ни разу не случилось! Сколько раз я наказывал твоим слугам беречь этот зонт, ведь он—священный талисман, бесценное сокровище! А ну-ка, покажите мне его!

Взял он зонт из рук слуги и начал со всех сторон разглядывать. Вдруг как закричит:

— О несчастье! Умер голодной смертью. Уморили! А был он такой крепкий и резвый. Видно, здесь, в замке, ни разу не дали ему поесть. Ведь каждую живую тварь надо кормить, об этом вы не подумали?! Я—бедняк и то каждый день угощал его рыбкой и отменным вином. А здесь, в замке, никто о нем не позаботился! Ах, бедняга, сколько он мучений принял. Потерял я старого друга.—И Хикоити заплакал навзрыд.

Ничего не сказали люди в замке, только переглянулись.

Как Хикоити
стал
невидимкой

Как-то раз услышал Хикоити, что у лесного тэнгу² есть два бесценных сокровища: шляпа-невидимка и плащ-невидимка. Задумал он добыть их во что бы то ни стало.

Взял Хикоити с собой старое сито и отправился в горы. Увидел его тэнгу с высокой сосны и спустился на землю.

А Хикоити будто его не замечает. Посмотрел он вдаль сквозь сито и закричал:

— Ай-ай, в селении возле замка Мацуяма большой пожар! Ух, как занялось! Смотри ты, как полыхает!

Подошел к нему тэнгу и спрашивает:

— Разве с этой горы можно увидеть деревню у подножия замка?

— Да что ты!—воскликнул Хикоити.—Она как на ладони. Сквозь это сито можно увидеть любой кустик за тысячу ри отсюда.

— Неужели правда?— говорит тэнгу.— Ну, тогда давай мяться. Ты мне дашь свое чудесное сито, а я тебе шляпу-невидимку и плащ-невидимку.

Поломался Хикоити для виду и согласился. Надел он на себя шляпу-невидимку и плащ-невидимку — и сразу пропал из глаз. А тэнгу давай глядеть вдаль сквозь сито. Уж он вертел его и так и этак, мигал, таращился, да нет! Не только что вдали, и вблизи-то ничего не увидел. Понял тэнгу, что его провели, да поздно! Разве поймашь невидимку!

А Хикоити спустился с горы и пошел в соседнее село на базар. Там толклось множество народу. Хикоити схватил одного парня за нос. Тот завопил:

— Ай, кто меня за нос дернул?!

Тогда Хикоити потянул за нос его соседа. Тут пошла между парнями перебранка, кричат они друг на друга, в драку лезут. А Хикоити шныряет в толпе: то одного за нос схватит, то другого. Скоро на базаре все передрались. Крик стоит, шум такой, что оглохнуть впору. А проказник Хикоити от смеха надрывается:

— Вот потеха! Славную я штуку отколол!

Посмеялся он, посмеялся и зашел в харчевню. Выбрал хороший кусок рыбы, съел и запил вином на дармовщину. А потом вернулся домой как ни в чем не бывало и спрятал шляпу-невидимку и плащ-невидимку в чулан.

Как на грех, жена взялась прибрать дом к празднику. Стала она сметать копоть в чулане и видит: валяется в углу старый плащ из соломы да потрепанная шляпа из тростника. Сунула она их в топку и сожгла.

Пошел Хикоити в чулан: нет ни плаща, ни шляпы! «Э, не иначе как жена их спалила»,— догадался он и побежал скорей собирать пепел в топке.

Вымазался Хикоити этим пеплом с головы до ног и снова стал невидимкой. Пошел он в харчевню, ухватил самую большую бутылку с вином и давай потягивать вино прямо из горлышка. Смело вино пепел на губах, и вдруг показался рот, растянутый в улыбке, а человека не видно.

Тут в харчевне поднялся переполох. Все кричат:

— Смотрите, смотрите, здесь оборотень! Только рот у него и виден! Ловите его!— И бросились все на Хикоити. Пустился он бежать со всех ног. От быстрого бега пронял его пот, и вот — пупок показался.

Люди кричат:

— Теперь появился пупок-оборотень. Хватайте его, бейте!

Слышит Хикоити, что толпа гонится за ним по пятам. Все быстрее бежит он, потом обливается. Сначала показались у него ноги, потом руки, потом спина... Тут добежал он до реки и нырнул с головой.

А когда вынырнул, то люди так и ахнули:

— Да ведь это наш Хикоити! Его проделки!

Как Хикоити
удил каппу

Однажды Хикоити сидел на земляной плотине и удил рыбу в реке Тамама. А в это время проходил мимо князь. Окликнул он Хикоити:

— Эй, рыбак, что ты удишь?

Оглянулся Хикоити... Эге, да никак сам князь перед ним!

— Я-то думаю, кто это, ан, выходит, ваша милость!

— Ну да, я, собственной персоной.

Чуть было тут Хикоити не сказал, что рыбу удит, да вовремя спохватился.

— Хочу вот каппу³ в реке поймать. С самого рассвета сижу с удочкой. Не клюет!—говорит он князю.

— Что? Каппу, говоришь? А ну, дай мне поудить,—раззадорился князь.

Думал Хикоити только позабавиться, а дело-то вышло нешуточное. До сих пор никому ведь не удавалось поймать каппу на крючок. Но как сказать это князю?

— Да ведь не клюет. Нет у меня хорошей приманки. Каппу надо ловить на китовое мясо,—начал отговариваться Хикоити, а сам думает: «Китовое мясо легко не достанешь. Откажется князь от своей затеи».

А князь вдруг говорит:

— Ну, за этим дело не станет. Китового мяса у меня в замке двоволь. Ты скажи, сколько тебе нужно.

— Два каммэ,—с отчаянием сказал Хикоити первое, что в голову пришло.—Принеси мне под вечер два каммэ китового мяса. В темноте-то каппа лучше на удочку идет.

— Хорошо, нынче же принесу.

На этом они и расстались.

Вечером принес князь два каммэ китового мяса. А Хикоити уже перестал горевать. Сели они с князем на плотине. Кругом темно-темно. Сделал Хикоити вид, будто хочет наживить приманку на крючок, и говорит князю:

— Нужен кусок мяса весом в пятьдесят моммэ.

Получил он его от князя и спрятал в полую трубку бамбука, а сам забросил удочку с пустым крючком в реку. Вот сидят они с князем рядышком, и оба молчат. Время идет, а удочка и не дрогнет. Надоело князю ждать. Спросил он:

— Ну что, Хикоити, клюет?

А Хикоити в ответ:

— Какая досада! Нужно же было вам так громко заговорить. Спугнули каппу! Совсем было клюнул! Только я собирался подсесть! И приманку он унес, вот незадача.

Показал он князю пустой крючок. Снова князь дал кусок китового мяса для наживки. Спрятал его Хикоити в трубку бамбука и опять закинул удочку. Посидели они, посидели молча, и снова князь не вытерпел:

— Ну что, Хикоити, клюет?

— Ах ты, беда, спугнули! Ну разве можно так громко?!— упрекает Хикоити князя.— Тут не то что каппа, ни одна рыба близко не подплывет.

Опять дал князь мяса для наживки, и снова Хикоити забросил удочку без приманки. Сидят молча. Крепился князь, крепился, и вдруг прорвало его:

— Ну что, Хикоити, клюет?

— Ой, беда, опять спугнули!

Выманил Хикоити у князя все китовое мясо кусок за куском и говорит:

— Не поймать мне ни одного каппы, если ваша милость будет так громко кричать: «Ну, Хикоити, клюет?» Так дело у нас не двинется.

Огорчился князь:

— Ну, раз так, делать нечего. Иди завтра один каппу удить.

Хикоити остался очень доволен. Значит, опять китовое мясо получит.

— Жаль, жаль,— говорит. — Придется, видно, завтра удить одному.

Следующий вечер был ясным и лунным. Пришел Хикоити на берег реки Тамама с удочкой. Хотел он рыбы наловить, а о каппе и не думает.

Вдруг удочку так и рвануло из его рук! Показался из воды каппа и говорит:

— Хикоити, давай поборемя! Узнаем, кто сильнее.

Обомлел от удивления Хикоити. Вот уж не думал, не гадал! Однако согласился.

Стали они с каппой бороться. Ударил Хикоити каппу по уху. А у каппы на самой маковке есть ямка, в ней вода хранится. Выплеснулась вода от удара. Сразу потерял каппа всю свою силу.

Связал его веревкой Хикоити и вдруг видит: другой каппа из реки выплывает. И с тем было то же. Поймал Хикоити пятерых и наутро привел их в замок.

— Уж прости меня,— говорит он князю. — Плохо вчера клевало, да и попалась-то одна мелкота. Если б не кричали вы тогда: «Ну, Хикоити, клюет?», я бы не столько наловил. А то теперь каппа пошел пуганый.

Похвалил его князь:

— Ты, Хикоити, я вижу, удить мастер. Никто в целом свете с тобой не сравнится.

И верно: выудил Хикоити у князя немало золотых!

Как Хикоити
с лисицей
состязался

Возле города Ясиро есть Драконова гора. В прежние времена жила на ней лисица о-Сан, знаменитая своим умением принимать любой облик.

Однажды Хикоити повстречался с этой лисицей на обочине дороги. А они с ней были давние знакомцы. Пошли возгласы: «А, это ты!», «О, вот так встреча!»

Говорит лисице Хикоити:

— Давай с тобой состязаться: кто из нас лучше показывает чудеса. Ты, говорят, мастерица показывать, да и я от тебя не отстану.

— Я и не знала, что ты тоже смыслишь в этом деле,— удивилась о-Сан.— Ну, коли так, покажи свое умение. Посмотрим, на что ты годишься!

— Хорошо, я начну первым. Пойди завтра на Ивовую насыпь, взберись там на высокую сосну и гляди хорошенько. Увидишь княжеское шествие—а это буду я. Я один стану и князем, и всей его свитой. Где тебе со мной тягаться!— Простился Хикоити с лисицей и пошел восвояси.

На другой день забралась лисица на сосну. Всматривается она вдаль, вытянув шею, а сама думает: «Ничего Хикоити не понимает в искусстве превращений, а то не затеял бы невозможное. Вот-то посмеюсь я над ним!»

Вдруг вдаль засверкали копьа. Сначала появились босоногие вестники. Потом прошли мимо в суровом молчании простые воины в соломенных сандалиях. Наконец показался великолепный паланкин князя. Впереди паланкина и позади него шли самураи в парадных одеяниях с двумя мечами, большим и малым.

Сначала лисица глазам своим не поверила. Потом пришла в неопикуемый восторг.

— О-о, Хикоити, молодец! Ну и ловкач! Вот здорово!— закричала она с верхушки сосны.

Шествие вдруг остановилось. Все в испуге подняли головы. И что же увидели? Сидит на ветке сосны лисица, лапы кверху подняла—неизвестно чему радуется!

— Дерзкая смутьянка!— Самураи с гневными криками окружили сосну. Замерла лисица от страха, прижалась к дереву. А ее бранят:

— Наглая тварь! Подлое отродье! Скверная лисица! Помешала шествию князя. Вот мы тебя проучим!

Сбили самураи лисицу наземь концом копьа и стали ее колотить: самураи-то были настоящие! Просто-напросто Хикоити знал заранее, когда князь той дорогой поедет.

Убежала лисица домой вся избитая. А Хикоити притаился поблизости и все видел. И смешно-то ему стало, и жалко бедняжку. Не думал он, что ей так крепко достанется.

Решил Хикоити навестить больную и понес ей сладкий пирожок.

Пришел он к лисьей норе и спрашивает у входа:

— Лисица о-Сан здесь живет?

Выглянул из норы лисенок:

— Матушка лежит в постели.

— А как ее здоровье?

— Худо ей, стонет она, видно, крепко поранили,— с тревогой отвечает лисенок.

— Вот как! Жаль, очень жаль. На, отнеси матушке этот пирожок,— сказал Хикоити и подал лисенку пирожок.

Лисенок взял его и, очень довольный, отнес своей матери:

— Хикоити-сан зашел тебя проведать и принес тебе сладкий пирожок.

Увидела пирожок больная лисица и затряслась всем телом:

— Скорее выбрось эту дрянь, скорее! Хикоити первый на свете мастер отводить глаза. Это опять его чары! Не пирожок это, а, наверно, катышек навоза.

Так и не поверила.

112

Смена головы

Давно-давно жил на свете Хикохати, большой мастер рассказывать разные истории.

Однажды пристали к нему с неотвязной просьбой:

— Хикохати-са, Хикохати-са, расскажи нам что-нибудь.

А он в ответ:

— Вы то и дело просите: расскажи, расскажи! А под конец говорите: «Ну что ж, все может статься». Не буду сегодня рассказывать.

— Нет, ни слова не вымолвим, только расскажи.

Уломали наконец Хикохати, и начал он свой рассказ:

«В старину стародавнюю князь, правитель нашего края Нагато¹, отправился в Эдо, согласно обычаю санкин-котай².

От города Хаги до города Эдо далекий путь ведет через горы и доли. Князь ехал в паланкине под крики носильщиков: эсса, эсса!

Но пролетел по небу коршун и уронил помет на крышу паланкина. Какое несчастье! Старший самурай живо скомандовал:

— Сменить паланкин!

Принесли второпях другой паланкин, и князь поспешил пересест в него. И снова процессия торжественно двинулась вперед, растянувшись длинной вереницей. Загремели крики:

— Ниц! Падайте ниц!

Но вот подул ветер, поднял занавес паланкина. А коршун, кружась в небе, возьми и урони помет на край княжеской одежды.

Новая беда! Старший самурай немедля отдал приказ:

— Сменить одежды князя!

Принесли великолепные одежды, князь облачился в них, и шествие снова тронулось в путь.

Но уж, видно, такой день выпал несчастливый. Без конца тянется дорога, и князь соскучился. Захотелось ему посмотреть, по каким местам он проезжает. Поднял он занавес, выглянул... и тут коршун уронил помет — подумайте только куда! — прямо на голову князя. Коршун — пакостник, а князь — несчастливец.

Свитские самураи заорали:

— Сменить голову!

Двое самураев прискакали из арьбергарда со сменной головой. Один снял с князя загаженную голову, второй нахлобучил сменную.

Вот что случилось в старину, далекую старину».

113

Утиная похлебка

Деревенский хозяин подстрелил утку, сварил утиную похлебку и пригласил Китиёму на ужин. Китиёму-сан за день проголодался и пошел с надеждой сытно поесть.

Хозяин долго вел хвастливые рассказы об утиной охоте. Наконец подали похлебку. У Китиёму от голода бурчало в животе. Снял он крышку с чашки и видит: утинового мяса всего два-три кусочка. Ну и варево — одна редька!

Китиёму немного нахмурился, но молча съел то, что подали. Прощаясь с хозяином, он сказал:

— Хозяин, последнее время недалеко от моего дома каждый вечер стаями собираются синешейки. Не хотите ли подстрелить синешейку из ружья?

Тот обрадовался:

— Значит, дичь водится в твоих местах? Что ж ты раньше не сказал? Приду, непременно приду. Завтра же вечером заявлюсь, а ты проводи меня куда надо.

На другой вечер хозяин пришел с двумя дзюбако, полными лакомств. Отправился он вместе с Китиёму в путь. Проголодались они по дороге и уселись на краю большого огорода поужинать. Китиёму набил себе живот и говорит:

— Хозяин, поглядите — синешейки! Вот они, великое множество!

Тот посмотрел кругом: нигде не видать ни единой утки-синешейки. Ни одна не прилетела. Стал он спрашивать: где же они?

— Как где? Повсюду!— засмеялся Китиёму и показал на огород. А там редьки растут, и у каждой шея синяя-синяя.

114

Посещение
больного

Староста заболел и слег в постель. Все жители деревни поспешили навестить больного, только Китиёму не явился. Наконец вечером он лениво полпелся к старосте.

Староста начал выговаривать ему с недовольным видом:

— Все жители села не замедлили меня навестить. Тебе надлежало бы явиться первому, почему же ты пришел так поздно?

— Я услышал, что вы, господин староста, занемогли, и скорее побежал позвать врача.

Староста обрадовался:

— Значит, я зря тебя упрекал. Ты, Китиёму, умный человек. Спасибо тебе, спасибо.

Но время шло, старосте делалось все хуже. Жители села один за другим наведались к больному. Китиёму опять явился после всех.

Староста спросил еле слышно:

— Китиёму, привел ли ты врача?

— Нет, я решил, что вам уже не поможешь, и пошел к продавцу жареных лепешек и к гробовщику. Похороны готовить.

Староста от страха так и обмер.

Сказке конец, тян-тян, рисовый колобок.

115

Пожарная
тревога

Однажды ночью в деревне, где жил Китиёму-сан, случился пожар. Китиёму-сан оделся, умылся, не спеша отправился к старосте и позвал тихим голосом:

— Господин староста, пожар! Господин староста, пожар!

Так тихо он говорил, что староста не проснулся. Но жена старосты случайно пробудилась и слышит: кто-то бормочет у ворот не поймешь что. Встала она поглядеть. А Китиёму все твердит одно и то же:

— Господин староста, пожар, пожар! Господин староста, пожар!

В испуге она разбудила мужа. Староста вскочил как сумасшедший и побежал на пожар. Но огонь уже погас. Дайкан сильно разбил старосту за то, что тот запоздал. Пришлось старосте повиниться.

Вернулся он домой и призвал к себе Китиёму-сана:

— Послушай, Китиёму. Если в деревне загорится, разве можно так тихо будить? Надо стучать ко мне в дом что есть силы и кричать во весь голос: «Пожар, пожар!»

— Слушаюсь, так и сделаю,— ответил Китиёму.

Глубокой ночью прибежал Китиёму, запыхавшись, к дому старосты с длинным шестом на плече. Бегаёт кругом дома и колотит шестом, не разбирая куда, и в окна, и в двери. Застучал по столбу и начал орать, надсаживаясь:

— Господин староста, пожар, пожар, большой пожар!

Староста закричал, бледный от испуга:

— Это ты, Китиёму-дон? Слышу, слышу! Не стучи так, не стучи, дом поломаешь. Где пожар?

Китиёму спокойно отвечает:

— Господин староста, никакого пожара нет. Я только хотел узнать, хорошо ли я разбудил вас на этот раз?

116

Птица
широкорот

Однажды Тайсаку стал рассказывать всюду, что слышал в горах крики птиц широкоротов.

Князю захотелось послушать, и он приказал сельской управе проложить в горах дорогу. Отправился он в горы, но услышал только воркование лесных голубей — ку-ку-ку!

Тогда призвал князь к себе Тайсаку и начал расспрашивать его. А тот в ответ:

— Правда, кричат широкороты. Сам слышал: кру-кру-кру.

Сильно разгневался князь:

— Да это же голуби!

Побранил он Тайсаку. Но ведь дорога-то в горах была уже проложена и крестьяне могли свободно ездить по ней со своей поклажей.

117

Охотник
и его жена

Давным-давно жил охотник в добром согласии со своей женой. Но завел он на стороне возлюбленную и повадился ходить к ней каждый вечер. Домой он возвращался уже на рассвете. Жена всегда его ожидала, и неизменно у нее была наготове горячая вода. «В доме нет огня, а вода кипит. Чудеса, да и только! А ведь ночь холодная»,— удивлялся охотник. Даже если солнце стояло высоко в небе, жена никогда не хмурилась и встречала мужа ласково. И вода в тазу всегда наготове, так и кипит!

«Странное дело! Не пойду я сегодня никуда, а подсмотрю, как жена кипятит воду без огня». Вечером охотник притворился, будто идет в горы, а сам спрятался и стал подглядывать в щелку

ставен. Видит — жена налила воду в таз, поставила его себе на грудь и запела:

*Сердце в моей груди
Пылает жарким огнем,
Но кто поймет, кто увидит,
Если дым не идет?*

*Высока Мацуяма-гора.
Дорога длинной в семь ри,
Кто, заблудившись случайно,
В такую даль забредет?*

Услышал эту песню охотник и в первый раз понял, как страдает его жена. «Провинился я перед женой! Ведь я каждую ночь ходил к своей возлюбленной, что живет возле горы Мацуяма. Дорога туда дальняя, целых семь ри. Пока вернусь домой, на дворе уж белый день. У жены моей так горело сердце, что вода закипала у нее на груди. По правде сказать, недостойно я вел себя».

Вошел охотник в дом и сказал:

— Послушай, сегодня я только притворился, будто иду в горы. Теперь я знаю, что ты согревала воду огнем своего любящего сердца. Прости меня. Не буду я больше ходить к той женщине. — Начал он просить прощения, до самой земли кланялся.

С тех пор стал он верным, хорошим мужем, и супруги счастливо прожили свою жизнь.

118

**Горшок
белых
хризантем**

В старину, в далекую старину жил один князь. Была у него законная жена, но он о ней и думать позабыл с тех пор, как взял себе молодую наложницу. Дни и ночи проводил князь в покоях своей возлюбленной, а покинутая жена обливалась слезами. Только и утехи ей было, что играть на цитре.

Но вот однажды явился к супруге князя посланец от наложницы с просьбой дать на время цитру. Слова не сказала жена, отдала свою любимую цитру и стала играть на простом сямисэне. Хорошо она играла, заслушаешься.

Узнала про это наложница и позавидовала. Послала она слугу за сямисэном. Отдала жена и сямисэн. Только и радости у нее осталось: горшок хризантем. Были эти хризантемы блее первого снега. Целый день любовалась ими покинутая жена, утирая слезы.

Но вскоре явился посланный от соперницы: просит она отдать ей горшок хризантем. Отослала жена князя цветы вместе с таким стихотворением:

*Я цитру свою отдала,
Я отдала сямисэн,
Любимого отдала я.
Так стану ли я жалеть
Вас, белые хризантемы?!*

Поняла наложница всю низость своей души, и стало ей стыдно. Покинув дом князя, скрылась она куда-то, а князь снова вернул свою любовь жене.

119

Умная жена

Давным-давно жил на свете продавец чая. Однажды пошел он торговать вразнос и увидел, что перед каким-то домом старик колет дрова на большом камне. Старик этот был когда-то самураем. Хоть и дошел до такой бедности, что сам колот дрова, но умел искусно владеть оружием.

Остановился торговец и стал поучать старика:

— Зря ты колешь чурки на камне. Промахнешься один раз и топор зазубришь — а ведь он у тебя новешенький.

— Но я ни разу не промахнусь, — ответил старик с самодовольным видом, — не попорчу топора. Давай биться об заклад. Если не будет на моем топоре ни одной зазубрины, значит, ты проспорил. Отдай мешок чая, что у тебя за плечами. А если я попорчу топор, то куплю твой товар за любую цену, проси ты хоть десять, хоть двадцать рё.

«Ну, расхвастался старик», — подумал торговец и сказал:

— Согласен. Руби, а я посмотрю.

Старик начал махать топором и изрубил на камне в щепки всю наваленную поленницу дров. Но лезвие топора осталось целехонько: ни одной зазубрины!

Вернулся торговец домой со слезами на глазах и рассказал обо всем жене. Та сильно рассердилась:

— Рохля ты, как все мужчины! Завтра я сама пойду туда и, уж поверь мне, заберу весь наш чай обратно.

На другой день взяла она товар и отправилась к старику.

— Мой хозяин вчера бился с вами об заклад и проиграл целый мешок чая. Может, вы еще раз сегодня пойдете на спор? Если выиграете, я отдам полный мешок чая, что у меня на плечах. А если проиграете, то купите у меня и вчерашний товар, и весь сегодняшний по хорошей цене.

«Вот дура-баба, — подумал старик, — неймется ей, мало вчерашнего убытка».

— Что же, раз сами напрашиваетесь, будь по-вашему. Я еще раз выиграю заклад. — И с этими словами старик снова начал рубить чурки на том же камне, а женщина уселась перед ним и смотрела. А была она молода и хороша собой.

И вот, словно ее в жар бросило от волнения, тихонько стала она приоткрывать кимоно на груди, все шире и шире, чтобы ветром обвеяло. Старик невольно начал посматривать на нее и все чаще ударял топором мимо чурки, прямо по камню. Лезвие топора вконец было испорчено, все покрылось зазубринами.

Проиграл старик заклад. Пришлось ему заплатить по неслышанно высокой цене за вчерашний товар и за сегодняшний. Даром пить чаек не удалось.

120

**Стойкий
самурай**

Случилось как-то раз самураю заночевать в простой крестьянской хижине. Приготовил ему крестьянин постель и спрашивает:

— Не прикажет ли господин прикрыть его чем-нибудь на ночь?

Отвечает ему гордо самурай:

— Это вы, мужики, привыкли в тепле нежиться. А я—воин! Мне случалось ночевать под открытым небом в любую непогоду. Я ли стану бояться ночного холодка!

Под утро стало подмораживать. Проснулся самурай, зуб на зуб у него не попадает. Терпел он, терпел, не вытерпел и спрашивает:

— Хозяин, а хозяин! У тебя в доме мыши есть?

— Как не быть, водятся.

— А вы, мужики, моете на ночь лапки мышам?

— Нет, господин, я про такой обычай никогда и не слыхивал.

— Ах так! Тогда накрой меня поскорее чем-нибудь, чтоб мыши не запачкали моей шелковой одежды!

121

**Одеяло
за ухом**

Жили где-то в старину настоятель со служкой, и так они бедствовали, что описать невозможно.

Не было у них даже футона на ночь. Залезут в охапку соломы и спят.

Однажды настоятель строго-настрога наказал служке:

— Придут прихожане в гости, смотри, не обмолвись насчет соломы. Не солома, а одеяло, помни это.

Утром пожаловал богатый прихожанин. Настоятель впопыхах стряхнул с себя солому, быстро оделся и вышел к гостю. Кричит:

— Подай чаю!

Принес служка чай. Смотрит—а у настоятеля за ухом соломинка.

Засмеялся служка:

— Васё-сама, у вас за ухом наше одеяло.

122

Мышиная
сутра

В старину жили в деревне старик со старухой. Умер старик, а старуха затосковала и все ходила в храм поклоняться Будде. Однажды постучался к ней в дверь монах:

— Я сбился с дороги, дозвоьте у вас переночевать.

Старуха обрадовалась, думает — монах прочтет молитвы. Ласково его приняла и хорошо угостила, а потом и просит:

— Прочитай, сделай милость, молитвы.

Но гость только назвался монахом, никаких молитв он не знал. Что будешь делать? Сел он перед изображением Будды. Тут вдруг увидел он мышь.

— Он-тёро-тёро¹ придет скоро-скоро, — возгласил самозванный монах.

Мышь высунулась из норки и поглядывает.

— Он-тёро-тёро из дырки глядит зорко-зорко, — бормочет монах.

Мышь запищала.

— Он-тёро-тёро, что вещает нам мудро-мудро? — долдонит монах нараспев, будто сутру читает.

Наконец мышь убежала.

— Он-тёро-тёро убегает скоро-скоро.

Старуха тем временем слушала с умилением и, прощаясь с монахом; почтительно его благодарила.

С тех пор каждое утро, каждый вечер старуха читала сутру «он-тёро-тёро».

Однажды в дом к ней забрался вор.

Бабушка по своему обыкновению заголосила:

— Он-тёро-тёро придет скоро-скоро!

Вора оторопь взяла, стал он боязливо выглядывать из дыры в стене.

— Он-тёро-тёро из дыры глядит зорко-зорко, — молится старуха.

Вор еще сильнее струхнул.

— Значит, старуха меня заметила, — говорит он сам с собою.

— Он-тёро-тёро, что вещает нам мудро-мудро? — возгласила старуха.

Вор подумал: «Залезть в этот дом — проститься с жизнью».

Но только он хотел убраться потихоньку, как старуха заголосила:

— Он-тёро-тёро убегает скоро-скоро!

Тут вор убежал со всех ног, не помня себя от страха.

123

**Кто на поле
пахарь**

Ханси из Догурэ был велик ростом, хороший едок, в работе спор. Весной он начал возделывать поля, так за один день вспахал целых три тана, и все соседи хвалили его сноровистость.

Но жена его была скупердяйкой, каких мало, и язык у нее был ядовитый.

— Это вовсе не Ханси наработал, а сытный завтрак,— говорила она с издевкой.

Однажды Ханси взял с собой особенно большой завтрак, но почему-то целый день прошатался без дела.

— Ханси, много ли ты сегодня наработал?—спросила жена.

— За меня трудился мой завтрак,—ухмыльнулся Ханси.

Побежала жена на поле поглядеть на это чудо и видит: мотыга воткнута в землю, а к ее ручке привязан узелок с нетронутым завтраком.

124

**Кто дольше
промолчит**

В старину жили, не ведаю где, старик со старухой. Сосед подарил им семь вкусных моти. Вот старик съел один моти, старуха другой. Старик съел еще один, старуха тоже. Съел старик третий, и старуха не отстала.

Протянул было старик руку за четвертым, да видит—остался только один моти. Вот и говорит он:

— Давай на спор. Сыграем в молчанку. Кто дольше промолчит, тот, значит, победил, тому в награду и достанется моти. Согласилась старуха. Вот сидят они и молчат. Соскучился старик, лег и накрылся футоном. Старуха тоже.

Тут в дом забрался вор. Хозяева молчат, как воды в рот набрали. Связал он вещи в узел и хотел было удрать. Но тут заметил он моти, схватил его и собрался было съесть.

Старуха всполошилась. Видит, что сейчас пропадет драгоценная награда, и как закричит во весь голос:

— Эй ты!

Вор перепугался от неожиданности, бросил награбленное и убежал.

Старуха подала голос, значит, проиграла, а старик победил. Ему и досталось лакомство.

125

**Как сладкие
лепешки
в лягушек
обратились**

Жили в старину свекровь с невесткой. Вот как-то раз в праздничный день случились у них к ужину сладкие лепешки. Съела каждая по одной, по две, и осталось еще несколько лепешек. Принялась старуха убирать их в дзюбако, и тут вдруг одолела ее жадность.

«Утром-то, поди, лепешки покажутся еще лучше... Вот не было печали такую вкусноту скормить ни за что ни про что этой негоднице невестке, этой лентяйке!» — думает она.

— Эй, послушайте, лепешки! Если увидит вас невестка, обратитесь в лягушек. Смотрите не забудьте. Как только попадетесь ей на глаза, сейчас же прикиньтесь лягушками.

Много раз повторила эти слова старуха, а потом запрятала дзюбако с лепешками поглубже в шкаф. Но не знала она, что невестка все слышала. Утром встала невестка ранехонько, достала дзюбако и съела все лепешки, а потом наловила столько лягушек на рисовом поле, сколько было лепешек, да и посадила их в ларец.

Проснулась наконец старуха, дожидается, чтобы невестка ушла в поле работать. Только та за дверь, как свекровь шасть к дзюбако. Открыла она крышку — и вдруг... Плюх, плюх, плюх, плюх! Стали из ящика выпрыгивать лягушки — и поскакали в разные стороны, одна туда, другая сюда.

— Эй, эй, лепешки! Слепли вы, что ли? Ведь это я! Это я! Не скачите как полоумные, горошек рассыплется! Начинку вытрясете!

Гналась, гналась за ними старуха, расставив руки, да так и не поймала!

126

**Как молодо
выглядит!**

Одна старуха больше всего на свете любила, чтобы ей говорили, как она молодо выглядит. Сама, бывало, напрашивается на похвалу, а кто правду скажет, тот ей первый враг.

Однажды пришел продавец хурмы. Постучался в дверь, старуха выглянула.

— Купите, бабушка, хорошей хурмы.

— Какая я тебе бабушка! Ты посмотри на меня хорошенько. Сколько, по-твоему, мне лет?

Продавец был человек правдивый. Посмотрел на нее и говорит:

— Да лет шестьдесят, должно быть.

— Как шестьдесят? Пошел вон отсюда, убирайся!

Не понял продавец, с чего это старуха так рассердилась.

Спросил у ее соседа. Выслушал тот, как все было, и говорит:

— Надо было сказать, что она молодо выглядит. Скостил бы несколько десятков лет, смотришь, купила бы у тебя хурмы.

Постоял продавец, подумал и пошел назад к старухе.

— Ты чего опять заявился? Сказала тебе: пошел вон.

— Да ведь я тебя тот раз плохо разглядел. Глаза пылью запорошило. Вот теперь протер и вижу: ведь ты совсем молоденькая.

— Сколько же мне, по-твоему, лет?

— Да лет девять-десять.

— Ты что? Как это может быть?

— Оговорился я. Лет тебе девятнадцать-двадцать. Ну, может статься, двадцать один.

Просияла старуха и купила у продавца весь его товар.

Вернулся домой старик, а в доме — гора хурмы.

— Ты зачем столько хурмы накупила?

— Да уж очень продавец попался разумный. Посмотрел на меня так зорко и говорит: лет тебе девятнадцать-двадцать, а может, двадцать один. Верно подметил.

— Постой, постой, старуха! Сколько будет девятнадцать и двадцать? Тридцать девять. А прибавь двадцать один, вот и все шестьдесят. Так ведь?

Тут спохватилась старуха, да поздно.

Продавец-то был честный, солгать посовестился.

127

Как жена
из дому
уходила

Как-то раз приглянулась одному женатому человеку бойкая соседка.

Стал он похаживать к соседке в гости. «Моя хозяйка с ней и в сравнение не идет, — думает он. — Чумазая уродина, глядеть противно».

А жена у него была работящая. С самого раннего утра до позднего вечера, нечесаная, неубранная, ходила она в затрапезе. Никогда и в зеркало не посмотрится — все некогда!

Однажды муж сказал ей:

— Опротивела ты мне, видеть тебя больше не хочу, уходи из моего дома.

Что ж оставалось делать бедняжке? Стала она готовиться в дорогу. Вещи свои связала в узел. Надела самое свое нарядное платье, красиво причесалась, набелилась, нарумянилась и стала куда милее соседки.

Поглядел на нее муж и раздумал с ней расставаться.

Кончила жена свои сборы и, по обычаю, склонилась перед мужем в низком поклоне:

— Прощайте, живите в добром здоровье. Спасибо вам за то, что так долго заботились обо мне. Простите, если чем досадила.

Только собралась она выйти через черный ход из кухни, как муж загородил ей дорогу:

— Не смей идти через кухню в таком наряде! Это моя кухня. Ступай другим ходом.

Хотела было жена выйти через спальню. Муж опять стал на дороге:

— Не смей выходить через спальню! Это моя спальня.

Что будешь делать? Жена пошла было через гостиную.

— Куда идешь через гостиную?!— закричал муж.— Ты ведь не гостья, порядки знаешь!

Остановилась жена:

— И отсюда нельзя, и оттуда нельзя! Тогда уж я и не знаю, как мне выйти из дому.

— А не знаешь, как выйти из дому, дуреха, так и сиди дома.

С тех пор перестал муж ходить к соседке.

128

**И так,
и этак**

Жил в одной деревне человек по имени Сэйдзо.

Как-то раз гулял он с приятелями по горам. А в густых зарослях травы лежал заяц и спал мертвым сном, разомлев от дневной жары.

— Глядите, вон там дохлый заяц валяется!— крикнул один из приятелей.

Сэйдзо сразу же заткнул себе нос:

— То-то я давно уже чую: несет откуда-то падалью!

Услышал заяц человеческие голоса, как подпрыгнет!— и дал стрекача.

— Крепко же спал этот заяц,— засмеялся другой приятель.

— То-то я уже давно приметил, как в траве длинные уши шевелятся,— подхватил Сэйдзо.

С тех пор как начнет кто-нибудь поддакивать то одному, то другому, так про него говорят: «Ну, да у него, как у Сэйдзо-сана: заяц то живой, то дохлый».

129

**Занятный
рассказ**

В старину некий зять собрался впервые посетить своего тестя. Приятели стали советовать:

— Ты смотри, приготовь заранее какой-нибудь занятный рассказ. Если будешь молча уплетать за обе щеки, люди тебя засмеют. Улучи удобную минуту и начинай рассказывать.

Пришел зять к тестю в дом. После обычных приветствий принесли столик с яствами. Угощают дорогого гостя вином и разными кушаньями.

В разгар пирушки зять упер себе в колени хаси и заговорил с таким значительным видом, будто хочет поведать что-то любопытное:

— Скажите, господин тесть, случалось ли вам когда-нибудь видеть бекаса, толстого, как бочка?

— Нет, не случалось.

— Неужели? Ну и я тоже не видел.

На том конец рассказа.

130

Дурман

В одном городке была гостиница. Хозяйка ее все время только и думала, как бы заграбастать денег. Прикидывала в уме и так и этак.

Наконец вспомнилось ей, что люди говорили, будто трава-дурман туманит ум и отшибает память¹. «Отлично, отлично, лучше и не надо. Накормлю гостя дурманом, а он, смотришь, забудет кошель, набитый деньгами. Стану первой богачкой в наших местах», — размечталась хозяйка.

В тот же день к вечеру в гостиницу пожаловал гость, по всему видать — человек денежный. Хозяйка живехонько взялась застряпню, и каждое блюдо — умани, суп, маринованные овощи — все приправляла дурманом.

Подивился гость, не очень-то угощение пришлось ему по вкусу. На другое утро чуть свет отбыл он из гостиницы. Хозяйка бегом в комнату, где гость ночевал, и ну шарить во всех углах:

— Эй, эй, позабытые вещи, объявитесь-ка, где вы?

Но ничего не нашла. Какое там кошель, даже веревочки гость не оставил. «Вот тебе и на! Но ведь что-то должен был он забыть. Что же?» Скрестила руки на груди и задумалась. Вдруг пришла ей в голову ужасная догадка: «Да ведь это я сама забыла! Забыла получить плату за постой. Я ведь тоже порядком наелась дурмана, когда пробовала кушанья».

Незвиздела света жадная хозяйка. Выскочила на улицу, как была у себя дома, нагишом, и бросилась догонять гостя. Запыхавшись, спрашивает у каждого встречного:

— Куда пошел большой узел, пятьдесят выпученных глаз, на спине полосатый человек?

Прохожие думают с жалостью: «Спятила, бедняжка, чушь мелет!» — и идут себе дальше.

Заплетается у жадной хозяйки язык от дурмана, и невдомек людям, что она хочет сказать: «Куда пошел человек лет пятидесяти, пучеглазый, на спине у него полосатый узел?»

Так и не догнала хозяйка гостя. Осталась ни с чем.

До чего
люди
бывают
жадны!

В старину жили по соседству два скупердяя. Однажды один скупердяй послал к другому своего сынишку с просьбой:

— Понадобилось мне вбить гвоздь. Одолжите мне ненадолго ваш железный молоток.

Другой скупердяй призадумался:

— А скажи, какой гвоздь будете вбивать, деревянный или железный?

— Железный,— ответил мальчик.

— Хм. Небольшая, по правде сказать, услуга, рад бы одолжить молоток, да вот сейчас припомнил, что уже дал его кому-то на время.

Вернулся мальчик с пустыми руками и рассказал отцу, как сосед стал отнекиваться.

— До чего люди бывают жадны!— подивился отец.— Ведь это же надо—расспрашивать, какой гвоздь, деревянный или железный! Молоток, видишь ли, бережет— вот и сплел небьлицу. Совести в нем нет. Ну, вот что, делать нечего! Придется забить гвоздь собственным молотком.

Важный
спор

Однажды отправились три паломника на поклонение в храмы Исэ. По дороге они заспорили.

— Если мы найдем на дороге тридцать золотых,— говорит один,— надо разделить деньги поровну, по десять монет на каждого.

— Нет!— кричит другой.— Кто первый заметит, тот пусть и берет себе большую долю.

— Несправедливо это!— возражает третий.— Надо делить поровну, чтобы никому не было обидно.

— Да ведь есть же такой обычай на оленьей охоте: кто первый попадет в оленя стрелой, тот и берет себе его голову. И тут то же самое: кто первый заметит деньги, тот пусть и берет себе большую долю.

Спорят паломники, ссорятся, кричат!

Попался им навстречу торговец маслом. Услышал он их спор, поставил на обочину кувшин с маслом и взялся их рассудить:

— Вот что, дорожные люди, надо сделать так. Прежде всего положите сюда найденные деньги.

А паломники тем временем уже драку затеяли. Посохи так и замелькали в воздухе. Тут и торговцу попало, и кувшин его опрокинулся, и все масло на дорогу вытекло.

— Стойте, стойте!— кричит торговец.— Давайте сюда ваши тридцать золотых! Вы мне масло разлили!

— Какие тридцать золотых?— удивились паломники.— Да ведь мы их еще не нашли!

Отдышавшись, они пошли дальше.

С тех пор торговец маслом зарекся лезть в чужое дело, не разобравшись толком, о чем спор идет.

133

Верх
бережли-
вости

Жил на свете скупердяй. Так и не сходило у него с языка: «Надо беречь добро. Надо хранить добро, на том хозяйство стоит».

Как-то раз под вечер пришел к бережливому один приятель поглядеть, как он ведет хозяйство. В доме было темно, хоть глаз выколи. «Это он, видно, на масло для лампы скупится»,— подумал гость, вошел в дом ощупью и увидел, что бережливый сидит на циновке посреди комнаты голым-голешенек.

Приятель удивился:

— Ты почему сидишь нагишом?

— Одежда целее будет. Зачем зря ее изнашивать у себя-то дома?

— Так-то оно так. Но ведь на дворе поздняя осень, долго ли простыть!

— А мне не холодно! Я потом обливаюсь.

— Отчего же это?

— Погляди вверх,— говорит бережливый.

Глянул гость наверх и увидел, что у бережливого над головой висит на тонком шнурке огромный булыжник.

— Я все думаю: «Сейчас упадет! Сейчас мне на голову свалится». От страха меня то и дело в жар бросает.

«В самом деле, ловко придумал!»— подумал приятель. Стал он слушать рассказы бережливого о том, как у него каждая вещь три срока служит, а сам с трепетом в душе поглядывает туда, где камень висит. Наконец попрощался гость и вышел, но в темноте никак не мог отыскать свою обувь, которую оставил у входа в дом.

— Посвети мне,— попросил он.— Сандалии свои не разыщу.

Бережливый вышел из кухни с поленом в руке да как хватит приятеля по голове: трах!

— Ай, что ты делаешь? Из глаз искры снопом посыпались!— завопил гость.

— Вот и ищи скорей свою обувь. А недавно вечером я сам себе под глазом такой фонарь засветил, что всю дорогу бегом бежал! Просто как днем было видно!

Услышав это, приятель поспешил уйти, как был, разутым.

Наступил Новый год. «Постой же, проучу я тебя,— подумал приятель.— Посмеюсь над тобой, скупердяй!»

В первый день Нового года явился он к бережливому с поздравлением и принес ему, по обычаю, подарок.

— Поздравляю, желаю счастья. Хочу тебя порадовать. В Новом году решил я жить, следуя твоему мудрому примеру. И первым делом подумал: зачем тратить на дорогие подарки? Зачем сорить деньгами? Принес я тебе эту длинную соломинку. Сделай себе из нее трубку.

На другое утро бережливый явился к своему приятелю отдать долг благодарности. После обычных приветствий достал он из своей пазухи все ту же соломинку. Только теперь она стала наполовину короче.

— Вот тебе к Новому году драгоценное снадобье. Всякий знает: солома — первое средство от ломоты в ногах.

Подал соломинку бережливый и ушел, а приятель его так и остался сидеть с открытым ртом.

134

Голуби
услышат

Однажды увидел крестьянин знакомого старика. Возится тот на другом берегу реки, сажает что-то. Крикнул ему крестьянин через реку:

— Дедушка, что сажаешь?

Помялся старик и говорит:

— Иди сюда, я тебе скажу.

Удивился крестьянин: что за тайна? Любопытно ему стало. Перебрался он через реку вброд, подошел к старику. Тут старик и шепнул ему на ухо:

— Я в этом году сажаю на своем огороде горох.

— Только и всего? Почему же ты мне сразу не крикнул, когда я на том берегу был?

— Что ты, что ты! Разве можно? Голуби услышат, горох склюют!

135

Два лентяя

Стоял знойный летний день. Лентяй из восточной деревни с самого раннего утра брел в западную деревню. К поясу ему привязали узелок с едой, чтобы он не проголодался в дороге.

Лентяй из западной деревни с самого раннего утра тащился в восточную деревню. На голову ему надели соломенную шляпу и, чтобы не свалилась, подвязали шнурком под подбородком. Когда оба они добрались кое-как до середины пути между восточной деревней и западной, солнце уже стояло высоко в небе и пекло немилосердно.

Тут лентяй из восточной деревни вдруг пробрал голод, да такой, что у него даже в глазах потемнело. Но ведь для того

чтобы поест, надо развязать узелок, вынуть лепешку да еще в рот ее положить! Поневоле призадуматься! Хлопотливое это дело, такое хлопотливое, что уж лучше остаться голодным.

Вдруг видит он: бредет навстречу ему по дороге человек в соломенной шляпе. Тащится, еле-еле ноги переставляет, а рот у него широко разинут.

«Эге, да он, бедный, видно, тоже проголодался,— подумал лентяй из восточной деревни.— Вон как широко рот разинул!»

Окликнул он прохожего:

— Эй, приятель! Если ты голоден, я, так и быть, дам тебе половину моей лепешки. Только, будь добр, потрудись, отвяжи этот узелок от моего пояса, достань оттуда лепешку, разломи пополам и положи одну половинку мне в рот.

А лентяй из западной деревни ему отвечает:

— Хм, лучше сделаем вот что: затяни мне, пожалуйста, потуже шнурок под подбородком! А то с меня шляпа все время сваливается и приходится мне брести с разинутым ртом!

136

**Флейтист
Канэkitи**

Давно-давно жил в селении Моити, что стоит на берегу реки Хэи, юноша по имени Канэkitи. Ни один бродячий музыкант не мог с ним сравниться—так замечательно играл он на флейте и бамбуковой дудке, на барабане и сямсэне, так чудесно пел песни и исполнял пляски. Но особенно славился он как флейтист.

Во всех окрестных селениях говорили, что без Канэkitи и праздник не в праздник.

За какую работу ни возьмется, всякая спорится у него в руках. Надо ли столярничать, штукатурить, плести циновки и корзины, тесать камни, Канэkitи легко превзойдет любого мастера.

Вот послушайте!

Однажды на деревню наложили повинность: рубить дрова в горах. Местная управа приказала отрядить по одному человеку от каждого дома. Канэkitи тоже спозаранок отправился в горы, заткнув за пояс флейту и бамбуковую дудку.

На горе собралось десятка три парней да с десятков девушек. Обрадовались они, увидев Канэkitи.

— Мы,— говорят,— сделаем твою долю работы, а ты нам на флейте поиграй, когда придет время отдохнуть.

— А велика ли моя доля?—спросил Канэkitи.

— Надо нарубить поленья, каждое длиной в три сяку, и сложить в поленницу такой-то высоты и ширины.

Вот парни дрова рубят, девушки в поленницы складывают. У Канэkitи топор в руках так и летает.

В полдень настало время обеда. Канэкиги всем на удивление сложил целый ряд поленниц вдвое выше положенного. Словом, поработал за восьмерых.

Из местной управы привезли большущий ящик с вареным рисом и три бочонка неочищенного сакэ. Тут люди на еду навалились, все съели и выпили, а потом хором начали просить:

— Канэкиги, поиграй нам на дудочке!

Сел Канэкиги на пень и заиграл на своей бамбуковой дудочке. После сытного обеда и щедрой выпивки в сон клонит. Все уснули до единого. Очнулся от дремоты один парень, поглядел и громко ахнул: «Ва-а!» И было от чего, скажу вам.

Кругом собралось зверья видимо-невидимо. Кого только не было: малые и большие змен, мыши, белки, зайцы, лисицы, обезьяны, волки, медведи. Не шелохнутся, слушают дудочку как зачарованные.

Увидели люди, что они в кольце зверей, обомлели от страха. Змей тут больше, чем дров в поленницах. Медведей и то не один десяток. А Канэкиги знай себе играет на дудочке. Позабылся, и ничем ему, что вокруг творится.

Но вот засверкали звезды, и лишь тогда звери стали потихоньку разбредаться. Вот диво: не дерутся между собой, не нападают друг на друга! Ушли, будто растаяли. Еле опомнились люди, слова выговорить не могут. Взвалили они вязанки дров себе на спины и понесли к сельской управе.

А там ужин готов. Но не оправилась еще парни и девушки от испуга, кусок в горло не идет. Вышел к ним староста Гэнрокуро, стал расспрашивать, что произошло. А выслушав, призадумался и позвал Канэкиги:

— Есть у меня к тебе просьба.

Надо сказать, что в то время сельчане боялись ходить ночью мимо Камышовой заводи на реке Кария. Повадился там пугать людей оборотень — огромный, с бочку величиной. Выскочит из кустов и дорогу загородит. Худа он не делал, но поневоле страху наберешься.

— Говорят, ты сегодня своей дудочкой выманил всех зверей из чащи, — сказал староста Гэнрокуро. — Пойдем со мной к этой Камышовой заводи. Может, приманит оборотня твоя дудочка.

Само собой, Канэкиги не отказал: надо же помочь людям. Глубокой ночью стали они вдвоем пробираться сквозь густые заросли травы к заводи. Наконец Гэнрокуро остановился:

— Здесь, на этом самом месте, оборотень страшает прохожих. Начинай!

Дал он флейтисту острый меч. Одной рукой сжимает Канэкиги меч, в другой держит дудочку. Играет и в темноту зорко всматривается.

Вдруг ночной туман за клубился, потом рассеялся и появилось что-то черное.

— Вот он: выманили!

Гэнрокуро вскочил на ноги и давай рубить мечом, а Канэкиги бросился на подмогу. Посыпались искры, в небе сверкнула молния, земля затряслась, хлынул страшный ливень. Что тут поделаешь? Ни зги не видно. Ощупью выбрались они на дорогу и вернулись в селение.

Дождь лил целый день, перестал только к вечеру. Староста вместе с Канэкиги и другими сельчанами опять пошел к Камышовой заводи. Смотрят — лежит большой черный камень, весь изрубленный, исполованный.

Чудище ли превратилось в камень, или камень показался чудовищем — кто знает! Тайнственное это дело! Но с тех пор можно было безопасно ходить мимо Камышовой заводи. А камень этот высотой и шириной в четыре саяку и теперь лежит возле дороги, и называется он «Гэнрокуро-Канэкиги».

Много времени не прошло, Канэкиги встретился со страшной опасностью.

Как-то раз позвали его в селение Кавати на праздник в храме бога Хатимана¹. Там было на что поглядеть: днем борьба сумо, а ночью пляски под звуки флейт и барабанов.

Главный жрец храма имел обычай созывать гостей накануне праздника для питья священного вина. Каждое селение посылало на пир самого почтенного из своих жителей.

Для застолья нужно много рыбы. Жрец попросил своих односельчан, чтобы отрядили они самых лучших рыбаков. Услышал об этом Канэкиги и взял у жреца рыбацкую снасть. Да еще прихватил огромный соломенный мешок.

Люди стали потешаться:

— Ты что, по грибы идешь? Или папоротник собирать? Смотрите, какой мешок! Для больших форелей...

Уже под вечер пришли рыбаки к заводи Восемь Стремнин на реке Нацуй. Начали удить. Канэкиги насадил на одну леску семь-восемь крючков. Забросит удочку, смотришь — на каждом крючке большая рыбина. Меняя места, все понемногу двигались вверх по течению реки, пока не пришли к водопаду Тобэ.

Там с кручи низвергалось восемь водопадов, темнели глубокие омуты, а по берегам росли тысячелетние деревья. И в летнюю пору это было царство холода.

Возле восьмого водопада чернел большой и страшный омут. Рыба не могла подниматься дальше вверх. Отличное место для лова.

За несколько лет до этого срубили каштановое дерево, чтобы построить мост через реку. Канэкиги уселся на широкий пенек и забросил удочку.

Вдруг из омута выскочил огромный паук и стал бегать вокруг Канэкиги неизвестно зачем. Выпустил из себя паутину и снова скрылся в омуте. Канэкиги заметил, что паутинка к нему

прилепилась, отцепил ее и наматал на пень. Раз десять выбежал паук из воды, а Канэкиги знай себе наматывает паутинки на пень.

— Эй, дружище из села Моити, не пора ли домой?— зовут его рыболовы.

Канэкиги встал на ноги. Весь мешок его был набит рыбой до самого верха. Только отошли они от берега, как в глубине омута кто-то закричал:

— А ну, давай тяни!

И вдруг огромный пень зашатался и рухнул в воду, увлекая за собой прибрежные скалы. Земля заходила ходуном, а со дна озера донесся такой шум, будто там множество каких-то существ подняли сумятицу.

Парни словно приросли к месту, не помня себя от ужаса. А Канэкиги засмеялся:

— Ха-ха-ха-ха! Хозяин озера вместо меня утащил в воду большущий пень.

Дней через двадцать во время сильных дождей пень этот прибило к мосту, перегородил он течение реки, и разливом смыло три крестьянских дома. Вот какая огромная была коряга!

Когда кончился праздник, Канэкиги пошел в родное селение. Дул сильный ветер. Канэкиги уже миновал деревню Каваи, как вдруг местный староста Масаёси окликнул его:

— Эй, постой, почтенный житель Моити! Ты вовремя пожаловал. Сегодня я праздную постройку нового дома, покажи свое искусство, поиграй нам.

Видит Канэкиги: десять местных плотников да еще десятка три подручных заняты на постройке. Но буря так бушует, что даже опорные столбы нельзя укрепить. Все только на небо глядят и кричат без толку.

Канэкиги отложил флейту и дудку:

— Я лезу наверх. Ставьте высокий столб.

Начальник плотницкой артели так и ахнул:

— Что ты говоришь! В такую бурю!

— Подумаешь, буря. Есть о чем беспокоиться!— И Канэкиги с проворством обезьяны влез на столб, начал втаскивать да прилаживать к месту балки и конек для крыши, размахивая большим молотком.

Под натиском вихря столбы гнулись, как метелки мисканта на поле. Канэкиги, как ни в чем не бывало, ходит себе взад и вперед на такой высоте—взглянуть страшно!

Буря поутихла, и лишь тогда плотники боязливо полезли к нему наверх.

Масаёси на радостях поставил славное угощение и дал с собой флейтисту большие моти на дорогу.

А вот еще один удивительный случай!

В селении Футонагано жил человек по имени Кодзи́ро. Жа́дина такой—дальше некуда! Особенно горазд он был захватывать чужие земли. Плутовским образом границу передвинет и присвоит себе лес или поле. Он клятвенно уверял, что два больших озерных участка возле селения Хи́кина—его собственность. Рубил там строевой лес на продажу.

Добро бы еще дело шло о каком-то клочке земли, а то вон сколько отхватил! Понятно, настоящие владельцы молчать не стали, пожаловались властям, и вышло решение: надлежит определить границы владения Кодзи́ро раз и навсегда, без ошибки.

В назначенный день оба владельца озер привели с собой десятка два свидетелей из селения Хи́кинэ. Кодзи́ро пришел с десятком односельчан да еще своего родственника Канэ́кити позвал. Стоят все на пригорке, откуда оба озера видны, спорят, спорят, а к согласию не придут.

Настал полдень. Владельцы озер принесли с собой сакэ и рыбную закуску, но скупердяй Кодзи́ро ни крошки съестного не принес. Вот и стали свидетели из его села расходиться. Наконец остался один Канэ́кити.

— Нынче ведь хлопотливая пора,— сказал он,— кому охота попусту время терять. А что, если провести границу вон там, не доходя до первого озера?

— Ты горазд на флейтах и дудках посвистывать,— прикрикнул на него Кодзи́ро,— а земли межевать не твое дело. Не мели пустого, помалкивай.

Хотел было Канэ́кити бросить зряшные хлопоты и пойти домой, да люди его уговорили остаться. А солнце уже клонилось к закату.

Вдруг видит: бежит под гору белая лисица.

— Послушайте,— сказал Канэ́кити,— человек— существо корыстное, но зверь корысти не знает. Давайте условимся так: где побежит лиса, там и граница.

— Хорошо! Это здорово ты придумал.— Все согласно закивали головами.

Глядит Канэ́кити: лиса побежала между озерами и пропала вдали.

— Уважаемый Кодзи́ро, лиса-то границу проложила. Ну как, согласен?

Но Кодзи́ро замотал головой: нет, мол, моего согласия.

Тут, откуда ни возьмись, выскочил кабан и побежал такой дорогой, что все спорные земли должны были отойти к одному Кодзи́ро.

— Ну, а теперь что скажешь?— спросил Канэ́кити.— Пусть кабан укажет межу.

— Ладно, согласен, но потом не жалуйтесь,— усмехнулся Кодзи́ро.— Пеняйте на себя.

Владельцы земель были недовольны, но уже смеркалось, и пришлось им сдаться.

А кабан вдруг круто повернул, помчался прямо вверх по течению реки и остановился на вершине скалы. И до сих пор зовут ее Итацудо—«Гора, где стоял кабан».

Прогодал Кодзироси, сильно прогадал. Подвела его неуемная жадность. Пришлось отдать все захваченные земли.

Канэкичи часто бродил по ночам: то играет на бамбуковой дудочке, то щиплет струны сямисэна.

Услышат его в каком-нибудь селении и радуются. Плачущих детей матери унимают:

— Не плачь, послушай, идет Канэкичи.

Была возле деревни Моити большая Заводь черепахи.

Пришли туда парни ловить рыбу для праздника Бон² и поймали черепаху—огромную на удивление. Обрадовались и давай кататься у нее на спине.

— А после уьем ее и славно полакомимся,—говорят они.

Услышал это Канэкичи, выкупил у них черепаху за бочонок сакэ и бросил обратно в реку Хэи.

Но вот минул праздник. Настала ясная лунная ночь, подул свежий ветерок. Канэкичи, играя на своей дудочке, шел мимо заводи Сосновый холм. Вдруг в воде зазвучал хор голосов:

— Славно, славно, хорошо!

Припевают и в ладоши бьют. Глухой отзвук по горам прокатился.

А как дошел до озерца Горин, в глубине воды так грянул хор, что все горы кругом словно бы подхватили напев:

*— Славно, славно, хорошо!
Ты во всей стране Ниппон³,
Без сомненья, первый мастер!*

Воротившись домой, Канэкичи сказал брату:

— Случалось, хвалили меня лесные твари. Но чтоб речные твари хвалили меня и подпевали мне—это в первый раз! По правде, стало мне не по себе,—и лег в постель.

Той же ночью сделался у него сильный жар, он твердил в бреду:

— Придет посол. За мной придет посол.

На третью ночь кто-то постучал в дверь. Матушка Канэкичи тягнула. Стоит за дверью незнакомец. Сказал он тихим, тягучим голосом:

— Я пришел отвезти в нашу страну Канэкичи.

Мать испуганно ответила:

— Меня мой сын кормит, а ты хочешь увезти его неведомо куда.

Незнакомец засмеялся в темноте:

— Не тревожься, пока у нас гостит Канэкиги, ты ни в чем не будешь терпеть недостатка. Согласна ты или нет, а я его уведу.

— Но откуда ты?—спросила мать.

— Я из дворца Повелителя драконов.

Сказал и исчез, а вместо него появилась большая черепаха. Из дома вышел, пошатываясь, больной Канэкиги. С собой он нес флейту, дудку и сямисэн. Сел он на спину черепахи и крикнул:

— Матушка, брат мой, прощайте!—И в единый миг пропал из виду вместе с черепахой.

С той поры в селении Моити никто больше его не видел, но, рассказывают, он все еще играет на своей бамбуковой дудочке во дворце Повелителя драконов.

137

Разбойник —
любитель
поэзии

Лет пятьсот тому назад, в те далекие времена, когда Ота Докан¹ еще только строил замок Эдо, один прославленный поэт странствовал по всей Японии. То был длиннородый Соги².

В своих скитаниях он забрел далеко на восток, в край Дзёсо. Все морское побережье, что лежит между Ицуи и Анагасаки, именовалось тогда Тигуса—Тысяча Трав.

Соги шел по дикому, пустынному берегу Тысячи Трав в поисках селения. Вдруг он увидел, что прямо на него идет человек—темнолицый, с пронзительным взглядом, в руке—обнаженный меч.

Бежать? Но куда бежать? Соги спокойно продолжал идти вперед. Встречный этот был разбойником, о котором всюду гремела молва. Пришлось поэту сбросить с себя одежду и отдать ее грабителю. «Теперь он позволит мне убежать»,—надеялся Соги. Но нет, самое страшное было еще впереди.

Разбойник стал пристально разглядывать длинную бороду поэта.

— Ну и борода! У меня к тебе покорная просьба: выщипи ее по волоску и подари мне.

— На что тебе понадобилась моя борода?

— Как на что? Смастерю отличную метелку.

— Ах, вот для чего! Но послушай раньше, что сейчас пришло мне в голову по этому случаю:

*Оставь мне, молю,
Из всего достойна
Лишь эту метлу,
Чтобы смог я развеять прах
Нашей темной юдоли.*

— Ну как, постиг ли ты мое чувство?—поглядел Соги в лицо грабителю.

Разбойник, восхищенный до глубины души, вернул поэту его одежду.

— В этих местах особенно сгустился нечистый прах нашего мира. Здесь на каждом шагу подстерегает опасность. Торопись же, не медли.— И разбойник пошел провожать поэта, пока не показалось вдали селение.

По дороге им попались навстречу двое верзил устрашающего вида, но разбойник подал условный знак. Поэт благополучно разминулся с ними и вскоре был с почетом принят в деревне.

138

Предсмертное
стихотворение
Красного
Осьминога

В старину жил в краю Ава¹ знаменитый разбойник по прозвищу Красный Осьминог. Долго не могли его поймать судейские чиновники. Но однажды оплошал-таки Красный Осьминог и попался в руки стражников. Суд немедля приговорил разбойника к отсечению головы. И вот повели его на поле к лобному месту возле реки Акуи.

Когда пришло время Красному Осьминогу расстаться с жизнью, судейский чиновник сказал:

— Настал твой конец. Но ведь ты знаменитейший разбойник во всем нашем краю Ава. Может, хочешь оставить что-нибудь людям на память?

Разбойник огрызнулся в ответ:

— Да что там, я уже смирился со своей судьбой. Валяйте, делайте со мной что хотите, мне все равно.

— Но, однако, у тебя, верно, есть наготове «дзисэй»?

— А что такое «дзисэй»? В первый раз слышу.

— Ха-ха, неужели? Люди перед кончиной оставляют «дзисэй» как памятный дар.

— Выходит, завещают миру? Что ж, пожалуй, и я что-нибудь оставлю.

— Оставь, сберегу.

— Крепко-накрепко обещаешь?

— Слово самурая нерушимо.

— Ну что ж, пусть будет «дзисэй» — моя жизнь. Прошу сберечь с любовью.

Судейский чиновник изумился:

— Эй, эй, что ты понес? «Дзисэй» — это предсмертное стихотворение: хокку или танка.

— Легкое ли дело! Куда уж мне!

— Но ведь ты самый первый разбойник в наших местах. Наверно, такой человек и слова может найти особенные...

Подумав немного, Красный Осьминог попросил бумагу, кисть и набросал стихотворение.

— Готово,— протянул он листок.

Судейский чиновник прочел:

*Даже Хатисука,
Что он в своем истоке,
Этот великий род?
Мы из одной стремнины.
След мой— лишь пена волны.*

Самурай криво улыбнулся и спрятал листок за пазухой.

139

Последняя
песня

Давно-давно это было.

На одном из островов Мацусима жил в сельском храме мальчик по имени Миятиё. Тихий и задумчивый, нравом и лицом он был похож на девушку. Не манили его резвые игры сверстников. Больше всего на свете любил Миятиё слагать стихи. Не раз посылал он свои танка в столицу, и самые прославленные поэты при дворе императора приходили от них в восторг:

— Какие прекрасные песни! Сразу видно: идут они из глубины сердца.

Только об одном мечтал Миятиё, только одно не выходило у него из головы:

— Ах, если бы мне попасть в столицу! Там поучился бы я поэтическому искусству.

Но настоятель храма не соглашался отпустить мальчика в трудный путь:

— Учиться поэзии—дело похвальное, но летами ты еще слишком мал. Не по силам тебе дальняя дорога. Нет, и не проси меня: я не дам своего согласия. Подожди, пока вырастешь.

Не вытерпел Миятиё и однажды потихоньку убежал из храма. На рыбацкой лодке переправился он через морские воды. Перед ним расстилались поля, высились горы, и даже с самой высокой горы нельзя было увидеть столицу... Но не испугался мальчик, а решил идти день и ночь.

Вот миновал он большое селение Сиогама, оставил за собой высокие стены замка Тагадзё. Уже поздно вечером вышел он на равнину Миягино¹. Куда ни взглянешь—всюду голубые от лунного света высокие травы.

И тут мальчик сложил начало танка. Легко-легко, словно сами собой, родились три первые строки:

*В небе луна одна,
Но капли росы приютили
Тысячи маленький лун...*

Долго думал Миятиё, как завершить танка. Он глядел то на небо, то на землю, но напрасно: в голове не рождалось ни одной мысли. Казалось, вдохновение улетело от него навсегда.

Горько стало мальчику. Угасла в нем вера, что он станет поэтом. Усталость и тоска одолели его. Упал он на землю и умер. А умирая, все повторял слова своей неоконченной песни:

— В небе луна одна...

— Бедный мальчик, вот горемыка! — пожалели о нем крестьяне ближайшей деревни. Похоронили они его возле дороги и насыпали над ним невысокий холмик.

Но с той поры на равнине начал появляться каждую ночь призрак мальчика. Голосом печальным, как шелест сухого камыша, он повторял:

*В небе луна одна,
Но капли росы приютили
Тысячи маленьких лун...*

— О стыд! О горе! — И призрак со стоном исчезал во тьме. Слух об этом дошел до настоятеля храма. Он разыскал могилу мальчика и пролил над ней слезы.

— О, зачем ты ослушался меня! Но я отпускаю тебе твой грех. Утешься же, твоя песня не останется незаконченной.

И он громко произнес два последних стиха:

*Светом мне душу наполни,
О равнина Миягино.*

После этого призрак мальчика перестал бродить по ночам. Его последняя песня была наконец завершена.

Так говорит старинное предание.

140

Певец
с оторван-
ными
ушами

Случилось это в старину, в далекую старину, много веков тому назад. В селении Акамагасэки¹ был храм Амида, где молились за упокой всех погибших из рода Тайра. Настоятель этого храма очень любил слушать слепого певца по имени Хоити. Нищий Хоити бродил по окрестным деревням и под звуки лютни пел о падении и гибели могучего рода Тайра, о великих битвах прошлого.

Настоятель приютил Хоити у себя в храме и стал заботиться о нем.

Однажды летом, под самый вечер, позвали настоятеля в дом одного из прихожан совершить заупокойную службу. Вместе с ним пошли и служки. Хоити остался в храме один. Стояла душная жара, и слепцу не спалось. Сидя на веранде, он поджидал настоятеля.

Вдруг подул прохладный ветерок, и со стороны ворот слышались чьи-то тяжелые шаги. Слепец прислушался. Наверно,

это шел воин, в лад шагам доспехи побрякивали. Воин остановился прямо перед слепцом и сказал:

— Я слуга одного высокого лица. Мой господин сейчас находится в Акамагасэки. Узнал он, что есть здесь хороший певец, умеющий играть на лютне. Он хочет послушать тебя. Идем же со мной немедленно.

Слепцу показалось, что его влечет какая-то неотвратимая сила. Не мог он отказаться и взял свою лютню, а воин повел его куда-то за руку.

Короткое время шли они по дороге неизвестно куда, а потом поднялись по ступеням лестницы, такой высокой, словно вела она во дворец. Удивился Хоити: он ведь знал, что поблизости никакого дворца не было. Но вот слышит он: ввели его в залу, полную знатных людей, шуршат шелка женских одежд, слышится вежливая речь придворных...

— Господин наш соизволил пожелать, чтоб исполнил ты сказ про битву Данноура². Начиная же! — прозвучал властный сухой голос. Так могла говорить только самая знатная госпожа.

Повинуясь ей, Хоити заиграл на лютне и запел о гибельной битве. В зале все затихло, не слышно было ни звука.

Но вот начал он сказ о том, как старая государыня Нии погрузилась в пучину моря вместе с юным императором Антоку:

*О горе, горе!
Великое горе!
Смотрите,
Как ветер внезапно развеял
Весенний, едва лишь раскрывшийся цвет.
О печаль!
О рок беспощадный!
Смотрите,
В бурных волнах исчезает
Прекрасный, как яшма, царственный лик.*

При этих словах послышались неистовые стоны и леденящий душу плач. Певец замолк, но рыдания долго не утихали.

Наконец Хоити покинул дворец, удостоившись самых высоких похвал.

— Наш господин восхищен твоей игрой на лютне. Еще шесть ночей подряд мы будем посылать за тобой. Смотри же, непременно приходи, но никому об этом ни слова! — приказал певцу тот же самый повелительный женский голос.

Хоити обещал молчать.

На следующую ночь опять пришел за ним тот же воин и снова отвел слепца туда же, куда и прежде.

Снова Хоити начал сказ о гибели рода Тайра. И снова еще громче прежнего раздались рыдания, возгласы: «О горе нам, горе!», глухо зазвенело оружие... И раньше, бывало, люди плакали, слушая певца, но таких скорбных вздохов и стений он никогда еще не слышал.

Незадолго до рассвета слуга отвел его назад в храм.

Но настоятель заметил, что Хоити странным образом ушел куда-то поздней ночью, никому не сказавшись.

— Послушай, Хоити! Куда это ты ходил в такой поздний час?—мягко спросил он слепца.

Но Хоити, помня свое обещание, не проронил ни слова.

Встретившись настоятель и велел служкам следить за слепцом. Когда ночью Хоити потихоньку вышел из храма, один из служек пошел за ним по пятам.

Ночь была ненастная. Стояла непроглядная темень. Хоити шел вперед уверенным и быстрым шагом, как будто кто-то вел его за руку. Служка скоро потерял слепца из виду и хотел уже повернуть назад, как вдруг до него донеслись со стороны кладбища громкие звуки лютни.

«Тут что-то неладно...»—насторожился служка и пошел поглядеть. Видит он: сидит Хоити перед усыпальницей Тайра, играет на лютне и поет о битве при Данноура, а вокруг него летают синие огоньки.

Испуганный служка схватил слепого певца, силой потащил его оттуда и все рассказал настоятелю. Лишь тогда Хоити поневоле открыл свою тайну.

— Страшное дело!—воскликнул настоятель.—Жаль мне тебя, Хоити, ты попал во власть мертвецов. Того, кто хоть раз говорил с мертвецами, они уже считают своим и ни за что не выпустят из-под своей власти. Ночь от ночи они будут все больше приходить в неистовство, пока не растерзают тебя. Беда нависла над тобой. Но попробую спасти тебя чудесной силой сутры, отгоняющей демонов.

Тут с помощью служки раздел он Хоити донага и написал повсюду кистью на его теле священные знаки этой сутры.

— Когда за тобой придут ночью, смотри—ни звука. Сиди неподвижно. Если пошевелишься, если подашь голос, тебя утащат силой, и тогда ты погиб,—сказал слепцу настоятель, и к вечеру он снова ушел. Хоити остался один.

Настала глубокая ночь.

Слепец, как всегда, сидел на веранде. Вдруг снова зазвучали знакомые шаги посланного воина. Он остановился перед слепцом и властно позвал:

— Хоити!

Но тот замер, затаив дыхание.

— Хоити!—снова позвал посланный еще суровее прежнего.

— Хоити!—крикнул он в третий раз голосом, полным гнева.

Но Хоити словно в камень обратился. Тогда воин тяжелыми шагами взошел на веранду, наверно, для того, чтобы потащить его силой, но вдруг застонал:

— О-о-о!—и медленно попятился назад.—Кто это? Кто сидит здесь, весь покрытый священными письменами? Я не могу приблизиться. Страшно мне, страшно! Я не в силах подойти.

Сотри эти письма, скорее, скорее!

Потом наступило молчание. Хоити почувствовал на себе пристальный взгляд.

— А!—внезапно воскликнул воин.— А! Остались незащищенные места. Вижу твои уши! Я все-таки заставлю тебя пойти со мной.

И он ухватил слепца за оба уха и с силой потащил за собой. Хоити почувствовал нестерпимую боль, но стиснул зубы и не издал ни звука и не сдвинулся с места. Воин еще раз рванул изо всех сил и оторвал ему оба уха напрочь. Кровь хлынула ручьями, но Хоити так и не пошевелился.

— Покажу эти уши моему господину в знак того, что я приходил сюда!—воскликнул посланный. Шаги его начали удаляться и замерли вдали, а Хоити упал без памяти.

Когда настоятель вернулся, он горько пожалел о том, что забыл написать священные знаки на ухах слепца. Из-за этого Хоити был на волосок от гибели...

Слух об этом чудесном происшествии распространился повсюду. Все говорили о «певце с оторванными ушами». Народ стал собираться толпами, чтобы послушать Хоити. И вскоре безвестный до того певец стал славен по всей Японии.

141

Шепчущий мост

Некогда в деревне Адзума¹ жила юная девушка лет тринадцати по имени Оросу, прекрасная, как еще не раскрывшийся цветок вишни. Все молодые люди с ума по ней сходили.

Но вот в лунные ночи стал появляться возле ее дома какой-то незнакомый юноша, собой красавец. Вначале, бывало, Оросу вся покраснеет, когда его увидит, а потом незаметно проникла в ее сердце любовь к нему.

Однажды ночью впервые заговорили они друг с другом.

— Кто ты?—спросила Оросу незнакомца.— Зачем приходишь ты каждую ночь к моему дому?

— Родом я с севера. Всего лишь один раз увидел я тебя, но с тех пор твой образ всегда стоит перед моими глазами, словно выжженный огнем.

Но удивительно: незнакомец приходил только по ночам и не называл своего имени. Хотелось Оросу узнать, кто он такой, и вот какую хитрость придумала девушка. Воткнула она в платье юноши иголку с длинной-длинной ниткой. На другое утро нитка привела ее к тысячелетней криптомерии. Иголка с ниткой вонзилась в кору дерева. Глядит Оросу и глазам не верит. Значит, прекрасный юноша— дух старой криптомерии²!

Вернувшись домой, девушка со слезами рассказала родите-

лям о своем горе. Очень испугались люди в деревне и решили срубить старое дерево. Вот собралось несколько сот человек. Стали они рубить криптомерию. Но каждую ночь щепы и обрубленные ветки возвращались на свое место и снова прирастали к дереву. Наутро и следа топора нельзя было заметить на его стволе. Так прошло много дней.

Все деревья в лесу были опечалены бедой, постигшей их властелина, и пошли навестить его. Явился и чернобыльник. Но могучая криптомерия сказала ему:

— Ты ведь не дерево, а только жалкий кустарник. Не место тебе среди деревьев.

Рассердился чернобыльник и сказал людям из деревни:

— Бросайте в огонь все, что удастся отрубить от криптомерии.

Не один десяток дней рубили они старое дерево, сжигая щепы и ветки, а глубоко в ствол вбивали большие железные стрелы. Только так и удалось повалить криптомерию.

Решили построить из нее мост к Фукусимскому замку. Но, как ни бились, не могли сдвинуть с места тяжелое дерево. Тогда призвали Оросу. Подошла она к криптомерии и что-то тихонько ей шепнула. И вдруг ствол дерева покачнулся, точно кивнул, и легко-легко сдвинулся с места.

Построили из него великолепный мост. Но люди боялись по нему ходить, потому что ночью он словно шептал что-то тихим и грустным голосом.

По приказу владетеля замка снова привели Оросу, одетую в нарядное платье. Стала она переходить через мост, а у самой глаза полны слез. Сделает несколько шагов и прижмется щекой к перилам. Но вдруг дыхание отлетело от нее, и она упала посреди моста мертвая.

С тех пор и прозвали его Шепчущим мостом.

142

Пять танов земли

Некогда в селении Оку, что возле деревни Окадзаки, жил великий богач. Владел он множеством рисовых полей, и было среди них одно величиной в пять танов. Называли его «полем без межей» — таким оно было широким.

Каждый год в мае, когда наступало время высаживать рисовую рассаду, богач нанимал несметное число работников. Если успевали они за день закончить всю работу, богач бывал очень доволен и горд. Правда, не всегда это удавалось. Но уж на «поле без межей» непременно надо было посадить все рисовые ростки до единого в один и тот же день до захода солнца. Таков был старинный обычай в семье богача.

Однажды нанялась к нему в услужение молодая девушка тихого нрава и прекрасная собой. В крестьянских работах была она так сноровиста, что никто не мог за ней угнаться.

Понравилась девушка богачу, решил он женить на ней своего сына. Созвал он на совет всю свою родню. Но многие из его родичей воспротивились.

— Как можно, чтоб наследник богатого дома женился на простой поденщице! Где это слыхано!

Спорили, спорили и порешили вот на чем:

— Если успеет она засадить «поле без межей» до захода солнца, что ж, значит, так тому и быть! Пусть войдет в нашу семью как законная жена.

Сказали об этом девушке. От радости она своим ушам не поверила.

Вскоре был назначен день испытания. Девушка в то утро не могла дождаться, когда солнце взойдет. С первыми его лучами поспешила она в поле.

Сажает девушка ростки так быстро, словно за ней зеленая дорожка сама бежит, по полю расстилается. Хоть и долгие в мае стоят дни, но одной засадить поле в пять танов — неслыханное дело!

Вот и полдень настал, но девушка не дала себе роздыху, не подкрепила себя едой. Время дорого! Не поет она «песни посадки риса»¹, не разогнет спины, не подымет головы. Скорее, скорее!

Много собралось на поле народу. Все хвалят девушку за быстроту и ловкость, да поторапливают: «Скорее! Скорее!»

Но вот уже солнце клонится к западу. Растут тени. Вот солнце края горы достигло, вот уже скрылось наполовину за горой. А девушке только один, последний ряд остался. В отчаянии сложила она молитвенно руки и крикнула солнцу²:

— Солнце, остановись! Остановись! Подожди еще немного...

И вдруг в самом деле солнце воротилось вспять и снова всплыло над горою.

Снова начала девушка высаживать ростки, еще скорее прежнего, не уследить даже. Закончила она последний ряд, и лишь тогда солнце скатилось за горы так быстро, как падает мяч.

При виде этого чуда люди словно окаменели. Когда же пришли в себя, смотрят: девушка лежит ничком на поле мертвая. Убил ее непосильный труд.

С того часа одно за другим посыпались на богача несчастья, и скоро обнищал он вконец.

Теперь в деревне давно уже ни у кого нет большого поля, а все по-прежнему место это зовется Пять Танов Земли.

Давным-давно жил в стране Кии один богач. Пришел к нему как-то раз молодой монашек по имени Антин и говорит:

— Здравствуйте, господин. Все это время не забывал я ваших прошлых благодеяний.

— О, смотрите, пожалуйста, каким ты стал молодцом! Дочка моя, Киё-химэ, обрадуется.

Где ты теперь живешь?—ласково спросил богач.

— Ныне живу я в храме Мангандзи, неподалеку от города Сиракава¹.

Позвал богач свою дочку Киё-химэ. Радостно приветствовала она юного Антина, ведь они часто играли вместе в дни своего детства.

Когда настала поздняя ночь, она вызвала Антина из дома:

— Антин-сама, это я, Киё-химэ! Выйди ко мне в сад на минуточку...

Ночь была ясная. На небе светила полная луна.

— Вспомни, милый, вспомни, как еще малыши детьми дали мы обет верности друг другу. Я никогда его не забывала. Возьми меня с собой...—стала просить Киё-химэ.

— Нет, и не проси, невозможно это. Там, в дальнем краю, ждет меня любимая—ответил Антин.

При этих словах горько заплакала девушка. Но не могла она так легко отказаться от своей любви. Видит Антин, что девушка заупрямилась, и говорит:

— Подожди, мне надо отлучиться, я возьму тебя с собой на обратном пути.

На другой день Антин ушел в дальний путь, и сердце его томили недобрые предчувствия. Он и не думал воротиться.

А Киё-химэ ничего про это не зная, день за днем ждала Антина. Однажды спросила она у прохожего монаха, не знает ли он, где сейчас Антин.

— Я повстречал его недалеко от столицы,—отвечал монах.

Киё-химэ сразу пустилась в погоню.

Вот пришла девушка к широкой реке, но, сколько она ни просила, ни молила, паромщик отказался ее переправить. Так велел паромщику Антин.

— Вернись к себе домой,—сказал паромщик,—не нужна ты своему любимому, есть у него другая.

Не вынесла обиды Киё-химэ и бросилась в воду. А на дне реки превратилась она в страшную змею. Погналась она вслед за юношей. Увидел ее Антин и обомлел от ужаса. Кинулся он искать спасения в храме Додзёдзи², и спрятали его монахи под большим колоколом. Притаился там Антин, чуть дышит.

Вползла огромная змея во двор храма и уставилась сверкающими глазами на колокол. Потом обвилась вокруг него

кольцами и несколько раз ударила по нему хвостом. Жалобно загудел колокол, а у змеи из глаз кровавые слезы потекли.

Наконец уползла змея. Смотрят—а колокол раскалился докрасна. Подняли его монахи с земли, когда он остыл, видят: лежит под ним только горстка пепла—все, что осталось от молодого монаха.

144

Корабль-
призрак

Случилось это в годы Хорэки¹. Однажды в осеннюю пору от побережья Мацумаэ² отплыл парусник. Было на нем семь человек команды во главе с кормчим Магоскэ. Они возвращались к себе на родину в Ниигата.

На третий день стал уже маячить вдали остров Садо³ и влево от него родной берег, как вдруг налетела внезапная буря. Море закипело, как в водовороте. Казалось, вот-вот парусник опрокинется вверх килем. Матросы бросились убирать паруса. А море бушевало все сильнее. Крикнул кормчий Магоскэ:

— Бросай груз за борт! Руби мачты!

Но тут набежала волна высотой до самого неба. С грохотом обрушилась она на корабль. Корма раскололась надвое, нос корабля разлетелся в щепы, и матросы пошли рыбам на корм. Один лишь Магоскэ успел ухватиться за какую-то доску.

Море понесло его вдаль, словно обломок корабля. Дождь и ветер слепили его. Лишь иногда удавалось ему, поднявшись на гребень волны, поглядеть вдаль: не покажется ли где парус? День клонился к вечеру, начало темнеть. Одна за другой набегали волны, похожие на громадных китов, подымали его и снова бросали в пучину. Магоскэ не мог понять, куда его несло течением, где берег, а где открытое море. Настала ночь, а навстречу ему не попало ни одного корабля.

В отчаянии Магоскэ то умолял бога Компира⁴ о спасении, то давал обеты богу Ияхико⁵... Цепляясь за тонкую доску, он летел с гребня волны в пучину. Казалось ему: вот он конец, пришел, но новый вал подхватывал его и выносил наверх.

Магоскэ было уже совсем отчаялся, как вдруг услышал громкие крики:

— Руби мачты! Бросай груз за борт! Держи руль!

Прямо на него в ночном мраке несся какой-то корабль. Собрав последние силы, Магоскэ завопил:

— Спаси-ите! Тону-у!

Вдруг совсем близко от себя он увидел полуразбитый корабль. Человек десять команды цеплялись за него, крича во весь голос.

Люди эти не походили на живых. Иссохшие, с синими лицами, они были видны, как смутные тени, в такой крошечной

тьме, где казалось, глаз ничего не мог бы различить. Весь корабль тоже выступал из мглы, не сливаясь с нею. Крик замер на губах Магоскэ. Корабль прошел справа от него и быстро стал удаляться.

Вдруг послышался отчаянный вопль многих голосов: «А-а-а!» И в тот же миг корабль разбило в щепы, а цеплявшиеся за него люди словно растаяли. Крики их стихли, только страшно грохотали волны.

«Корабль-призрак!» — подумал Магоскэ; вспомнились тут ему все страшные рассказы об одном корабле. Теперь он был рад, что один остался.

Но вдруг опять послышались крики:

— Руби мачты! Груз за борт! Держи руль! Погибаем! — И корабль-призрак появился снова. И снова люди цеплялись за него, призывая на помощь. Набежала волна и разбила корабль в щепы... Раздался опять тот же самый дикий вопль — такой ужасный, что, казалось, никто не мог бы услышать его дважды и остаться в живых. Видение исчезло, лишь страшно загудели волны.

Не успел Магоскэ перевести дух, как снова ветер донес до него крики:

— Руби мачты! Груз за борт! Держи руль!

И все повторилось снова. Мольбы, призывы, проклятия, последний вопль погибающих... Неужели этому не будет конца? Сердце Магоскэ замирало, душа у него готова была расстаться с телом, но он не выпускал доски из рук и все-таки держался на воде.

Наконец забелел рассвет. С первыми его лучами корабль-призрак исчез навсегда. Ветер и дождь стали утихать, волны немного улеглись. Три дня носился Магоскэ по волнам и вконец обессилел от усталости и голода. В глазах у него было темно, руки одеревенели... К чему было дольше надеяться? Жизнь уже покидала его, как вдруг в море что-то мелькнуло. На волнах качалась связка соломы. Магоскэ поймал ее. Внутри, в полотняном мешочке оказались две сухие плети со стручками красного перца. Магоскэ съел стручков десять — и воспрянул духом. А тут вскоре его заметили с корабля, вытащили из воды и благополучно доставили в залив Нингата, назад, к родным берегам.

145

Благода-
рность
оленя

Там, где сейчас находится пригород Цутию города Фукусима, некогда жил охотник по имени Сукэмару. В деревне о нем шла добрая слава. Был он молод и трудолюбив. Его молодая жена, красивая, кроткая нравом, заботилась о муже, и жили они в добром согласии, всем на зависть.

Как-то раз Сукэмару отправился на охоту с утра пораньше. Но почему-то в тот день ему не везло. Только к вечеру насилу-то подстрелил он зайца.

Опечаленный, шел он домой, как вдруг видит: схоронился в тени дерева олень с пораненной ногой и лежит там еле живой. Схватил Сукэмару лук и стрелу и уже прицелился, как вдруг подумал: «Пускай я охотник, но не могу убивать раненого зверя. Лучше я помогу ему».

Бросил он оружие, достал целебную мазь из подвешенного к поясу ящичка с лекарственными снадобьями и помазал рану. Олень издал радостный крик и скрылся в лесу.

С веселой душой поспешил Сукэмару домой, уже не печалась о том, что добыл только одного зайца, и рассказал обо всем своей жене.

— Ты сделал доброе дело,— порадовалась и она.

Казалось, их супружеское счастье будет длиться долго-долго, но вдруг молодая жена простудилась и занемогла. Никакие заботы не помогли. Скоро ее не стало.

Велико было горе Сукэмару. Свет не видел такого отчаяния. Целые дни он тосковал, а об охоте и думать забыл. Заперся в четырех стенах и к еде не прикасался. Много дней не прошло, остались от него кожа да кости.

В одну ясную лунную ночь Сукэмару не спал, весь уйдя в грустные воспоминания. Вдруг в дверь громко постучали.

— Кто б это мог быть? В такую пору?— удивился Сукэмару и тихонько приоткрыл дверь.

Озаренная лунным светом, стояла перед ним его незабвенная жена.

— Ах, это ты?!— воскликнул он и, схватив ее за руку, хотел ввести в дом.

— Подожди,— сказала жена.— Я пришла упрекнуть тебя. Ты забросил свое дело, не ешь, не пьешь. Если ты через десять дней оправишься и станешь здоров, как прежде, то всегда сможешь встречаться со мной вон у того большого камня.

Не успел Сукэмару опомниться, как жена исчезла, словно растаяла.

На другое утро взял он лук и стрелы и пошел бродить по горам, зорко выслеживая добычу.

Но вот настал назначенный день. Сукэмару, полный нетерпения, поспешил на место встречи. Долго ждал он возле большого камня. Вдруг послышался шелест шагов, словно ветерок набежал, и перед ним появилась его жена.

— Сукэмару-сан, я пришла, как обещала, но в последний раз. Нелегко умершим возвращаться в этот мир. Но ты продолжай трудиться, и тогда на камне будет появляться мое отражение. А ты думай, что это я сама навестила тебя,— тихо сказала она и вновь исчезла.

Сукэмару стал трудиться еще больше прежнего. А как

придет к большому камню, на нем, словно в зеркале, появится отражение любимой жены, ее образ.

Так шло время. Однажды пришел Сукэмару поглядеть на камень — и что же! Лежит на его вершине мертвый олень, тот самый, которому он помог когда-то.

— Значит, это олень показывал мне на камне облик моей жены! А я ведь всего лишь один раз о нем позаботился. Как же, наверно, тревожится обо мне на том свете моя жена! А олень, видно, хотел отплатить мне за доброту.

Сукэмару похоронил оленя возле камня. Смотрит — а на вершине четко запечатлелись оленьи следы. Так и врезались его копыта.

Больше облик жены на той скале не появлялся. Но каждый раз, когда Сукэмару глядел на следы, оставленные оленем, душу его охватывало глубокое волнение:

— Олень перед самой смертью хотел помочь мне!

Чтобы почтить его память, Сукэмару с помощью своих односельчан построил храм возле камня. Долго жила в тех местах молва о благодарном олене, и люди воздавали ему хвалу.

146

Последнее
щупальце
осьминога

Жил в прежние годы возле бухты Симоура старый рыбак со своей женой. Одолела его ломота в костях, и слег он в постель. Долго за ним ухаживала старуха, но ему все не становилось легче. Наконец говорит старик:

— Мне на еду и глядеть-то противно. А вот осьминога я поел бы. Может, мне бы и полегчало...

А пора стояла дождливая. Прикрылась старуха большим зонтом и пошла на берег моря. Заглядывает она в щели между камнями, где осьминоги прячутся, но ни одного не видно.

Села старуха на скалу, закрыла глаза и молит:

— Боги, милостивые боги, помогите мне поймать осьминога, чтобы могла я вылечить моего старика!

Открыла она глаза и вдруг видит: показалось возле самых ее ног щупальце огромного осьминога.

Вот радость! Отхватила она это щупальце ножом, отнесла домой и накормила старика.

В первый раз за свою болезнь поел старый рыбак с охотой. И в самом деле, стало ему немного полегче.

На другой день пошла старуха к расселине между камнями — и опять осьминог высунул из нее свое щупальце. Отрезала второе щупальце старуха и накормила своего мужа.

На третий день случилось то же, и на четвертый, и на пятый... Приелось старику мясо осьминогов. Уж он и глядеть-то на него не хочет.

Но старуху жадность одолела. Стала она носить мясо осьминога на базар и все считала, сколько у него щупальцев остается. Наконец осталось у осьминога одно, последнее щупальце. Но ведь и за него можно деньги выручить!

На восьмой день рано утром поспешила старуха к морю. Наклонилась она к расселине между скалами, смотрит в воду... Тут вдруг обвилось вокруг ее шеи крепким жгутом последнее щупальце осьминога. Потацил осьминог старуху в морские волны.

Долго ждал ее старый рыбак и встревожился. Заковылял он на своих больных ногах к берегу, глядит по сторонам. Нигде старухи не видно. Наконец доплелся до прибрежных скал, заглянул в расселину...

Стоит его старуха на дне моря и держит над собой раскрытый зонт.

Завопил тут старик, не помня себя:

— Старуха, старуха, что ты там делаешь?

Кинулся он за нею в воду и утонул.

Говорят, что и сейчас, если поглядеть в том месте со скалы во время самого большого весеннего отлива, можно увидеть на дне моря старухин зонт.

147

Полотно,
выбеленное
на лунном
свету

В давние годы у старосты одной деревни была дочь. Решил он выдать ее замуж за сына богача из соседней деревни. Не подумал только, по сердцу ли жених дочери.

Сыграли свадьбу. Поселился муж в доме у тестя, но стали все примечать, что молодая жена и глядеть-то не хочет на своего мужа.

Однажды пошла она к старой гадалке, что жила на самом краю деревни:

— Совестно мне признаться, бабушка, но выдали меня замуж за нелюбимого. Опротивел мне мой муж, так опротивел, видеть его не могу! Нельзя ли помочь беде?

Затрясла гадалка седыми космами, зажмурила глаза и быстро, невнятно забормотала себе что-то под нос. Потом уставилась на молодую жену пронзительным взглядом и говорит:

— Сотки полотно лунной ночью, выбели его лунной ночью, сшей наряд лунной ночью и надень его на мужа лунной ночью.

Так и сделала молодая жена. В лунную ночь соткала она полотно, выбелила его на лунном свету и сшила наряд для своего мужа в ночь полнолуния. Был этот наряд красивый, белый-белый и прозрачный, как лунный свет.

Снова наступила лунная ночь. Накинула молодая жена потихоньку белую одежду на плечи мужу.

Вышел муж на веранду и молча, печально стал смотреть на луну. И вдруг он растаял, словно легкий дымок.

Луна зашла, наступило утро, но муж так и не вернулся.

Хоть и ненавистен был он жене, но тут и ей поневоле стало как-то не по себе. Побежала она снова к гадалке. Та и говорит:

— Если хочешь вновь его увидеть, то ступай лунной ночью в самый глухой час на перекресток шести дорог. Стой там и жди.

Стала молодая жена, как велено, на перекрестке шести дорог. Когда наступил самый глухой час ночи, вдруг показалась издали в сиянии луны какая-то белая тень. Она словно плыла по воздуху, не касаясь земли. У молодой жены по спине пробежал холодок. Видит она: это ее муж в наряде из полотна, выбеленного на лунном свете.

Приблизился к ней муж, взглянул на нее с печалью и упреком и тихо прошептал плачущим голосом:

*В несчастный час я надел
Платье из лунного света,
Теперь я навеки стал
Спутником бога ночи.*

Проплыла мимо белая тень и навсегда пропала в ночном мраке.

148

Танцующий
скелет

Жили в старину два неразлучных друга. Одно-го звали Ками-Ситибэй, а другого Симо-Ситибэй. Как-то раз отправились они вдвоем в дальние края на заработки. Усердно трудился Симо-Ситибэй и скопил немало денег. А Ками-Ситибэй связался с компанией картежников.

Так прошло три года. Собрался Симо-Ситибэй в обратный путь на родину и зовет с собой друга. Тот ему в ответ:

— Я бы и рад отправиться домой, но надеть мне в дорогу нечего. Совсем я обносился...

Подумал Симо-Ситибэй: «Вместе мы ушли, вместе и надо возвращаться в родную деревню. Не годится оставлять друга одного на чужбине». Подарил он Ками-Ситибэю новое платье и денег дал в придачу.

Отправились они вдвоем в обратный путь. Но на безлюдном горном перевале убил Ками-Ситибэй своего друга, взял его деньги и вернулся в деревню один.

А в деревне стал он рассказывать:

— Как попали мы в чужие края, Симо-Ситибэя словно подменили. Пустился он во все тяжкие. За все время не скопил он денег даже на обратную дорогу, потому и не вернулся со мной вместе.

Но не пошло впрок Ками-Ситибэю награбленное добро. Стал он играть в кости и спустил мало-помалу все краденые деньги.

Пришлось снова идти на заработки. Поднялся он на тот самый перевал, где убил когда-то своего друга, и вдруг слышит чей-то голос: «Ситибэй! Ками-Ситибэй!» «Кто это меня зовет?» — подумал он. Оглянулся — никого. «Наверно, мне почудилось», — решил Ками-Ситибэй и пошел дальше. Но вот опять раздался зов, громче прежнего: «Ситибэй! Ками-Ситибэй!» «Странные дела бывают на свете!» — удивился он и стал прислушиваться. Голос шел из бамбуковых зарослей, что густели возле самой дороги. Заглянул Ками-Ситибэй в глубь бамбуковой чащи. Белеет там скелет, а череп зубы оскалил, словно смеется.

Вдруг череп заговорил:

— Здравствуй, старый приятель, давненько мы с тобой не виделись. Ведь я тот самый Симо-Ситибэй, кого убил ты три года назад, чьи кровные, трудом нажитые деньги ты украл и унес с собой. Каждый день с тех пор я поджидал тебя. Наконец исполнилось сегодня мое заветное желание: я снова вижу тебя. Нет на свете большей радости!

Хотел было убежать испуганный Ками-Ситибэй, но скелет крепко схватил его костлявой рукой за полу.

— Ты куда идешь? — спрашивает.

— Вышли у меня все деньги, и я снова иду в чужие края на заработки. Отпусти же меня, я тороплюсь.

— Вот оно что! И я при жизни, случилось, в деньгах нуждался. Этому горю можно помочь! Хочешь, я буду плясать, а ты меня будешь за деньги показывать? Много заработаешь, ничего не делаю. Положи меня в дорожный ящик и возьми с собой. Я не пью, не ем — не надо меня ни кормить, ни одевать. Где ты найдешь такого товарища? Но, может быть, ты сомневаешься, умею ли я плясать? Погляди сам, я покажу тебе свое искусство.

И тут скелет вскочил и, гремя костями, пустился в пляс: руки и ноги так и замелькали! Он то подпрыгивал, то кружился волчком.

— Ну, Ситибэй, видел? Я и еще лучше могу. Ты только хлопай в ладоши да подпевай. Мы с тобой вместе много денег наживем. Ради этого стоило и умереть, — уговаривал скелет своего прежнего друга.

«В самом деле, — подумал тот. — Пожалуй, это не худо!» — и согласился.

Стал Ками-Ситибэй повсюду показывать пляски скелета. Люди стекались толпами и дивились чуду. Пошла слава о танцующем скелете по городам и селениям и наконец дошла до ушей владетельного князя.

Позвали Ками-Ситибэя в княжеский дворец.

Сидит князь в парадной зале своего замка и ждет представления, а Ками-Ситибэй достал скелет из ящика и велел ему:

«Пляши!» Но тот не шелохнулся.

Ками-Сатибэй то бледнеет, то краснеет. Уж он и в ладоши хлопал, и песни пел — ничего не помогает. Наконец пришел он в ярость и хлестнул скелет бичом.

Тут поднялся мертвый остов на ноги, подошел к князю и сел перед ним.

— Милостивый князь, — заговорил он, — я столько времени плясал лишь для того, чтобы предстать перед тобой. Знай, что этот человек убил меня и ограбил на горном перевале.

Изумился князь:

— Каких только чудес на свете не бывает! Вяжите убийцу и учините ему допрос.

Связали княжеские воины Ками-Ситибэя. Сознался он во всем и был распят на кресте.

Вот что случилось в давнишние времена.

149

Чудо
материнской
любви

В старину, в далекую старину жили на самом краю маленького городка старик со старухой. Торговали они сладкими тянучками. Однажды в темный зимний вечер постучала в дверь их лавочки молодая женщина. Стоя за порогом, она робко протянула мелкую монету и попросила:

— Вот, дайте мне, пожалуйста, немного тянучек.

— Что ж вы стоите на холодном ветру, госпожа? Заходите, обогрейтесь, пока мы завернем вам покупку.

— Нет уж, я тут постою.

Взяла молодая женщина сверток с лакомством и пропала во мраке.

Пришла она и на другой вечер.

Стали старики говорить между собой:

— Кто она такая и почему приходит в такую позднюю пору? Неужели у нее другого времени нет?

На третью ночь женщина пришла снова. А на четвертую старики спохватились: не монетку она им оставила, а сухой листок.

— Ах, обманщица! — заголосила старуха. — Пойди, старик, за нею вслед, она еще не ушла далеко. Кабы у меня глаза были получше, она бы мне не подсунула листок вместо монеты.

— Смотри, у порога комья красной глины... — удивлялся старик, зажигая фонарь. — И откуда только пришла эта женщина? По соседству у нас один белый песок.

Побрел он в ту сторону, куда незнакомка скрылась. Смотрит: отпечатков ног на снегу не видно, только комки красной глины след показывают.

«Да ведь здесь и домов-то нет, — думает старик. — Неужто

она на кладбище пошла? Кругом одни могильные памятники». Вдруг услышал он плач младенца. «Верно, почудилось мне. Вот и стихло... Это ветер в ветвях свистит». Нет, опять послышался детский плач, жалобный и глухой, словно из-под земли. Подошел старик поближе. И верно, кто-то плачет под свежей насыпью могилы.

«Дивное дело!— думает старик.— Пойду-ка я разбужу настоятеля соседнего храма. Надо узнать, в чем тут тайна. Ужели в могиле живой похоронен?» Разбудил он настоятеля. Пошли они к могиле с заступом.

— Вот эта, что ли? Здесь беременную женщину похоронили тому уж несколько дней,— воскликнул настоятель.— Умерла от какой-то болезни, не дождавшись родов. Да уж не почудилось ли тебе, старик?

Вдруг снова глухо-глухо послышался у них под ногами детский плач.

Стали они поспешно копать заступом. Вот показалась крышка нового гроба. Отвалили они крышку. Видят: лежит в гробу молодая женщина, будто спит, а на груди у мертвой матери живой младенец. И во рту у него сладкая тянучка.

— Так вот чем она его кормила! Теперь я все понял!— воскликнул старик.— Великое чудо материнской любви! Нет на свете ее сильнее! Бедняжка сперва давала мне те монеты, что ей, по обычаю, в гроб положили, а как кончились они, принесла сухой листок... Ах, несчастная, она и за гробом берегла своего младенца!

Тут пролили оба старика слезы над открытой могилой. Разжали они руки мертвой женщины, вынули из ее объятий младенца и отнесли его в храм. Там он и вырос, там и остался, чтобы всю жизнь заботиться о могиле своей матери, которая так сильно его любила.

150

Тысячу рё
за одно
погладение

Давным-давно жил в краю Кюсю один человек по имени Китигоро. Пришли к нему как-то раз молодые люди из его села и говорят:

— Кто не видел трех городов, тот не мужчина. Три города—Эдо, Киото и Осака. Киото и Осака от нас близко, пойдем сначала в Эдо.

Китигоро ответил:

— Мне в Эдо тоже пойти хочется, да денег нет.

— Нет денег? Хочешь, научим, как их добыть?

— Угу.

— Пойди с собакой в горы. Прикажи ей: «Ищи деньги! Ищи деньги!» Сделает она стойку и залает: «Тут копай! Тут копай!»

Станешь копать в том месте землю и найдешь кучу денег,— подтрунивают парни.

Китигоро простодушно поверил их рассказам, пошел в горы вместе со своей собакой. Крикнул ей: «Ищи деньги! Ищи деньги!» А она залаяла: «Тут копай! Тут копай!»

Обрадовался Китигоро, стал копать и в самом деле нашел кучу денег.

Пошел он, как ему присоветовали, в город Эдо! Денег много, а на что потратить их, не знает. Вдруг до его слуха дошли толки: «В таком-то месте берут тысячу рё за одно поглядение». «Вот хорошо, погляжу и ворочусь домой»,— решил он и отправился в лавку под названием Камия.

Спрашивает:

— Это у вас за одно поглядение берут тысячу рё?

— У нас-то у нас, но сначала скажи, водятся ли у тебя такие деньги?

— Да вот они,— и выложил тысячу рё.

— Хорошо, сейчас увидишь, покажем.

Глядит Китигоро во все глаза. И промелькнула перед ним с шорохом шелков красавица.

— Но я плохо рассмотрел. Покажите еще раз.

— Тогда давай еще тысячу рё.

— Вот возьмите.

Снова прошла перед ним красавица в другом наряде, только шелка прошелестели.

— Нет, и сейчас я плохо разглядел. Покажите еще раз.

— Да найдется ли у тебя столько денег?

— Вот еще тысяча.

И снова шелка шелестят: вышла красавица в новом наряде и промелькнула мимо.

— Эх, полюбоваться бы еще разок, да денег больше нет,— вздохнул Китигоро и пошел было восвояси.

Вдруг догнали его двое слуг:

— Погоди, с тобой хочет встретиться ойран,— говорят они.

— Как же я пойду? У меня денег нет.

— Денег не надо, пойдем, пойдем!— И силком его потащили.

Поднялся Китигоро в верхние покои дома, а там его с почетом усадили на три шелковых футона.

— Многие приходили покупать меня,— говорит красавица,— но все только вели обманные речи. Впервые мне встретился честный человек. Я ведь женщина, мне нужен муж. А я хочу себе в мужья только такого, как ты, с искренним сердцем. Возьмешь ли ты меня в жены?

— Я ведь житель Кюсю,— ответил Китигоро.— У меня там родные. Не могу я жениться, не посоветовавшись с ними.

— О, если так, вернись на родину, испроси дозволение у своих родных, и тогда мы поженимся. Но дай мне твердое обещание.

Китигоро пообещал взять ее в жены. Тогда достала ойран три тысячи рё:

— Возвращаю тебе твои деньги.

— Нет, зачем мне тащить назад такой тяжелый груз? Пусть у тебя полежат до моего возвращения,—отказался Китигоро и не взял денег.

— Но ведь будут у тебя дорожные расходы,—сказала красавица и заставила его взять хотя бы десять рё.

— Жди меня, я вернусь через пятьдесят дней,—сказал на прощание Китигоро и пустился в обратный путь.

Но дома все родственники хором стали отговаривать его:

— Тебя бессовестно обманули, не ездь больше в Эдо.

— Но ведь я обещал приехать через пятьдесят дней. Поеду, попрошу у нее прощения.

Родственники удерживают его:

— Брось эту затею.

Но не попрощался он и вернулся в Эдо. А прибыв в тот город, поспешил в лавку Камия. Вышел к нему человек:

— Ты два месяца не приезжал, и она умерла от тоски. Нынче как раз седьмой день после ее кончины.

Опечалился Китигоро:

— Виновен я в этом несчастье.

Спросил он, где находится ее могила, и пошел туда. Вдруг могила раскрылась и появился призрак ойран.

— Мой милый, я хочу, чтоб ты не знал нужды. Возьми в дар семена мандаринов. Посадишь их, вырастут мандарины без зернышек. Продавай их, разбогатеешь: ведь никто другой разводить их не сможет.—И с этими словами дала ему семь зернышек мандарина.

Вернулся он домой и посадил их в землю. С тех пор, говорят, и появились кюсюские мандарины без зернышек.

151

Луна
на ветке

На окраине города Мияти возле храма Асодзин-дзя находится роща Старого Бога. Там у самой дороги стоит высокое дерево эноки¹. По ночам появлялся в том месте проказливый барсук и морочил людей. Умел он принимать разные облики, но больше всего славилось его искусство показывать полную луну на ветке.

Влезал барсук на дерево эноки, вытягивал вперед одну из своих лап, и она становилась раскидистой веткой. Этого мало! Сияла на ветке полная луна. Каждый, кто проходил мимо, останавливался и говорил: «Какая красота!», а барсук себя не помнил от гордости. В темные и дождливые ночи призрачная луна разгоралась еще ярче, а прохожие изумлялись еще сильнее.

Однажды в такую ночь, когда ни один луч не пробивался сквозь тучи, барсук решил, по своему обычаю, удивить прохожих. Шел мимо один человек и вдруг увидел раскидистую ветку, а над ней полную луну.

Остановился он и залюбовался:

— Ах, до чего красива луна в роще Старого Бога!

Но в эту минуту выкатилась из-за облаков другая луна. Стало их сразу две.

— Что за наваждение!— вскричал прохожий.— Две луны! Чудится мне, что ли?

Тут барсук спохватился. Призрачная луна вдруг спряталась позади дерева.

— Ах, вот одна исчезла!— подивился прохожий.— И как раз самая красивая.

Обрадовался барсук похвале и снова показал луну из-за дерева.

— То одна, то две! Непостижимо! Что-то здесь творится неладное. Нет, страшно здесь одному в такую пору!—И прохожий убежал со всех ног.

А вот что случилось в другой раз. Дождь барсук ночи потемнее, влез на дерево, вытянул вперед лапу-ветку с призрачной луной и поджидает путников. Вот наконец показался на дороге один путник. Увидел он призрачную луну и прошептал сквозь зубы:

— Эге, господин барсук! Ты думаешь меня обморочить. Не выйдет! Я сам славно тебя проведу.

Этот путник был человек бывалый и слышал не раз про барсучьи проказы. Барсук старался вовсю. Луна у него так и сверкала, так и горела над темной изогнутой веткой.

Вдруг прохожий сказал:

— Что-то здесь неладно. Луна в это время должна стоять ниже.

Барсук, услышав это, спохватился, и луна вдруг нырнула вниз.

— И опять не то,—громко говорит прохожий.—Сейчас она стоит уж слишком низко. Отчего это, хотел бы я знать?

Вдруг луна взлетела вверх.

— Чудеса! А теперь съехала куда-то в сторону. Ведь она была правее.

Еще больше растерялся барсук. Вытянул он луну-ветку, сколько мог дальше и не удержался, кувырком слетел с дерева.

Убежал барсук опрометью в чащу, а прохожий, посмеиваясь, пошел опять своей дорогой.

В старину, в далекую старину в горах водилось множество барсуков. Возле одной деревни обитал на горном перевале один проказливый барсук. Часто он появлялся перед прохожими в образе великана и навел страх на всю деревню.

В той деревне жил Санкити, погонщик лошадей, на диво смысленный мальчик. Про него шел слух, будто он один не был ни разу одурачен барсуком, когда ходил через перевал. И в самом деле, Санкити даже ночью в горах ничего не боялся.

Однажды жители деревни стали просить Санкити усмирить барсука. Санкити согласился и попросил три рыбы-иваси. Привязал он их к веревке и пошел к перевалу. Только Санкити поднялся на вершину, как вдруг из кустов выглянул барсук:

— Санкити-са, Санкити-са, не дашь ли ты мне этих иваси?

— А-а, барсук! Что ж, пожалуй, дам. Но ты, говорят, мастер превращаться. Давай будем состязаться. Если победишь меня, получишь иваси.

— Как, Санкити, разве ты тоже умеешь превращаться?

— Еще как, велика хитрость! Это для меня плевое дело.

— Ну, раз так, давай состязаться.

— Ладно. Ты, барсук, начинай первым.

Барсук обрадовался. Он решил оборотиться великаном и как следует напугать мальчика. Хлопнул себя по голове—пон!—и стал великаном.

— Что, Санкити, страшно тебе?—спросил барсук.

— Ха, подумаешь! Самый обыкновенный великан. Невидальская! Вон на той горе барсуки делают то же самое. А вот превратиться во что-нибудь маленькое—это куда похитрее. Например, можешь ли ты стать блохой, а?

Барсук сразу принял свой прежний образ.

— Блохой? Такой, что ли?—Он поймал у себя на груди блоху и показал мальчику.

— Вот, вот. Трудновато тебе стать такой крохотулей.

— Увидишь. Сейчас превращусь в блоху,—барсук хлопнул себя по голове—пон!—и вдруг пропал из виду.

— Санкити, я тут, я тут. Видишь ли ты меня?

— Не разгляжу что-то. Прыгни мне на ладонь, тогда увижу.

И тут на ладонь Санкити прыгнула маленькая блошка. Санкити вмиг поймал ее и зажал между ногтями.

Испугался барсук и взмолился дрожащим голосом:

— Спасите, пощадите!

Санкити заставил барсука поклясться, что он не будет больше пугать людей, и отпустил на свободу.

Так рассказывают.

В старину под верандой дома Идзумия в городе Комацу¹ жил барсук. Хозяин этого дома очень любил хокку. В ясные осенние ночи он, бывало, раздвинет сёдзи в комнате для занятий. А комната эта глядела прямо в сад. Читает хозяин громким голосом любимые стихи, попивает вино и любуется светлой луной. А барсук притаится внизу — и слушает, слушает...

Как-то хозяин получил из Эдо от своего друга — поэта Сюка² новое стихотворение:

*О цветы орхидей!
Как торжественно-величаво
Вы раскрылись в тиши.*

Хозяин переписал эти строки красивым почерком на длинном листе бумаги и несколько раз прочел вслух, но в это время его пригласили в гости, и, уходя, он забыл второпях листок со стихами на столе. Только хозяин ушел, как барсук пробрался в комнату, схватил листок и побежал в сад. Положив драгоценный листок под сосной, барсук стал глядеть на полную луну. И вдруг, надув свой толстый живот, давай от восторга колотить по нему лапами, как по барабану, так что гул пошел кругом.

На другое утро хватился хозяин, что листок со стихами пропал. Обыскал он и дом и сад — нет нигде, да и только! Вспыхнул он от гнева, как огонь:

— Кто украл листок с моего стола, сознавайтесь!

Все домашние в один голос отвечали:

— Не видели мы никакого листка и знать ничего не знаем!

А у хозяина был проказливый сынок.

— Значит, это ты, и никто другой! — закричал на него отец. — Больше некому. И не смей отпираться, озорник! Сейчас же неси сюда листок, а не то я тебя так проучу, что надолго запомнишь.

И решил тогда мальчик подкараулить вора, чтобы оправдаться перед отцом. Каждый вечер он прятался в засаду возле веранды, но вор все не показывался. Так прошло несколько дней. Вдруг мальчик видит: выбежала из кабинета какая-то черная тень и бросилась в сад. Выглянул мальчик из-за столба. Что за чудо? Да ведь это барсук, и в зубах у него листок. Вот, значит, кто стихи таскает!

А барсук положил листок у подножия сосны и начал что-то бубнить себе под нос, словно трудные знаки разбирает. А потом давай надуваться, да как застучит по своему животу, будто по барабану! И сразу, как по команде, запели, зазвенели, застрекотали в саду все сверчки и цикады — ни дать ни взять целый оркестр заиграл.

Мальчик позвал отца. Пришел отец и видит: барсук-то не первый попавший листок стащил, а тот, что со стихами.

— Значит, и барсук может любить стихи!—воскликнул хозяин.—Кто бы подумал!—И он оставил листок со стихами барсуку—любителю поэзии.

154

Барсуки-
музыканты

Давно-давно это случилось в Сёсэйдзи — Храме свидетельства истины, что стоит возле гавани Кисарацу. Тогдашний настоятель был человек великой учености и сверх того очень любил играть на сямисэне. В огромном храме даже днем было сумрачно — музыка помогала коротать вечера.

Однажды глубокой осенней ночью вдруг что-то разбудило настоятеля. Со двора доносился гул множества голосов. «Сейчас будто не время собираться людям», — подивился настоятель, встал с постели и начал потихоньку глядеть в щелку двери. Нет ни души. Только сверкает лунный свет на мокрых от росы травах и цикады без устали стрекочут в густых зарослях. «Значит, почудилось мне. Но все же странно...»

Настоятель решил, что у него в ушах шумело, и снова лег почивать. Но только задремал, как опять зазвучало множество голосов. Он стал прислушиваться, не вставая с постели, а шум все ближе, все громче, словно целая толпа к храму валит. «Удивительное дело!» — подумал настоятель. На его памяти такого еще не бывало. Слушал он, слушал и вдруг понял: это не простой шум, можно различить ритм и мелодию.

Музыка звучит уже у самого окна. «А-а, это деревенская молодежь затеяла ночью веселье. Нет на них угомону!» Настоятель встал и снова поглядел в щелку двери. «Как! Да ведь это барсуки! Барсуки!» — Настоятель так и замер от испуга.

Посреди храмового двора, покрытого росой, собрались большие барсуки и малые барсучата числом не менее сотни. Ходят они длинной вереницей и бьют себя по надутым животам, словно стучат в барабаны. Дуют в камышовые дудки и свистульки из древесных листьев. А иные барсуки под эту музыку даже в пляс пустились.

Настоятель молча глядел во все глаза.

Но вот барсуки хором грянули песню:

*В храме Сёсэйдзи
Пэннэкопэн.
А мы — барсуки
Дондокодон.
В храме Сёсэйдзи
Пэннэкопэн.
А мы — барсуки
Дондокодон.*

Спели они эту песню несколько раз и пошли водить хоровод вокруг храма, играя на флейтах и стуча в барабаны—свои надутые животы.

Перепуганный настоятель понемногу пришел в себя: «Ха-ха, а ведь барсуки—отличные музыканты. Песенка у них очень хороша»—и начал тихонько напевать про себя:

*В храме Сёсэйдзи
Пэнпэкопэн.
А мы—барсуки
Дондокодон.*

Понемногу он увлекся, стал петь все громче и громче и наконец запел в полный голос. Даже в лад песне постукивал по двери и притоптывал ногой. Словом, настоятель, развеселившись, присоединился к музыкантам, но барсуки, ничуть этому не удивляясь, кружились в хороводе и все больше входили в раж.

Настоятель заводил песню:

*В храме Сёсэйдзи
Пэнпэкопэн.*

В ответ гремел хор:

*А мы—барсуки
Дондокодон.*

Но вот настоятель вышел на веранду, и началось состязание, кто кого перепоеет. Но только пропели первые петухи в деревне, как барсуки мигом куда-то исчезли.

На другую ночь снова пришли большие барсуки и малые барсучата. Настоятель поджидал их с радостью. Опять зазвучал оркестр из флейт и барабанов и настоятель вступил в состязание. Барсуки еще больше надали жару.

То ли у настоятеля было железное терпение, то ли у барсуков крепкая кожа на животах, но песням, казалось, конца не будет.

Однако на четвертую ночь настоятель напрасно, вытянув шею, вглядывался в темноту ночи. Почему-то не явился ни один барсук. «Бывают же чудеса! С таким жаром они соревновались со мной—и вдруг всему конец. Что-то, видно, случилось»,—встревожился настоятель.

Едва настало утро, он обошел все окрестности храма. Видит—самый большой барсук, главный заводила в хоре, валяется, бедняга, мертвый. Не выдержала кожа на его живом барабане.

Лиса —
мастерица
брить
головы

В старину жила на горном перевале Татими лисица по прозванию Отон-нёро. Она наводила мороку на путников и наголо обривала им головы. Натерпелись от нее лиха жители соседней деревни.

Однажды созвал староста всех сельчан и стал угощать их вином. Зашла за беседой речь и о плутовке Отон-нёро.

— Если б кто-нибудь разделался с ней,—сказал староста,—получил бы богатую награду. Может, кто вызовется?

Двое молодых людей, порядочные хвастуны, охотно откликнулись:

— Мы эту бесстыжую Отон-нёро проучим за ее проделки завтра утром, еще до завтрака, и придем к вам за наградой.

Сельчане подумали, посмеиваясь про себя: «Опасная затея. Лучше бы не брались они за это дело».

Пришли юноши под вечер домой, заткнули за пояс серпы и отправились на перевал Татими. Вдруг видят—идет неспеша старая лисица золотисто-рыжего цвета.

— Вот она! Вот она!—шепнул один.

— Вижу, вижу! Не проведет нас, негодяйка,—отозвался другой.

Стоят они молча и смотрят, что-то будет.

Лисица оборотилась молодой красавицей и взяла на руки маленькую статую Дзидзо¹, стоявшую у дороги. Нарвала она речной травы, потеряла статую, и вдруг Дзидзо превратился в младенца. Привязала она его себе на спину и пошла дальше.

Друзья говорят друг другу:

— Посмотрим, что она дальше будет делать.

Идут следом.

Лисица их не заметила. Скоро остановилась она перед домом. Постучала в дверь, ей открыли. Вошла она в дом. Заглянули юноши в щелку двери. В доме дедушка с бабушкой себя не помнят от радости, ласкают дочь и внучка. Не ведают они, что это оборотни. «Жаль их,—подумали юноши.—Обморочила плутовка лисица старика со старухой. Надо открыть им правду».

Вышла старуха во двор, они и говорят ей:

— Бабушка, ведь это лисица прикинулась твоей дочкой.

Но старуха поверить не захотела.

— Да правда же, бабушка. Не твоя дочь это, а плутовка лиса. Мы своими глазами видели, как она красоткой обернулась.

Но бабушка и слушать не хочет.

Понемногу повысили они голос. Старик вышел из дома поглядеть, что случилось. Юноши говорят ему:

— К вам в дом лисица забралась. Прикинулась, будто ваша дочь.

Но старики так и не поверили им.

— Сумасшедшие вы, вот что,— говорят.

— Так вы нам не верите?! Хорошо же, мы вам докажем. Надо бросить маленького оборотня в котел с кипящей водой. Он сразу примет свой настоящий вид. Ведь это на самом деле не младенец, а каменный Дзидзо.

Так они горячо убеждали, что старик наконец поверил. Взял он ребенка и, как старуха ни останавливала его, бросил в котел с кипящей водой.

Ребенок закричал и заплакал. Время шло, а он так и не превратился в каменного Дзидзо. Юноши смутились. Не знают, что теперь делать.

В страшный гнев пришел старик:

— Злодеи вы, негодяи! За что вы на нас такое зло держали, что погубили нашего милого внука?! Сейчас же идем в управу, там дадите ответ.

Побелели от страха юноши, задрожали всем телом и стали кланяться до земли:

— Смилуйтесь, простите нас!

Но старик со старухой и слушать их не стали. «Пойдем в управу на суд!»—только и отвечали они.

А в это время мимо проходил настоятель местного храма. Услышал он шум и крик и спросил, что случилось.

— Мое дело спасти людей,—примиряюще заговорил он.— Мертвого младенца уже не оживить. Зачем вам тащить этих молодых глупцов в управу и требовать их казни? Пусть лучше пойдут со мной в храм. Постригутся в монахи и будут всю свою жизнь молиться за упокой. Душе ребенка от этого будет большая польза.

Подумали старик со старухой, что настоятель прав, и простили виновных.

А настоятель повел их в храм.

— Сейчас постригу вас в монахи,—сказал он и наголо обрил им головы.

Стали юноши бить в деревянные гонги и громко молиться за упокой души погибшего младенца.

Вдруг слышат—кто-то окликнул их по имени. Тут они как от сна очнулись. Смотрят, все исчезло: храм и настоятель, старик и старуха. Сидят юноши посреди луговой травы. В смятении погладили они себя по голове: ни одного волоса, все обриты наголо.

А в руках они вместо гонгов держат бамбучины, испачканные лошадиным пометом.

Обманула их лиса Отон-нёро, обрила им головы.

Лис —
весовая
гиря

В старину, далекую старину жил в деревушке среди гор торговец корой бумажного дерева кодзо¹. Покупал он ее у крестьян, да и сбывал в оптовую лавку с малой прибылью. Хороший он был и добрый человек, все его любили. Но жилось ему трудно, уж очень семья большая: сам с женой и пятеро детей. Во всем нехватка.

Однажды утром стала жена корить мужа. Холода наступают, надо детям теплую одежду купить, а муж домой гроши приносит.

Муж бросил в досаде одно лишь слово:

— Уразумел!—и опрометью из дома. Но как помочь делу, он, по правде сказать, не знал. Снова пошел бродить по округе в поисках товара. К вечеру так устал, что еле ноги волочил. Вот наконец последний перевал перед родной деревней. Осеннее солнце заходит рано. «Какая темь! Дай отдохну немного».

На вершине горы в тени двух сосен стояло святилище божества, чтимого в тех местах. Скинул торговец кодзо тяжелую ношу с плеч, присел отдохнуть и вынул из-за пазухи хурму.

— Пресветлый бог мёдзин-сама², сижу я, отдыхаю перед твоим храмом, позволь мне поднести тебе этот плод. Но, боюсь, он несладкий, уж прости мне. Если подзаработаю малость, поднесу тебе что-нибудь получше.

Положил одну хурму перед святилищем, а сам начал жевать другую:

— Мм, рот светло. А тебе, пресветлый бог, какая попалась, сладкая ли?

Вдруг раздался голос:

— Сладкая.

Стал торговец кодзо испуганно озираться—никого нет.

А голос снова:

— Сладкая, сладкая.

— Кто это?

В страхе торговец собрался было бежать.

— Не убегай, не убегай! Стой!—загремел голос.

Торговец кодзо так и прирос к месту, колени подкосились.

— Послушай,—на этот раз ласково и мягко заговорил голос из святилища.—Я—божество этих мест. Но люди сейчас оскудели в вере, ничего мне не подносят. С самого лета горло пересохло. Твоя хурма сладкая, сочная, спасибо тебе. Ты обещал мне принести что-нибудь получше, как раздобудешь денег. Правда ли это?

Немного пришел в себя торговец кодзо и смущенно ответил богу:

— Чистая правда, не обману. Только теперь плохие у меня заработки, не на что делать приношения.

— Вот в чем дело. Так я помогу тебе нажать деньги. Сделаем вот что. Ты ведь продаешь свой товар в оптовую лавку. Один лис из моей родни будет подвешиваться, как гиричка, к весам невидимо для человеческих глаз. Семь канов коры бумажного дерева будут тогда весить девять, а то и все десять канов. Вместо трех-четырех монов ты заработаешь тридцать-сорок. Ведь чистая прибыль. Ну как, согласен?

Радостно внимал торговец голосу бога и обещал в благодарность не скупиться на приношения, а лису — весовой гиричке давать в день по три сладких бобовых колобка.

С тех пор торговец коззо стал зарабатывать больше своих товарищей по ремеслу и дела его пошли в гору.

Но вот однажды он в вечерних сумерках пошел, как обычно, к святилищу с дарами.

Вдруг бог окликнул его и говорит:

— Ты теперь зажил хорошо. А у нас назначено сборище богов. Я должен отлучиться и больше не смогу тебе помогать. А если ты один без меня будешь водить дружбу с лисом, то может выйти для тебя большая добука.

Но торговцу и дальше хотелось наживать лишние деньги, чтобы выйти в богачи, и он с жаром стал умолять бога оставить ему лису — весовую гиричку в помощники.

— Что ж, хорошо. Но этот лис уже вошел в пору, когда надо жениться. Будешь ли ты и его жену кормить колобками?

— А почему нет? Одна или две лисицы — какая разница.

На том и порешили. Много времени не прошло, торговец коззо сделался настоящим богачом.

Однажды стоял снежный вечер. Торговец проходил мимо горного храма, как вдруг перед ним внезапно появился белый лис.

— Я и есть родственник здешнего бога, — сказал он удивленному человеку. — Родилось у меня девять лисят. Отныне прошу приносить мне тридцать три колобка.

— Легкое ли дело! Моя жена и так стала подозревать меня. До сих пор она все же давала мне с собой прорву еды, но тридцать три колобка! Это уж слишком. Трудно мне будет, очень трудно.

— Трудно? Вот о чем заговорил. Ведь с самого начала мог понять: раз я женился, значит, у меня народятся детки. Яснее ясного. Неужели же ты позволишь, чтобы мои дети, мои лисята голодали? — разразился лис упреками.

Что будешь делать? Торговец коззо с неохотой согласился. А хитрый лис давай его подзадоривать:

— Так ты согласен? Вот и хорошо, я как раз задумал, чтобы ты открыл оптовую лавку.

— Неужели это возможно?

— Еще и как! А ты взамен обещаешь мне заботиться о моих детях и внуках.

— Ладно, обещаю.

Торговец вновь заключил договор с лисом. И вот стал он богатым купцом, владельцем оптовой лавки. Каждый день посылал он белому лису тридцать три бобовых колобка, а жене налгал, что это подношение богу.

Так прошло полгода. Однажды вечером вышел торговец на веранду. Вдруг в саду, залитом лунным светом, показался белый лис.

— Какое дело привело тебя сюда?—спросил кодзока.

— Ты ведь теперь важный купец, сам к нам на гору не жалуешь,—недовольно проворчал лис.

— Но я помню долг благодарности и всегда посылаю колобки по счету. Жена каждый день их готовит,—ответил торговец.

— Хм, оно так, но колобков уже не хватает. Детки-то мои переженились. Вот и считай девять на девять, стало быть, восемьдесят один. Это внучата. Теперь дети с мужьями и женами. Девять на два—восемнадцать. Да нас с женой двое. А всех сто один: большая у меня семья. Умножь на три, и выйдет триста три колобка. Пересчитай, все точно.

Вот что потребовал белый лис в тот вечер, но добавил: через год внуки переженятся, надо будет позаботиться и об их потомстве. У торговца голова кругом пошла.

— Ой, хватит,—закричал он,—большого не требуй, молю тебя, довольно!

— Как это не требуй! Позабыл, что ли, наш уговор? Моими стараниями ты в богатые купцы вышел. А теперь хочешь меня надуть. Я-то семью завел, понадеялся на тебя, а ты!..—все громче кричал лис.—От меня так просто не отвяжешься. Не на такого напал. Я, белый лис, от своего не отступлюсь!—И, сердито вертя хвостом, лис пустился бежать вверх на гору.

Торговец был робкого нрава. Он испугался угроз белого лиса и заболел от страха. Наконец, измучившись от тревожных мыслей, он все открыл жене.

— Плохо дело, муженек! В деревне говорят: не вступай в сговор с лисицей. Ведь, чтобы прокормить лисью семейку, никаких денег не хватит. Беда, да и только! Но, говорят люди, если загодя, раньше, чем лисье семейство снова приумножится, выплатить вперед по новому счету, то лисица отстанет. Муженек, сколько сейчас лисьих поколений?

— Три поколения.

— Так вот что...—Жена задумалась.—Надо изготовить тысячу сто шестьдесят колобков и отослать их сейчас, пока не родились у белого лиса правнуки. Я изготовлю. Но с этих пор положишься на меня и во всем меня слушайся.

— На тебя вся надежда. Но только скорей изготовь колобки,—начал просить жену торговец кодзо.

— Слушай же, надо нам отныне жить по-прежнему. Берись-ка снова за работу. Большое богатство— не наш удел. Надо трудиться, как нам от роду положено. Всякий знай свое место и делай свое дело, вот что главное.

— Ты права, права, верно.

И стали они с женой жить, как прежде, небогато, зато со спокойной душой.

157

Песня
кошки

В старину жили, не ведаю где, дедушка с бабушкой. Была у них трехцветная кошка, старая-старая. Однажды вечером дед ушел по какому-то делу, а бабушка осталась дома одна. От скуки собралась она было вздремнуть, но тут пришла кошка и говорит:

— Хочешь, я тебе спою песню и спляшу?

— Разве кошки умеют петь песни?— удивилась старуха.

Тут кошка звонко запела, поднялась на задние лапки и пошла плясать.

— Бабушка, ты только никому не говори, что я пела и плясала. А если проболтаешься, я тебя убью,— пригрозила она старухе и пошла плясать дальше, повязав голову полотенцем.

Наконец вернулся домой старик. Кошка перестала танцевать и прыгнула на котацу, как ни в чем не бывало.

Старуха молчит, ни слова о проделках кошки. Улеглись старик со старухой в постель. Наступила ночь, кошка где-то скрылась.

Бабушка давай рассказывать деду все, что было:

— Ты послушай, нынче вечером наша трехцветная кошка пела песни и плясала. Вот было забавно!

Тут на потолочной балке раздалось громкое «мяу». Смотрит на старуху трехцветная кошка, а глаза у нее в темноте так и сверкают.

— Страх какой!— охнула бабушка и набросила на голову футон.

Вдруг кошка прыгнула вниз, вцепилась старухе в горло и загрызла насмерть. Старик задрожал от ужаса, а кошка скрылась неведомо куда.

Трехцветная кошка в старости опасна. Нельзя позволять, чтоб она плясала, не то превратится в оборотня.

Так говорят.

У огневой горы Асо¹ несколько вершин. Одна из них зовется Нэкодакэ — Кошачьей горой.

В старину жила на ее склоне королева кошек. Каждый год в ночь накануне праздника Сэцубун² собирались к ней с поздравлением все почтенные кошки из соседних селений. В это время повсюду на этой горе можно было услышать кошачье мяуканье. Иные даже видели торжественное шествие кошек.

Как-то раз шел там по тропинке один запоздалый путник. Начало уже смеркаться. Как ни торопился он, а до конца пути еще было далеко. Кругом одни пустынные луга тянутся, сухой мискант шуршит.

Путник уже был не в силах ни повернуть назад, ни идти дальше — так он устал. Жутко было у него на душе, да и голод давал себя знать. Сел он на тропинке посреди высокого мисканта и начал растирать одеревеневшие от ходьбы ноги.

— Ах, если б где-нибудь здесь найти приют на ночь! — вздохнул путник.

Солнце зашло за края гор, и вокруг сразу потемнело. Вдруг услышал он где-то над собой человеческие голоса. «Значит, тут неподалеку есть жильё», — подумал путник. С трудом поднялся он на ноги и заковылял в ту сторону, откуда слышались голоса. Вскоре увидел он высокие ворота, а за ними великолепный дом. «Кто бы мог подумать! Здесь, в такой глуши, и такие богатые палаты! — удивился он. — Может, пустят меня переночевать на одну ночь...» — И путник смело вошел в ворота.

У входа в дом он окликнул хозяев. Выглянула на его зов какая-то женщина, как видно служанка.

— Я сбился с пути, а на дворе уже темно. Позвольте мне переночевать здесь.

— Милости просим, — ответила женщина тихим, ласковым голосом. — Заходите в дом, — и провела его во внутренние покои. Оставшись один, путник вытянул свои усталые ноги и снова начал растирать их. Голод все сильнее мучил его. Подождал он, подождал и снова позвал хозяев.

Тут вышла к нему другая женщина и склонилась перед ним в таком низком поклоне, что спина у нее стала совсем круглая.

— Простите меня, но я с самого утра ничего не ел. В глазах темно. Не найдется ли у вас поужинать?

— Не извольте беспокоиться, сейчас подам. А может, тем временем хотите выкупаться? Горячая вода в чане готова, — услужливо предложила женщина. Указала она ему, как пройти в баню, и удалилась.

Путник, очень довольный, встал с места, чтобы идти в баню. Вдруг вошла в комнату еще одна женщина, не первой молодости.

Поглядела она ему в лицо и ахнула от изумления. Потом, с опаской оглядевшись по сторонам, дружески с ним заговорила:

— Тебе, верно, невдомек, кто я такая, но я-то тебя сразу признала. Скажи, как ты сюда попал?

Странно это показалось путнику. Незнакомая женщина разговаривает с ним, словно старая приятельница! Начал он ей рассказывать, как заблудился в горах.

Вдруг женщина шепнула ему:

— Сюда вам, людям, ходить нельзя. Здесь для вас гиблое место. Беги отсюда без оглядки, не то пропадешь!

— А что здесь может случиться со мной плохого?— удивился путник.

Замялась женщина:

— Не хочу я ничего дурного говорить про этот дом. Одно скажу: скорей убегай, спасайся!—повторила женщина, и так сердечно да ласково. Нельзя было ей не поверить.

— Ну что ж, послушаюсь тебя, уйду, раз так. Но нельзя ли мне сначала хоть поужинать, ведь я с голоду умираю. Да не худо было бы отогреться в горячей воде,—начал было путник, но женщина еще больше встревожилась.

— Не должна бы я тебе ни слова говорить, но пять лет назад, когда я еще жила у своих хозяев, ты очень любил меня. Бывало, вечером вылезу я из-под плетня по дороге к себе домой, а ты меня и по головке погладишь, и посадишь на колени, и за ушком почешешь. Я не забыла твоей ласки. Ведь я та самая пестрая кошка, что, помнишь, жила у твоих соседей. А здесь дворец нашей королевы. Если ты поешь тут и выкупаешься, то все тело у тебя обрастет шерстью и превратишься ты в кота. Понял теперь?

Вконец испугался путник. Поблагодарил он женщину от всей души и бросился опроретью вон, но, видно, успели пронюхать об этом в доме. Погнались за ним по пятам три молодые девушки с ушатам воды.

Бежит путник из последних сил, падая и спотыкаясь. Добежал он до крутого спуска в долину и оглянулся. Видит: вот-вот его настигнут. Не помня себя от страха, помчался он стремглав вниз с горы. Тут схватила одна из девушек черпачок и плеснула на него сверху горячей водой. Но путник уже был далеко. Всего лишь несколько капель до него долетело. Одна упала ему на шею под самым ухом, а две-три—на его голые икры.

Наконец добрался путник до города, а оттуда благополучно вернулся к себе домой. Первым делом спросил он у соседей, куда делась их пестрая кошка. Ушла, говорят, из дома и не вернулась. Стали подсчитывать, когда она пропала. Оказалось, ровно пять лет назад.

Скоро стал тот человек замечать, что растут у него клочки

кошачьей шерсти на шее возле уха и на ногах — всюду, куда попали брызги воды. Часто он говаривал потом:

— Помедли я еще немного, непременно попал бы в свиту королевы кошек.

159

Женщина-
паук

Как-то раз бродячий торговец сбился с дороги и оказался под вечер в самой глубине гор. «Попал в беду! — подумал он. — Где тут найдешь пристанище на ночь?»

Долго он бродил понапрасну, но наконец наткнулся, к своей радости, на старый храм.

Входит в него путник и видит: заплела очаг паутина и кругом ни живой души. Принес он топлива и затопил очаг. Тем временем снаружи совсем стемнело. Вдруг торговец услышал шаги, словно кто-то спускается вниз по лестнице. С шумом отодвинулась дверь, и в комнату вошла с сямисэном в руках такая красавица, что у торговца дух захватило от изумления.

— Гость, я сыграю тебе на сямисэне! — С этими словами села красавица перед ним и начала перебирать струны.

И вдруг — о диво! — обвилась вокруг шеи путника тонкая нить и стянула ее так, что не вздохнешь. В страхе выхватил торговец из ящика с товарами нож и обрезал нить. А красавица ему как ни в чем не бывало:

— Слушай же, гость! Я сыграю тебе на сямисэне! — и снова тронула струны.

Видит путник — снова тянется в воздухе тонкая нить, обвилась вокруг его шеи и душит. И снова он обрезал ее взмахом ножа.

Долго-долго, до самой полуночи играла красавица, а путник обрезал нить за нитью. Наконец собрался он с духом и ударил женщину ножом.

— Что ты делаешь, гость! — вскричала она и бросилась бежать вверх по лестнице.

Путник в страхе не мог дожидаться утра. Но вот наконец ночь прошла и забрезжил рассвет. «Что случилось с той красавицей, — подумал торговец, — жива ли она? Дай посмотрю!» Поднялся он по лестнице в комнату наверху. Никого нет! Вот тебе и раз! Что бы это значило? Стал он искать повсюду и видит: стонет в углу какое-то странное существо, длинноногое и круглое, точно пень с корнями. Вгляделся — а это огромный старый паук! Ударил путник его ножом и убил.

Что
на свете
всего
ненавистней

Давно-давно это случилось.

Жил в деревне юноша по имени Танокиё¹ вместе со своей старой матерью, и был он любящим, почтительным сыном. Танокиё хорошо владел искусством изображать разных людей. Закончит уборку риса на своем поле и пойдет бродить по окрестным селам, давая

представления.

Однажды отправился Танокиё в дальнюю деревню. Лежала она по ту сторону высоких гор. Вдруг доходит до него весть, что матушка тяжело занемогла. Как его ни удерживали, как ни упрасивали, он немедля собрался идти домой. Напрасно остерегали его люди:

— Время уже позднее. Беда, если ночь застанет тебя на горном перевале. Там логово змея. Он подстерегает запоздалых путников. Мигом проглотит тебя.

Не стал никою слушать Танокиё. Когда он поднялся на перевал, уже совсем стемнело. Не разберешь дороги. «Где бы заночевать?» — поглядел вокруг себя Танокиё и заметил хижину угольщика. Зашел он туда и лег спать.

Вдруг в середине ночи загремел гневный голос:

— Эй ты, вставай! Разлежся спать у меня в доме, невежа!

Танокиё в испуге вскочил на ноги.— Видит — перед ним седобородый старик.

— Ты кто такой?

— Я — из ближних мест. Зовут меня Танокиё.

— Как? Таноки — барсук! А я-то думал — человек!

— Ну, а ты кто?

— Я — большой змей, живу на этой горе. Но послушай, если ты в самом деле барсук, значит, здорово умеешь превращаться. Потешь меня, оборотись кем-нибудь.

Танокиё подумал: «Змей принял меня за барсука-оборотня. Это неплохо. Я ему сейчас покажу искусство превращения».

— Хорошо, сейчас увидишь, какие умельцы мы — барсуки. Но смотри вон в ту сторону, пока не позволю тебе обернуться.

— Добро, будь по-твоему.

Танокиё достал из дорожной корзины женский наряд с париком и подмалевался.

— Готово! Можешь глядеть.

Смотрит большой змей — перед ним красотка хоть куда.

— Здорово у тебя вышло. Вы, барсуки, мастера превращаться, — пришел он в восхищение. — А теперь скажи мне, барсук, что тебе на свете всего ненавистней?

— Ну-ка, дай подумать. Значит, так. Больше всего на свете ненавижу деньги. Увижу монету, просто душа вон. А тебе, приятель-змея, что больше всего на свете ненавистней?

— Признаюсь тебе, табак. Он для меня вредоносный. Я больше всего на свете чураюсь табака. Но об этом никому ни слова, чтобы люди не проведали.

— Не беспокойся, сохранию в тайне. И ты тоже, в свою очередь, не выдавай меня.

— Договорились.

Спустился Танокиё с горной кручи и первым делом поведал своим односельчанам: большой змей боится табака, вот чем можно его победить.

В деревне поднялся шум. Собрали весь табак, сколько удалось найти, и насыпали всюду, где змей бродил по ночам. И змей, весь израненный, истекая кровью, скрылся куда-то.

Однажды вечером Танокиё гладил и разминал плечи своей матушке. Она говорит ему:

— Как ты вернулся, мне сразу и полегчало...

Вдруг за окном послышался голос:

— Эй ты, барсук, обещал молчать о том, что для меня самое ненавистное на свете, а сам все разболтал людям. Я тебе отомщу, не проси пощады! На, получай!

И в дом кто-то бросил тяжелый ящик. Звяк-звяк-звяк — посыпались на пол монеты... Посмотрели — в ящике тысяча рё. Смутился душой Танокиё, отнес деньги дайкану. Все ему рассказал.

— Это боги посылают тебе в награду за твою сыновнюю почтительность. Бери деньги, они твои, — решил дайкан.

Танокиё со своей матушкой зажили счастливо и богато.

161

Подарок девы озера

Давным-давно, когда нынешний город Тоно был еще деревней, жил в тех краях крестьянин по имени Магосиро. Был он трудолюбив, работал не покладая рук, а все не выходил из горькой бедности. Вдобавок жена досталась ему бранчливая да сварливая. Недаром говорят: злая жена все равно что сто лет неурожая. В доме от нее житья не было, целый день ворчала она и бранилась.

Одна была радость у Магосиро: косить траву на склоне горы Мономи. Бывало, еще только заря в небе разгорается, а он уже накосит столько, что иному и к вечеру не успеть. Значит, и отдохнуть можно. Положит Магосиро косу и любуется, как солнце над дальней горой восходит. За весь день не выпадало ему другой такой счастливой минуты.

Как-то раз косил Магосиро траву на берегу горного озера. Вдруг словно бы кто-то его позвал:

— Магосиро-доно! Магосиро-доно!

Поглядел он вокруг: никого! «Верно, померещилось»,— решил он и снова начал махать косою.

Но тут окликнули его второй раз:

— Магосиро-доно! Магосиро-доно!

Распрявил он спину и посмотрел в ту сторону, откуда слышался зов. Что за чудо! Только что здесь ни души не было, а теперь, откуда ни возьмись, явилась на берегу озера молодая девушка. Магосиро такие красавицы и во сне не снились!

Девушка, ласково улыбаясь, поманила его рукой. И вдруг Магосиро почувствовал, что ноги сами несут его к озеру. «Ах, пропал я! Засосет меня озерная топь!»— в страхе подумал он, но не мог противиться невидимой силе. Шаг за шагом шел он к берегу, точно тянул его кто-то силой, и остановился перед девушкой.

Склонилась она перед ним в вежливом поклоне и повела такую речь:

— Магосиро-доно, у меня к тебе большая просьба. Слышала я, что твои односельчане собираются в скором времени идти на поклонение к храмам Исэ. Пойдешь ли ты с ними?

При этих словах у Магосиро отлегло от сердца.

— Где уж мне, бедняку, откуда у меня деньги,— ответил он.

— Об этом не заботься, будут у тебя деньги. Только обещаю мне исполнить одну просьбу.—И девушка грустно поникла головой.—Сказать по правде, я—водяная дева, живу на дне этого озера. Тоскливо мне, одиноко... Еще в раннем детстве была я разлучена с моей любимой старшей сестрой. Живет она в озере Ко, далеко отсюда, возле города Осака. Давно нет у меня от нее вестей, и я тревожусь, как она, что с ней. Очень бы мне хотелось, чтобы ты отнес ей письмо от меня, как пойдешь на поклонение в Исэ. Прошу тебя, не откажи мне...

Добряк Магосиро готов был исполнить просьбу девушки, не спрашивая с нее никакой награды.

— Что ж, пожалуй, отнесу письмо. Вот только отпустит ли жена... Она у меня несговорчивая.

— Отпросись у нее и пойдти непременно. Вся моя надежда— на доброту твою.

Девушка достала из-за пазухи письмо и кошелек:

— Вот тебе чудесный кошелек. В нем ровно сто монет. Потратишь все монеты, кроме последней, а к утру кошелек опять станет полон. Кошелек будет верно служить тебе, пока ты не вернешься домой. Не забудь же: последнюю монету тратить нельзя.

Потом водяная дева рассказала, как найти озеро Ко и какой знак надо подать возле озера.

— Прощай же, доброго пути! Но остерегись рассказывать кому-нибудь о том, что здесь видел и слышал.

С этими словами дева озера вдруг пропала из глаз, словно никогда ее и не было. Только легкие круги побежали по воде, и

тихо заколебались на волнах белые утренние облака. Магосиро протер глаза, словно от сна очнулся.

Кругом было пустынно, лишь две вороны с громким карканьем пролетели по небу. Но ведь в руках у него остались письмо и кошелек,— значит, это был не сон!

Постоял-постоял Магосиро, постоял, но ведь пора и за работу браться. Неласково встретит его жена, если он запоздает. И Магосиро поспешно схватил кошу в руки.

Вскоре люди из его деревни собрались большой компанией идти на поклонение к храмам Исэ. Захотел и Магосиро пойти с ними. Услышала об этом жена и давай кричать:

— Не дам тебе денег! Дохни в дороге с голоду!

Долго Магосиро уговаривал жену и так и этак, насилу упросил отпустить его. Само собой, он не сказал жене, что дева озера дала ему чудесный кошелек.

Не пришлось Магосиро заботиться в пути о деньгах. Потратит все монеты, кроме одной—последней, а к утру кошелек опять полон. Но Магосиро не только о себе думал. Многим путникам помог он в нужде, на каждом привале кормил голодных.

Посетил Магосиро вместе со своими односельчанами храмы Исэ, побывал с ними и в городе Осака, а уж оттуда пошел один к озеру Ко. Лежит оно к северо-западу от Осака, у подножия горы Нагано:

С давних пор ходили об этом озере страшные рассказы—живет-де в нем нечисть,—и местные люди очень его боялись. Магосиро смело подошел к самому берегу и три раза громко хлопнул в ладоши, как водяная дева его учила. Вдруг в глубине озера что-то засверкало, и к берегу побежала золотая полоса. Разбилась она в золотые брызги, и очутилась перед Магосиро милой девушка дивной красоты.

Читает девушка письмо, радостными слезами заливается:

— О, какое счастье! Благодаря тебе я получила весть от своей младшей сестры, с которой так давно разлучена. Не согласишься ли ты отнести ей мое ответное письмо? Как она была бы рада!

Магосиро кивнул головой в знак согласия.

— Тогда подожди немного,—сказала девушка и исчезла в волнах. Когда же она вновь вышла на берег, вслед за ней из глубины озера поднялось белое облако и побежало к берегу. Вдруг из воды с громким плеском выплыл конь, белый как снег.

Девушка вручила Магосиро ответное письмо.

— Прошу тебя, передай его моей сестре! Из-за меня ты отстал от своих односельчан, но на этом коне ты очень быстро их нагонишь. Только не открывай глаза, пока конь не остановится.

Магосиро вскочил на коня, крепко ухватился за гриву и зажмурился. Конь громко заржал, сделал два-три скачка и вдруг

птицею взвился в воздух. Магосиро чувствовал, что они летят высоко-высоко в небе, только ветер в ушах свистит.

Наконец копыта громко застучали по земле, и конь стал как вкопанный. Магосиро открыл глаза. Перед ним был чайный домик на каком-то горном перевале. На шум из чайного домика выбежали люди. Это были дорожные товарищи Магосиро. Они забросали его вопросами:

— Как ты сюда попал? Откуда ты?словно с неба свалился...

Удивился и хозяин чайного домика:

— И правда, откуда ты? В той стороне лежат непроходимые горы. Нет через них пути. Как же ты один мог пройти там, где человеческая нога не ступала?

Магосиро словно во сне бормотал что-то невнятное... Так и не добились от него толку.

Вернувшись в свою деревню, он на другое же утро первым делом поспешил к озеру возле горы Мономи и три раза громко хлопнул в ладоши. Заходили по озеру волны, засверкала золотая пена, видит Магосиро: на берегу прекрасная девушка стоит.

Поблагодарил Магосиро деву озера и передал ей письмо от сестры. Обрадовалась водяная дева и в награду подарила Магосиро маленькую каменную мельницу. Но при этом сказала:

— Каждый день клади в эту мельницу одно рисовое зернышко. Повернешь один раз жернов—и зернышко станет золотым. Но смотри, не сыпь в ступку много рисовых зерен зараз и не поворачивай жернов два раза в один и тот же день.

Магосиро поставил чудесную мельницу на алтарь. Каждый день мельница дарила ему одно золотое зернышко. Понемногу он стал богатеть.

Но злой жене все было мало. Известно: неблагодарный человек—что дырявое ведро.

— Подумаешь, одно зернышко! Не умеет дурак намолотить побольше... Погоди же, я сама возьмусь за дело!—ворчала она.

Однажды, когда Магосиро ушел из дома, жена всыпала в мельницу целую миску рисовых зерен и давай вертеть жернов, только грохот пошел!

Вдруг мельница скатилась с алтаря—и за дверь! Напрасно гналась за ней жена. Мельница быстро-быстро катилась с горки на горку и—плюх!—упала в озеро, только круги пошли.

Так и пропала.

162

Тэнгу
и мальчик-
служка

Давным-давно это случилось.

В одном буддийском храме настоятель был большой охотник выпить. Что ни день, посылал он мальчика-служку в винную лавку купить сакэ.

Купит мальчик сакэ и возгласит перед воротами храма:

— О-тэнгу-сама¹, вот тебе приношение. А остаток — настоятелю угощение.

Услышал настоятель и спрашивает:

— Служка, служка, ты с кем говорил? Ведь ты пришел один.

— Ничего я не говорил.

— Вот как! Значит, мне послышалось.

На другой день настоятель снова приказал:

— Служка, служка, живо сбегай, принеси сакэ.

Мальчик принес сакэ и опять перед воротами возглашает:

— О-тэнгу-сама, вот тебе приношение. А остаток — настоятелю угощение.

Так каждый день он не забывал угостить тэнгу.

В один погожий день настоятель говорит:

— Служка, служка, сегодня я уйду по делам моего прихода, ты останешься храм сторожить. Смотри, никуда не смей отлучаться для пустых забав. Выполни всю траву возле храма да сторожи хорошенько. Храм всегда надо содержать в чистоте и оберегать, понял?

Весь широкий двор густо зарос травой. Стоит мальчик в раздумье: трудную работу задал настоятель.

Вдруг громко захлопали крылья. Прилетел тэнгу из глубины гор и спустился на землю прямо перед мальчиком.

— Служка, служка, зачем ты в такой прекрасный день двор убираешь?

— Настоятель мне велел всю траву выполоть.

— Ты хороший малый. Каждый день меня вином угощаешь. Сегодня в столице праздник Гион². Мы, тэнгу, собираемся туда поглядеть на представление. Садись ко мне на спину, — пригласил тэнгу.

— Да ведь настоятель велел мне траву полоть. Нет, не могу я отправиться в Киото, о-тэнгу-сама. Когда-нибудь в другой раз.

— Нет, нынче же, непременно. Я должен отплатить тебе за твое добро. Покажу тебе, как весело на улицах Киото. А сейчас завяжу тебе глаза. Ну, держись!

Завязал тэнгу служке глаза и посадил его на спину, а потом зашагал вперед — топ-топ-топ — и вдруг взлетел в небо. Со страшной быстротой мчался он по небу и опустился на землю возле моста Годзе.

— Здесь самое людное место в Киото. Это знаменитый мост, полюбуйся. А праздник Гион с древних времен справляется в знаменитом храме. Все жители Киото собираются поглядеть на представление, и ты посмотришь.

Тэнгу показал мальчику столицу, все красивые и знаменитые места, и на празднике они побывали. Вечером купил тэнгу в лавке столичное лакомство: гион-удон³.

— Вернешься домой с этим гостинцем, и тогда тебе поверят, что ты в самом деле побывал в Киото.

Потом он снова завязал служке глаза и отнес его к храму.

Настоятель как раз воротился.

— Ах ты бездельник! Где ты пропадал? Велел тебе всю траву выполоть, а ты шлялся весь день. Даже ужина не приготовил. Говори, где тебя носило?

— Ах, почтенный настоятель, о-тэнгу-сама взял меня с собой на праздник Гион в столице, загляделся я и запоздал маленько...

— Ты что несешь несуразицу? Разве отсюда, из деревни, можно увидеть праздник в столице?

— Да ведь о-тэнгу-сама посадил меня на спину и отнес туда. Вот вам гостинец: удон из Киото.

— Так вот, значит, почему ты все время лопотал что-то перед воротами: о-тэнгу-сама вином угощал! Служка, служка, хоть о-тэнгу-сама божество из самых низших, но и его надо почитать.

С тех пор мальчик продолжал безнаказанно каждый день угощать тэнгу вином.

163

Поправляя

В прежние времена холм Хоккэдзака возле города Кумамото был тихим и пустынным местом. Как-то раз прошел слух, что там появляется ведьма-оборотень.

На самой вершине холма и у его подножия стояло по чайному домику; они были очень похожи. Каждый путник, раньше чем попасть в Кумамото, непременно заходил в чайный домик на вершине холма. Попивая горячий чай, радостный и веселый, он поглядывал вниз на город. А покидая Кумамото, путник непременно заходил в домик у подножия холма и за чашкой чаю мысленно прощался с городом.

Как-то раз один человек дал обет посетить тысячу храмов. После долгих скитаний шел он в Кумамото. На вершине холма паломник остановился и вздохнул с облегчением, увидев внизу крыши города. «Дай немного отдохну», — подумал он и зашел в чайный домик.

Видит паломник: в глубине дома стоит спиной к нему какая-то женщина и трудится над чем-то. Попросил путник у нее, поправляя завязки на своих дорожных сандалиях:

— Хозяйка, дай мне чего-нибудь горячего.

— Сейчас, сейчас, — отозвалась женщина не оборачиваясь.

Захотелось паломнику с ней поговорить. Тут пришел ему на память услышанный им в дороге рассказ.

— Послушай, хозяйка, это ведь холм Хоккэдзака?

— Да, как же, как же, он самый и есть.

— Слышал я, что в прежнее время здесь ведьма-оборотень водилась. Ну, а теперь появляется она здесь?

— Появляется, частенько ее видят!

— Хо! Скажите! Ну, а какова она видом?—спрашивает любопытный паломник, поглядывая на хозяйку.

— Ведьма-то? Какова она видом? А вот такая!—И с этими словами круто повернулась к гостю.

Взглянул он на нее и, завопив от ужаса, бросился вон из чайного домика, забыв о своем дорожном мешке. У женщины вместо лица был, что называется, ноппэрапон—гладкий шар без единой отметины. Не было на нем ни глаз, ни бровей, ни рта, ни носа.

Мчится паломник вниз по холму. Добежал до подножия и влетел почти без памяти в другой чайный домик. Задыхаясь, ухватился он за столб посреди домика, опомнился немного и кое-как добрал до скамейки. Смотрит: и здесь спиной к входу стоит какая-то женщина и трудится над чем-то.

Стал он ей рассказывать дрожащим голосом про то, что с ним случилось:

— Ах, и набрался же я страху! Первый раз в жизни видел ведьму. А ты, хозяйюшка, неужели не боишься жить в таком страшном месте?

— Я-то? Вот уж несколько,—отвечает женщина не оборачиваясь.

— Неужели? А я так чуть не умер от страха. Стоит вспонить, так сразу холод пробирает.

Вдруг женщина спросила:

— А ведьма эта, поди, на меня похожа?—и повернулась к путнику. Взглянул он на хозяйку, а у нее тоже вместо лица—ноппэрапон—ни глаз, ни рта, ни носа, словно рыбий пузырь на шее качается.

У путника от ужаса волосы встали дыбом. Трясаясь всем телом, стуча зубами, выскочил он опроретью из чайного домика и помчался к городу, прочь от страшного холма.

А вот что еще рассказывают в городе Кумамото. Возле храма Хоммэджи есть пустынная поляна. Как-то раз поздно ночью шел по ней один человек с фонарем в руках. И попался навстречу ему паломник.

— Постой минутку, посвети мне фонарем,—просит паломник.

— Зачем тебе?

— Да у меня ноговицы спустились, надо их хорошенько подтянуть.

— Что ж, посвечу, дело нетрудное.

Поднес прохожий фонарь к самым ногам паломника, а у того на голых икрах множество страшных глаз так и сверкают. Уставились они все, не мигая, на него. Кинулся прохожий бежать. Бежал, бежал, вдруг увидел одинокий домик. То была харчевня, где по ночам лапшой торгуют. Бросился прохожий к хозяину харчевни, от страха так в него и вцепился.

— Что с тобой стряслось?—спрашивает хозяин.

— Ах, ужас такой, опомниться не могу! Встретил я сейчас паломника. Попросил он посветить ему фонарем: дескать, ноговицы у него спустились. Посветил я ему, а у него на голых икрах всюду глаза, глаза... И все сразу на меня вытаращились! И не помню, как сюда добежал!—задыхаясь, рассказывает прохожий.

— Вытаращились, говоришь? Вот так или еще сильнее?

Тут хозяин обнажил свои ноги и показал их прохожему.

Взглянул прохожий—а у хозяина на икрах тоже сверкают страшным светом множество глаз—еще страшнее, чем у паломника.

Тут, говорят, подкосились у прохожего ноги. Упал он и только к утру опомнился.

Вот что в старину бывало.

164

Каменный
Дзидзо
со шляпой
на голове

Жили в старину бедняк с женой. Наступил канун Нового года, но нет у них ничего на ужин, нечем проводить старый год.

Жена и присоветовала:

— Напряла я тяжкими трудами пряжу-окасэ из крапивы, продай два мотка и купи риса.

Взял бедняк пряжу и пошел продавать. Исходил весь город, и Нижний и Верхний, потряхивая мотками:

— А вот пряжа-окасэ! Кому надо окасэ? Окасэ! Окасэ!

Торговля перед праздником шла бойко, но никто даже не взглянул на пряжу из крапивы. Неходовой, видно, товар. Но бедняк все равно до самого вечера ходил по городу и кричал во весь голос:

— А вот пряжа-окасэ! Окасэ! Окасэ!

Все впустую, не нашлось покупателей. Медленно побрел он из города, и на самой окраине повстречался ему старик. Несет старик плетеные шляпы-каса от дождя и снега и тоже кричит изо всей мочи:

— А вот шляпа-каса! Каса, каса!

— А вот пряжа-окасэ! Окасэ, окасэ!

— Каса, каса!

— Окасэ! Окасэ!

Сошлись они лицом к лицу, поглядели друг на друга.

Старик осерчал немного:

— Эй, парень, ты и сам ничего не продаешь, и от других покупателей отпугиваешь! Что, не идет торговлишка?

— Да, нет спроса,—усмехнулся бедняк.

— Вот оно что! Видно, в канун Нового года никто не польстится на наш товар. Я вот тоже целый день брожу, горло надсадил, охрип, а ничего не продал,—посоветовал старик.

— Да, все хотят купить рыбы или риса.

Поглядел бедняк на лавчонки по обе стороны улицы, где раскупали нарасхват всякую снедь, и громко захохотал.

— Тут не до смеху,—с огорчением попенял ему старик.— Нет у тебя сочувствия к чужому горю. Посуди сам, как я вернусь домой с нераспроданным товаром? Хорошее начало для Нового года—такая неудача! Давай лучше обменяемся: ты мне пряжу, а я тебе плетеную шляпу. Хоть принесем домой что-то новое на счастье.

— А ведь и правда, так лучше,—согласился бедняк. Взял он в обмен плетеную шляпу и пошел дальше.

Но вот посыпал снег, поднялась метель. Видит он—темнеет в открытом поле каменный Дзидзо¹.

— Надо же, в такой холод, в такую метель стоит, бедняга, совсем нагой! Снег ему на голову сыплется... Озяб, верно, Дзидзо-сама,—сказал про себя бедняк и надел широкую шляпу на голову Дзидзо.

А дома жена поджидает с нетерпением, когда же вернется муженек, рису принесет, чтобы можно было новогодний ужин приготовить. Уже в потемках вернулся муж с пустыми руками и стал рассказывать:

— Не продал я пряжу. Обменял ее у одного старика на плетеную шляпу, да увидел, стоит на дороге каменный Дзидзо-сама, зябнет под снегом. Я и надел шляпу ему на голову.

Не упрекать стала жена, а ласково утешать:

— Шляпа-то нынешним вечером нам и вовсе не нужна. Вот и хорошо, что ты подарил ее милостивому Дзидзо.

Без ужина сумерничать не в радость, и муж с женой рано улеглись спать. Посреди ночи проснулись: как страшно бушует метель!

Вдруг вой ветра утих и послышались грузные шаги, будто тащит кто-то тяжелую ношу.

— Кто б это мог быть? В такую пору!—толкуют меж собой бедняк и его жена.

А шаги все ближе и ближе... Путник идет к их дому. Изумились муж с женой, подняли головы.

Вдруг кто-то громко крикнул:

— Спасибо за драгоценный подарок!

Бух!—ночной посетитель сбросил тяжелую ношу у самых дверей.

Выглянули муж с женой. Лежит возле дома большой мешок, а вдали исчезает за пеленой метели каменный Дзидзо с широкой шляпой на голове.

Открыли мешок, смотрят—а он битком набит золотыми монетами.

В старину это было, в далекую старину.

Один человек торговал рыбой вразнос. Как-то раз полил сильный дождь. Вдруг разносчик заметил, что одного муравья вот-вот унесет потоком воды. Держится он лапками за сосновую иглу, а гибель подступает к нему все ближе.

У разносчика сердце было доброе:

— Эх ты, бедняга, жаль мне тебя!

Протянул он муравью конец своего коромысла и вызволил его из беды.

На другой день опять идет разносчик этой же дорогой. Вдруг, откуда ни возьмись, вырос перед ним человек огромного роста и говорит:

— Вчера ты спас муравья. Великое тебе спасибо! Мы хотим тебя отблагодарить. Следуй за мной!

— А куда идти-то?

— Я покажу тебе дорогу.

Пошел великан вперед и вдруг остановился перед крошечной дыркой в земле. Показал он на нее рукой:

— Полежай туда!

Разносчик так и оторопел:

— Куда, в эту махонькую дырку? Да как же в нее влезть?

— А ты зажмури глаза покрепче, остальное—не твоя забота.

Послушался разносчик, зажмурил глаза. А когда открыл их, то показалось ему, что он в райском саду.

Цветут кругом цветы всех четырех времен года—красные, белые, желтые, лиловые. Над цветами пестрые бабочки летают невиданной красоты. В воздухе разлит сладкий аромат. А поодаль сверкает сквозь легкое покрывало весенней дымки великолепный замок. Замер неволью на месте разносчик и спрашивает:

— Чей это замок?

— Я тебя провожу туда,—ответил великан. — Это замок Повелителя муравьев.

В тот же миг очутились они в замке. Ласково принял разносчика Повелитель муравьев. Гостю подали роскошные яства, а девушки-муравьи позабавили его веселыми плясками.

— Возьми эти дары в благодарность за спасение моего кэрая,—сказал Повелитель муравьев и подарил разносчику великолепный наряд из шелка.

— Стоит только махнуть рукавом этого халата—и получишь все, что пожелаешь. Но смотри, никому его не показывай, не то лишится он своей чудесной силы.

С той поры уже не надо было разносчику торговать рыбой.

Стоило только махнуть рукавом чудесного халата и пожелать чего-нибудь, как все вдруг появлялось: и деньги, и платье, и вкусная еда. Богато зажил разносчик в новом, прекрасном доме.

Как-то раз, когда муж ушел из дома, стала жена разносчика прибирать в чулане и заметила какой-то ларец. Откуда только он взялся? Открыла она его — а в нем нарядный узорчатый халат. Разобрала жену ревность.

«Уж наверно,— думает она,— принес муж этот наряд из какого-нибудь дурного дома, вот и прячет от меня. Ну погоди же, я проучу тебя! Узнаешь, как ходить к продажным красоткам!» Бросила она драгоценный наряд в очаг. И тут пламя ярко вспыхнуло и расстелилось по полу, как циновка. Все сразу занялось, запылало и сгорело дотла: новый хороший дом, одежда и утварь.

Вернулся разносчик, а вместо дома — пепелище. Стоит жена возле дымящихся углей и горько плачет:

— Большую беду натворила я, муж мой! Нечаянно, сама не знаю как, сожгла весь дом.

— Как, неужели все сгорело дотла? Но хоть ларчик успела ты вынести из огня? Тот, что стоял в углу чулана?

— Нет, он сгорел самым первым.

Разносчик только вздохнул:

— Ну, тогда все пропало! Не взмахнешь рукавом, которого нет.

166

Как впервые
выпал снег

В глубокой древности страна Аидзу¹ не знала ни снега, ни зимнего холода. Круглый год там было тепло.

Однажды пришел туда с севера какой-то бродячий монах. В одной руке у него был посох, а в другой — широкий зонт. Устал он и решил отдохнуть в чайном домике. А там народу полным-полно. Уже долгие часы совещаются между собой крестьяне этого села, а ничего придумать не могут. У всех тревога на лицах написана.

Понял монах, что дело нешуточное, и захотелось ему помочь людям.

— Вижу я, вы сильно чем-то озабочены. Скажите, что за беда у вас случилась?

Отвечают ему крестьяне:

— Получили мы бумагу, что прибудет завтра в нашу деревню с досмотром сам владетельный господин здешних земель. И содержится в этой бумаге вот какой строгий приказ: «Чисто-начисто все прибрать, чтобы господин ни единой пылинки не заметил ни по дороге в деревню, ни в самой деревне. Ничто не должно оскорбить его взора». А в других деревнях, мы знаем, не сумели выполнить этот приказ, и вот кого мечом

на смерть зарубили, кого в темницу бросили, а кому оброк удвоили. Всюду плач и стоны, и у нас в деревне тоже великое смятение. Совсем мы голову потеряли: ведь времени-то на уборку почти не осталось! Что тут придумаешь!

— Хо-хо, в самом деле, вот неожиданность,— улыбнулся монах,— словно птица из-под ног выпорхнула. Досадное дело!

Поразмыслил он немного и сказал:

— Не тревожьтесь, я придумал, как избыть беду. Прежде всего надо, чтоб завтра ударили сильные холода. Самый придирчивый господин скрючится тогда в глубине своего паланкина и даже носа наружу не высунет. А если все-таки выглянет, и тут я могу помочь. Знаете ли вы, что такое снег? Он холодный-холодный, но белый и красивый. Засыплет снег всю деревню, заметет поля и горы... Как господин ваш ни строг, но и ему будет не к чему придраться. Успокойтесь же, ничего худого с вами не случится.

Он говорил так уверенно, с такой добротой, что крестьяне удивились и обрадовались. Успокоенные, разошлись они по домам, толкуя о том, что такое «снег» и на что он похож.

На другой день все в деревне проснулось раньше обычного. Стали вставать крестьяне с постели, и вдруг их обдало небывалым холодом. Вот это был холод! Кожа на руках и ногах, того и гляди, потрескается. Вышли они из дома и ахнули! Неужели это снег, тот самый снег, о котором вчера рассказывал монах в чайном домике?

И поля, и горы, и дома, и деревья, и дороги—все кругом белым-бело стало, а с неба все падают и падают белые хлопья. Вся деревня, и стар и млад, высыпала на улицу, позабыв о лютом холоде. Люди кричали и шумели, бегали и прыгали, ловили снежинки и дивились на них.

А между тем прибыло известие, что господин сегодня с осмотром не приедет. Крестьяне на радостях побежали к дому старосты, где остановился на ночь бродячий монах.

Но куда же он девался? Видят—постель его пуста, а сам он исчез бесследно. Так и не нашли.

Говорят, это Снег и был. Впервые посетил он тогда Аидзу. С тех пор там привыкли к снегу и полюбили его. В краю Аидзу и родилась пословица: «Большие снега—хороший урожай».

167

Жена,
которая
ничего
не ест

В старину жил где-то немолодой холостяк. Он так долго не брал себе жены, что друзья стали уговаривать его:

— Не пора ли тебе жениться в добрый час? Взять хозяйку в дом.

Но он всегда отвечал им:

— А я не тороплюсь. Найдите мне жену,

которая ничего не ест, и тогда можете мне ее сосватать, я согласен.

Однажды под вечер к нему пришла красивая девушка и попросилась на ночлег:

— Меня застала ночь в дороге, идти мне еще далеко, а я выбилась из сил. Так устала! Позволь мне пробить в твоём доме до утра.

— Пожалуйста, можешь переночевать, но накормить тебя мне нечем.

— Не беда, я никогда ничего в рот не беру,—ответила девушка. —Только пусти меня на ночлег.

Но девушка на другое утро не ушла. Начала она хозяйничать и так приглянулась одинокому холостяку, что он на ней женился. Была она заботливая женщина, хорошо готовила, сама ни крупиночки риса не съест.

Но как же можно всегда голодать? Муж стал уговаривать ее поесть хоть немножко. А жена отнекивается: с нее довольно-де запаха еды, она и тем сыта.

Муж подумал, что в целом свете нет такой замечательной жены, и стал хвастаться своим друзьям. Но никто ему не поверил. А самый близкий друг покачал головой:

— Э, неужели ты ничего не приметил? Твоя жена—не человек. Будь начеку.

— Пустое! Не верю!—усомнился муж.

— Только ты один ничего не ведаешь. По всей деревне пошла громкая молва. Да разве найдется во всем мире такой человек, чтобы ничего не ел? Ты сделай вид, будто хочешь уехать куда-то, а сам заберись на чердак и оттуда подгляди за своей женой. Что-то тут неладно.

Вот однажды муж сказал, что едет в город:

— Нынче ночью не вернусь, не жди меня. —А сам отошел от дома всего на один тѐ, потихоньку вернулся и забрался на чердак.

Осталась жена его одна в доме. Начала она промывать рисовые зерна, развела в очаге сильный огонь и сварила рис. А потом приготовила тридцать три больших нигиримэси, принесла из кухни несколько скумбрий и поджарила. Расселась она поудобней, задрав одно колено кверху, волосы космами распустила.

Смотрит муж—а жена вдруг раздвинула огромную пасть и стала бросать туда нигиримэси и жареную рыбу. У него от страха печень оборвалась. Слез он с чердака и побежал к своему другу.

— Ну что, видал?—сказал тот. —Возвращайся-ка домой и сделай вид, будто ничего не знаешь.

Вернулся муж, а жена жалуется, что у нее голова разболелась.

— С чего бы это?—спрашивает муж.

А она ему отвечает так вкрадчиво, будто кошка мурлычет:

— Так, ни с чего, просто занемогла.

— Не худо бы все же полечиться. Ты лекарство прими или прочти молитву, что ли.

— Ах, уж и не знаю!— заохала жена, но такое страшное у нее сделалось лицо, вот-вот набросится.

— Ну, раз так, я пойду, пожалуй, призову заклинателя.

Муж побежал со всех ног к своему другу и вернулся с ним домой.

— Это кара за грехи,— запричитал друг. — Кара за тридцать три нигиримэси, кара за жареные скумбрии, небесная кара...

Жена, услышав это, вскочила с постели:

— Я вам сейчас обоим покажу!— Набросилась она на мужа на друга и в один миг сожрала его, начиная с головы.

Муж в страхе и трепете попробовал было убежать, но чертовка поймала его, посадила себе на голову так легко, словно котенка, и помчалась в глубь гор. Бежала она быстрее зайца через горы, через луга. Наконец посреди густой чащи увидел несчастный перед собой ветку дерева и за нее ухватился. Чертовка это не заметила и вихрем умчалась дальше.

Муж спустился с дерева и спрятался в зарослях айра и чернобыльника.

Скоро чертовка вернулась:

— Ты где прячешься? Не убежишь от меня!— и хотела было его схватить, но вдруг отпрянула назад.

— О проклятие! Айр и чернобыльник страшнее любого яда!¹— заголосила она.— Прикоснуться к ним— для меня смерть. Твое счастье, не то я б тебя сожрала с потрохами.

«Спасен!»— подумал муж. Он стал рвать айр и чернобыльник и бросать охапки в чертовку. Яд отравил ее, и она погибла.

Вот что случилось в старину.

168

Жена-
Ледяница
и
Снежная
жена

Жил в старину боббль. Как-то раз залюбовался он ледяной сосулькой, что висела на застрехе, и сказал, не подумав:

— До чего красива! Вот бы мне такую жену: тонкую, стройную и прекрасную.

Поздно вечером кто-то постучался в дверь.

— Кто там?

— Это я, давешняя ледышка,— отозвался голос.

Боббль отпер дверь.

— О, заходи! Зачем пришла?

— Ты же любовался мной, говорил, что хочешь в жены взять. Разве я тебе не по сердцу?

— Да ты, что и говорить, красавица. Очень даже мне по сердцу.

Принял он ее в дом и на ней женился.

Жена-Ледяница не любила горячей воды. Сколько дней прошло, а она ни разу не искупалась в чане.

Пошел муж к соседке и просит:

— Уговори мою жену искупаться в горячей воде.

Не захотела жена-Ледяница мыться в чане, но соседка настояла на своем. Пошла Ледяница в комнату, где чан стоит.

Прошло немало времени, все тихо, ни звука. Встревожился муж, заглянул в комнату — а там никого, пусто! Только плавают в чане гребешок и головные шпильки.

Послушайте теперь рассказ о Снежной жене.

В старину жил молодой человек, еще неженатый. Однажды в зимний метельный вечер послышалось ему: кто-то подошел к дому. Открыл он дверь и увидел: упала без сил и лежит на снегу незнакомая девушка.

— Что с тобой? Что случилось?

Поспешил он на помощь к незнакомке, привел ее в дом. Была она очень красива, и юноша взял ее в жены. Дружно и счастливо зажила молодая чета. Но настала весна, повеяло теплом, и стала молодая жена на глазах худеть и чахнуть.

Однажды заявили к мужу его приятели, стали попивать сакэ, а жена пошла на кухню. Нет ее и нет! Наконец позвал муж свою жену. В ответ ни звука. Заглянул он в кухню узнать, в чем дело. Глядь — перед очагом лежит одежда жены, мокрая, хоть выжимай, в лужице воды: все, что осталось от Снежной жены.

169

Жалобы уточки

Давно-давно жил в горной деревушке охотник по имени Дзюбэй. Этот Дзюбэй-сан был самый искусный стрелок во всей деревне. Про него говорили, что он одним выстрелом убивает любую дичину — будь то медведь или кабан, заяц или малая птица.

Вот однажды отправился Дзюбэй в горы на охоту. Но выдался несчастливый день. Не попались ему на глаза ни фазан, ни заяц. Весь день скитался Дзюбэй по горам и порядком устал. Уныло стал он спускаться в долину. Досада взяла его, что приходится идти домой с пустыми руками.

Вдруг видит: в пруду возле деревни резвятся утка и селезень. Никогда раньше Дзюбэй не стрелял уток, но на этот раз подумал: «Ладно уж, все-таки добыча!»

Прицелился он, выстрелил и попал в цель: убил селезня, а утка — видно, спугнул ее выстрел — скрылась куда-то. Стал Дзюбэй зорко осматривать окрестности, но уточку так и не нашел. Закинул он селезня на плечо и пошел домой.

В ту же ночь увидел Дзюбэй странный сон. Появилась у его изголовья незнакомая красавица и заговорила, жалобно стеная:

— Дзюбэй-сан, зачем ты убил моего мужа? Мы с ним мирно жили на пруду в любви и согласии. Никому зла не сделали. Зачем же ты так жестоко убил моего супруга?

Дзюбэй не знал, сон это или явь. Постепенно он очнулся от дремоты и стал ясно различать слова женщины:

— Дзюбэй-сан, теперь, когда ты убил моего любимого мужа, я уже не хочу жить на свете. Приходи завтра утром на берег пруда. Там ты увидишь, как сильно я печалюсь. Непременно приходи! Я приняла человеческий облик, чтобы ты услышал мои жалобы.

Дзюбэй стал удерживать женщину, но она, не слушая его, исчезла в темной глубине двора. Он не мог понять, явь это или сон, но казалось ему—во мгле забелело что-то, словно бы смутный женский облик.

Всю ночь он глаз не сомкнул, а наутро побрел к пруду с мыслью: «Нет, не простой это сон!» Будто какая-то сила влекла его туда.

Смотрит он: плывет уточка. Только завидела Дзюбэя, как замерла на месте и стала пристально глядеть на него, словно бы с гневным укором, а потом вдруг начала яростно терзать себя клювом и на глазах Дзюбэя рассталась с жизнью.

Глядя на воду, окрашенную кровью уточки, Дзюбэй-сан лишился чувств. С тех пор он никогда больше не брал в руки ружье.

170

Бог
бедности

В старину жили в какой-то деревне молодые муж с женой. Жена была беспечна и нерадива. Попили чаю—опивки выльет перед очагом, поели рису—бросит объедки. Ничего мудреного, что пожаловал в этот дом бог бедности и поселился в нем¹.

Стали муж с женой жить все беднее и беднее и понемногу впали в полную нищету.

Новый год наступает, но не толкут они рис для праздничных моти. Ничего-то у них в доме нет. Ума не приложат, как помочь горю.

Но вот пришел канун Нового года. Нечем даже очаг растопить. Бедняк и говорит:

— Одно остается: выломаю из пола доски и сплужу в очаге.

Выломал он доски из пола и разжег огонь. Но тут в глубине дома послышался шорох. Шевелится там кто-то. Удивились муж с женой: кто б это мог быть? Видят—спрятался в углу старик в грязных лохмотьях. Бедняк было замахнулся на старика горячей доской, а тот жалобно просит:

— Дозвольте мне погреться у очага.

Сжалился бедняк и позволил старику погреться. В благодарность старик поведаль:

— Я ведь бог бедности. Живу в твоём доме вольготно уже восемь лет. Вот и уплыл твой достаток. А все отчего? Хозяйка твоя нерадива, опивки и объедки бросает перед самым очагом. Это мне по нутру, вот я у вас и поселился. Хочешь, чтобы богатство пришло в твой дом, прогони жену.

Послушался бедняк и отослал жену обратно, в её родной дом.

Начал бог бедности наставлять бедняка:

— Ступай в город, купи сакэ.

— Да у меня и бутылки-то нет.

— Пойди в посудную лавку, купи.

Купил бедняк, как ему было велено, бутылку, наполнил её вином. Деньги-то на покупку дал старик. Выпили они вдвоем вина.

— Нынче канун Нового года,— говорит старик.— Подожди у своих ворот и услышишь крики: «Ниц! Падите ниц!» Понесут мимо твоего дома паланкин с князем. И тут ты не плошай. Возьми длинный шест, нацелься в самую середку паланкина и ударь князя, да посильней!

— Какой страх!— испугался бедняк.— Пропала тогда моя голова. Ударить князя! Мыслимо ли!

— Это для тебя единственный случай разбогатеть,— молвил бог бедности.— Не оплошай же!

Подумал бедняк, что негоже послушаться бога, взял длинный шест и начал поджидать у ворот.

И вправду, идет торжественное шествие. Засверкало вдали множество фонарей, несут княжеский паланкин. Как поравнялся паланкин с домом бедняка, нацелился бедняк, ударил— да промахнулся! Не попал в середку паланкина, а ударил передового воина. Упал воин за смертью, а паланкин проплыл мимо. Поглядел бедняк на убитого— видит груды медяков.

Досада его взяла. Появился тут бог бедности и спрашивает его:

— Почему же ты не ударил самого князя? Ну да ничего, не печалься. В первый вечер Нового года князя понесут назад в паланкине. Бей на этот раз в самую цель, да смотри не промахнись!

Стал бедняк снова поджидать у ворот. Вот засверкали огни фонарей, послышались крики. Несут, несут княжеский паланкин! Нацелился бедняк получше и нанес удар шестом в самую середку паланкина.

И тут словно рухнуло что-то с грохотом. Посыпались из паланкина золотые монеты.

Подобрал их бедняк с земли и стал богачом.

**Если б
не крикнул
фазан**

В старину это было. На реке никак не удавалось починить плотину. Только починят, как поднимется большая вода и снесет ее. Собрались поселяне и начали совещаться. Один и скажи:

— Надо бы принести человека в жертву, чтобы плотина стояла крепко¹.

— Кого же?

— У кого платье с продольными полосками залатано лоскутом с поперечными, того и закопайте в землю.

Тут кто-то приметил:

— Да ведь на тебе самом в точности такое платье.

И верно! На том, кто посоветовал принести человека в жертву, платье с продольными полосками залатано лоскутом с поперечными полосками. Его самого и принесли в жертву. С тех пор плотина больше не рушилась.

Осталась после него дочь-сирота, и отдали ее замуж в дальнее селение. Молчит она и молчит, слова не вымолвит, только разве отзовется: «Да, да!»

Муж разгневался:

— Ты все равно что немая. Ступай себе назад в свою деревню,— и пошел ее проводить.

Когда проходили через луг, в траве громко закричал фазан. Вдруг, откуда ни возьмись,— охотник. Вскинул ружье и подстрелил фазана. Увидев это, молодая жена сложила стихи:

*В мире неверном
Остерегайся сказать
Лишнее слово.
Если б не крикнул фазан,
Он бы остался в живых.*

— А-а, ведь и правда! Отец твой сболтнул лишнее, вот и принесли его в жертву. Ты боишься сказать пустое и потому не говоришь ни слова. Теперь я тебя понял, ты достойна похвалы,— сказал муж и снова повел ее к себе в дом.

Нельзя болтать понапрасну. Не ровен час, наживешь беду.

**Волосок
из волчьей
брови**

В старину один человек дошел до крайней бедности. Не было у него за душой ничего. «Чем дальше так жить, пусть лучше меня волки сожрут»,— подумал он и отправился в горы. Настала ночь, появился матерый волк, увидел человека, но не тронул его.

— Почему ты не съел меня?— спросил бедняк.

Волк в ответ:

— Мы не каждого пожираем. Бывает, человек только с виду похож на людей, а душа у него звериная. Ты — настоящий человек, таких мы не пожираем.

Измумился бедняк.

— Но как вы узнаете, что у человека душа звериная, если он по виду ничем от других людей не отличается? — спросил он.

— А мы глядим сквозь волоски наших бровей, чтобы узнать правду.

С этими словами волк вырвал у себя из брови один волосок и подарил его бедняку. Взял бедняк волчий волосок, завернул в тряпицу и спрятал за пазухой. «Что ж делать? — думает. — Волки и то не послушались моей просьбы, оставили в живых. Одно осталось: пойду бродить по свету нищим странником».

Как-то раз постучался странник в двери дома: пустите на ночлег. Старик-хозяин с охотой согласился, но вышла его старуха с лицом, перекошенным от злости, и отказала в приюте.

Тут вспомнил странник о волчьем волоске, достал его из-за пазухи и поднес к своему глазу. Вот тебе на! Перед ним — коровья морда. Дал тогда странник волчий волосок старику-хозяину. Поглядел старик и только охнул. Не человек его старуха, а злая бодливая корова!

Выходит, правду сказал волк: не все люди — настоящие люди.

173

Чудесные
очки

В старину это было. Жил в деревне плотник. Как-то раз, возвращаясь с работы, заметил он: что-то блестит на дороге. «Вот диковина! Вроде бы очки». Поднял их плотник и надел на нос.

На соседних полях шла работа: люди сажали рисовые ростки. Но поглядел плотник сквозь очки... Куда же подевались люди? Рис сажают бог Эбису¹, бог Дайкоку², петух, воробей, заяц, барсук...

— Ах ты, что ж это! Чудо какое! — с перепугу завопил плотник и снял очки. Сразу все стало обычным, привычным, на полях вокруг люди работают.

— Хм, значит, не простые это очки, а волшебные! Посмотрим еще.

Пошел плотник к своему соседу с западной стороны, известному богачу, и надел очки. Видит, богач — Эбису-сама, и жена его — Эбису, и красивая дочь.

— Ха, все чуднее и чуднее!

Пришел плотник к себе домой, взглянул на свои плотничьи инструменты, а вместо них — колотушка бога счастья.

Жена плотника толкла рис в ступе. Взглянул на нее муж сквозь чудесные очки.

— Вот тебе на! Жена-то у меня курица!— задохнулся плотник от удивления.

Толчет курица рис, глупо квохчет— ко-ко-ко,— ногами рисовые зерна разбрасывает, так и летят во все стороны.

«Беда! С такой женой я весь век в бедности проживу. Надо отправить ее восвоися»,— решил плотник. С тех пор стал он находить у жены всякие провинности и наконец отослал назад, в ее родной дом. А потом вскорости женился на дочке западного соседа.

С тех пор плотнику повалило счастье и сделался он богачом не хуже своего тестя.

174

Старуха-
ниточница

Вот что рассказывают в городе Сэндай.

У мастера, делавшего зонты на продажу, стояла в нише парадной комнаты глиняная фигурка старухи-ниточницы. Была она так похоже вылеплена, как живая.

Однажды мальчишка-ученик продевал нитки сквозь ребра зонтов. Дело у него не спорилось, все нитки спутались в клубок, не найдешь ни конца, ни начала, хоть плачь.

— Старуха-ниточница, старуха-ниточница, старуха-ниточница,— жалобно позвал мальчик,— помоги мне нитки распутать.

Вдруг спустилась старуха с полки и говорит:

— Как не помочь такому славному мальчику! Давай, сынок, я живо сделаю.— И распутала все нитки.

А вот что случилось однажды вечером. Залез в лавку грабитель. Лицо полотенцем обмотано до самых глаз. Завязал в узел все самые лучшие зонты, а люди в доме храпят что есть мочи.

— Чистая работа! Продам где-нибудь в дальней деревне.

Радуетса грабитель, что все так легко получилось. Захотел он взвалить узел на спину, но не смог его и с пола приподнять— такая тяжесть.

— Это что за чертовщина!

Напряг все свои силы и попробовал еще раз. Узел ни с места. Тем временем пропели первые петухи, а там и вторые.

— Вот незадача какая! Надо удирать отсюда!— Бросил грабитель узел и убежал со всех ног.

И тут послышался тихий смехок. Выскочила из узла глиняная старуха и быстро заковыляла к себе в нишу.

А вот что случилось в другой раз. Маленькая дочь хозяина пошла к подругам поиграть в прятки. Начало смеркаться. Дома хватились, что девочки нет. Поднялась тревога:

— Где она? Не страшась ли с ней какая беда?

Вдруг смотрят: бежит девочка домой.

— Ты где была, зачем одна ходила?

— И совсем я не одна, а с бабушкой.

— С какой бабушкой?

— Да с нашей, с ниточницей. Она меня всю дорогу за руку вела.

Пошли поглядеть на полку в нише. А старуха забилась в самый дальний уголок, и лицо у нее виноватое.

Скоро о старухе-ниточнице пошла слава по всему городу.

Как-то раз один сосед зашел в гости к зонтичному мастеру и, попивая чай, сказал:

— У вас вот старуха, а у нас с давних времен стоит в нише глиняный старичок, славный такой.

В тот же день старуха-ниточница пропала. Пошли искать — а она в соседнем доме на полке рядом со старичком стоит. Сколько раз ни приносили старуху домой — она все убегала. Так и отступились.

И до сих пор в городе Сэндай стоят вместе две глиняные фигурки: старуха-ниточница и седобородый старичок.

175

Обиженные
куклы

Много лет назад приезжал в горные селения кукловод из театра Авадзи¹ по имени Масаэмон. Повсюду шла о нем добрая молва. И вправду, он был мастером своего дела.

Каждый год весной устраивал Масаэмон представления, а потом возвращался на остров Авадзи и жил там до следующей весны. Кукол своих он отдавал на сохранение кому-либо из местных крестьян или содержателю балагана, и лежали они, запертые в сундуке, долгие-долгие месяцы.

Не могли куклы спокойно переносить эту обиду. Каждый вечер начинали они громко жаловаться.

— Мы не простые бесчувственные куклы! — сердилась самая лучшая из них, игравшая роли самураев. — Нас наряжают в одежды людей и выводят на сцену, чтобы мы людей изображали. В этом наше высокое призвание. А нас свалили как попало в сундук, словно старую, ненужную ветошь. О жестокость! О неблагодарность!

И даже самые простенькие куклы на последних ролях тоже громко роптали:

— Что у нас за жизнь! На тростях нас не водят, руки и ноги у нас повисли, как тряпки! Ведь этак можно и с тоски умереть!

Потом доставали они со дна сундука гонги и барабаны и поднимали страшный шум — гантян, докодон! Остановится запоздалый прохожий и прислушается: где это идет такое веселье?

Вначале жители села не особенно этому дивились. Думали они, что у хозяина кладовой, где стоял сундук с куклами, каждый вечер гости собираются. Но наконец пошли по селу толки и пересуды.

Как-то раз вечером один прохожий—видно, он был любопытнее других—тихонько заглянул в кладовую. Видит он: в кладовой ни души, но кто-то разглагольствует в углу, как заправский самурай:

— В былые времена не то что куклы, даже люди, проходя мимо меня, отдавали почтительный поклон, но ныне воцарились у нас невежество и грубость нравов!

«Чудеса, да и только! Как попал туда самурай?»—подумал прохожий и стал всматриваться еще пристальнее. Удивительное дело! Голос доносился из большого сундука!

Прохожий побежал к хозяину кладовой и рассказал ему обо всем. Поспешил хозяин в кладовую вместе со всеми своими домашними. А там стоит гомон многих голосов, гремят гонги, рокочут барабаны. И весь этот шум исходит из сундука, который оставил на сохранение Масаэмон с острова Авадзи, но открыть сундук нельзя—ключа нет.

Сейчас же послали гонца на остров Авадзи к Масаэмону. Приехал он. Отпер сундук, смотрит: лежат в нем куклы тихо и смирно, будто ничего и не было.

Как раз в это время остановился в том же селе проездом знаменитый сказитель дзёрури² из Эдо по имени Такэмото Гидаю³. Дошел до него слух об этом необыкновенном случае, и захотел он посмотреть на кукол своими глазами. Заглянул в сундук и головой покачал.

— То же самое случилось однажды и у нас в Эдо,—поведал Гидаю.—И по той же причине. Бросили кукол в кучу как попало и оставили лежать, словно старый хлам.

— Что же теперь делать?

— Это ведь куклы-актеры. Если уж приходится убирать их на время, то надо это делать бережно и уважительно, щадя их чувства,—говорит Гидаю так, словно он сам, своими ушами слышал жалобы кукол.—Вот почему у нас в Эдо есть хороший обычай,—добавил он,—утром и вечером вынимать кукол из сундука и устраивать с ними торжественное шествие. И уж во всяком случае, надо бережно убирать их после представления, иначе куклы обижаются, как люди... И каждый актер их поймет!

С тех пор Масаэмон с острова Авадзи всегда следовал этому доброму совету, и куклы у него никогда больше не роптали на свою судьбу.

176

**Богач
Стрекоза**

В старину жил в селении Таяма человек по прозванию Богач Стрекоза. В молодости был он трудолюбивым крестьянином. Неожиданно досталось ему большое богатство, но именной печати у него не было. Попросил он у местного правителя:

— Пожалуйте мне именной печать богача.

— В доме твоём хранятся многие сокровища,— ответил правитель,— но ведь главное сокровище— дети. Есть ли они у тебя?

— Да, у меня есть дочь, дарованная мне буддой Дайкити-нёрай-сама.

Правитель пожаловал ему печать богача, призвал к себе дочь и увез девушку с собой. Она была до того красива, что сам князь взял ее в жены.

А теперь я расскажу, что приключилось с этим богачом в юности. Однажды отправился он вместе с женой возделывать поле на горном склоне. В полдень легли они отдыхать и заснули. Первой проснулась жена. Смотрит: муж храпит вовсю, но вдруг то ли из его рта, то ли из ноздри стрекоза выпорхнула².

Проснулся муж и говорит:

— Сейчас я видел странный сон. Будто у подножия вон той горы, напротив нашего поля, бьет источник крепкого сакэ. Отпил я пригоршню, до чего же вкусно!

Жена отвечает:

— Сейчас над твоим лицом порхала стрекоза. Прилетит и снова улетит, и так несколько раз. Удивительное дело!

Поспешили тут муж с женой туда, куда улетела стрекоза, и вдруг в нос им так ишибанул крепкий запах сакэ. Подошли они ближе, видят: струится источник. Что за чудесный аромат! Попробовали— и в самом деле превосходное вино! Обрадовались супруги. Наполнили они вином кувшин и продали.

Каждый день приходил крестьянин за вином и понемногу разбогател. Нанял множество слуг и стал первым на селе богачом. А богатство это принесла ему стрекоза. Оттого и прозвали его Богач Стрекоза.

177

**Ваятель
и ящерица**

Жил в старину замечательный ваятель. Но имя его не было никому известно. Никак не мог он выбиться из нищеты.

Как-то раз заметил он, что на большом камне в его саду играет ящерица, хвост у нее так и вьется, серебром на солнце отливает.

Долго любовался ваятель ящерицей, глаз не мог отвести. Решил он изваять ее подобие. Вылепил форму и отлил ящерицу из серебра.

«Сам вижу, что хорошо удалось!»—подумал он и отнес серебряную ящерицу на продажу в лавку торговца разной утварью. Не прошло и дня, как ее купили. Скоро посыпались заказы: каждому хотелось иметь такую же.

Прошла о серебряной ящерице громкая слава. Все называли ее дивным произведением искусства. Прославился ваятель и стал богатеть. Сколько ящериц ни отливал он из серебра, они и дня не лежали в лавке.

Но вот что было удивительно: каждый раз, когда он выходил в свой сад, зимой или летом, все та же самая ящерица всегда играла на том же камне—и в летнюю жару, и зимой, когда все вокруг было занесено снегом.

Сначала ему невдомек было это, но потом заметил ваятель, что только он один и видит ящерицу, а другие ее не замечают. Жутко ему стало. Наконец он собрался с духом, взял камень—и убил ящерицу.

Но с того самого часа его изделия потеряли прежнюю красоту. Никто больше не покупал серебряных ящериц. И за короткое время ваятель снова впал в безвестность и нищету.

178

Морской рак
и ворон

В старину это было, в глубокую старину.

Бродил из деревни в деревню нищий монах. Зашел он однажды по дороге в чайный домик. Ест колобок и чай попивает.

Поел он, попил, а потом говорит:

— Хозяйка, хочешь, я тебе нарисую картину?

«Какую картину может нарисовать этот оборвыш?»—подумала хозяйка.

А монах снял с ноги соломенную сандалию, обмакнул ее в тушь и сказал:

— Пожалуй, так занятней рисовать, чем кистью!—И нарисовал на двери большого ворона.

Пошел дальше нищий монах. Стоит на склоне горы другой чайный домик. Отдохнул там монах, выпил чаю и говорит:

— Хозяйка, хочешь, я тебе что-нибудь нарисую?

Снял он сандалию с другой ноги, обмакнул в черную тушь и нарисовал на двери морского рака. Рак был совсем как живой: он шевелил хвостом и клешнями.

Множество людей приходило в чайный домик полюбоваться на морского рака. Деньги так и посыпались в кошель к хозяйке.

Прошло время. На обратном пути завернул нищий монах в тот чайный домик, где нарисовал он морского рака.

Стала хозяйка благодарить монаха:

— Вот спасибо вам! Прекрасного рака вы нарисовали. Только больно черен. Сделайте его, пожалуйста, ярко-красным!

— Что же, это дело простое! — ответил монах и выкрасил рака в красный цвет.

«Вот хорошо-то, — с торжеством подумала хозяйка, — теперь я еще больше денег заработаю!»

Но красный рак был мертвый. Не шевелил он больше ни хвостом, ни клешнями. И никто уже не приходил на него полюбоваться.

А нищий монах завернул по пути в тот чайный домик, где он ворона нарисовал. Хозяйка дома встретила его неласково, начала жаловаться:

— Заляпал своим вороном мою чистую дверь, вконец испортил! Сотри свою картину, да и только!

— Это дело простое, — улыбнулся монах. — Тебе не нравится этот ворон? Сейчас его не будет!

Достал он из-за пазухи веер, раскрыл его и несколько раз взмахнул им в воздухе. И вдруг послышалось: «Кра-кра-кра!» Ворон ожил, расправил крылья и улетел.

Онемела хозяйка от удивления, а нищий монах пошел дальше своим путем.

ПРИМЕЧАНИЯ

№ 1. Легенда о рыбаке Урасима существовала в Японии в многочисленных фольклорных вариантах. Она также была зафиксирована в древнем памятнике «Юряку-ки», исторической хронике о годах правления императора Юряку (457—479), и своде «Тангофудоки». Наиболее древний вариант легенды сохранился в поэтической антологии VIII в. «Манъёсю», где он был помещен под названием «Песня, воспевающая Урасима из Мидзуноэ». Однако по сюжету этого варианта (как и в большинстве фольклорных вариантов легенды) Урасима погибает, нарушив запрет дочери морского царя. Вероятно, концовка сказки, приведенной в данном издании, локальна.

¹ Китамаэ — одно из традиционных названий Японского моря.

² Рыба-тай — вид морского окуня, считающийся деликатесом.

³ Яшма — драгоценный камень; на Дальнем Востоке почитался как символ жизни, жизненной энергии и процветания. Представления о яшмовом ларце связаны с представлениями о закрытом предмете, в котором заключены жизнь и смерть.

⁴ Журавль и черепаха в культуре Дальнего Востока издавна считались символами процветания, долголетия и семейного счастья. В Японии они часто изображались на предметах, связанных со свадебным ритуалом, на детских вещах, имеющих благожелательную символику. Танец журавля и черепахи — неременный компонент многих ритуальных действ и обрядов календарного и жизненного цикла, бытующих в Японии и в наши дни. Исполнение танца, как правило, имело благоприятную символику, связанную с долголетием, благополучием и счастьем.

№ 2. Сказка представляет собой фольклорный вариант древнего мифа о двух братьях — рыбаке Ходэри и охотнике Хоори, зафиксированного в исторических хрониках VIII в. «Кодзики» и «Нихонги». Согласно мифу, братья меняются орудиями рыбной ловли и охоты. Младший брат Хоори не умеет ловить рыбу и теряет крючок, чем навлекает на себя страшный гнев старшего брата. Появляется седовласый старец и помогает Хоори приплыть к дворцу морского царя. Хоори женится на прекрасной морской царевне Тоётама-химэ. Когда же он хочет вернуться на землю, морской царь дает ему потерянный крючок и две волшебные драгоценности, вызывающие прилив и отлив. С их помощью Хоори побеждает брата.

Тоётама-химэ выходит из пучины вод, чтобы родить ребенка на земле, и строит хижину, крытую перьями корморана. Хоори нарушает ее запрет не подглядывать и узнает, что истинный облик его жены — огромный крокодил. Разгневанная Тоётама-химэ скрывается, закрыв навеки границу между морем и сушей.

¹ Одно из имен Повелителя моря. Однако в произведении сказочного фольклора наиболее распространено представление о том, что Повелителем моря является дракон. И даже обитель правителя морской стихии называется Рюгу, что значит храм дракона.

№ 3. Сюжет о странствиях юноши по имени Юривака широко распространен в Японии. Известно несколько вариантов сказок, авантюрных повестей, пьес для народного театра и легенд о непобедимой силе Юривака.

№ 4. Одна из легенд о Юриваке, стилизованная в духе куртуазных повестей периода Хэйан (IX—XII вв.).

¹ Левый министр—вторая после главного министра должность в древней Японии.

² Девять провинций—устоявшееся название о-ва Кюсю периода древности. Название связано с тем, что на территории о-ва Кюсю действительно находилось девять провинций: Будзэн, Тикудзэн, Тикуго, Хидзэн, Хиго, Бунго, Сацума, Осуми и Хюга. В произведениях народного творчества наиболее часто упоминаются Бунго и Сацума.

³ Страна Сираги (кор. Силла)—название одного из раннефеодалных государств, которое располагалось на юге Корейского п-ова. Возникло, согласно традиционной хронологии, в 57 г. до н.э. и просуществовало до 918 г. н.э. Корейские и японские исторические хроники содержат много свидетельств о контактах между древнеяпонским государством и государством Силла.

⁴ Обычай выражать чувства в стихотворной форме—характерная черта дальневосточной культуры периода средневековья. Можно предположить, что запечатленный художественной литературной традицией обычай обмениваться стихами при выражении высоких чувств восходит к бытовавшему в народном поэтическом творчестве песенному диалогу.

№ 5. Сказка представляет собой вариант древней легенды о Лучезарной Деве—Кагуя-химэ. Сказание о ней лежит в основе сюжета волшебной повести XI в. «Такэтори-моногатари» («Повесть о старике Такэтори»). Образ лунной девы связан с индийскими и китайскими мифологическими представлениями. В большинстве вариантов легенды Кагуя-химэ рождается из растения, например из колосца бамбука. Рождение Кагуя-химэ из птичьего яйца—мотив достаточно редкий.

¹ Страна Суруга—название древней провинции Японии, находившейся на восточном побережье о-ва Хонсю. В настоящее время входит в состав префектуры Сидзуока.

² Угусу—японское название птицы камышевки. В японском фольклоре, как песенном, так и повествовательном, угусу запечатлена прежде всего как певчая птица, равная по значению русскому соловью. Поэтому слово «угусу» можно переводить как «соловей».

³ Имеется в виду император.

⁴ Речь идет о народном празднике Любования луной. Считалось, что полнолуние 15-й ночи 8-го месяца самое красивое в году. Луна 15-й ночи имела особое название—«мэйгэцу», что означало «яркая луна». Ей приписывалась магическая сила. Согласно дальневосточным мифологическим представлениям, на луне растет лавр, осенью его листья покрываются багрянцем, и тогда свет луны становится особенно ярким. С праздником Любования луной у японцев связан целый цикл обрядов и ритуалов.

⁵ Танка (досл. «короткая песня») — классическая стихотворная форма пятистишия. Стихотворение-танка имеет строгий ритмический размер и состоит из 31 слога; слоги располагаются в порядке 5-7-5-7-7. Создание стихотворений в форме танка было характерно для японской поэзии на протяжении всей истории ее развития. Танка утвердилась в литературной поэзии в VII—VIII вв. и сохранила свое значение вплоть до нового времени. Как стихотворный размер танка продолжает существовать и в наши дни. В истории японской литературы известно множество случаев,

когда стихи вылетались в повествовательную художественную прозу, в прозаические произведения фольклора и играли в них не только орнаментальную роль, но и наполняли произведения высоким эстетико-философским смыслом.

⁶ Гора Фудзи — самая высокая вершина Японии, в прошлом действующий вулкан. Последнее извержение произошло в XVIII в., и потому долгое время из кратера вулкана струился дым. Сказка пытается объяснить реально существовавший исторический факт.

Гора Фудзи с давних пор является символом Японии, неотъемлемой частью ее истории и культуры.

№ 6. В сказке переплетены два известных мифологических сюжета: появление у героя чудесной супруги — небесной феи и повествование о несчастной любви двух звезд.

¹ Одежда из птичьих перьев — согласно китайской мифологической традиции, непременный атрибут небесных фей. Одежания из ярких перьев зимородка или павлина в действительности существовали в Китае. Однако в фольклоре, в том числе и японском, одежда из перьев воспринималась как волшебный предмет, при помощи которого можно подняться в заоблачную высь.

² Бамбук и вьющиеся растения издавна считались в странах Восточной Азии связующим звеном между землей и небом. В подавляющем большинстве японских сказок путь на небо связан с выращиванием бамбука. Однако нередко, как это и указано в данной сказке, на небо можно подняться при помощи ниточки из небесного ткацкого челнока. Известны также сказки, в которых герои поднимаются на небо при помощи солнечного луча, ассоциировавшегося также с тонкой нитью.

³ Имеется в виду персонаж китайской мифологии, именуемый Небесный правитель или Небесный владыка. Согласно легенде, он был отцом Небесной Ткачихи (звезда Вега).

⁴ Сказка перекликается с древней китайской легендой о двух звездах — Ткачихе и Пастухе (Вега и Альтаире). Согласно этой легенде, Небесная Ткачиха была очень трудолюбива, день и ночь ткала она «небесное покрывало». Сжалился над дочерью Небесный правитель и выдал ее замуж за Небесного Пастуха, который жил на другом берегу Небесной реки (Млечного Пути). Однако, поженившись, Ткачиха и Пастух забыли о своих обязанностях небожителей. И тогда разгневанный Небесный правитель разлучил их и разрешил видеться лишь раз в году — в ночь на 7-е число 7-го месяца.

Легенда бытовала во множестве вариантов. Согласно одному из них, Небесный владыка разрешил видеться супругам один раз в семь дней, но сорока, которая должна была передать приказ, все перепутала и назвала неправильную дату — 7-й день 7-го месяца.

Согласно другому варианту легенды, супруги могли встретиться только в том случае, если в установленный для свидания день ясная погода. Если же погода ненастная, Небесная река начинает бурлить и пениться, и тогда Пастух не может перебраться на другой берег. Так что, если в 7-й день 7-го месяца шел дождь, считалось, что это плачут несчастные влюбленные, которые в этом году так и не смогли соединиться.

№ 7. ¹ Тэнгу — кит. «крылатая собака» — фантастические крылатые чудовища, обитающие в горах на деревьях. У тэнгу гротескный образ: красное лицо, длинный нос. В руке веер из перьев. Умеет летать и может напустить порчу на людей: помутить разум. Популярный персонаж смешных и страшных сказок, легенд и поверий. В «Нихонги» рассказывалось, что в 637 г. Большая звезда пролетала по небу с востока на запад и за ней последовал

звук, подобный грому. В то время люди говорили: «Это лает тэнгу — небесная собака. Голос ее грому подобен».

Впоследствии под влиянием индийских легенд тэнгу превратился в летающего демона, стал как бы сродни птицам и, наконец, в поздних поверьях трансформировался в смешного уroda вместе с другими некогда грозными хтоническими персонажами.

- № 8. ² Имя Кобутори состоит из двух компонентов: слова «кобу», что значит «шишка», и слова «тори» — грамматической формы от глагола «тору» — «брать» и имеет значение «взять (снять) шишку».
- Одна из «великих» сказок Японии. Японский вариант сказки о мальчике-с-пальчик.

¹ Сумиёси — синтоистский бог, повелитель морских волн, покровитель мореплавателей. Наиболее чтимый храм, посвященный его культу, находится в г. Осака, на побережье Сумиёси.

² «Иссумбоси» — букв. «мальчик величиной в один суи».

³ Богиня Каннон (бодхисаттва Авалокитешвара) почитается в странах Дальнего Востока как женское божество милосердия, имеющее тридцать три ипостаси. В японской традиции относится к божествам, обеспечивающим удачу и процветание. Среди наиболее известных ипостасей богини Каннон можно назвать Бато Каннон — «Каннон с лошадиной головой», воспринимаемую в ряде случаев как божество рисового поля или божество — покровитель путешественников. Широкое распространение получила в японской традиции Рюдзу Каннон — «Каннон с головой дракона», почитаемая как божество влаги. Рюдзу Каннон было принято молиться во время засухи. Существует и Комоти Каннон — «беременная Каннон», изображаемая в виде женщины с большим животом. К ней обращаются с молитвами о благополучных родах.

В произведениях народного творчества Каннон почитается как богиня счастья и удачи. Согласно обычаю, паломники, выпрашивая себе какую-нибудь милость, молились в храме Каннон день и ночь безвыходно, пока не умилостивится богиня. Считается, что Каннон посылает счастье людям в вешем сне.

⁴ Волшебная колотушка — один из наиболее распространенных чудесных предметов японских сказок и легенд. Согласно традиционным представлениям японцев, волшебная колотушка является атрибутом бога Дайкоку. Дайкоку почитается как один из семи богов счастья — самых популярных синтоистских божеств. Дайкоку рассматривается как бог богатства и удачи. Обычно его изображают в виде очень толстого человека с большим животом. Дайкоку сидит или стоит на соломенных мешках. Одной рукой он поддерживает переброшенный через плечо мешок с рисом, другой — держит волшебную колотушку. Дайкоку ударяет колотушкой — и на землю сыплются золотые монеты.

В сказке возможности волшебной колотушки несколько переосмыслены. Она превратилась в чудесный предмет, исполняющий любое желание.

- № 9. ¹ С давних пор входить в традиционный японский дом полагалось без обуви, лишь в носках. Обувь оставляли на пороге. Это правило выполняется и сегодня. Обувь снимают не только перед входом в дом, но и перед входом в синтоистский храм.

- № 10. Одна из наиболее распространенных сказок Японии. Предлагаемый вариант дан в обработке знатока японского фольклора Мадутани Миско, которая смягчила некоторые страшные подробности сказки. В большинстве вариантов повествуется о том, что барсук сварил бабушку напялил на себя ее кожу и стал морочить старика.

¹ Типичный пример заклинательной народной песни, исполняемой во время полевых работ. Календарная песня, как считалось,

имела продуцирующее значение, так как была связана с магией слова. Приведенная песня должна была принести богатый урожай года. Песня барсука также построена по принципу заклинания. «Дурные» слова, по поверьям, могли повредить урожаю, наслать на него порчу.

² Кати-кати — звукоподражание, имитирующее потрескивание горящих стебельков тростника.

- № 11. Любимая сказка японских детей, получившая всемирную известность.

Черти (бни) в народной мифологии — рогатые и страшные людоеды-исполины, любят пить человеческую кровь. Живут они обычно в глуши гор и на Чертовом острове. В сказках черти чаще всего глуповаты и терпят поражение.

- № 12. Сказка на сюжет, широко распространенный в странах Дальнего Востока.

¹ У народов Дальнего Востока тыква с давних пор считалась вместилищем жизни и смерти, счастья и напастей. Нередко она воспринималась как символ рождения и была связана с магией плодородия.

Сюжет рождения богатства из тыквы известен в сказках всего дальневосточного региона.

- № 13. Сказка больше известна в Японии под названием «Дед Ханасака».

¹ Уэда — букв. «верхнее поле».

² Симода — букв. «нижнее поле».

- № 14. Сказка на популярный в Японии сюжет о деде Ханасака. Обычно вместо краба дарителем является белая собачка (см. № 13).

- № 15. ¹ Вежливое обращение к настоятелю буддийского храма.

² В старой Японии нищета заставляла продавать девушек в так называемые веселые дома, которые обычно помещались в особых увеселительных кварталах города. Контракт заключался на шесть лет. В течение этого времени девушка находилась у хозяина на положении рабыни, и, если она бежала, полиция по жалобе хозяина возвращала ее силой.

- № 16. ¹ Согласно буддийским воззрениям, бог — охранитель людей; защитник детей и путников. Оказывает также милосердие душам грешников в аду. Поэтому Дзидзо часто упоминается в сказках о мышинном рае под землей.

² Храм Дайдзингу — главный храм в комплексе храма Исэ, одного из древнейших синтоистских храмов, посвященного богине Солнца — Аматаэрасу.

- № 17. О ведьме бытует много страшных преданий и сказок. Ведьма — «горная старуха», чертовка, в сказках заманивает и пожирает людей. Однако в эпоху родового строя она, возможно, почиталась как божество культа предков и лишь впоследствии была причислена к нечистой силе.

Сюжет сказки широко распространен в странах Дальнего Востока, а также в Европе.

¹ В Японии по сей день бытует немало этиологических повествований о том, почему корни гречихи красные. В большинстве случаев, как и в данной сказке, причина этого — брызги крови. Причем в ряде сказок это кровь злых демонов и наоборот, в других — кровь погибших героев или воинов, убитых в страшных битвах.

- № 18. ¹ Колпак «Чуткие Уши» — один из популярных в японских сказках волшебных предметов.

² Атами — местность на п-ове Идзу, преф. Фукуока.

³ Согласно народным поверьям, страдания, причиненные живому существу, могут обратиться против виновника и вызвать у

него недуг. Болезни в старину врачевали гадатели, которые должны были узнать причину недуга, а также всевозможные заклинатели и шаманы, якобы изгонявшие духов болезни.

- № 19. В основе сказки лежит древняя легенда, согласно которой лисица Кудзуноха была матерью реальной исторической личности — ученого Абэ Сэймэй (ум. в 1005 г.). Абэ Сэймэй был известным астрономом и гадателем, считался магом и чародеем.

По поверьям, люди, рожденные от лисиц, обладали особой мудростью.

¹ С давних пор во многих японских домах вывешивались охранительные амулеты, оберегающие от оборотней, злых духов, болезней и напастей. Часть из них представляла собой тряпичные мешочки с написанными на них иероглифами-оберегами, другие — небольшие свитки с заклинательным текстом. Охранительные амулеты приобретались в синтоистских или буддийских храмах.

² Синода — название местности в преф. Осака.

³ Стихотворение написано в форме хокку — трехстишия, состоявшего из семнадцати слогов (5-7-5). Хокку — главенствующая форма в японской поэзии нового времени.

⁴ Имеется в виду Повелитель моря — дракон.

⁵ См. примеч. 1 к № 8.

⁶ Местность в преф. Вакаяма, где находятся особо чтимые синтоистские храмы. В этих храмах сохранился древний культ вороны.

⁷ Северо-западное направление считалось открытым для злых сил.

- № 20. Широко распространенная в Японии сказка, одна из «великих» японских сказок. В данном варианте дева-журавль становится женой спасшего ее бедняка. В большинстве же вариантов сказки журавушку спасают старики, которые принимают девушку как дочь.

- № 21. ¹ Легенда о стариках, покинутых в горах, бытует во всей Японии и имеет исторические корни. В годы недорода стариков действительно относили в горы, заглушая их жалобные крики боем барабанов.

² Гора Обасутэ — находится в префектуре Нагано. Знаменита своей красотой в полнолуние. Согласно древней легенде, один человек отнес туда старую тетку, чтобы оставить там, но, увидев чистый лунный свет, раскаялся в содеянном.

³ Загадка, как продеть нить сквозь витую раковину, была известна еще в древней Греции. Ее решил мудрый Дедал, отец Икара, — мифический герой, построивший лабиринт на о-ве Крит.

- № 23. Одна из самых известных сказок островов Рюкю. Наиболее распространена на о-ве Мияко. Напоминает легенду о рыбаке Урасима, однако в сказочном варианте утрата чудесного кувшинчика с вином юности получает дидактическую мотивировку.

¹ Каппа — популярный персонаж японского фольклора, мифическое существо, дитя воды. С виду уродливый мальчик лет двенадцати, на его руках и ногах плавательные перепонки. У него красновато-черные сверкающие глаза, на голове ложбинка, наполненная водой. Если вода выльется, каппа теряет свою волшебную силу. Любит злые проказы и потому опасен. Однако в некоторых произведениях народного творчества каппа предстает как беспомощное существо, вызывающее жалость и сострадание героев.

- № 24. ¹ Ури-химэ — букв. «девушка, рожденная из дыни»; имя одной из наиболее популярных героинь японских народных сказок.

² Аманодзюку — букв. «небесный столп»; имя одного из самых коварных героев японских сказок — уродливого черта Аманодзюку. История происхождения этого имени связана с мифологиче-

ской традицией островов Рюкю. Согласно легенде, Аманодзюку некогда поддерживал свод небес и потому искривился.

В большинстве вариантов сказки об Ури-химэ и Аманодзюку черт убивает или съедает девушку, а затем принимает ее образ. Но его карают смертью приемные родители Ури-химэ. Согласно другим сказочным интерпретациям, после смерти Аманодзюку превратился в горное эхо.

- № 25. ¹ Нуси (хозяин)— мифологическое существо, обитающее в водах, чаще всего непроточных, в глубине гор. В сказках он— людоед, подстерегающий небосторожных путников. Это чудовище— змей или паук, который может принять и человеческий образ.
- № 26. Сказка преф. Иватэ на севере Японии, где зимой выпадают густые снега.
¹ Бог-хранитель горы— имеется в виду бог горы «яма-но ками». Согласно синтоистским представлениям, в мире существует множество божеств— «ками». Они живут в реках и на полях, в цветах и деревьях. Но особой магической силой наделены горы. У каждой из них есть свое божество. В сказках «яма-но ками» чаще всего предстают в виде седовласых старцев. Бог горы играет в сказках роль щедрого дарителя, мудрого судьи. Ему под силу защитить обездоленных и покарать бездушных.
- № 27. Сюжет о безрукой девушке известен во многих странах Европы, в том числе и в России. В Японии бытует во многих вариантах.
- № 28. ¹ О-Цуки— букв. «луна», о-Хоси— букв. «звезда». ² Каменная ступка, как и деревянная, являлась в Японии одним из важнейших традиционных сельскохозяйственных орудий. Она использовалась для толчения риса.
- № 29. ¹ Невесту в старой Японии несли в дом жениха в красивом паланкине.
- № 30. Сказка записана на о-ве Осима.
¹ Согласно буддийским представлениям, душа долго странствует (семь дней, сорок дней) по пути в загробный мир. В мифологии многих народов душа умершего принимает образ птицы, в данной сказке девушка является в виде лебедя. Согласно фольклорным представлениям, чтобы умерший мог вернуться в мир людей, необходимо было совершить обряд «омовение от скверны».
- № 31. В основе сказки лежит переосмысленный древний обычай приносить богам плодородия и влаги человеческие жертвы. Существуют сведения (однако археологически не подтвержденные), что во время обряда посадки риса одну из девушек закапывали живьем в землю, чтобы умиловать богов рисового поля. Со временем ритуал был видоизменен, но его элементы сохранились в рисоводческой обрядности японцев и по сей день. Главным действующим лицом праздника— девушкам, сажающим рисовую рассаду на поле и исполняющим традиционные ритуальные песни посадки риса,—обмазывают грязью подол платья. Этим подчеркивается их магическая связь с божествами рисовых полей. Согласно фольклорным представлениям, эти девушки почитались как невесты или жены божеств. Тексты же народных песен сохранили сведения о том, что в ряде мест эти девушки воспринимались как дочери божеств рисового поля.
¹ Владыка озерных вод— в данном случае имеется в виду Нуси (см. примеч. 1 к № 25).
² Жемчужина или яшмовая бусина считались в Японии оберегами. Вера в их магическую силу была связана с древними сельскохозяйственными представлениями: по форме и цвету они напоминали рисовое зерно, а значит, отгоняли злые силы. В японской

традиции за бусинами-оберегами закрепился термин «тама», имеющий два тесно связанных между собой значения: «драгоценность» и «душа». В мифах и сказках Японии «тама» почитается как чудесный предмет, повелевающий стихиями огня и воды.

Нередко «тама» имели личные имена типа упомянутых в данной сказке. Это связано с древними народными формами-заговорами или запретами, игравшими заметную роль в обрядовой культуре японцев. Значительная часть таких заговоров сохранилась в песенной народной лирике поэтической антологии «Манъёсю» (VIII в.).

³ Лисы и барсуки считались в Японии животными-оборотнями. Часто их проказы заключались в том, что они подстерегали на дороге одинокого путника и начинали окликать его на все лады: и страшным голосом демона, и ласковым девичьим голоском, а нередко и голосами родителей.

№ 32. ¹ Симицу — город в преф. Сидзуока. О богине Каннон см. примеч. 3 к № 8.

² Не исключено, что в данной сказке имеются в виду семь трав, наделенные, по поверьям, особой магической силой. К ним относились: петрушка, мокричник, репа, пастушья сумка, глухая крапива, редька и сушенница. Считалось, что пища, приготовленная из семи магических трав, обладала целебной силой и была связана с продуцирующей магией.

³ В главном доме селения жил деревенский старейшина, обязанный оказывать помощь всем жителям селения.

⁴ О-Цуки-сама — персонаж многих японских сказок. По значению и роли в японском фольклоре близок к Небесному правителю (см. примеч. 3 к № 6). Имя божества состоит из трех компонентов: префикса вежливости «о», слова «цуки» в значении «луна» и суффикса вежливости «сама». Последний нередко присоединяется к именам синтоистских божеств с целью подчеркнуть их особую почитаемость.

⁵ Имеются в виду Индия, Китай, Япония.

⁶ Город Мориока находится на северо-востоке о-ва Хонсю, в преф. Иватэ, где и была записана данная сказка.

№ 33. ¹ Имена героев сказки имеют значение «первый сын», «второй сын», «третий сын». Это наиболее распространенный прием для называния в японских сказках. Из трех имен особой популярностью пользуется имя Сабуро, которое стало определенным символом для японцев, как Иван для русских, Жан для французов, Ганс для немцев и т. д.

² Буддийский мотив перерождения души здесь служит для счастливой развязки. Погибшая красавица, перевоплотившись после смерти, снова становится женой героя. Согласно буддийским воззрениям, брачные узы были настолько крепки, что связывали супругов в нескольких рождениях.

№ 34. Сказка на всемирно известный сюжет о гонимой девушке, которая, чтобы не быть узнанной, принимает другой облик или надевает на себя ослиную шкуру, мажет лицо золой и т. д. Сказки на этот сюжет распространены в Японии во множестве вариантов.

№ 35. ¹ Край Омура находится возле залива Омура в преф. Нагасаки.

² Жрицы — мико (девы, посвятившие себя богам) исполняли священные танцы и другие обряды в синтоистских храмах. Бродячие мико — шаманки занимались прорицанием и врачеванием недугов. Считалось, что они могут угадать причину болезни и вылечить ее при помощи камлания и других магических средств.

³ В японских сказках, как и в русских, мертвеца можно воскресить «живой» водой. Для оживления также служит «живая»

- игла, поскольку уколы иглами применяются в народной медицине.
- № 37. ¹ Полы в жилых комнатах покрывают циновками, представляющими собой толстый соломенный мат стандартной величины (примерно 1,5 кв. м), покрытый плетеным тростником и по краям обшитый материей. Площадь комнаты в Японии измеряется количеством циновок. Восемь циновок — около 16 кв. м.
- ² Змеинное око, которым вскармливают ребенка, рожденного змеей-оборотнем от человека, — частый мотив японской сказки о чудесной жене-змее.
- № 38. ¹ См. примеч. 1 к № 33.
- ² См. примеч. 3 к № 31.
- ³ В пародийной форме воспроизводится буддийская молитвенная формула «Нама Амида буцу» — «Слава будде Амидабхе» (яп. Амида).
- ⁴ См. примеч. к № 9.
- ⁵ Имеется в виду девятый месяц по лунному календарю. Разница исчисления времени по лунному и григорианскому календарю составляет примерно полтора месяца. Таким образом, девятый лунный месяц соответствует июлю — августу по григорианскому календарю.
- № 39. ¹ См. примеч. 1 к № 23.
- ² Волшебная колотушка, согласно синтоистским представлениям, принадлежала богу счастья и богатства Дайкоку (см. примеч. 4 к № 8). В данной сказке волшебная колотушка выступает в роли чудесного предмета для приобретения всякого рода богатства. В сказочной интерпретации она способна принести достаток только в сочетании с другим волшебным предметом — парчовым мешком. В такой функции волшебная колотушка в произведениях фольклора встречается нечасто.
- № 40. ¹ В сказке Индия находится недалеко и отделена только широкой рекой, которая как бы служит границей между фантастическим миром и обычным, земным.
- ² Согласно мифологическим и религиозным представлениям народов Восточной Азии, деревья были одушевлены и наделены божественной силой. В произведениях народного творчества они обладают способностью принимать человеческий облик и даже заключать брак с людьми.
- № 41. ¹ С давних пор в Японии существовало поверье, что сон, приснившийся в новогоднюю ночь, является вещим. Для того чтобы сон был «счастливым», под подушку клали картинку с изображением «лодки сокровищ», на которой, как считали, плывут семь богов счастья — самые популярные синтоистские божества или фантастические звери баку, пожирающие дурные сны. Если же сон все-таки оказывался дурным, картинку пускали по воде, тем самым отгоняя его. В новогоднюю ночь желательно было увидеть определенные предметы: гору Фудзи, что означало успех в делах, сокола — символ преодоления невзгод или баклажаны — они принесут богатство. О вещем сне даже бытовала поговорка: «Первое — Фудзи, второе — сокол, третье — баклажан». Существовала примета, что о новомодном сне рассказывать нельзя, иначе он не сбудется. Однако был распространен обычай «продажи» счастливых снов, и тогда счастье как бы переходило к тому, кто его купил.
- № 42. ¹ Имеется в виду обязательный атрибут традиционного японского Нового года — «кадомацу» (досл. «сосна у входа»). Кадомацу считалось формой приветствия новогоднему божеству. Украшение делали из сосны, бамбука, рисовой соломенной веревки, нередко в кадомацу вплетались ветки папоротника, подвешивались мандарины, а в некоторых районах пучки водорослей и сушеная креветка. Каждый компонент кадомацу имел свою благопожелательную

символику: сосна была символом долголетия, бамбук — стойкости, соломенная веревка считалась оберегом от несчастий, мандарин — символом долгожительства для семьи, ветви папоротника — чистоты и плодovitости, водоросли — счастья, креветка считалась символом долгожительства для представителей живущего поколения.

² Первый день Нового года считался днем самых веселых и шумных развлечений. Одним из них была игра девочек и молодых женщин в волан, которая заключалась в подбрасывании нарядной ракеткой пестрого мячика.

³ В данной сказке наблюдается некоторое временное переосмысление новогоднего развлечения мальчиков — запуска воздушных змеев. В действительности же в календарной обрядности японцев эта игра относилась к развлечениям 1-го дня 1-го месяца. В этот день в небо поднималось множество змеев, сделанных из бумаги и бамбуковых планок. Каждый из них имел самобытный рисунок: на них изображались журавли и фантастические животные, войны в доспехах и прекрасные дамы. Нередко между воздушными змеями устраивались бои.

⁴ Имеется в виду праздник 3-го дня 3-го месяца, известный под названием «момо но сэкку» («праздник персиков») или «хина-мацури» («праздник кукол»). Хина-мацури считался праздником девочек. Особенностью праздника был обычай устраивать в домах, где росли дочери, выставки богатого одетых кукол. На специальной подставке из трех, пяти или семи ступеней выставлялись куклы, изображающие императора и императрицу в старинных одеждах, придворных дам, музыкантов, сановников двора и, кроме того, миниатюрные предметы обихода: паланкин, подносы с лакомствами и т. д. Куклы (чаще всего их было пятнадцать) не были предназначены для игры. Они передавались из поколения в поколение как настоящее произведение искусства.

⁵ Речь идет о весеннем празднике дня рождения Будды, Камбуцуэ, который отмечался в 8-й день 4-го лунного месяца. Он известен также как праздник цветов, так как, согласно легенде, Будда родился в тот момент, когда его мать собиралась переломить стебель цветка. Кроме того, праздник рождения Будды приходился на период цветения сакуры. Камбуцуэ считался храмовым праздником и имел сложную систему обрядовых действий.

⁶ Пестрые карпы — неперемный атрибут праздника «танго-но сэкку» (праздник первого дня лошади), отмечавшегося в 5-й день 5-го месяца. В европейской и отечественной литературе он известен как праздник мальчиков. В день праздника над домами, где были сыновья, на высоких шестах поднимали пестрых матерчатых карпов. Карпы вздымались на ветру, и создавалось впечатление, что они плывут. Издавна в Японии карп почитался как самая мужественная и стойкая рыба — лишь ему одному удается плыть против течения в быстрой горной речке.

⁷ Праздник мальчиков был также известен под названием «сёбу-но сэкку», что значит «праздник ирисов». Листья ирисов, форма которых напоминала меч, клали на крыши домов или разбрасывали у входа в дом, чтобы отогнать несчастья.

⁸ В день праздника мальчиков в тех домах, где были сыновья, также устраивали выставку кукол. Но в отличие от кукол праздника девочек на подставку ставили кукольных самураев в доспехах и шлемах с игрушечными луками, стрелами и мечами, военным барабаном и веером для подачи боевого сигнала.

⁹ Речь идет о празднике шестого лунного месяца «тауэ» («посадка риса»). Праздник проводился на залитом водой рисовом поле. Высадку рассады производили девушки, которые вместе с

распорядителем праздника исполняли ритуальные песни посадки риса.

¹⁰ См. примеч. 4 к № 6.

¹¹ См. примеч. 4 к № 5.

¹² По всей видимости, имеется в виду праздник «аэнокото», считающийся днем благодарности богам за урожай. Это был последний в сельскохозяйственном году обряд благодарения, главная роль в нем отводилась ритуальной еде, подношениям богам, а также исполнению величальных формул. С «аэнокото» была связана и ритуальная обработка урожая года.

№ 43. ¹ Согласно народной японской мифологии, гром и дождь производят черти-громовики, стуча в барабаны и поливая землю водой. Боятся они только шелковичного дерева. Если черт упадет на землю, он делается беспомощным, и, чтобы отправить его назад на небо, ему надо сделать маленький деревянный челночок.

№ 45. ¹ См. примеч. 1 к № 42.

№ 46. В других вариантах японских сказок о соловьином селении герой (лесоруб, углежог) женится на соловыхе, принявшей женский образ, и она исчезает, когда он нарушает обещанное слово не подглядывать за ней.

№ 47. Сказка на светмирно известный сюжет о волшебном кольце.

№ 48. Широко распространенная в Японии, очень древняя сказка. Обезьяна, вероятно, первоначально воспринималась как тотемный зверь, а позднее превратилась в страшного жениха, от которого девушка избавляется хитростью.

¹ Имеется в виду четвертый лунный месяц.

² В старой Японии было в обычае слагать перед смертью стихотворение-дзисэй. Это делалось даже на эшафоте перед казнью (см. № 138).

№ 49. ¹ Сацума—одна из девяти провинций, располагавшихся в древности на о-ве Кюсю. В настоящее время—западная часть преф. Кагосима.

² Сайгоку (страна Запада)—старинное название юго-западной части Японии, где находится много островов.

³ Инари—синтоистское божество, первоначально покровительствующее земледелию, позднее—божество, приносящее удачу в ремеслах и торговле. С богом Инари связан культ лисицы, которая считалась его посланником или даже воплощением.

⁴ Волшебные звери (лисицы, змеи и т. д.) в произведениях восточноазиатского фольклора часто бывают белого цвета. Считалось, что животные, живущие долго (в сказках—тысячу лет), убелены сединой. Старые звери приобретают волшебную мудрость и могут принимать антропоморфный облик, так как с возрастом становятся оборотнями.

⁵ Харакири—способ ритуального самоубийства, предписанный средневековым самурайским кодексом чести. Самурай носил два меча: большой и малый. Малым он вспарывал себе живот согласно точно разработанному ритуалу, если честь его была запятнана или его господин погиб. Последнее называлось «харакири вослед господину». Харакири были способом почетной казни по приказу господина. В данной сказке самурай готовился к совершению харакири, так как нарушили долг чести и не выполнили возложенных на них обязанностей. Следовательно, смерть была единственной возможностью искупить свою вину перед господином.

№ 50. ¹ Улитка (таниси) водится на заливных рисовых полях, связана с культом земледельческих божеств. Не исключено, что в древности воспринималась как тотем.

² Речь идет о празднике дня рождения Будды (см. примеч. 5 к № 42). Будда Целитель почитался в Японии как одно из наиболее

значимых божеств-целителей. Считалось, что он излечивает от всех болезней, но в народе часто его различные изображения наделялись определенными специфическими чудодейственными свойствами. Так, один вылечивал глазные болезни, другой — детские, третий — внутренние.

№ 51. ¹ См. примеч. 3 к № 8.

№ 52. С кошкой в Японии связано много суеверий (см. сказки № 157, 158). С давних пор считалось, что в старости хвост у кошек разделяется на несколько хвостов и тогда они становятся оборотнями. В произведениях японского фольклора кошка коварна и мстительна, но иногда, как это видно в данной сказке, она наделена чуткой душой и способностью отблагодарить за сделанное добро.

¹ Согласно буддийской мифологии, душу грешника во время похорон может похитить пылающая огнем колесница ада.

№ 53. Бродячие монахи часто занимались гаданием и врачеванием недугов. Считалось, что многим из них ведомы тайны чародейства. Они могли наградить за терпение и доброту или проклясть за злобу и негостеприимство. Знаменательно, что многие легенды, схожие по сюжету с приведенной в данном издании, повествовали о реально существовавших исторических лицах. Так, даже в некоторых вариантах данной легенды говорится о том, что монахом-чудодеем был буддийский вероучитель Кобо-дайси (IX в.) или Догэн (XIII в.).

№ 54. ¹ Мидзуки — декоративное дерево. Деревья в народной мифологии умеют, как люди, говорить и странствуют, навещая друг друга (см. примеч. 2 к № 40). Спор между деревьями — сказочно-легендарный мотив (см. также № 141). Впоследствии появилось представление о духе — покровителе дерева, который может принимать антропоморфный образ.

№ 55. ¹ Тени на луне, согласно распространенной в странах Восточной Азии легенде, напоминают зайца, сидящего под деревом и готовящего в ступке порошок бессмертия.

№ 56. ¹ Согласно буддийскому учению о странствии душ, родители героя за свою праведную жизнь возродились в образе мышей — животных, связанных с магией плодородия и наделенных благопожелательной символикой.

№ 57. В основе сказки лежит народное поверье о том, что судьба человека predeterminedена от рождения.

¹ Бог судьбы или счастья (сай-но kami) определяет судьбу: что кому на роду написано. Бог метлы (хоки-но kami) назначает, кому с кем пожениться.

² Магический обряд, имевший целью приманить богатство со всех четырех сторон света. Карлики, совершающие танец, связанный с культом солнца, — боги счастья.

³ Уцуги — дейция зубчатая, ей приписывали магические свойства, так же как чернобильнику (род полыни). Колдовской лук и стрелы отогнали духов, на этот раз богов счастья.

⁴ Девушки были те же боги счастья, но в другом обличье.

№ 58. Сказка записана в преф. Иватэ.

¹ Согласно обычаю, богу Нового года подносили подарки-приношения. Для этого домашний алтарь украшали вязанками свежей соломы, мандаринами и рисовыми лепешками. Полагали, что от того, как крестьяне встретят божество, зависит благополучие года.

² Один из видов традиционной японской обуви, гэта представляет собой деревянную плоскую платформу, которая лежит на двух вертикально установленных, находящихся на некотором расстоянии друг от друга (иногда довольно высоких) брусочках. Эти деревянные сандалии держатся на ноге с помощью двух

ремешков, которые протягиваются между большим и вторым пальцами ноги. По форме такие гэта напоминают маленькую скамеечку.

³ Сказки о чудесной мельнице на тот же сюжет бытуют и в России. Похититель не знает волшебного слова и не может остановить мельницу, что напоминает также распространенную в Европе сказку о неумелом ученике чародея.

№ 59. ¹ Шесть циновок — около 12 кв. м (см. примеч. 1 к № 37).

² С очагом, священным местом дома (семьи, рода), связаны в Японии многие магические обряды. Согласно народным поверьям, его всегда надо держать в чистоте, иначе шелуха от рисовых зерен и остатки пищи могут получить злую силу. В публикуемой здесь сказке хозяйка постоялого двора совершает акт колдовства.

№ 60. Персонифицированная лень встречается и в русских сказках, например в сказке о двух сестрах — Лени и Отетени. Отетень поленилась выйти из горящего дома, вот почему она и исчезла. В японской сказке дана оригинальная разработка сюжета.

№ 61. ¹ Провинция Хиго — ныне преф. Кумамото. В оригинале приводится название деревушки — Маюми.

№ 62. ¹ Гора Хикодзан высотой 1200 м находится на границе преф. Фукуока и Оита.

² Имеется в виду жук-бронзовик.

№ 64. ¹ См. примеч. 3 к № 38.

№ 65. Сказка г. Осака, пародирующая старинные волшебные сказки.

¹ См. примеч. 1 к № 43.

№ 66. ¹ Край Ямато — старинное название древнейшего культурного центра Японии, ныне входящего в состав преф. Нара.

№ 67. ¹ См. примеч. 3 к № 8.

² В Японии существует несколько божеств, покровительствующих домашнему очагу. Наиболее известен бог Кодзин. Считалось, что Кодзин настолько чистоплотен, что терпеть не может всякой грязи и потому живет в очаге, где пылает очистительный огонь. Полагали, что Кодзин поддерживает мир в семье. Известно также божество по имени Акиба-сан. В нем видели бога огня, заботящегося о том, чтобы дому не угрожали пожары. Кодзин и Акиба-сан были тесно связаны с китайским божеством Цзаошэнь, или Цзаован. Он считался посланцем небесного Правителя судеб, определявшего срок жизни каждого человека. Цзаошэнь соединял в своем лице функции домашнего соглядатая и покровителя, от которого зависит благополучие семьи. Богу Цзаошэню в Китае поклонялись в день праздника 23-го дня 12-го лунного месяца. В Японии этот день в календарной обрядности не имел такого же важного значения.

³ Князь Эмма (санскр. Яма) — согласно древней индийской мифологии, владыка преисподней, судит грешные души. Изображается как грозное божество. В народных фарах и сказках, однако, играет комическую роль. Грешники обманывают его и ускользают.

№ 68. Одна из самых популярных в Японии шуточных сказок, известна и в Китае. Выражение «фуру-ямори» («течь в старой крыше») фигурирует здесь как название страшного зверя (в русском переводе «кап-кап»).

№ 69. ¹ См. примеч. 1 к № 41.

² Тэнгу — см. примеч. 1 к № 7.

³ Город Нумата в преф. Гумма.

№ 70. Сказка на широко распространенный в фольклоре многих народов мира сюжет. В его основе лежит желание выяснить, кто на свете самый сильный и могущественный. Финал практически

всех сказок оказывается одинаков—самым сильным является человек.

Первые повествование на этот сюжет было зафиксировано в широко известном сборнике рассказов и басен «Панчатантра», созданном в Индии в I тысячелетии н. э. Там рассказывается о том, что некий отшельник превратил девушку в мышь. Он хотел отдать ее замуж за самого сильного жениха—за солнце, но обнаружил, что облако сильнее солнца. Затем увидел, что сильнее облака—вихрь, а сильнее вихря—утес. Зато утес боится мышей, а мыши—человека. Так, пришлось отшельнику вновь превратить мышь в девушку и выдать замуж за красивого юношу.

- № 71. В других вариантах этой сказки фигурируют три топора: золотой, серебряный, железный. Сюжет сказки о водяном и трех топорах широко бытует в фольклоре стран Восточной Азии, а также Восточной Европы, в том числе и России.
- № 72. Сказка на широко распространенный в мировом фольклоре сюжет.
- № 73. Сказки о войне слабого зверя с сильным в Японии очень популярны, особенно среди детей. Интересно то, что чаще всего в качестве «сильного» зверя выступает в сказке обезьяна—насмешница и обидчица, и потому эти сказки имеют даже особое название «саругани-кассэн», что значит «схватка обезьяны с крабом». Этот сюжет встречается и в сказках других народов. Так, например, в «Панчатантре» есть рассказ о том, как пара воробьев с помощью лягушки, дятла и комара отомстила слону за гибель своего потомства.
- № 74. Сказка о-ва Танэгасима.
¹ Птица-карёбинга в индийских легендах—фантастическая птица с чудесным голосом, напоминающим голос будды.
- № 76. ¹ Исэ—старинная провинция, центр синтоистского соляного культа. Там находится святилище, в глубине которого якобы пребывает богиня солнца Аматэрасу-омиками. Храмы Исэ—традиционное место паломничества.
- № 77. ¹ Фунадама-сама (букв. «сокровища корабля») — синтоистское божество, покровительствующее морским кораблям и рыбацким лодкам, популярный персонаж сказок и легенд о рыбаках и мореплавателях. Именно это божество, как принято считать, помогает терпящим кораблекрушение и направляет косяки рыб к рыбацким лодкам.
- № 78. ¹ Хоо—мифологическая птица-феникс. Обладает мелодичным голосом и пятицветным оперением. Имеет фантастический вид: у нее голова петуха, шея змеи, клюв ласточки, черепаший панцирь и рыбий хвост. Хоо почиталась как символ счастливого предзнаменования. Кроме того, согласно восточноазиатской космогонии, птица-хоо вместе с другими животными символизировала четыре стороны света. Так, черепаха и змея олицетворяли север, птица-хоо—юг, белый тигр—запад, а голубой (зеленый) дракон—восток.
- № 80. ¹ Город Киото был столицей Японии в период Хэйан (IX—XII вв.), в последующие века, вплоть до революции Мэйдзи (1868 г.), был местом, где жил император.
- № 81. ¹ Нио-сама (санскр. «дэва») — в индийской мифологии воинственный царь—дэва, покоритель демонов. Две статуи Нио ставятся обычно по обе стороны врат буддийского храма, как боги-хранители; у них устрашающий вид, грозно вытаращенные глаза.
- № 82. Индийская сказка на этот сюжет известна по «Панчатантре» (книга четвертая). В ней повествуется о дельфине и обезьяне. В японских вариантах сказки зачастую вместо осьминога встречается медуза, так как у нее тоже нет костей.

- № 87. ¹ См. примеч. 1 к № 78.
- № 88. ¹ В старой Японии был обычай покрывать для красоты зубы черным лаком.
- № 91. Сказки на этот сюжет распространены в Японии во многих вариантах. Так, в знаменитой сказке «Зеркало Макусима» гонимая падчерица думает, что видит в зеркале изображение своей матери, на которую она так похожа. Мачеха выговаривает отцу, будто девушка колдует, но отец узнает правду, и мачеха пристыжена. Старинные зеркала были бронзовыми.
¹ В XII в. происходила кровопролитная междоусобная война между двумя могущественными феодальными родами — Тайра и Минамото. Войска Тайра были разбиты и уничтожены. Немногим уцелевшим воинам из рода Тайра пришлось скрываться в горах (см. также № 140).
² Город на о-ве Кюсю.
- № 94. ¹ См. примеч. 3 к № 49.
² См. примеч. 1 к № 88.
- № 95. Сюжет о хитроумных задачах, которые должен разгадать юноша, чтобы найти свою возлюбленную, известен в японском фольклоре во многих вариантах. В некоторых из них героем является лентяй, которого все считали дурачком.
¹ Горячие источники Арима славятся как целебные еще с глубокой древности. Сэтцу — старинное название обширного края, ныне входящего в состав преф. Хёго и район г. Осака.
² Село Вакаса — букв. «Молодость».
- № 97. ¹ Диспут-мондо — вопросы и ответы. Мондо культивировался у вероучителей дзэн-буддизма. Суть мондо заключалась в том, что неожиданными, казалось бы, абсурдными вопросами учитель пытался вывести ученика за пределы обычного логического мышления к трансцендентной истине, постигаемой интуитивно.
Сюжет комической сказки с подменной ученого богослова, не умеющего разрешить загадку, смекалистым простым парнем всемирно известен. Комизм строится на ложном понимании вопроса и ответа.
² Десять направлений пространства в буддийской космогонии: четыре стороны света (север, юг, запад, восток), промежуточные направления (северо-запад, северо-восток, юго-запад, юго-восток), а также вертикали — верх и низ. Десять направлений охватывали всю вселенную.
³ Пять заповедей, согласно буддийской этике, гласят: не убий, не развратничай, не укради, не лги, не будь невоздержанным.
- № 98. Бедняк (работник, служка), который с простодушным видом обманывает обидчика богача (монаха, князя), один из любимых героев японских сказок и народных фарсов. Сказки на этот сюжет широко распространены и в странах Европы.
¹ Букв. «Слава будде Амидабхе». Буддийская молитвенная формула.
² В период позднего средневековья в Японии сложилась такая своеобразная форма искусства, как чайная церемония. В XVI в. она совершалась в маленьких павильонах — чайных домиках. Павильоны располагались в тихом месте, под сенью деревьев. Чай представлял собой зеленую кашцеобразную массу, горьковатую на вкус. Его пили медленно, сосредоточенно, наслаждаясь особым вкусом напитка и стараясь почувствовать очарование окружающей обстановки и чайной утвари.
- № 101. ¹ О-бон — деревянный лакированный поднос.
- № 102. Существует немало вариантов сказки, например: сына-дурачка посылают разносить товар, его нелепые выкрики мешают другим торговцам, дурачка бьют (см. также № 164).

№ 103. ¹ По буддийским представлениям, цепь перерождений живого существа похожа на вертящееся колесо (круговорот бытия). Судьба предопределяется поступками, совершенными как в настоящей жизни, так и в прошлом рождении. Карма — закон воздаяния и возмездия, вершитель судеб. Человек, достигший духовного просветления, выходит из коловращения бытия, не возрождаясь вновь и достигает нирваны, где обретет свободу от земных страстей — первопричин страдания. Таким образом, буддизм в мистифицированном виде представляет социальное устройство общества, как результат влияния «кармических» сил, вознаграждающих или карающих на земле или в загробном мире. Звери, как и люди, участвуют в общем коловращении бытия, потому, согласно буддийским представлениям, охота, убийство живых тварей — дело нечестивое.

В японском фольклоре известно много легенд о наказании охотника, нарушившего буддийскую заповедь, или о его внезапном прозрении (см. № 169).

№ 107. ¹ Настоятель подвергает статую Амиды пытке, как глупец и святотатец. Однако известны случаи, когда истязание статуй (фетиша) совершалось как магический обряд. В преф. Аомори (северо-восток Японии) крестьяне топили в воде и били статую Дзидзо — подателя воды, чтобы вызвать дождь или прекратить наводнение.

№ 108. Эта комическая сказка известна во многих вариантах. В ней живут отзвуки старинного поверья, будто имя влияет на судьбу человека. В древней Японии, как и у индейцев Америки, умышленно давались длинные, очень сложные имена. В новое же время это воспринималось не более чем смешная претензия.

№ 111. Хикоити (в вариантах — Хикохати) — один из любимейших персонажей японской сатирической сказки. Это веселый плут, притворяющийся простаком, мастер на всяческие проделки, умеющий посрамить придурковатого князя. Хикоити — собирательный образ, воплощение народного здравого смысла и смекалки. Рассказы о Хикоити, видимо, возникли в XVII—XVIII вв. в среде горожан. Есть сведения, что у него был прототип: знаменитый рассказчик-юморист Евэдзава-но Хикохати, живший в XVII в.

¹ Город Ясиро находится в преф. Кумамото.

² См. примеч. 1 к № 7.

³ См. примеч. 1 к № 23.

№ 112. ¹ Нагато — старое название края, совр. северо-западная часть преф. Ямагучи.

² В период Токугава (XVII в. — 1866 г.) княжеская резиденция находилась в г. Эдо. Князя — правителя областей обяаны были раз в год являться в Эдо с определенными установленными дарами и жить там в течение длительного времени. Переезд совершался как торжественное шествие. Встречные падали ниц. Осмелившимся перебежать дорогу, даже детям, рубили головы.

№ 113 Кйтиёму (в вариантах Тайсаку) — персонаж, напоминающий — 116 Хикоити (см. № 111—112); рассказы о нем сложились в среде крестьян.

№ 122. ¹ Выражение «он-тёро-тёро» не имеет никакого религиозного значения. Тёро — букв. «старейшина, старший». В данном случае это слово лишь подчеркивает до смешного почтительное обращение перепуганного лжемонаха к мышши.

№ 130. ¹ Имеется в виду трава мёга (имбирь). В японском фольклоре ей приписывается способность мутить рассудок.

№ 136. В этом тексте объединено несколько легенд.

¹ Синтонистский бог Хатиман считался богом войны, покровительствующим воинам во время битвы. В японской традиции культ Хатимана является примером синкретики различных синтои-

стских верований. Так, у Хатимана есть черты морского божества, божества рисового поля и даже божества, покровительствующего кузнечному делу. В Японии и по сей день существует немало храмов, посвященных этому божеству. Главный из них находится в г. Уса преф. Ойта.

² Бон—один из наиболее известных буддийских праздников Японии. Он отмечался в 8-м лунном месяце и считался днем поминания предков. Полагали, что в день Бон души умерших возвращаются в родные места. В этот день готовили обильную ритуальную пищу и нередко устраивали различные увеселения, так как души усопших предков надо было развеселить и задобрить.

³ Ниппон—одно из чтений иероглифов, имеющих значение «Япония».

№ 137. ¹ Ота Докан (1433—1486)—известный военачальник и поэт. Основатель города Эдо. При его участии в середине XV в. были построены замок Эдо и некоторые другие.

² Соги (1421—1502)—поэт-скиталец. Многие поэты Японии бродили по стране в поисках вдохновения и преподавали поэтическое искусство. Соги прославился сочинением стихов в жанре рэнга. Рэнга, понимаемая как «поэзия нанизанных строф», была сложной поэтической формой, требовавшей от стихотворца высокого искусства. Очень ценились мастера рэнга, создававшие поэтические школы с множеством учеников.

Соги в данной легенде странствует по полуострову (край Дзёсо), примыкающему к Токийскому заливу. В то время это был дикий восточный край.

В японском фольклоре бытует много легенд о странствующих поэтах (Сайгё, Соги). Им воздается глубокое почтение, но иногда их посрамляет простой селянин (обычно мудрый ребенок, умеющий сложить к месту остроумные стихи или загадать загадку).

№ 138. ¹ Край Ава—совр. южная часть преф. Тиба. В период Токугава этим краем управляли князья из рода Хатисука. Ходили слухи, что родоначальник этой знатной семьи Хатисука Короку (1526—1586) был всего лишь атаманом разбойничьей шайки. Отсюда понятна насмешка разбойника: чем его родоначальник хуже родоначальника правящего князя.

№ 139. Острова Маусима (их более 260) считаются одним из красивейших мест Японии. Входят в состав преф. Мияги.

¹ Равнина Миягино расположена на морском побережье к востоку от г. Сэндай. В старину славилась красотой осенних трав и цветов, воспета многими поэтами.

№ 140. Бродячие слепцы, аккомпанируя себе на четырехструнной лютне—бива, часто пели сказания о великой междоусобице XII в., очень любимые в средневековой Японии (см. также примеч. 1 к № 91). На основе народного песенного эпоса уже в XIII в. сложилась «Повесть о доме Тайра»—один из величайших памятников японской литературы.

В народных легендах и пьесах театра неприкаянные души убитых Тайра грозны и мстительны.

¹ Ныне на этом месте стоит г. Симоносэки.

² В 1186 г. в бухте Данноура состоялась историческая битва между домами Тайра и Миномото, в которой род Тайра был разбит. Трагическим событием этой битвы было и то, что вдова некогда могущественного властителя Японии Тайра Киёмори, предвидя исход битвы, бросилась в пучину вод вместе со своим внуком—малолетним императором Антоку.

№ 141. ¹ Деревня Адзума находится в преф. Фукуока. До сих пор там показывают место, где высилась гигантская криптомерия, и поют о ней песни. Рассказывают, что «шепчущий мост» простоял в

- Адзума до середины XIX в., а затем был заменен земляной насыпью.
- № 142. ² См. примеч. 2 к № 40.
¹ См. примеч. 9 к № 42.
² Повествования о том, что силой молитвы добрые люди могут подчинить себе силы природы, существуют в Японии во многих вариантах. Так, согласно одной из легенд, богач остановил солнце взмахом веера, чтобы дождаться крестьяне успели засадить поле. В наказание поле провалилось под землю, на его месте разлилось озеро, в котором утонул богач.
- № 143. ¹ Сиракава — город в преф. Фукусима.
² Буддийский храм Додзэджи находится в преф. Вакаяма, прославлен легендой о раскаленном колоколе. В национальном театре кабуки исполняется пьеса на этот сюжет.
- № 144. ¹ Годы Хорэки — 1751—1764.
² Мацумаэ — старинное название о-ва Хоккайдо.
³ Остров Садо находится в Японском море, относится к преф. Ниигата.
⁴ Компира (санскр. Кумбхира) — буддийское божество, охраняющее мореплавателей.
⁵ Ияхико (Амэ-но Кагуяма-но микото) — бог синтоистского пантеона. Храм Ияхико-дзиндзя находится в преф. Ниигата.
- № 148. Сказка записана в преф. Иватэ, на северо-востоке о-ва Хонсю. Это был бедный край, откуда часто уходили на заработки. Легенды о мести убитого очень распространены в Японии. Обычно в них присутствует устрашающий фантастический мотив: танцующий скелет, летающее платье, женщина, которая передвигается вниз головой, потому что так ее бросили в колодезь, и т. п.
- № 149. Международный сюжет, известный во множестве вариантов. Данная легенда записана в г. Нагато преф. Ямагучи.
- № 151. ¹ Эноки — железное дерево.
- № 153. ¹ Город Комацу находился в старинной провинции Кага (ныне часть преф. Исикава).
² Поэт Сюка (ум. в 1774 г.) был известен в свое время как сочинитель поэтических трехстиший — хокку.
- № 155. ¹ См. примеч. 1 к № 16.
- № 156. ¹ Кора бумажного дерева идет на выделку так называемой японской бумаги.
² Мёдзин-сама — пресветлый бог, обращение к синтоистскому божеству, в данном случае, видимо, к богу Инари (см. примеч. 3 к № 49).
- № 158. ¹ Огневая гора Асо — действующий вулкан высотой 1592 м с несколькими кратерами; находится на границе между преф. Кумамото и Оита.
² Праздник весеннего равноденствия, отмечающийся во втором лунном месяце. В этот день в домах и храмах рассыпают с магической целью бобы, восклицая: «Черти — вон, счастье — в дом!»
- № 160. ¹ Имя Тонокиё напоминает слово «тануки» — барсук. Поэтому парня принимают за барсука-оборотня.
- № 161. Сказка записана в преф. Иватэ. Оттуда до г. Осака далекий путь через горы. В данном тексте водяная дева выступает в роли дарительницы. Но в некоторых вариантах легенды «нуси» — хозяин озера посылает путника с письмом к другому озеру на съедение своему брату. Встречный монах по дороге подменяет письмо с наказом выдать богатый подарок. Братья-оборотни ссорятся.
- № 162. ¹ См. примеч. 1 к № 7.
² Праздник Гион (Гион-мацури) — одно из главных празднеств г. Киото; справляется в седьмом месяце. Отмечается с 869 г.,

СЛОВАРЬ

Амида, или Амида-нёрай (санскр. Амиабха),— наиболее чтимое божество в некоторых буддийских сектах, владыка Западного рая, отверзающий верующим врата спасения.

Амма— бродячий слепец-массажист.

Бандзай— возглас, соответствует русскому «Ура! Да здравствует!».

Бу— мера длины=3,03 мм.

Дайдзин— высокая должность в старой Японии, министр.

Дайкан— правительственный чиновник в феодальной Японии, наблюдавший за порядком и сбором податей в сельской местности.

Дзукин— шапочка из ткани, по форме напоминающая мешочек.

Дзюбако— набор деревянных лакированных ящичков под одной крышкой. В ящички укладывается разная снедь.

Дон, доно— суффикс вежливости, присоединяемый к именам мужчин незнатного происхождения.

Исэ (преф. Миэ)— местность в старом культурном центре Японии, где находятся древнейшие синтоистские храмы; главный из них посвящен богине солнца Аматаэрасу.

Каммэ (кан)— мера веса=3,75 кг.

Каса— широкая плетеная шляпа.

Коку— мера емкости для зерна=180 л.

Кото— древний японский щипковый тринадцатиструнный музыкальный инструмент.

Косодэ— старинное шелковое одеяние с узкими рукавами.

Котацу— жаровня, около которой можно греть ноги. Над горшком или ящиком с углями устанавливается деревянная решетка, прикрывающаяся одеялом.

Кэрай— вассал князя в феодальной Японии, воин в его дружине, слуга.

Кэн— мера длины=1,81 м.

Кэса (санскр. касая)— предмет облачения буддийского священнослужителя. Перевязь из материи, закрывающая правое плечо и пропущенная под левую руку.

Мацури— праздник в честь божества какого-нибудь храма, буддийского или синтоистского, сопровождающийся торжественным шествием,

выездом священных колесниц, представлениями народного театра возле храма и т. д.

Микэ (микэнэко)—трехцветная (пестрая) кошка.

Мискант (сусуки)—высокие осенние травы с метелкой на конце.

Мисо—паста из перебродивших соевых бобов или рисовой каши. Сохраняется долго, служит для приправы или для консервирования овощей и рыбы.

Моммэ—мера веса=3,75 г.

Мон—старинная денежная единица небольшой ценности, грош.

Моти—рисовые лепешки. Род праздничного лакомства. Согласно поверью, моти приносят счастье.

Нигиримэси—колобок из рисового теста, начиненный солеными сливами, пряностями или рыбой, присыпанный кунжутным семенем или завернутый в листья сухих водорослей.

Ойран—продажная женщина. Слово это обозначало ее социальный статус и не воспринималось как оскорбительное.

Рё—старинная японская монета, золотая и серебряная. В фольклоре наиболее распространенное обозначение денег.

Ри—мера длины=3,93 км

Сакэ—рисовая водка.

Сама—суффикс почтительности, присоединяемый к именам божеств или особо уважаемых людей.

Сан (са)—суффикс вежливости, присоединяемый к именам.

Сё—мера вместимости=1,8 л.

Сёдзи—скользящие рамы с деревянными решетками, оклеенные бумагой, пропускающей свет. Служат вместо окон и стенных перегородок.

Сумо—традиционная японская борьба. Тучные борцы-тяжеловесы в набедренных повязках стараются столкнуть противника с площадки или опрокинуть его так, чтобы он коснулся земли любой частью тела.

Сун—мера длины=3,03 см.

Сутра—жанр буддийского канонического произведения.

Сэн—мелкая монета, одна сотая иены.

Сэнсэй—вежливое обращение к врачу, учителю, ученому человеку и к старшему по возрасту.

Сяку—мера длины=30,3 см.

Сямисэн (самисэн)—трехструнный музыкальный инструмент типа банджо. Играют на нем при помощи плектра (бати) из слоновой кости.

Таби—белые носки из плотной ткани с перехватом между большим и вторым пальцами для сандалий.

Тан—единица для измерения тканей=3,79 м; мера земельной площади, около 0,1 га.

Танка («короткая песня»)—пястишие, метрическая формула 5—7—5—7—7 слогов. С древних времен главная форма японской лирики.

Татары—согласно народным верованиям, кара, посланная богами за какой-нибудь проступок или нарушение табу.

Тё—мера длины=109 м.

Тёбу—мера земельной площади=0,992 га.

Тёро (он-тёро)—старейшина, старший, старейший работник.

То—мера емкости=18 л.

Тофу—род сыра из вареных бобов.

Умани—рис или птичье мясо, сваренные с лотосовым корнем, ростками бамбука, бататом. Сдабривается соевым соусом и другими приправами.

Фунадама—дух-покровитель корабля.

Футон—толстое ватное одеяло, матрас. Стелется на циновках, на день убирается в стенной шкаф.

Хаси—палочки для еды.

Харакири—см. примеч. к № 56.

Химэ—суффикс почтительности, добавляемый к имени знатной девушки.

Хиро—мера длины=18,2 м.

Хокку (хайку)—лирическое трехстишие (метрическая формула 5—7—5 слогов).

Эдо—древнее название г. Токио. Использовалось с 1603 по 1868 г.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Н. Маркова, А. Р. Садокова
Предисловие 5

Японские на- родные сказки

1. Урасима-Таро 33
2. Два брата 36
3. Юривака-дайдзин 37
4. Странствия молодого Юривака 40
5. Угусу-химэ 43
6. Небесная дева 44
7. Дед Кобутори 48
8. Иссумбоси 51
9. Воробей Резанный Язычок 52
10. Гора Катикати 55
11. Момотаро 59
12. Воробой Перебитая Спинка 62
13. Пепел, лети, лети! 63
14. Отчего крабы пугливы 68
15. Счастливый чайник 70
16. Мьшинный рай 73
17. Золотая цепь небесного бога 76
18. Колпак «Чуткие Уши» 78
19. Жена-лисица 82
20. Журавлиные перья 87
21. Гора Обасутэ 89
22. Вака-химэ из дворца дракона 91
23. Чудесный кувшинчик 94
24. Ури-химэ и Аманодзяку 98
25. Горные груши 100
26. Земляника под снегом 102
27. Безрукая девушка 105
28. О-Цуки и о-Хоси 109
29. Комэбукуро и Авабукуро 112

30. Сестра—белая лебедушка 114
31. Старушечья кожа 119
32. Зять-флейтист 121
33. Атяя-химэ 125
34. Лягушачья шапка 128
35. Пепельник 131
36. Черт и три мальчика 138
37. Материнское око 140
38. Три брата 142
39. Волшебная колотушка 146
40. Дух горы и мальчик 149
41. Живая игла, мертвая игла и летучая колесница 152
42. Огневой Таро 155
43. Бобовое дерево 159
44. Неведомая красавица 160
45. Портрет красавицы 163
46. Соловьиное селение 165
47. Собака, кошка и кольцо 166
48. Зять-обезьяна 168
49. Магобэй—Чуткий Нос 170
50. Сынок-улитка 174
51. Счастливая соломинка 179
52. Мальчик, который рисовал кошек 182
53. Черное полотенце 183
54. Что сказало дерево мидзуки 186
55. Три сокровища 187
56. Сестра-оборотень 190
57. Что кому суждено 192
58. Отчего в море вода солона 196
59. Заколдованный конь 198
60. Кувшинный человечек 200
61. Сморгун-божок 201
62. Откуда пошли золотые жуки 202
63. Деревянный будда и золотой будда 205
64. Счастливые несчастья 207
65. Удивительные путешествия ротозея Тораяна 209
66. Путешествие по небу 212
67. Жрец, врач и канатный плясун в аду 213
68. Страшный зверь кап-кап 215
69. Треугольный сон 217
70. Кто на свете самый могучий? 219
71. Золотой топор 220
72. Отчего у обезьяны короткий хвост? 222
73. Как воробей врага сразил 222
74. Где свету конец 225
75. Ворона и полевая улитка 226
76. Боб, соломинка и уголек 227
77. Блошинный глаз 228

78. Жалобы крапивника 229
79. Как сороконожку за врачом посылали 230
80. Лягушка из Киото и лягушка из Осака 230
81. Отчего летучие мыши прячутся днем 232
82. Почему у осьминога нет костей 233
83. Сова-красильщица 234
84. Солнце и жаворонок 235
85. Сыновняя почтительность голубя 236
86. Тигр и улитка 237
87. Хоо, дай бобов! 237
88. Коршун, воробей, голубь и ворон 239
89. Редька, лопух и морковь 240
90. Упрямая жаба 240
91. Соперница в зеркале 241
92. Кузнец и богатый помещик 242
93. Самый ловкий враль 243
94. Рассеянный 246
95. Отгадай, где мой дом 248
96. Дорогие советы 251
97. Безмолвный диспут 253
98. Лошадник Ясохати 254
99. Пятеро по имени Кэнроку 261
100. Выбор зятя 262
101. Выбор невесты 263
102. Зонтычай и кистикости 265
103. Колесо кармы крутится 266
104. Рано загадывать, посмотрим! 266
105. Лекарство от мотовства 268
106. Старик, который любил загадки 269
107. Настоятель и служка 270
108. Длинное-длинное имя 273
109. Длинная-длинная сказка 274
110. Золотой слиток и точильный камень 275
111. Проказы Хикоити 276
112. Смена головы 283
113. Утиная похлебка 284
114. Посещение больного 285
115. Пожарная тревога 285
116. Птица широкорот 286
117. Охотник и его жена 286
118. Горшок белых хризантем 287
119. Умная жена 288
120. Стойкий самурай 289
121. Одеяло за ухом 289
122. Мышиная сутра 290
123. Кто на поле пахарь 291
124. Кто дольше промолчит 291
125. Как сладкие лепешки в лягушек обратились 292

126. Как молодо выглядит! 292
127. Как жена из дому уходила 293
128. И так, и этак 294
129. Занятный рассказ 294
130. Дурман 295
131. До чего люди бывают жадны! 296
132. Важный спор 296
133. Верх бережливости 297
134. Голуби услышат 298
135. Два лентя 298
136. Флейтист Канэкиги 299
137. Разбойник — любитель поэзии 305
138. Предсмертное стихотворение Красного Осьминога 306
139. Последняя песня 307
140. Певец с оторванными ушами 308
141. Шепчущий мост 311
142. Пять танов земли 312
143. Раскаленный колокол 314
144. Корабль-призрак 315
145. Благодарность оленя 316
146. Последнее щупальце осьминога 318
147. Полотно, выбеленное на лунном свету 319
148. Танцующий скелет 320
149. Чудо материнской любви 322
150. Тысячу рё за одно поглядение 323
151. Луна на ветке 325
152. Одураченный барсук 327
153. Барсук — любитель стихов 328
154. Барсуки-музыканты 329
155. Лиса — мастерица брить головы 331
156. Лис — весовая гиря 333
157. Песня кошки 336
158. Дворец королевы кошек 337
159. Женщина-паук 339
160. Что на свете всего ненавистней 340
161. Подарок девы озера 341
162. Тэнгу и мальчик-служка 344
163. Ноппэрапон 346
164. Каменный Дзидзо со шляпой на голове 348
165. Замок Повелителя муравьев 350
166. Как впервые выпал снег 351
167. Жена, которая ничего не ест 352
168. Жена-Ледяница и Снежная жена 354
169. Жалобы уточки 355
170. Бог бедности 356
171. Если б не крикнул фазан 358
172. Волосок на волчьей брови 358
173. Чудесные очки 359

- 174. Старуха-ниточница 360
- 175. Обиженные куклы 361
- 176. Богач Стрекоза 363
- 177. Ваятель и ящерица 363
- 178. Морской рак и ворон 364
- Примечания 366
- Словарь 386

Я70 Японские народные сказки. Составление и перевод с японского В. Н. Марковой. Предисл. и примеч. В. Н. Марковой и А. Р. Садовой.— М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.— 394 с.
ISBN 5-02-016794-0

Широкая публикация повествовательного фольклора Японии. Сопровождается предисловием и примечаниями.

Я 4703000000-001 Без объявления
013(02)-91

ББК 82.33(52)

Литературно-художественное издание

ЯПОНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Редактор И. Л. Елевич
Младший редактор Н. Е. Серегина
Художник С. С. Верховский
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор Л. Е. Синенко
Корректоры В. М. Кочеткова, Л. Ф. Орлова

ИБ № 15817

Сдано в набор 08.09.89.
Подписано к печати 04.10.90.
Формат 84x108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура
таймс. Печать офсетная. Усл. п. л. 21. Усл. кр. отт. 21,42.
Уч.-изд. л. 25,66. Тираж 100 000 экз. Изд. № 5687. Зак. № 993.
Цена 12 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21.

4-я типография издательства «Наука»
630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.